

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Ж. Ж. Варбот

Память славян в словах

Этимологические этюды

Москва
2023

УДК 811.161.1
ББК 81.2
В18

Рецензенты

доктор филолог. наук *А. Ф. Журавлев*
доктор филолог. наук, чл.-корр. РАН *С. А. Мызников*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН*

Ж. Ж. Варбот
В18 **Память славян в словах. Этимологические этюды**
М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
2023. — 360 с.

ISBN 978-5-7164-1290-3

Сборник содержит исследования по славянской этимологии. Некоторые статьи посвящены методическим аспектам этимологии, но преобладает конкретная этимологизация. Особое внимание обращено на диалектную лексику.

ISBN 978-5-7164-1290-3

© Варбот Ж. Ж., 2023
© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2023

...На основании разных принципов разбиения действительности с помощью языка в связи с принципами названия можно реконструировать внутренний мир человека далеких эпох. ...Этимология слова не меньше характеризует человека, чем предмет, названный этим словом.

В. Н. Топоров

Оглавление

<i>Предисловие</i>	9
<i>Этимология</i>	11
<i>Народная этимология</i>	20

Часть I. Семантика в этимологии

Этимология и редкие значения	27
О смысле славянского молчания.....	33
О происхождении и семантике праславянского глагола <i>*rekti</i> и его производного <i>*otъrokъ</i>	37
Производные от глагола <i>*velkti</i> в терминологии славянского погребального обряда	40
Русское диалектное <i>жаровый</i> 'высокий, стройный' (к проблеме смешения этимологических гнезд)	44
Об особенностях развития значений слов <i>ноздря</i> и <i>ухо</i> в русских говорах	50
Еще о «съевшем собаку» и зге (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав).....	54
О семантике славянских существительных с префиксом <i>*na-</i> (к проблеме влияния отглагольного именного словообразования на отыменное).....	56
Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по русской этимологии.....	60

Часть II. Некоторые аспекты структурной реконструкции праславянской лексики

Значение определения производящих основ лексем славянских языков для суждения о диалектном состоянии праславянского языка	69
Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда	80
Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского лексического фонда.....	88
Вариантность диалектной лексики и этимология	94

Часть III. Реконструкция и этимологизация праславянской лексики

К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением 'пахать, копать' на базе русских диалектизмов	101
О возможных дополнениях и коррективах к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям на базе русской диалектной лексики	105
Об этимологии и семантической истории праславянского * <i>kras-</i>	109
Об этимологии праславянского * <i>kastь</i>	113
О диалектных дополнениях к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям (к этимологии праславянского * <i>strǫkь</i>).....	116
Об этимологии славянских <i>ozd/ozda, ozditi</i>	120
К этимологии праславянского * <i>rana</i>	124
Русские диалектные дополнения к реконструкции чередования гласных в некоторых праславянских глагольных корнях	128
Русское диалектное <i>смонуть</i> (к праславянскому * <i>męti</i>).....	132
О возможных составляющих славянского этимологического гнезда * <i>verb-/vьrb-</i>	134
К вопросу о происхождении праславянского * <i>rǫka</i>	137
Русское диалектное <i>стювать</i> и праславянское * <i>ščьvati?</i>	140

К этимологии славянских *šatriti / *šatрати / *šetriti.....	143
К семантике и генетическим связям праславянского *tem- / *tom- (на материале восточнославянской диалектной лексики)	148
Словообразовательные и семантические комментарии к реконструкции и этимологии некоторых праславянских лексем	151
О возможности реконструкции праславянского *prędъkъ(jь) (возвращаясь к Миклошичу).....	157
Уже не гапаксы.....	159
Об одном балто-славянском лексическом соответствии	162
Об одном славяно-иранском лексическом соответствии	164
Об этимологии русского диалектного <i>отроколь</i> (к проблеме роли диалектных материалов славянских языков в реконструкции праславянского лексического фонда и праславянских диалектизмов).....	167
О возможности реконструировать праславянское глагольное гнездо *rezg- / *rozg-	171
Славянские диалектизмы как отражение праславянских диалектизмов индоевропейского происхождения	174
Славянские дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям (в.-луж. <i>čowpac</i> , кашуб. <i>zėdřec sq, zęjac</i> , чеш. <i>pachoiť sa</i> и словац. <i>pachoric še</i> , русск. <i>хотцы</i>)	177
Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. VI–IX.....	182
VI. Сев. <i>прон(о)тáться</i> (к праслав. *pъtati); урал. <i>потросить</i> (к праслав. *motrošiti / *motrositi); прикам. <i>волóвьий</i> (к праслав. *vъlovъjъ); арханг. <i>кой</i> (к праслав. *kujъ); селигер. <i>заблякнуть</i> (к праслав. *blōkati); сев., прикам. <i>вытворáживать</i> (к праслав. *tvorogъ / *tvarogъ); прикам. <i>выстрелить</i> (к праслав. *strēla); прикам. <i>вычерхать</i> (к праслав. *čъrxati и *čъrstvъjъ)	182
VII. Пск. <i>остегновáться</i> (к праслав. *stogna); перм. <i>прорышелиться</i> (к праслав. *rychlъjъ); псков. <i>óскорка</i> (к праслав. *jъskra).....	189

VIII. Псков. <i>омлѣн</i> 'род сдобного пирога' (к праслав. * <i>mlinь</i> и * <i>melti</i>); псков. <i>оскарѣбиться</i> 'засохнуть' (к праслав. * <i>korębati</i> и далее к *(<i>s</i>) <i>ker-</i>); юж.-прикам. <i>корть</i> 'моль' (к праслав. * <i>kъrtęti</i>); псков. <i>остерѣть</i> 'обгрызть' (к праслав. * <i>terti</i>); арханг. <i>волѡк</i> 'облако' (к праслав. * <i>velkti</i> и * <i>obvolko</i> / * <i>obvolkъ</i> / * <i>obvolka</i>) 191	
IX. Диал. смол. - <i>столѣть</i> (к праслав. * <i>stęlati</i> и * <i>stolъ</i>); диал. <i>нѣзѣть</i> (к праслав. * <i>nъzti</i> / * <i>nъziti</i> / * <i>noziti</i>); диал. <i>тетѣра</i> и <i>утетѣрѣть</i> (к праслав. * <i>terti</i>); диал. <i>клакѣ</i> (к праслав. * <i>kъlakъ</i>); селигер. <i>картѣть</i> (к праслав. * <i>kъrtiti</i>); русск. диал. морд. <i>ускормолѣть</i> (к праслав. * <i>kъrtъ</i>); одесск. <i>указѣть</i> , урал. <i>приказѣть</i> (к праслав. * <i>kazati</i> , * <i>kazнь</i> и * <i>kaziti</i>); север. <i>укрѣтнѣть</i> , ворон. <i>укрѣчивѣть</i> (к праслав. * <i>krętati</i> , * <i>krętъjъ</i>) 196	
Диалектные дополнения к некоторым праславянским этимологиям 202	

Часть IV. Этимологизация славянской лексики

Снова о славянском * <i>naprasъnъ(jъ)</i> 207	
Некоторые производные от праславянского * <i>lubъ</i> в славянских языках 212	
Об этимологии словенского <i>strńiti (se)</i> 216	
Заметки по сербскохорватской этимологии 218	
Белорусское <i>збрѣзь</i> в составе восточнославянской лексико-семантической группы со значением наполненности 221	
К этимологии некоторых болгарских слов (по поводу статей седьмого тома «Болгарского этимологического словаря») 225	
Заметки по болгарской этимологии (к статьям «Болгарского этимологического словаря») 231	
О болгарском <i>ждрелѡ / жрелѡ</i> и его возможных производных (к проблеме нерегулярного словообразования) 235	
К этимологии западнославянского <i>toparka / toporka</i> 238	
К этимологии старочешского <i>trpoċiti</i> 241	

Чешские этимологии	244
Некоторые русские дополнения и комментарии к статьям «Słownika etymologicznego kaszubszczyzny»	246
О двух случаях вероятного действия народной этимологии в славянской лексике (на материалах выпусков ОЛЯ «Домашнее хозяйство» и «Животный мир»)	250

Часть V. Этимологизация русской лексики

О происхождении глагола <i>калякать</i>	255
Русские этимологии на словацко-чешском фоне	258
Проблема русских названий козыря и козырька	262
Об одном «темном» звене среди производных от русского <i>звено</i>	267
Словообразовательно-этимологические комментарии к словарю «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь». Вып. 1–5	271
Словообразовательно-этимологические заметки к материалам «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г. В. Зотова	276
О некоторых случаях нерегулярных образований и преобразований в диалектной лексике	279
О происхождении русского <i>сиволатый</i>	283
К этимологии одной группы севернорусских диалектизмов (по следам В. Даля)	286
Русские <i>сбагрить</i> и <i>багор</i> в славянском окружении	290
Возможный источник слова <i>кандибобер</i>	295

Приложения

Библиографические сокращения	301
Список научных трудов Жанны Жановны Варбот	322
Принятые сокращения	352
Указатель слов	355

Предисловие

Настоящий сборник объединяет статьи, написанные и по большей части опубликованные после выхода в свет авторского сборника «Исследования по русской и славянской этимологии» (М; СПб.: Нестор-История, 2012). В некоторые статьи внесены дополнения и изменения, аргументирующие или уточняющие этимологические толкования, предложенные в статьях, но не коснувшиеся сути этих толкований. Сняты завершающие все статьи расшифровки использованной литературы; расшифровка всех сокращений литературы дана в прилагаемом к корпусу статей списке сокращений.

Знакомство с содержанием сборника обнаруживает преобладание в качестве объекта исследования диалектной лексики славянских языков. В принципе это соответствует состоянию современной славянской этимологии и возможностям, предоставляемым этимологам славянской диалектной лексикографией, а также авторскому убеждению в перспективности этимологизации диалектной лексики (включая сюда и пересмотр устоявшихся этимологических толкований). Это убеждение отражено в преамбулах ко многим из предлагаемых статей, но убрать образовавшиеся повторы не представляется разумным, поскольку возможно ознакомление с отдельными статьями сборника.

Отмеченное преобладание диалектной лексики как объекта анализа и повода и основания для реконструкции истории слов в пределах исторического существования одного языка и для реконструкции лексем праславянского языка делает весьма условным распределение статей по нескольким разделам. Это распределение

ориентировано на преобладающие аспекты анализа и полученные результаты.

Название сборника подразумевает содержание мотивационных моделей (= принципов называния), которые лежат в основе славянских лексем и отражают славянское восприятие предметов и явлений окружающего мира, их свойств и связей, равно как и понимание характерных черт человека, его поведения, что и вскрывается этимологическим анализом.

ЭТИМОЛОГИЯ*

Этимология (греч. ἐτυμολογία — установление истинного смысла слова, от грамматического термина *étymon* — истинное значение слова и *lógos* — определение, учение) — 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов; 2) происхождение слова; 3) комплекс исследовательских приёмов, необходимых для выяснения происхождения слова, и результат этого выяснения — решение, гипотеза.

Предметом этимологии как раздела языкознания является исследование источников и процесса формирования словарного состава, включая реконструкцию словарного состава древнейшего (обычно дописьменного) периода. Непосредственный объект этимологии — главным образом так называемые «тёмные» слова, в которых носителям языка непонятны связь формы слова и его значения («почему это так называется»).

Затемнение связи формы и значения слова (деэтимологизация) — следствие их исторических изменений, а также изменений лексической и грамматической систем языка. Так, деэтимологизация слова *повесть* и утрата осознания его производности от глагола *поведать* объясняются в основном изменением $d > c$ перед суффиксом *-т-*. Причиной забвения родственных связей может быть смена словообразовательных моделей языка, так что древние слова, образованные по утраченным моделям, становятся позднее

* Первая публикация: *Этимология // Русский язык. Энциклопедия.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 872–875.

непонятными по структуре: ср. *знамя* — производное с архаическим суффиксом *-мен-/-мя* от *знать*. Иногда причина — в морфологических преобразованиях слова, искажающих структуру морфем; так, *наст* и *застить* образованы соответственно от *настать* и *застать* с усечением корня (*ст-* вместо *ста-*). Причиной деэтимологизации бывает утрата слова, от которого образовано анализируемое слово; например, *вежливый* — производное от др.-русск. *въжа, въжь* 'знающий'. Подобные изменения — неизбежное следствие функционирования языка как средства общения и даже необходимы для того, чтобы язык мог в течение веков выполнять эту функцию. Например, возможность переноса названия с одного предмета на другой (изменение значения слова) избавляет язык от необходимости создания массы новых слов в связи с развитием материальной и духовной культуры народа — носителя языка. Сравните историю значения слова *спутник*: сначала — 'тот, кто совершает путь вместе с кем-л.', затем — 'небесное тело, обращающееся вокруг планеты' и, наконец, 'космический корабль, запускаемый на околопланетную орбиту'. Важнейшая причина деэтимологизации — знаковая природа слова: как правило, уже при возникновении слова его значение отличается от первичной мотивации-признака предмета, определяющего образование названия данного предмета от другого слова, значение слова многостороннее, шире мотивации, так что новое слово становится условным знаком предмета. Так, первичной мотивацией для образования слова *окно* от *око* послужило сходство по функции с оком, глазом, но уже первичным значением было 'отверстие'. Память о первичной мотивации слов делает язык образным, ярким, оживление этой мотивации — одно из важных средств поэтической речи; ср.: «И лучшая вам честь, / Ушедшие, — презреть раскол: / *Совсем* ушёл. *Со всем* — ушёл» (М. И. Цветаева). Но развитие значений неизбежно оттесняет и даже стирает первичную мотивацию, что также является условием длительного функционирования слов, поскольку развитие значения может вступить в противоречие с первичной мотивацией; см. сочетания *совсем* ничего нет, *ужасно* талантливы. Признание неизбежности и необходимости деэтимологизации слов на протяжении истории языка и соответственно исторической обусловленности и исторического соответствия каждого этапа в истории слова — одно из принци-

пиальных отличий современной научной этимологии от античной этимологии, которая считала искомое первичное значение слова (точнее даже первичную мотивацию) единственно истинным, что отражено и в греческом названии этого раздела языкознания.

Выяснение происхождения слова понимается в современной этимологии как определение того, в каком языке, на каком историческом этапе, на базе какой первичной мотивации и, соответственно, от какого слова, по какой словообразовательной модели и с каким первичным значением образовано слово, а также как выяснение путей и причин последующего преобразования его первичных формы и значения вплоть до последнего состояния.

Реконструкция первичных мотивации, формы и значения слова — предмет этимологического анализа. Сущность процедуры этимологического анализа заключается в генетическом отождествлении корня/основы рассматриваемого слова с корнем/основой другого слова как исходной, производящей основой, а также в отождествлении других структурных элементов слова (приставки, суффикса и т. д.) с исторически известными структурными элементами, в реконструкции соответствующей первичной формы слова с первичной мотивацией и первичным значением. Непременный этап этимологического анализа — снятие исторических изменений, пережитых словом. Основу этимологической методики составляет сравнительно-исторический метод исследования различных единиц языка, который опирается на законы фонетических изменений, а также на закономерности и тенденции изменения единиц морфологического, морфологического, словообразовательного, синтаксического и лексического уровней языка, являющиеся предметом изучения сравнительно-исторического языкознания. Неотъемлемая составляющая этого метода — сравнение анализируемого слова с потенциально родственными лексемами того же языка или родственных языков. В зависимости от характера исторических изменений, пережитых словом, и от его соотношения с потенциально родственными словами в отдельных случаях этимологического анализа ключевым, решающим оказывается анализ различных структурных элементов или значения слова. Так, для установления производности *узы* от *вязать* (на праславянском уровне) достаточно знания фонетических законов (чередование *e/o*, монофтонгизация дифтонгов *en >* русск. 'а, *on >* русск. у, появление добавочного,

протетического *в*). Но единство слова как лексической единицы проявляется, в частности, и во взаимозависимости структурных и семантических изменений. Поэтому этимологический анализ, как правило, не ограничивается одним аспектом слова. Так, для установления родства слов *начало* и *конец* и их общей производности от *(на)чать* необходимо знание не только фонетических законов (чередование *e/o*, изменение *к > ч* перед *e*, монофтонгизация дифтонга *ep >* русск. *'а* в корне *ча-/кон-*), но и диалектической связи понятий начала и конца (как двух ограничивающих пунктов), что подтверждается материалом родственного сербскохорватского языка: *од кона до кона* 'с начала до конца'.

При всей бесспорности связи этимологического анализа формы и значения слова, широко распространённое мнение об особой трудности семантического анализа в этимологии (объяснения связи и развития значений, реконструкции первичной мотивации и первичного значения) имеет объективные основания: семантические изменения необычайно разнообразны по качеству и диапазону, а в семантике нет законов, определяющих обязательные (для определённых условий) изменения значений, так что этимология опирается только на вероятность семантических изменений с опорой на доступные знания о природе / функциях / характеристиках обозначаемых предметов, явлений, действий и сведения о времени фиксации слова и языковой принадлежности. Но и в анализе семантического аспекта слова этимология имеет некоторый набор методов, исходящих из принципа аналогии: метод семантических параллелей, метод семантического поля (и производные от него принципы номинации), метод сопоставления с семантическим содержанием этимологического гнезда.

Метод семантических параллелей заключается в том, что в качестве доказательства предполагаемого изменения значения (или возможности сочетания значений) используются случаи аналогичного развития (или сочетания) значений. Так, производность слова *мелкий* от *молоть* в семантическом плане аргументируется образованием слова *дробный* от *дробить*. Метод семантического поля предполагает рассмотрение генезиса слова и истории значения слова на фоне синонимичных или семантически близких образований (поле 'множество', поле 'быстрота', названия рельефа, терминология определённого ремесла и т. п.), на материале которых

выявляются типичные для этого поля принципы номинации (первичной мотивации) и, соответственно, определяется вероятная первичная мотивация исследуемого слова. Так, известная мотивация названий рельефа названиями частей тела человека или животного (ср. *нос, хребет, перешеек*) позволяет генетически отождествить *степь* 'безлесное, покрытое травой пространство' с диал. *степь* 'холка лошади', так что *степь* по мотивации — 'возвышение', откуда далее — '(возвышенная) травянистая равнина'. Опора семантической реконструкции на содержание предполагаемого в качестве источника слова этимологического гнезда обусловлена наблюдающимся в гнездах образованием на основе исходной семантики (мотивации) производных со сходными значениями на разных хронологических уровнях и даже в разных языках: например, принадлежность слова *рыхлый* к гнезду *рушить* обосновывается в плане семантики наличием в этом гнезде синонимичных с *рыхлый* диал. *рухлый* и *рохлый* и словен. *rahel*.

Семантические изменения и типы мотивации лишь в некоторой части объясняются общими закономерностями человеческого мышления (откуда семантические параллели в области изменений типа 'близко' → 'скоро'; 'тяжесть' → 'печаль') или общим опытом материального производства, общественной жизни, общения людей ('острый' → 'быстрый'; 'сильный' → 'быстрый' → 'нахальный'; 'материал' → 'предмет, изготовленный из этого материала'). Большая часть изменений значений обусловлена природной и общественной средой, историей культуры, которые во многом различны у разных народов. Поэтому при использовании методов семантических параллелей и семантического поля этимология опирается прежде всего на данные того же языка или близкородственных языков (для русского языка — славянских языков). Наибольшая языковая близость сопоставляемых материалов обеспечивается методом сравнения семантики анализируемого слова с семантическим содержанием (значениями всех родственных лексем) этимологического гнезда, которое предполагается в качестве источника этого слова.

Толкование семантических изменений, при всех возможностях указанных методов, должно базироваться на совокупности знаний обо всём окружающем носителей языка мире, об истории общества и материальной культуры, поскольку отдельные события их истории

могли обусловить (и, соответственно, объяснить исследователю) неординарные изменения значений слов. Так, для толкования этимологии слова *двигать* с первичным значением 'поднимать' как производного (в конечном счёте) от *два*, ключевым моментом оказалось обращение к древнейшей технике подъёма тяжестей с помощью рычага, которым могла служить ветка, палка с раздвоенным концом (ср. нем. *zwei* 'два' и *Zweig* 'ветвь', словац. *socha* 'развилка' и *sošit'* 'поднимать'). Для объяснения происхождения слова *орава*, при современном значении 'беспорядочное и шумное скопление людей', существенны сведения о характерном для старого крестьянского быта обычае коллективной помощи при наиболее трудоёмких работах и родственное кашубское слово *orava* 'взаимная соседская помощь при пахоте', так что это слово возводится к старому *орать* 'пахать' (ср. диал. *орава* 'соха'). Органическая необходимость обращения к народной культуре определяет плодотворность взаимодействия этимологии с этнолингвистикой, изучающей связь народной культуры с языком.

Необходимый рабочий приём в этимологии — реконструкция, представляющая собой восстановление первичных форм и значений слов. Поскольку деэтимологизация может произойти на весьма раннем этапе функционирования слова, необходимость этимологии и, соответственно, реконструкции не зависит от возраста слова и объектом этимологии нередко оказываются относительно недавно возникшие слова типа *катюша* 'реактивное артиллерийское орудие' — это название появилось в годы Великой Отечественной войны как «расшифровка» заводской марки «К» на первых боевых машинах с этими орудиями, произведённых Воронежским заводом им. Коминтерна (вероятно, сыграла роль ассоциация «К» с популярной в то время песней «Катюша»). Однако между зафиксированным состоянием слова и реконструкцией его первичных формы и значения всегда есть временной интервал (варьирующийся от слова к слову), происшедшие за это время изменения «снимаются» теоретически, поэтому результаты этимологического анализа являются гипотетическими при самом строгом соблюдении всех методических требований. Прямое следствие этого — множественность этимологических толкований одного и того же слова, нередко одновременно признаваемых в этимологии. Например, слово *мурторный* может быть производным с архаической приставкой

му- от *торить* (ср. его диал. значение ‘мучить’ и родственное слово *приторный*), но достаточно вероятно и его образование от глагола *мутить*; слово *перила* толкуется как производное от глагола *переть* ‘давить’, но возможно и образование от *пёрить* ‘вставлять, втыкать (палки, спицы и под.)’ (далее от *перо*). Гипотетичность этимологических решений в значительной степени определяется индивидуальностью истории каждого слова. Поэтому практически неэффективны опыты формализации этимологического анализа (формулы ценны лишь как средство обобщения проведённых результативных исследований).

Важнейшее средство уменьшения гипотетичности, повышения надёжности этимологии — методическая опора этимологического анализа на системность лексики, определяющая ориентацию современной этимологии на анализ целых групп лексики, выделенных по различным принципам (этимологическое гнездо, семантическая группа, лексико-грамматическое поле), и расширение фона этимологизации одного слова до размеров морфосемантического поля, охватывающего все слова, которые могут быть по форме или по значению соотнесены с анализируемым словом и могут оказаться причиной его изменений (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, слова, производные от анализируемого, контекстуальное окружение).

Пользуясь комплексным методом исследования, этимология не только опирается на данные сравнительно-исторической грамматики, семантики, лексикологии, но и обогащает все отрасли исторического языкознания новыми материалами, как подтверждающими уже известные закономерности, так и обнаруживающими ещё не изученные явления в истории языка. Особенно велика роль этимологии в выявлении редких морфем, редких изменений единиц различных уровней языка.

Этимология тесно связана с диалектологией: лексический фонд диалектов сохраняет обширный фонд архаичных по форме или значениям слов, которые представляют собой исторически связующие звенья между литературной лексикой и её истоками. Так, при литературном значении слова *пэстовать* ‘нянчить, выхаживать, выращивать’ в диалектах представлены значения того же глагола — ‘нянчить ребёнка, держа его на руках, на коленях, подбрасывая его’ и ‘определять рукой вес груза, предмета’

(ср. также *пéстать* ‘определять вес, поднимая (кого-либо, что-либо)’), — которые позволяют восстановить первичное значение — ‘подбрасывать, двигать вверх-вниз’ и производность *пестовать* от *пест*, при первичной мотивации — ‘двигать подобно песту в ступе’. Диалектная лексика очень существенна для полноты изучения семантических полей русского языка и, соответственно, представляет собой важнейший источник наиболее надёжных для этимологии лексики литературного языка семантических параллелей и принципов номинации. Так, генетическое тождество *пахать* ‘разрыхлять землю’ и диалектного *пахать* ‘мести’ (при первичности диалектного значения) подтверждается генетическим тождеством лит. *мести* и диал. *взмёт метать* ‘пахать’, *мётка пашины* ‘пахота под яровое’.

Выясняя происхождение слов, возникших в дописьменный период существования языка, этимология обнаруживает принципы номинации и реконструирует лексический фонд этого периода, что очень существенно не только для исторической лексикологии, но и для изучения истории соответствующего общества, его материальной и духовной культуры. Так, родство слов *племя* и *плод* свидетельствует о кровном родстве как основе племенной организации древних славян; вероятность образования *суд* от *сяду* свидетельствует о форме древнего судопроизводства — заседании, в котором сидячее положение судей было символом власти (ср. *предстать перед судом*). Название древнейшего орудия для вспашки *соха* при первичном значении этого слова ‘кривой сук, ветка с развилкой’ (ср. *рассоха*, *сохатый* ‘лось’) позволяет реконструировать историю земледельческих орудий. Этимология выясняет представления предков о качествах предметов окружающего мира и о самом человеке. Образование слав. *лепый* ‘красивый’ от *лепить*, производственного термина гончаров, как и диалектного *коварный* ‘красивый’ от *коварь* ‘кузнец’, означает формирование древнейших представлений о красоте как совершенстве изделия какого-л. ремесла. Образование *горе* (от *гореть*), *печаль* (от *печь*, *пеку*) означает ассоциацию душевных страданий с физическими. Родство слав. глагола *реку*, существительного *речь* с др.-инд. *gasaṃyati* ‘устраивать’ свидетельствует о понимании социальной функции языка (см. *зарок*, *оброк*, *срок*). Так этимология становится средством реконструкции древней картины мира этноса, его мен-

тальной и духовной истории. Поэтому этимологию сопоставляют по целям, методам и результатам с археологией.

Специфический объект этимологии — заимствованные слова. Само определение их статуса как заимствований предполагает предварительное выяснение несоответствия их формальных и семантических характеристик закономерностям русского языка и лишь затем — выяснение по тем же характеристикам возможного источника заимствования. Например, слова *штука*, *штык*, *шкаф*, в силу наличия в них сочетаний звуков *шт*, *шк*, звука *ф*, не могут быть исконно русскими, и те же признаки характеризуют их как германизмы (хотя и пришедшие в русский язык через польское посредство). Этимологическое изучение заимствованных слов выявляет контакты носителей языка с другими народами, время и характер этих контактов; показательно обилие заимствованных в русский язык кораблестроительных и военных терминов из германских языков и названий одежды и кушаний из французского языка.

Носители языка не безразличны к употребляемым словам, и одним из проявлений этого является стремление говорящих (иногда даже инстинктивное) уяснить для себя связь того или иного слова с другими словами языка. Если исторические изменения затемнили эту связь — произошла деэтимологизация, то нередко слово подвергается преобразованиям, создающим ложные мотивационно-словообразовательные связи слова, которые называются народной этимологией. Реальность появления в речи слов, этимологическая прозрачность которых создана народной этимологией, делает понятие «тёмные слова» (как объект этимологии) относительным.

Очевидно, что внимания этимологии требует не только объяснение происхождения слов, осознаваемых как этимологически неясные, но и изучение генезиса всего лексического состава языка, независимо от степени его этимологической «прозрачности».

Этимология служит ключом к истории языка и этноса — его создателя и носителя.

Народная этимология*

Народная этимология, или ложная этимология, — толкование происхождения слова на основе ненаучного (не соответствующего действительной истории слова) понимания его мотивационно-словообразовательных связей с другими словами. В отечественном и зарубежном языкознании наиболее употребителен первый термин.

Основная причина народной этимологии — непонимание носителями языка в определённый период его истории исконной (этимологической) мотивационно-словообразовательной связи слова с другим, производящим словом — его «затемнение» (деэтимологизация) вследствие исторических изменений его формы и значения, а также стремление носителей языка к включению слова в ясные мотивационные отношения с каким-либо другим словом.

Действие народной этимологии обнаруживается по нескольким признакам.

Обязательный признак народной этимологии — новая мотивация. Иногда она является единственным ее признаком. Например, широко известно понимание происхождения слова *медведь* как сложения основ слов *мёд* и *ведать*, при историческом сложении основ *мёд-* и *ед-* ‘есть’ (при этом *в* — след древнего показателя **u* в основе слова *мёд* (**medu-*), ср. *медв-яный*). Слово *пекло* понимается говорящими как производное от *печь*, *пеку*, тогда как оно восходит к латинскому заимствованию *picula* ‘смола’. Этот тип народ-

* Первая публикация: *Народная этимология* // Русский язык. Энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 377–378.

ной этимологии трудно обнаружить, так как новая мотивация выявляется только при непосредственном обращении к толкованию слова говорящим или персонажем в произведении художественной литературы (в последнем случае народная этимология имеет избирательную функцию: ср. толкование *ужас* как производного от *уж* у И. А. Бунина и *счастье* — от *сейчас* у А. Г. Битова).

Новая мотивация может вызывать изменение структуры слова и изменение его значения. Эти изменения представляют собой необязательные признаки народной этимологии. Возможны различные сочетания этих дополнительных признаков с основным. Например, существительное *оплеуха* образовано от глагола *плюхать* 'бросать, шлёпать, ударять' и не изменило своего значения — 'пощёчина', но преобразовано в направлении сближения с существительным *ух* — то есть изменились мотивация и форма слова. Широкая мужская блуза с поясом получила название *толстовка* по фамилии писателя Л. Н. Толстого, носившего такую одежду, а в современной просторечии, по ассоциации с прилагательным *толстый*, словом *толстовка* обозначают мужскую рубашку любого фасона, но обязательно из плотной (толстой) ткани или трикотажа — то есть изменились мотивация и значение слова.

Особенно распространена народная этимология в просторечии: например, *спинжак* (вместо *пиджак*), *полуклиника* (вместо *поликлиника*), *тепломат* (фасон пальто; вместо *дипломат*), в диалектах: например, *резвие* (вместо *лезвие*), *обаюдный* 'разговорчивый' (производное от *оба*, но толкуемое по сближению с *баять* 'говорить, рассказывать'), и в употреблении заимствований: *солюдный* 'полный, толстый' (вместо *солидный* — мотивация по слову *люди*), *упия́т* 'снотворное' (вместо *опиат*).

Народной этимологии благоприятствует фонетическое подобие слов; сравните просторечное *удалять жажду* (вместо *утолять жажду*). Поэтому возможны случаи преобразования слова в направлении сближения с далёкими по значению, но более знакомыми словами и даже замещение этими словами; например, просторечное *полюс* (вместо *полис*), *рокфеллер* (вместо *ротвейлер*), *без декольтесов* (вместо *без деликатесов*). Чаще это происходит с заимствованиями. Однако в большинстве случаев преобразование формы этимологически «тёмного» для носителей языка слова имеет семантические основания; например, диалектное *набокренъ*

‘в лежачем положении, отдыхая’ (вместо *набекрень*) — новая мотивация по слову *бок*; диалектное *мошура* (вместо *мишура*) — новая мотивация по слову *мох*.

Случаи народной этимологии в исконных словах в диалектах при неочевидных основаниях не следует априори считать «парадоксальными»: их семантические основания могут корениться в малоизученных сферах традиционной народной культуры и соответствующего функционирования лексики. Например, диалектное преобразование слова *простокваша* в *пестрокваша* без изменения значения опирается на диалектное употребление прилагательного *пёстрый* как определения постных дней и периодов, когда разрешено употреблять в пищу квашеное молоко.

Формальное изменение слова при народной этимологии касается чаще корня слова, хотя при этом возможно нарушение исторического морфемного членения: например, диалектное *побывасенка* ‘поговорка, присловье’ (вместо *побасёнка*, *побасёнка*) с новой мотивацией по глаголу *побывать*. Преобразования/замены корней при народной этимологии следует учитывать исследователям истории лексики и семантики как возможные свидетельства архаизации, утраты одних корней и актуальности других, а также смены мотивационных моделей; например, диалектное *облоед* ‘не насытный, жадный человек’ (вместо *оглоед*), *костозы́кий* (вместо *косноязы́чный*), *сушея́* (вместо *чешуя́*). Возможны и случаи воздействия народной этимологии на служебные морфемы в направлении их преобразования в корневые: например, *глухомань* (вместо *глухмень*) с заменой древнего суффикса *-мен-* корневой морфемой *-ман-*; диалектное *почистохвостить* ‘поругать’ (вместо *чехвостить*) с заменой древней приставки *че-* корнем *чист-*. Преобразование заимствования с подстановкой «родного» суффикса — в диалектном *указе́я* (вместо *оказия*), с мотивацией по глаголу *указать*. Подобные случаи народной этимологии существенны для изучения истории словообразовательных морфем и моделей как свидетельство архаизации одних и актуализации других.

Народная этимология возможна даже при сохранении мотивационно-словообразовательной прозрачности слова: например, просторечное *скупи́дом* (вместо *скопидом*), диалектное *бороло́м* (вместо *бурелом*). Очевидно, в некоторых из подобных случаев проявляется стремление к усилению экспрессивности слова: например,

диалектные *дуролом* (вместо *бурелом*), *крутьяр* (вместо *крутояр*), *скудоумиться* 'сбиться с пути, потерять голову' (ср. *скудоумный*); в других случаях очевидна смена мотивационных предпочтений: например, диалектное *густарник* (вместо *кустарник*), *месёлка* 'лопаточка для мешания' (вместо *весёлка*, от *весло*)].

Мотивационные модели слов, подвергшихся народной этимологии, могут становиться образцом для создания новых слов: например, диалектное *кошелять* 'медлить' (от *кошель*) возникло, вероятно, по модели *мешкать*, понятого как производное от *мешок* (при этимологической производности *мешкать* от *мешать*). Подобные явления существенны для семантических исследований как проявление влияния языка на мышление.

Процессы деэтимологизации, обусловленные историческими изменениями в языке, происходят постоянно, поэтому в этимологических исследованиях необходимо считаться с вероятностью народной этимологии в различные периоды истории языка. Например, в древнерусском языке произошло преобразование *свьѣдѣтель*, образованного от *свьѣдѣти* 'узнать', в *свидѣтель* — без изменения значения, но с новой мотивацией по *видѣти*; *сѣмѣренни* 'скромный, не гордящийся, не возносящийся', производное от *сѣмѣрити*, преобразовано в истории древнерусского языка в *смирени* — с новой мотивацией по слову *миръ*, хотя и без изменения значения. {Отсутствие подобной фиксации различных этапов истории слова препятствует научному этимологическому анализу в обнаружении действия народной этимологии, так что возможно ошибочное толкование зафиксированной формы слова, возникшей в результате народной этимологии, как отражающей исконную структуру. Вариантность форм, являющаяся результатом действия народной этимологии, не всегда легко дифференцируется от словообразовательной вариантности слов. Например, спорно участие народной этимологии в возникновении структурной вариантности *скорупа* — *скорлупа* — *скоролупа* (все от *скура* 'кожа') в восточнославянских языках, поскольку возможно образование вариантов по различным словообразовательным моделям (чередование в корне **skor- / *skъr-*, суффикс *-upa* или корень **lup-*) уже в праславянском языке. С другой стороны, действие народной этимологии проявляется в осмыслении носителями языка

слов *скоролупа* и *скорлупа* как производных от *скорый*, то есть налицо изменение мотивации}*

Явления народной этимологии не следует смешивать с результатами фонетических изменений слова: например, просторечное и диалектное *пролубь* (вместо *прорубь*) объясняется диссимиляцией в последовательности звуков *p-p > p-l*.

Народная этимология — нередкое, исторически и социально обусловленное преобразование лексики и потому является объектом исследования научной этимологии.

Изучение народной этимологии началось вслед за формированием основ сравнительно-исторического языкознания. Первое специальное исследование — статья немецкого лингвиста Э. Фёрстеманна «О немецкой народной этимологии» (E. Förstemann. «Über deutsche Volksetymologie», 1852), который и ввел в лингвистику термин «народная этимология» (нем. *volksetymologie*). Французский лингвист А. Доза предложил называть то, что вкладывается в понятие народной этимологии, термином «паронимическая аттракция» (франц. *attraction paronymique*). Польский лингвист В. Ченьковский в 1969 году предложил для обозначения явлений народной этимологии термин «этимологическая реинтерпретация» (англ. *etymological reinterpretation*), см.: Cienkowski W. Teoria etymologii ludowej. Warszawa, 1972; Гридина Т. А., Ченьковский В. Теория народной этимологии // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург: УрГПУ, 2004, № 2. С. 223–249.

* В фигурных скобках — дополнение, сделанное в 2022 г.

Часть I

Семантика в этимологии

Этимология и редкие значения*

Семантическая и структурная реконструкции являются двумя опорами конструкции, составляющей сущность этимологической гипотезы. Надежность этой конструкции определяется согласованностью двух аспектов реконструкции. Семантическая реконструкция должна «снимать» поздние изменения значений, определять все семантические составляющие первичной семантики и на их базе — первичную мотивацию. Особенно затруднительна семантическая реконструкция при крайней ограниченности известных закономерностей изменения значений и непосредственной связи формирования и изменений значений слов с реалиями среды функционирования языка. Значительную весомость при семантиче-

* Первые публикации: 1. Предлагаемые в статье толкования происхождения **korotъ* и **dyrgъjъ* были ранее очень лаконично сформулированы в работе: Семантика диалектизмов и этимология // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 54–55. 2. Об этимологии праслав. **remъ*, *-ene* (К проблеме семантической реконструкции в этимологии) // Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868). Материалы XI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–25 ноября 2021 г. М.: МГУ, 2022. С. 22–24 (электронное издание сетевого распространения; дата обращения: 22.12.2022).

ской реконструкции приобретает частотность и территориальная распространенность определенных значений анализируемого слова, однако эти характеристики не являются решающими при определении степени древности = первичности значений. Необходимо считаться с многосторонностью большинства объектов номинации и различной значимостью отдельных свойств = характеристик предметов и явлений для носителей языка в разные периоды истории общества и языка, особенно отличия современных исследованию представлений от представлений древнего этноса, которые и определяли первичную мотивацию наименования [Топоров 1986: 209–211; Топоров 1997: 147–148]. Очевидность этих отличий обязывает к самому тщательному анализу семантики лексического материала, особенно диалектного, поскольку в деталях толкований значений и употреблений слов, в редких значениях могут скрываться существенные характеристики объектов номинации, а следовательно — и основания первичной номинации: см. реконструкцию семантики и.-е. **dreu-* ‘дерево’ на базе анализа употреблений греч. *δῶρυ* [Бенвенист 1974: 341–342].

Требование согласования структурной и семантической реконструкции по степени убедительности побуждает в случае уязвимости фонетической реконструкции к поискам альтернативного этимологического решения, и ориентиром могут послужить редкие значения сопоставляемых лексем. Ниже рассматриваются подобные ситуации и предлагается пересмотр этимологического истолкования трех праславянских лексем.

Праслав. **remy, -ene*

Возможность уточнения на базе славянских диалектизмов первичной семантики праслав. **remy, -ene* ‘ремень’ представляется основанием для предложения новой гипотезы о происхождении этой праславянской лексемы.

Обычно праслав. **remy, -ene* ‘ремень’ характеризуется как этимологически трудное слово [Фасмер III: 468], но преобладает версия о его происхождении из гнезда и.-е. **(a)re-/*(a)rə-* ‘соединять’, при родстве с праслав. **arъto* ‘ярмо’ [Borys: 532; Snoj 1997: 200–201; Rejzek: 554; Králik: 498–499]. Очевидно, что эта версия бази-

руется на толкованиях значений соответствующих славянских слов как обозначений разного рода связок, средств соединения, крепления (в форме продолговатых полос из различных материалов) и на современных представлениях об использовании предмета для связывания, скрепления как его важнейшей характеристике. Однако материалы славянских языков свидетельствуют о вторичности обозначений средств связывания из различных материалов при первичности кожаного ремня. См. противопоставления в русских поговорках: «Не тужи, у кого мочальные гужи, а тужи, у кого ременные» (этих не свяжешь); «Лычком не привяжешь, так и ремешком не возьмешь»; «Пожалеешь лычка, отдашь ремешок» [Даль² IV: 91]. Еще более существенно, что в польском языке *rzemień* известно как обозначение целой выделанной кожи крупного рогатого скота или коней, что объясняет вторичное значение 'мешок, сумка' [Warsz. V: 812], см. также словац. *remeň* 'длинный узкий пояс (обычно кожаный), служащий для стягивания, скрепления, соединения; выделанная кожа животных' [SSJ III: 723], русск. диал. якут. *ремень* 'кожа моржа' [СРНГ 35: 54]. Показательна синонимия названий ленточек кожи в восточславянских диалектах: широко распространенное блр. *каж́ан*, укр. *кожа́н*, *каж́ан*, русск. диал. редк. *кожа́н* [ОЛА 13], русск. (Карелия) *кожаная птичка* [СРНГ 14: 51] и русск. диал. чкалов. *ремённый мышь*, олон. *ременница* [СРНГ 35: 54]. Вероятная первичность обозначения кожи исключает мотивацию названия по соединению, связыванию. При обращении к принципам мотивации названий кожи в индоевропейских языках обнаруживается преобладание двух типов номинации: по покрытию и по сдиранию, срезанию [Buck: 200, 407], см. праслав. **skora* — производное от **sker-* 'драть'. Соответственно возможно предположение о родстве праслав. **remy-, -ene* с праслав. **or-iti* 'разрушать', лит. *irti* 'распадаться, распарываться' и происхождении из гнезда и.-е. **(e)r-e-/*(e)rǝ-* 'разделять, разрывать', к которому восходят др.-инд. *árma-*, *īrma* 'рана' [Pokorny I: 332–333].

Праслав. **kopъtь*

Праслав. **kopъtь* реконструируется на основе регулярных соответствий лексем западно- и восточнославянских языков: ст.-чеш. *kopet*, *-pte*, *-pta*, *-ptu*, словац. стар. *kopt*, н.-луж. *kopś*, польск. *kopець*,

русск. *кóпоть*, укр. *кóпит*, род. *копоту* и ст.-блр. *копот*, блр. *кóпаць* с тождественными (за исключением украинского, старорусского и русских диалектных слов) значениями 'копоть, сажа'. Эта семантика обосновывает общепринятое этимологическое толкование **корьть* как родственное с праслав. глаг. **kypěti*, **kvariti* и лит. *kvaras* 'дух, пар, дуновение' при общем происхождении от и.-е. **k̑er-*/**k̑or-* 'дымить, парить, варить' [Рокоту I: 597; Фасмер II: 319; ЭССЯ 11: 29–30], хотя и признается затруднительным объяснение исчезновения -v- в славянском имени [ЭССЯ 11: 30].

Учитывая отмеченную уязвимость существующей этимологии, можно, очевидно, обратиться к другому пути этимологического поиска, с опорой на редкие значения продолжений **корьть*: укр. *копт* 'пыль', ст.-русск. *копоть* 'пыль' [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 298] и русск. диал. (арханг., олон., волог., перм., вят., урал., сиб., том. и др.) *копоть* 'пыль' [СРНГ 14: 296]. Существенна семантика производных от *копоть* в русских диалектах. Вят. *скопотиться* 'возникнуть, начаться (о снежной буре)' [Сл. вятск. гов.: 114] является непосредственным отражением семантики пыли в соединении с семантикой движения. Движение человека (на коне, на транспорте), сопровождаемое пылью, представлено также в сев.-вост. *копотить* 'ехать быстро, поднимая пыль или снег' [Зотов: 226]. Карел., курган., иркут. *укопотить* 'уйти откуда-л.' [СРНГ 47: 79] обозначает движение без акцента на пыль. Арханг. *кóпоть* 'о быстром беге, быстрой езде, скачке' [СРНГ 14: 296] и, наконец, арханг., волог. *копотной* 'бойкий, ретивый, горячий (о лошади)' [СРНГ 14: 296] связывают слово *копоть* с семантикой движения лошади и беговых качеств лошади. Семантическая последовательность этих диалектизмов позволяет предполагать, что первичным означаемым **корьть* было 'бег лошади, сопровождаемый повреждением земляной поверхности дороги', откуда далее и 'разлетающаяся грязь, снег, пыль'. Соответственно производящим глаголом для **корьть* представляется **kopati*. Существенно, что от этого глагола образовано **kopyto*, которое дало производное русск. диал. *ископытть услышать* арханг. 'услышать конский топот', *ископытть* арханг., олон., сев.-двин., онеж. 'след от копыта лошади на дороге', арханг., олон., печор., сев.-двин. 'пыль, грязь, снег, вылетающие из-под копыт бегущей лошади' [СРНГ 12: 219].

Праслав. **dьrзь(jь)*

Праслав. **dьrзь(jь)* (ст. слав. *дрьзь / дръзь* 'дерзкий', серб.-хорв. *drz* 'дерзкий', ст.-чеш. *drzí, drzy* 'дерзкий, смелый', словац. *drzy* 'дерзкий, наглый', словин. *zírzi* 'дерзкий, смелый', русск. диал. *дёрзый* 'смелый, отважный, неустрашимый, наглый, непокорный, грубый') с родственными **dьrзати* (ст.-слав. *дрьзати, дръзати* 'не падать духом, дерзать', болг. *дързая* 'дерзать', серб.-хорв. *др̀зати* 'осмеливаться', ст.-чеш. *drzati* 'осмеливаться', др.-русск., русск.-цслав. *дързати, др̀зати, дьръзати* 'дерзать, осмеливаться', русск. *дерзать* 'сметь, осмеливаться, решаться, посягать; ободряться, мужать', диал. *дерзать* 'начинать что-л. делать') и **dьrзькъ(jь)* (болг. *дързък* 'дерзкий', макед. *дрзок* то же, серб.-хорв. *др̀зак* то же, словен. *dr̀zek* то же, чеш. *drzký* 'дерзкий, наглый', словац. диал. *derski* 'ловкий, проворный', польск. *dziarski* 'живой, бойкий', русск. *дёрзкий* 'грубый, непочтительный, неучтивый; смелый', диал. *дёрзкий* 'смелый, решительный, быстрый; инициативный, энергичный', блр. *дзёрзкі* 'дерзкий') сопоставляюся с греч. *θρασύς* 'дерзкий', лит. *drąsūs* 'смелый', др.-инд. *dhr̥ṣú-* 'смелый' и возводятся к и.-е. **dhr̥su-* 'быть смелым' [ЭССЯ 5: 227–229; Machek² 130; SP V: 58–61; Vorys: 138–139], однако все исследователи отмечают затруднительность изменения и.-е. *s* в слав. *z*.

На фоне фонетической «недостаточности» изложенного этимологического толкования представляются существенными некоторые отклонения в значениях славянских слов-соответствий от предполагаемой исходной семантики смелости: ср. укр. *дерзкий* 'упругий, жесткий', русск. диал. сев.-двин., костром. *дерзкой на руку* 'драчливый' [СРНГ 8: 23], новгор. *недерзкой* 'не поддающийся сдиранию' [Новг. сл. 6: 35], дон. *дерзать* 'терзать' [СРНГ 8: 23]. Одновременно эта семантика и структура основы **dьrз-* полностью соответствуют праслав. глаголу **dьrзати* 'драть, дергать', который реконструирован на основе соответствий словен. *dr̀zati* 'скрести, драть, сдирать', болг. диал. *дързам* 'скрести, дергать, чесать, очищать (лен, коноплю щеткой)' [SP V: 44] и истолкован как вариант **dьrgati* [SP V: 44], следовательно — и.-е. **derg'h-*, производное от **der-* 'драть'. Отмеченное пересечение семантики и структуры двух праславянских глаголов **dьrзати* с семантикой 'быть дерзким, смелым' и 'драть' (в SP они представлены как **dьrзати*¹ и **dьrзати*²

соответственно) побуждает предполагать их родство и даже генетическое тождество, то есть праслав. **dъrzati* 'драть' → 'быть дерзким, смелым' при **dъrzati* 'драть' < и.-е. **derg'h-* (производное от **der-* 'драть'). Реальность такого семантического развития подтверждается производными от слав. **derti*: русск. *задор*, *задорный*, *задира́ться*, диал. свердл. *дёркий* 'дерзкий' [СРНГ 8: 24], арханг. *дёркой* 'задиристый, драчливый' [Арханг. сл. 11: 97].

Кстати, для праслав. основы **dъrz-* < и.-е. основы **derg'h-* был ранее реконструирован вариант **derez-* < и.-е. **dereg'h-* как источник славянского названия растений **dereza* (русск. *депеза* *Caragana frutescens*, *Cytisus biflores*, *Galium aparine*, *Hippophaea rhamnoides*, *Sarothamnus scoparius*, укр. *депеза* *Caragana frutescens*, *Lycopodium clavatum*, блр. *дзераза́* 'плаун', серб.-хорв. *dereza* *Peucedanum oreoselinum*), большинство из которых отличается наличием колючек, ворсинок или усиков для цепляния [Варбот 1975б: 159–161].

О смысле славянского молчания*

Глаголы, обозначающие состояние молчания во всех славянских языках, являются продолжением праславянского **mьlčati* (с производным **mьlknŏti*). На славянской почве корень **mьlk-* не поддается структурному анализу. Остаются спорными и индоевропейские истоки. Предполагаемое родственное индоевропейское окружение варьируется у разных исследователей. Преобладают сопоставления с греч. *μαλακός* 'мягкий, вялый, слабый', *μαλακίω* 'цепенеть от холода (о частях тела)', ирл. *malkaim* 'гнить', лит. *mūlkis* 'глупец' [Pokorny I: 719; Фасмер II: 648; ЭССЯ 21: 103, кроме ирл. *malkaim* 'гнить'; Snoj 1997: 352], др.-в.-нем. *molawên* 'таять' [Trautmann: 184; Фасмер II: 648], лит. *smilkti* 'заболеть (о боли в животе), ооченеть, оцепенеть', *smilkti* 'тлеть, неметь (о частях тела)' [Schuster-Šewc 12: 922]. При этом предполагается исходная и.-е. основа **melək-* 'слабый' [Pokorny I: 719; Snoj 1997: 352]. По гипотезе В. Махека, слав. **mьlčati* родственно с лат. *mulceō* 'гладить, успокаивать' [Machek²: 368; ESJS 8: 48], одновременно этимологически отделяется слав. **mьlknŏti* в значении 'цепенеть', для которого принимается родство с лит. *smelkti* 'заглушать, угнетать рост (растений)' [Machek²: 369], однако толкование двух значений слав. **mьlknŏti*

* Первая публикация: О смысле славянского молчания // Slavica Svetlanica. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 76–79.

‘замолчать’ и ‘цепенеть’ как гетерогенной омонимии весьма сомнительно, поскольку значение ‘цепенеть’ известно и для продолжений **mьčati* (см. ниже). О. Н. Трубачев акцентировал внимание на исходном структурном тождестве основ слав. **mьčati* и др.-в.-нем. *molawên* ‘таять’ (и.-е. **m_l-k-ē*), придя в итоге к признанию родства исходного и.-е. **melək-* с и.-е. **m_l-dh-u- / *mol-dh-u-* (> слав. **moldъ*) и реконструкции развития значения ‘делать(ся) мягким, размельчать(ся)’ → ‘молчать’ [Трубачев 2004: 312–314]. Таким образом, даже если семантика таяния восходит к размягчению, германская и славянская лексемы оказываются не связанными непосредственным семантическим изменением, а тождество *ē*-основ отражает лишь актуальность этой структуры для обеих ветвей индоевропейских языков. Родство и.-е. основ **melək-* и **m_l-dh-u- / *mol-dh-u-* (слав. **moldъ*) как расширений и.-е. **mel- / melə-* ‘дробить, молотъ’ признавал еще Ю. Покорный [Pokorný I: 716–719]. Что касается предполагаемого О. Н. Трубачевым семантического развития ‘делать(ся) мягким, размельчать(ся)’ → ‘молчать’, то такое признается и большинством исследователей с учетом также семантики слабости (см. выше).

Необходимой составляющей этимологического анализа является различие реконструкции первичной мотивации и первичного значения. При этом естественно сохранение следов первичной мотивации в первичном значении. Подобным рефлексом первичной мотивации по слабости для слав. **mьčati / *mьknoŭti* является, вероятно, значение отглагольных прилагательных чеш. *mlklý* ‘слабый (о зерне)’ [ЭССЯ 21: 103] и словац. диал. *mľkvu* ‘пустой, без зерна (о колосе), неразвившийся (о семени, зерне)’ [Sl. sloven. nár. II: 176]. Автор словарной статьи о слав. **mьčati* в [ЭССЯ 21: 103] В. А. Меркулова предположила, что этот глагол обозначал «не только ‘не говорить’, но и ‘говорить тихо, вполголоса, слабым, хриплым, сильным голосом’», и далее, рассматривая на фоне слав. **mьčati* в значении ‘неметь (об органах тела)’ семантическую связь *немой* ‘не говорящий’ — *неметь* ‘терять способность движения’, автор делает вывод о восприятии речи как движения [ЭССЯ 21: 103].

Представляются возможными некоторые дополнения в развитие этого очень существенного толкования. Восприятие речи как движения — производное от понятийной и языковой связи звука и движения, так что следует присмотреться к последней.

Примечательно, что лексическая связь звука и движения обратима. Преобладающим признается направление словообразовательно-семантической производности от звука к движению («звукотраждение → глагол движения»), но равно представлено и направление «глагол движения → звукообозначающий глагол»: см. такое толкование гнездовых связей **tepti* — **topati*, **terti* — **terskati* ‘трепцать’, **ščeriti* — **skripěti*, **ščěrbiti* — **kěrbati* (чеш. диал. *krbat’* ‘тараторить, болтать; идти мелкими шагами, семенить’ и некоторых подобных глаголов [Варбот 1988: 68–75]. При связи звука с движением отсутствие звука, молчание, немота как антитеза звуку должны ассоциироваться с неподвижностью. Эта антитеза двух семантических связей ‘звук’ — ‘действие’ и ‘молчание’ — ‘бездействие, неподвижность’ отражается и в обозначении семантики роста, поскольку рост — это движение: см. русск. диал. *зашуметь* смол. ‘начать быстро расти, развиваться (о растениях)’ — *Зашумела свекла*. А после дождя *зашумело жито*, калуж. ‘вырасти (о детях)’ — А вот *внучек* тоже, пожалуй, *зашумел бы* [СРНГ 11: 194], причем непосредственным антонимом *зашуметь* в обозначении роста является русск. диал. *замолкнуть* ‘перестать расти, развиваться (о картошке)’ — А нонче и ня *вышла картошка*, *замолкла* [Селигер 2: 131]. Последнее акцентирует неподвижность как составляющую семантики *молкнуть* и соответствует уже упоминавшейся выше семантике оцепенения частей тела, представленной продолжениями слав. **mьlčati* и **mьlknŏti* в нескольких славянских языках: кашуб. *mąłčęc* ‘терпнуть, деревенеть’, *mąłknŏc* то же [Suchta III: 44], чеш. диал. *młknut’* ‘деревенеть, мертветь’ [Baroš: 203], др.-русс. *измлькнути* ‘потерять способность действовать’ — *Рука* отмщение сътворивши *измолкнет* (Сл. Илар.: 37), И бысть... сеча велика... толико же секуще, яко и *руки* и *плеща* ихъ *измолкоша* (Воскр. лет. VIII: 45 — цит. по: [СлРЯ XI–XVII вв. 6: 181]). Как выражение связи молчания и неподвижности или даже обозначение неподвижности можно, кажется, толковать и употребление глагола *mľčát’* в словац. диал. тренчин. поговорке «*mľča jako bi mali nohi križom poklad’ene*» [Sl. sloven. nár. II: 173; в словаре поговорка толкуется как ‘совсем не говорят’]. Если, таким образом, составляющей семантики слав. **mьlčati* / **mьlknŏti* является неподвижность, то закономерен вопрос об историческом направлении семантической связи составляющих ‘молчание’ и ‘неподвижность’ в этом

глаголе. Поскольку потенциальные индоевропейские соответствия (и даже природа состояния молчания) исключают существование какого-либо междометия как источника глагола со значением 'молчать' и, наоборот, позволяют предполагать первичную мотивацию слабости по размельчению, размягчению, то наиболее вероятным представляется развитие значения 'неподвижность' → 'молчание' (как антитеза направлению 'движение' → звук'). О реальности развития значения 'неподвижность' на основе семантики слабости в исходном индоевропейском гнезде свидетельствуют генетически связываемые со слав. **mylčati* греч. μαλακός 'мягкий, вялый, слабый' и μαλακίω 'цепенеть от холода (о частях тела)' (см. выше).

На фоне высказанной гипотезы о значении 'неподвижность' как первичной семантике слав. **mylčati* и **mylknŏti* можно, кажется, реконструировать исторические истоки известной ритуальной функции состояния молчания как оберега, причем отмечена не только роль молчания как сопроводителя ритуальных действий, препятствующего вмешательству недобрых сил, персонажей, духов [Слав. древн. 3: 292–296], но и возможность сочетания молчания с бездействием: «Белорусы после сильного припадка эпилепсии у ребенка мгновенно *замолкали и переставали двигаться* по дому, а мать закрывала ребенка белой тканью и окуривала ладаном, тем самым заставляя пришедшую за ребенком смерть поверить в то, что он умер, и оставить ребенка в покое» [Слав. древн. 3: 293]. Если при этом и в семантике языкового обозначения состояния молчания первична составляющая неподвижности, то следует, кажется, подумать над тем, не является ли молчание как ритуальный оберег социальным продолжением поведения животных в момент опасности, а именно — бездействия, неподвижности, замирания с целью обмана врага.

Инстинктивное осознание связи молчания и неподвижности проявляется в театральной реализации ремарки драматургов «немая сцена» как совершенной неподвижности актеров, то же — и в отражении ремарки Пушкина «народ безмолвствует» в постановках «Бориса Годунова».

О происхождении и семантике праславянского глагола **rekti* и его производного **otъrokъ**

Относительно родства, индоевропейского происхождения и первичной семантики праслав. глагола **rekti* в истории этимологии преобладают две версии: звукоподражательное происхождение, с акцентом на родство с лит. *rėkti*, лтш. *rēkt* ‘кричать, плакать’, и принадлежность к гнезду и.-е. **rek-* ‘устраивать, определять’, с акцентом на родство с скр. *racāyati* ‘созидать, творить, создавать, устраивать’. При обоих толкованиях признается родство славянского глагола с гот. *rahnjan* ‘считать’, тох. *A rake*, тох. *B raki* ‘слово’. Возобладала вторая версия, отвергающая балтийское родство вследствие различий в корневом вокализме. Поскольку, однако, даже в недавних славянских этимологических словарях возобновляется версия звукоподражательного происхождения [Boryś: 532 — с реконструкцией и.-е. **rek-* ‘кричать’], представляется не лишним уточнить семантику славянского **rekti*.

Прежде всего, следует отметить, что продолжения праслав. **rekti*, обозначающая действие говорения, произнесения — речь, никогда не акцентируют его акустические характеристики: нет

* Первая публикация: О происхождении и семантике праслав. глагола **rekti* и его производного **otъrokъ* // Современное состояние индоевропейского языкознания и санскритологии. Материалы научной конференции, посвященной памяти заслуженного профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Веры Александровны Кочергиной (1924–2018). М.: МЦНМО, 2019. С. 164–166.

употреблений с семантикой крика. С другой стороны, в функционировании и самого глагола, и его производных ярко выражена семантика определения, толкования, назначения, установления, очевидно близкая древнеиндийской семантике устройства, творения как ментальное соответствие. Например, древнерусские данные: *речи* 'говорить, сказать, упоминать; предсказывать', *именем рекуче* 'по имени', *речися* 'говориться, быть сказанным, называться, толковаться' — производное *рокъ* 'срок, время, промежуток времени; срок, установленный для чего-л.; возраст; установленное число, количество; установленная граница, черта; предопределение, установленное Богом, судьба; год', см.: [СДРЯ X: 374–378, 451–452]; *заречися* 'дать обещание, зарок', *зарицати* 'определять, устанавливать' — *зарокъ* 'предел, срок', см.: [СДРЯ III: 343]; *наречи* 'дать имя, название; назначить; сказать' — *нарокъ* 'название; граница, предел; цель, намерение', см.: [СДРЯ V: 180–181, 185]; *обречи* 'назначить кому-либо, предназначить для кого-л., чего-л.' — *оброкъ* 'прибыль, доход, нажива; подать, оброк; вознаграждение, плата за службу', см.: [СДРЯ V: 535]. Аналогичны данные других славянских языков.

Примечательно семантическое соотношение др.-русс. *поречи* 'назначить; рассудить, решить' и производного *порокъ* 'физический недостаток; порок; вред, ущерб; позор, порицание' [СДРЯ VII: 216, 221–222]. В отглагольном имени на ментальную семантику определения наслоился оценочный компонент, потеснивший исходную семантику. Но вот в более позднем (XVII в.) Разговорнике Тонни Фенне зафиксирован в разговорной речи глагол *опорокнутъ* со значением 'изучить, исследовать' в контексте: «Я переже сего таково товару не видал, надобь мне ёво познать/*опорокнутъ* чтоб мне тим товаром не окупиться» [Tonnie's Fenne's Manual: 428]. Очевидны и производность глагола от имени *порокъ*, и сохранение в этом имени ментальной семантики определения, установления исходного глагола *поречи*.

Особо следует рассмотреть семантику праслав. **otъrokъ* 'дитя, мальчик, отрок, слуга', относительно которого наиболее вероятным признается образование в этимологическом гнезде праслав. **rekti*. При этом первичной мотивацией на основе соотношения с **rekti* как обозначением акта речи считается признак того, «кто не умеет, не может или не имеет права говорить» [ЭССЯ 38: 130]. Это толкование

допускает, кажется, некоторые коррективы. Следует обратиться к словообразовательной модели имени **otъrokъ*. Славянские имена с префиксом **otъ* могут быть только отглагольными, так что для определения первичной мотивации рассматриваемого имени наиболее существенна семантика глагола **otъrekti*. Его старейшие продолжения в славянских языках (ст.-слав. *отъреци*, ст.-чеш. *otъreci*, др.-русс. *отъречи*) объединены семантикой 'отказать, запретить, отнять, отлучить'. Соответственно в качестве первичной мотивации производного имени нет оснований предполагать именно неумение или невозможность говорить (в физическом или социальном толковании этой возможности). Более вероятна мотивация 'отвергаемый, отвергнутый (сообществом)', см. такую реконструкцию, но с акцентом на отлучение именно от полноправного сообщества [StčSl 14: 965].

Принимая для **otъrokъ* мотивацию по отвержению от общества, нельзя не учесть наличие синонимов для **otъrokъ* 'дитя, мальчик, отрок, слуга' во всех значениях этого слова и не задуматься о семантическом объеме слова, охватывающем разные возрастные категории, начиная с младенца до подростка. Решаюсь предположить, что в возникновении этого слова сыграла роль известная тенденция древнего имянарекания к табуизации, сокрытию истинного имени человека (как тождественного самому человеку), особенно в периоды его жизни, считающиеся особенно опасными для человека в отношении его уязвимости со стороны злых сил. Таково состояние ребенка. Так объясняются многочисленные древнерусские личные имена с негативной оценочной мотивацией: *Некрас*, *Нелюб*, *Немир*, *Ненад*, *Ненаш* [Тупиков: 271–273], морав. *Nelěra*, *Nemir* [Баженова 2006: 308, 309] и многие другие. Подобным образом объясняется происхождение названия девушки в период свадьбы — **nevěsta* (собственно, 'неизвестная', 'некто'), что означает возможность табуизации именованного любого человека в определенный, социально существенный период его жизни. Таковой представляется и функция слова **otъrokъ* — табуизация истинного имени любого ребенка от рождения до взросления путем обозначения как 'отвергнутого' = 'лишенного родовых связей' = 'некто', а потому недоступного и злым силам. Кстати, **otъrokъ* известно и как личное имя: ст.-русс. *Отрок* (1672) [Тупиков: 293], ст.-чеш. *Otrok* (XIII в.) [StčSl 14: 965].

Производные от глагола **velkti* в терминологии славянского погребального обряда*

Славянский погребальный обряд генетически восходит к индоевропейскому обряду, хотя и претерпел у разных славянских народов влияние со стороны соответствующих обрядов других этносов. Терминология погребального обряда, очевидно, отражает принципиально важные составляющие обряда, его этапы. В индоевропейском погребальном обряде выделяют следующие этапы-составляющие: «1. Приготовление трупа к захоронению. Начало оплакивания и траура. 2. Доставка трупа на повозке к месту захоронения. 3. Предание трупа вместе с жертвенными животными, а иногда и людьми, огню в основном варианте обряда, земле и воде в других его вариантах.... 4. Создание (из костей мертвого) изображения покойного — его ритуального двойника. 5. Сооружение временного обиталища для образа (изображения) покойника. 6. Захоронение урны с костями» [Иванов 1990: 5]. Славянский погребальный обряд, насколько его история прослеживается археологами и историками, изменялся от трупосожжения и захоронения погребальных урн с прахом в ямах к захоронению результатов трупосожжения

* Первая публикация: Производные от глагола **velkti* в терминологии славянского погребального обряда // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 15. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2015–2017 / Гл. ред. А. М. Молдован. М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 162–166.

в курганах и далее к трупоположению [Седов 1990: 170–180]. В погребальном обряде, как он сложился в целом у восточных и южных славян, О. А. Седакова выделяет следующие этапы: «1. Обрядовые акты в доме. 2. Путь от дома до кладбища. 3. Обрядовые акты, совершаемые и в доме, и на могиле, хождение на могилу и возвращение домой», — так что обряд характеризуется как движение, реализующее «модель пути» души умершего [Седакова 2004: 77], с преобладанием направления снизу вверх (лестница — гора) [Седакова 2004: 54–55].

В приведенных характеристиках славянского обряда следует отметить объединение всего обряда идеей движения, что делает вероятным сближение терминологических обозначений отдельных его этапов. Начнем с движения вверх и горы как воплощения этого пути. Прямым следствием этих представлений является обычай расположения кладбищ на возвышенных местах [Седакова 2004: 208–209] и соответствующие обозначения их: см. блр. диал. *garbyšča* ‘кладбище, погост’ [Сл. Віцеб. 1: 148], арханг., волог. *bijevo* ‘кладбище’ [ОЛА 10: 199, карта 46, вопрос L 2344]. В связи с этой мотивационной моделью представляет интерес русск. диал. *волок* ‘кладбище’ [Новг. сл. 1: 133]. О. А. Теуш связала это слово с арханг., волог. *волок* ‘лес, лесной массив между двумя населенными пунктами, реками и т. п.’ и объединила *волок* ‘кладбище’ по мотивационному коду с волог., арханг. *бор* ‘кладбище’, исходя из расположения кладбищ в лесу [Теуш 2015: 258]. Однако это самый верхний, внешний уровень мотивационной реконструкции. При этом толковании не учтена связь в семантике слав. **borъ* обозначений сосны и соснового леса с обозначением сухих, песчаных возвышенных мест, холмов [ЭССЯ 2: 217], а именно такие места в лесу выбираются для кладбищ [Даль² I: 118 — *бор*], так что сопоставимой с *бор* составляющей в первичной семантике *волок* ‘кладбище’ может быть не ‘лес’, а ‘возвышение, холм’, см. русск. диал. ряз. *волок* ‘небольшая пологая гора, плоская возвышенность; откос, склон’ [СРНГ 5: 50]. Этимологически *волок* совершенно прозрачно: это праслав. **volkъ*, производное от глагола **velkti* > русск. *волочь* ‘тащить, перемещать по земле’. Многочисленные употребления слова в русских говорах для обозначения дорог, межей, мест, удобных для перемещения по суше между водными пространствами

[СРНГ 5: 49], свидетельствуют о первичной мотивации слова *волок* как 'место, где/куда тащат', что при значительной заболоченности славянской территории и множестве водных преград близко к представлению о возвышенных участках суши. Эта синкретическая семантика и может быть основой для развития значения 'кладбище': ср. приведенные выше витеб. *гарышча*, арханг., волог. *bijevo* и особенно вятск. *повоз* 'кладбище' [Седакова 2004: 226]. Таким образом, для названия кладбища оказывается возможной мотивационная связь с процессом перемещения, доставки умершего. Именно такая мотивация наиболее вероятна для русск. диал. (коми) *сутяга* 'кладбище на горе' — от *стянуть* 'стащить вместе' (О. А. Теуш предполагает исходное значение 'протяженное пространство' [Теуш 2015: 270]), что при наличии префикса *су-* структурно не обосновано). Косвенным подтверждением вероятности гипотезы о мотивационной связи обозначения кладбища (как конечного пункта похорон) с процессом перемещения является обозначение похорон глаголами с семантикой перемещения и непосредственно волочения: см. русск. диал. *носить* 'хоронить' [Седакова 2004: 250] и арханг. *свезти* (*сволочить*) на бор 'хоронить' [Арханг. сл. 2: 73].

Другое мотивационное пересечение в погребальной терминологии представлено в обозначениях кладбища и гроба: ср. слав. **grobъ*, **grobišče* как обозначение гроба [ОЛА 10: 191, карта 44, вопрос L 2342] и **grobъ*, **grobъky*, **grobъje*, **grobišče* 'кладбище' [ОЛА 10: 199, карта 46, вопрос L 2344], очевидно, при посредстве (и первичности) **grob* 'могила' [ОЛА 10: 195, карта 45, вопрос L 2343]. На фоне этого последнего сближения и рассмотренного выше *волок* 'кладбище', производного от **velkti* > *волочь*, представляется возможным возведение к этому глаголу также польск. диал. (село Дубровка в районе Олштина) *velk* 'гроб' [ОЛА 10: 190, материалы к вопросу L 2342]. При таком толковании первичной мотивацией могло быть 'то, в чем перемещают, тащат умершего', а первичной формой — **vьlkъ*. Огласовка корня в ступени редукции была первичной для основы настоящего времени, соотносительной с инфинитивом **velkti* и обобщена также для формы инфинитива в серб.-хорв. *вучи*, *вуче* [Vaillant. Gram. compar. III: 164]. В отношении предложенной реконструкции первичной мотивации *velk* 'гроб' по процессу перемещения существенно широкое упо-

требление производных от **velkti* в славянских языках как обозначений примитивных повозок-волокуш, см. русский диалектный материал в [СРНГ 5: 50–52, 54 — *волок, волока, волокуша*].

Предложенные толкования обнаруживают мотивационную связь обозначений предметных воплощений первого этапа славянского погребального обряда (гроб) и последнего (кладбище) со средним этапом — перемещением умершего — в образованиях от глагола **velkti*.

Русское диалектное жаровый 'высокий, стройный' (к проблеме смешения этимологических гнезд)*

Диалектное прилагательное *жаровый* справедливо признается этимологически трудным. Это слово известно только русским диалектам, его морфемная структура прозрачна, но при этой прозрачности спорна первичная мотивация и потому существует несколько возможностей отождествления корня. Были предложены следующие версии: сравнение с лтш. *garš* 'длинный, высокий, долгий, далекий' (Потебня) — отвергнуто Фасмером [Фасмер II: 35]; родство с *жар*, *жаркий*, с исходным значением 'годный к топке, дающий жаркое пламя' [Преображенский I: 221] — отвергнуто Фасмером [Фасмер II: 35]; производность от и.-е. **gher-* 'расти' [Меркулова 1963: 79–80]. Относительно этих толкований, прежде всего, априори следует отметить, что лингвогеографическая ограниченность и прозрачность морфемной структуры (потенциально поздней) слова делают наиболее уязвимыми индоевропейские (особенно корневые) сравнения. Но и родство с *жар* небезупречно как по сомнительности предполагаемой первичной мотивации, так и вследствие возможности народноэтимологического сближения. Очевидно, оценке степени вероятности каждого из предложенных

* Первая публикация: Рус. диал. *жаровый* 'высокий, стройный' (к проблеме смешения этимологических гнезд) // Етнолингвистика проучавања српског и других словенских језика. У част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, 2008. С. 109–115.

толкований следует предпослать хотя бы краткий обзор вариантов формы и значений прилагательного *жаровый* и его производных.

Форма *жарóвый* / *жарóвой* зафиксирована в русских диалектах со следующими значениями (приводятся значения, хотя бы минимально связанные с указанными в названии статьи): 'высокоствольный, прямой, с ветвями только на вершине, строевой (о лесе, деревьях)' (арханг., волог., пск., костром., перм., вят., ср.-ур. и др.) [СРНГ 9: 83–84; Сл. русск. гов. Средн. Урала I: 156; Сл. перм. гов. 1: 254]; 'высокий, прямой, строевой лес, густо, часто растущий; сосновый (лес)' (перм.) [СРНГ 9: 84]; 'строевой, высокий, прямой (о лесе)' [Новг. сл. 2: 122; Дилакторский. Волог. сл.: 128]; 'хвойный' [Новг. сл. 2: 122]; 'мелкослойный (о лесе)' (волог.) и «жаровая сосна — то же, что рудовая, кондовая, с мелкослойной, смолистой... крепкой и прочной древесиной» (Сл. Акад. 1897) [СРНГ 9: 83]; 'сухой, высохший (о дереве); строевой, с крепкой, прочной древесиной' [Сл. русск. гов. Карелии 2: 39]; 'растущий на сухом месте (лес)' (арханг., волог.) [СРНГ 9: 84]; 'дающий много жара при горении (о лесе, дровах)' (олон., пск.) [СРНГ 9: 83]; 'одинокий (о дереве)' (волог.) [Сл. Русск. Севера III: 343]; 'высокий, стройный, сухощавый, поджарый (о людях и животных)' (перм, пск., сев.-двин., ср.-ур. и др.) [СРНГ 9: 84; Сл. русск. гов. Средн. Урала I: 156]; 'длинный, продолговатый, прямой (о предмете)' (том., якут.) [СРНГ 9: 84].

Форма *жарáвый* зафиксирована в значении 'высокий, стройный' (арханг., печор.) [СРНГ 9: 74].

Форма *жерáвый* со значением 'высокий и стройный' представлена только в [Даль² I: 526 — *жаравец*], без указания места.

Очевидное производное от прилагательного — *жаровiна* 'высокоствольное прямое дерево' (арханг.) [Сл. Русск. Севера III: 342]. Производным от *жарóвый* можно достаточно уверенно считать и *жаровáтый* 'крепкий (о дереве)' (енис.) [СРНГ 9: 82], хотя в приведенном в словаре контексте упоминается кривизна дерева: «Завидел в поле един сырой дуб, един сыр дубище, и кривистый он, кривистый, дуб жароватый».

Рассмотрим вариантность формы прилагательного. Учитывая безударное положение корневого гласного и позицию после твердого шипящего, трудно однозначно определить первичную огласовку корня: возможны и **e* и **a*; однако единичность фиксации формы с *e* и отсутствие варианта с *o* (как другой реализации **e*)

побуждают предпочесть в качестве первичной огласовку корня **a*. Равным образом и вокализм суффикса двусмыслен: фонетически возможны как исходные и *-*ов-*, и *-*ав*; суффикс *-ав-* образует прилагательные в основном от существительных с основой на **-a* [Vaillant. Gram. compar. IV: 471–473], так что форма с *-ав-* рассматриваемого прилагательного хорошо согласуется с родством/влиянием слова *жара*, равно как суффикс *-ов-* предполагает обычно производящую основу на **-о*, здесь, возможно, — *жар*. Таким образом, формальные характеристики слова допускают предположение о связи с *жара/жар*.

Обратимся к семантике. Подавляющее большинство приведенных выше значений является характеристиками дерева (или леса), при этом повторяющиеся составляющие большей части этих значений — ‘высокий (о дереве)’ и ‘стройный (о дереве)’, часто сопровождающиеся характеристиками дерева ‘гладкоствольный’ и ‘строевой’ (последняя, в сущности, обобщает три предшествующие). Представляется, что эта характеристика дерева, древесины (строевой = высококачественный) и может быть признана первичной семантикой прилагательного (возможно, с акцентом на крепость — см. выше *жаровáтый* ‘крепкий’, хотя, по контексту, и относится к кривому дереву). Предполагаемое другими значениями отнесение характеристик ‘высокий’, ‘стройный’, ‘сухощавый’, ‘длинный, продолговатый’, ‘прямой’ к человеку, животному и предмету (см. выше) естественно объясняется расширением «древесного» употребления (впрочем, неясно появление значения ‘одинокий’ (также о дереве, см. выше), может быть, ‘высокий, строевой’ > ‘мощный’ = ‘одинокий’, поскольку одиночные деревья развиваются лучше?). Другие, также «древесные» значения разных структурных вариантов прилагательного могут быть следами непосредственной связи его с *жар* (то есть потенциально мотивирующими): см. выше ‘сухой, высушенный (о дереве)’ [Сл. русск. гов. Карелии 2: 39], ‘растущий на сухом месте (лес)’ (арханг., волог.) [СРНГ 9: 84] и ‘дающий много жара при горении (о лесе, дровах)’ (олон., пск.) [СРНГ 9: 83]. Существенно, что эти три значения предполагают для прилагательного три различные модели/основания первичной мотивации: первое — сухость самого дерева, второе — связь с сухим (выжаренным) местом произрастания (то есть опосредованную связь с горением), третье — способность

продуктивно гореть. Развитие первичной семантики 'высококачественное, строевое (о дереве)' на базе способности к горению очень сомнительно вследствие определенного хозяйственного предпочтения строевой древесины перед древесиной топливной. Более вероятно формирование семантики с указанными составляющими при исходной мотивации по месту произрастания — сухому (известно лучшее качество леса, растущего на сухих местах, нежели на сырых) или по качеству сухости самой древесины. Последний тип развития семантики представлен в производном от *жар* карел. *жарник* 'высохшее дерево', в контексте, прямо связывающем строевые качества дерева с его сухостью: «С жарнику срублен дом, вот и стоит» [Сл. русск. гов. Карелии 2: 39]. Ср. еще *жарник* 'дерево, высохшее на корню; высокоствольный, прямой лес' (арханг.) [Сл. Русск. Севера III: 341]. Подтверждением такого развития для прилагательного является сочетаемость в одном говоре (карельском) значений 'сухой, высохший' и 'строевой, с крепкой, прочной древесиной' (см. выше). Ср. также контексты: «Лес **сухой**, высокий — **жаровой** он называется», «Идем туда, там лес **жарчей**, говорят, хорош **жаровой** лес-то» (волог.) [Сл. Русск. Севера III: 343 — *жаровой*²] (здесь и далее в словарных примерах полужирный мой. — *Ж. В.*). К русским диалектным материалам, свидетельствующим о связи строевых качеств древесины с ее сухостью, можно добавить белорусское *жарина* 'мелкослойное сосновое дерево': «Бервено видишь **не хлопина**, а жарина», при *хлопина* 'сосновое дерево, имеющее **крупные** и мягкие **слои**': «Не стоиць купляць. Берно — **хлопина** скоро **згниець**» [Носович: 153, 679] — ср. выше русск. *жаровый* волог. 'мелкослойный (о лесе)' и «жаровая сосна — то же, что рудовая, кондовая, с **мелкослойной, смолистой... крепкой и прочной** древесиной» [СРНГ 9: 83] (очевидно, именно блр. *жарина* имела в виду В. А. Меркулова, говоря о наличии «слов этого корня лишь в белорусском», со ссылкой на словарь Носовича [Меркулова 1963: 80]).

Итак, с точки зрения структурных и семантических характеристик прилагательного *жаровый/жаравый* версия о его родстве с *жара/жар* (при первичной мотивации 'сухой'!) достаточно вероятна (ср. *жарить* 'сушить' арханг., влад. [СРНГ 9: 78]). Первичной формой суффикса предпочтительнее считать *-ов-*, преобразование которого в *-ав-* объяснимо влиянием элемента качественности

в семантике (ср. и производное *жаровáтый*, см. выше). В таком случае рассматриваемое *жаровый* ‘высокий, стройный, гладкоствольный’ — гомогенный омоним по отношению к *жаровый* в ряде значений, связанных с гнездом *жарить* иной мотивацией, ср., например, *жарóвый* ‘быстрый, проворный’ (волог.) [СРНГ 9: 84], при *жáрный* ‘ретивый’ (якут.) [СРНГ 9: 82]. Очевидна вероятность сближений и смешений этих омонимов.

Еще одно направление сближения и смешения прилагательного *жаровый / жаравый* — с производным от одного из вариантов слова *журавль*: ср. приведенное выше *жарáвый* ‘высокий, стройный’ (арханг., печор.) [СРНГ 9: 74] и *жарáвый* ‘длинноногий, на высоких, как у журавля, ногах’ (перм.) [СРНГ 9: 74], при *жарáвь* ‘журавль’ (перм., арханг., волог., яросл.) [СРНГ 9: 74] и *жарáва* ‘журавль’ (арханг., онеж.) [СРНГ 9: 72]. Однако это результат не взаимодействия, а независимого развития: семантика высокого роста (> высоты) характерна для самого слова *журавль* (и безотносительно к дереву): *журáв* ‘о худом, высоком человеке’ (смол.) [СРНГ 9: 228], *жүра* ‘высокий, худощавый человек’ [Новг. сл. 2: 141], *журавлевáто* ‘высоко’ в контексте: «Журавлевато в избе» (вят.) [СРНГ 9: 229].

Вернемся к другим версиям происхождения прилагательного *жаровый*, упомянутым в начале статьи: возведение прилагательного к гнезду и.-е. **gher-* или родство с лтш. *garš*. Как уже было сказано, обе они предполагают индоевропейскую древность прилагательного (или хотя бы его корня), что вызывает сомнения вследствие языковой ограниченности и потенциально поздней структуры слова, а также чисто корневого уровня сопоставлений при отсутствии точных цельнокорневых соответствий (хотя формально родство допустимо при учете возможностей аблаута). Что касается семантической стороны версий, то возведение прилагательного к гнезду и.-е. **gher-* ‘выдаваться, выступать, расти’ или родство с лтш. *garš* ‘длинный, высокий, долгий, далекий’ возможны, поскольку важной составляющей семантики прилагательного является ‘высокий’. В первой версии (гнездо и.-е. **gher-*) родственными могут быть обозначения остриёв, вершин, побегов: греч. *χαρία* ‘вершина’ [Hesyh.], *χάρμη* ‘остриё копьё’, норв. диал. *gare* ‘остриё, вершина, верхушка’, слав. **granь* [Pokorny I: 440, 445]. Еще более семантически вероятна версия родства с лтш. *garš*, так как в его родственном окружении

присутствуют обозначения леса и дерева: прусск. *garian* 'дерево', лит. *girià* и лтш. *dziřia* 'лес' [Karulis I: 291]. Для и.-е. **g^her-* / **g^hor-*, к которому эти слова возводятся, большинство исследователей предполагает первичную семантику 'гора, высота' (сюда же и слав. **gora*), при вторичном развитии значения 'лес' в отдельных группах языков [Pokorny I: 477–478; Karulis I: 291], но высказаны и соображения в пользу индоевропейской древности сочетания этих значений [Топоров. Прусск. яз. *Е–Н*: 165 — *garian*]. Значение 'лес' представлено для **gora* и в славянских языках: во всех южнославянских и в некоторых западнославянских [ЭССЯ 7: 29–30], единично зафиксировано также значение 'дерево': болг. диал. *gora*, *гурь*, серб.-хорв. диал. *gora* [Топоров. Прусск. яз. *Е–Н*: 164 — *garian*].

Наконец, для полноты потенциального индоевропейского окружения русского прилагательного *жаровый* следует упомянуть еще гнездо и.-е. **g^heru-* с первичной семантикой 'шест, жердь; копье, пика', к которому возводятся гот. *qairu* 'кол, шип', лат. *verū* 'вертел, копье', др.-ирл. *bi(u)r* 'копье', авест. *grava-* 'палка, ствол трубчатого растения; камыш, тростник', ср.-перс. *γarv* 'камыш, тростник' [Pokorny I: 479; Расторгуева–Эдельман ЭСИЯ 3: 290]. Семантика этого гнезда соответствует составляющим первичной семантики рассматриваемого русского прилагательного как определения дерева (!): 'прямой' и 'гладкоствольный'. Существенно присутствие в индоевропейской основе детерминатива *и*, поскольку его рефлексом может быть суф. *-ов-* прилагательного.

Таким образом, на статус индоевропейского источника прилагательного *жаровый* 'высокий, стройный, строевой (о дереве)' могут претендовать три индоевропейские этимологические гнезда, при некотором структурном преимуществе гнезда **g^heru-*. Однако ни в одном из этих гнезд нет точного структурного соответствия для корня прилагательного по долготе гласного. С другой стороны, как было показано выше, на почве русского лексического фонда прилагательное получает достаточно вероятное структурное и семантическое истолкование как производное от *жар*, *жарити*, которое и следует предпочесть. Компромиссное толкование — предположение об образовании от и.-е. **g^heru-* диалектного праслав. ***geru* > ***žerъ* / ***žerovъ* с последующим народноэтимологическим «втягиванием» его в актуальное гнездо слав. **žariti* — представляется менее вероятным.

Об особенностях развития значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах*

Совершенно очевидно, что значения слов изменяются в течение истории языка в зависимости от истории общества и условий функционирования языка. Несомненно также, что влияние этих факторов по-разному сказывается на словах отдельных лексико-семантических групп и функционировании слов в различных формах общенародного языка: в литературной, разговорной, жаргонной, диалектной речи. Наиболее гибкой, изменчивой является разговорная речь, но весьма восприимчива также диалектная речь. Среди лексико-семантических групп одной из наиболее семантически устойчивых считаются названия частей тела. Но история лексики дает интересные свидетельства вторжения исторических событий и в эту лексическую группу. Ниже рассматривается отражение одного из существенных фактов истории социальной жизни русского государства — форм наказаний в развитии значений весьма ограниченной лексической группы — названий *ноздри* и *уша* — в русских говорах.

Части тела человека, особенно находящиеся на виду, естественно привлекают к себе особое внимание, если как-то отличаются внешне от наиболее привычных по форме, величине. Часто

* Первая публикация: О некоторой специфике значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах (к теме социально-исторической обусловленности изменения значений) // Русская речь. М.: Наука, 2020, № 3. С. 47–53.

эти особенности отмечаются в производных образованиях: *вислоухий, долгорукий, пучеглазый*. Такой же принцип мотивации лежит в основе прилагательного *курносый*, восходящего к **корноносый* 'коротконосый'. Нередко название части тела само употребляется для обозначения человека с подобной физической особенностью: например, в говорах отмечено *нос* как прозвище человека с большим носом — *Саша-нос* (влад., калуж.) [СРНГ 21: 285], ср. также фамилию *Долгорукий*.

Впечатление от необычной формы или величины носа иногда отождествляется с особенностями поведения или характера человека. Например, с особенно крупным или крючковатым носом может быть связано отмеченное в говорах употребление *нос* 'о человеке, отличающемся своенравием, гонором, упрямством' (псков.), *с носом* 'упрямый, капризный, с норовом' (арханг., волог.) [СРНГ 21: 285]. Вероятно, *нос* в гоголевском «Носе» имеет те же ассоциативные корни. В приведенных случаях переносного употребления названия *нос* источниками мотивации являются впечатления от физических особенностей этой части тела в бытовой и социальной среде.

Названия двух частей тела человека — ноздри и уха — в русских говорах примечательны специфическими значениями — они стали обозначениями людей не только с особенностями характера, часто осуждаемыми, но также и с осуждаемым асоциальным поведением: *ухо* 'о смекалистом, расторопном человеке' (влад., арханг., олон., курск., калуж.), 'удалец, смелый человек' (ряз., волог.) [СРНГ 48, 277], *ноздря* 'о невзрачном или не стоящем внимания и уважения человеке' (влад.), 'о капризном человеке или животном' (костром.), (бранно) 'задиристый человек' (калуж.) [СРНГ 21, 272]. Ср. также производные от *ухо*: *ухарь* 'смелый, бойкий человек' (тамб., олон., костром., влад. и др.), *ухар* 'бойкий, удалой человек' (ворон., смол., одесск.), *ухач* 'отчаянный, смелый' (казаки-некрасовцы, дон., р. Урал), 'хитрец, мошенник' (дон., ворон.) [СРНГ 48, 249, 250, 252]. Вероятно, некоторые из этих значений могут быть объяснены как следствие толкования способностей соответствующих органов чувств: относительно *ухо* — 'о смекалистом, расторопном человеке', ср. *ухо наставлять* 'внимательно прислушиваться' (волог.), *ухо вострить* 'наблюдать, быть настороже' (яросл.) [СРНГ 48: 276–277], относительно *ноздря* — 'о капризном человеке или

животном', ср. ноздря 'о брезгливом, разборчивом человеке, животном' (костром.) [СРНГ 21: 272]. Но из способностей органов чувств трудно объяснить появление семантики смелости, бойкости, задиристости, мошенничества, с одной стороны, и социальной несостоятельности — с другой стороны (см. *ноздря* 'о невзрачном или не стоящем внимания и уважения человеке').

Разгадку отмеченных специфических употреблений названий уха и ноздри подсказывают производные от них слова: *ноздрэвый* 'каторжный' (забайкал., с пометой «в прежнее время») [СРНГ 21: 272] и *ухорéz* 'лихой, отчаянный человек' (арханг., пск., твер., волог., перм., костром., тобол., енис., сиб.), 'хулган, драчун' (волог., новг.), 'шалун, проказник, сорванец; драчливый, задиристый парень' (перм., вят., костром., волог., арханг., амур., забайкал. и др.), 'вор, разбойник' (карел., волог.), 'головорез' (перм., колым.) [СРНГ 48: 302] с вариантом *ухарéz* 'бойкий, удалой человек' (костром., волог.) [СРНГ 48: 249], а также *ухорván* 'лихой, отчаянный молодой человек; шустрый, смелый баловень' (волог.) [СРНГ 48: 302]. *Ноздрёвый* 'каторжный' непосредственно указывает на связь семантики смелости, бойкости, мошенничества у слова *ноздря* с каторжанами, а *ухорез*, *ухарез* и *ухорván* обнаруживают связь этой семантики с видами физических наказаний, предшествовавших вплоть до конца XVIII в. ссылке на каторгу, — надрезанием и даже отрезанием носа и ушей. См. у А. С. Пушкина в «Капитанской дочке» портрет сподвижника Пугачева Хлопуши, у которого был «нос без ноздрей», и там же — описание работавших над укреплениями Оренбурга «колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача». Ср. также, что писал Пушкин о подавлении Пугачевского восстания в «Замечаниях о бунте»: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений! „Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши“» (А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 т. М.: Художественная литература, 1959–1962, т. 7, с. 154).

Представляется возможным, что и фамилия *Ноздрёв* в «Мертвых душах» Гоголя отражает отмеченную особенность семантики *ноздря* — обозначение человека бойкого, задиристого, мошенника:

гоголевский персонаж Ноздрёв отличается вздорным характером, склонен к произволу и даже насилию.

К слову *ухорез* могут восходить как его структурные преобразования диал. *úхорéц* 'драчун, хулиган' (Среднее Прииртышье), 'человек, способный на преступление' (пск.), 'удалец, молодец' (свердл.) [СРНГ 48: 302] с вариантом *úхарец* 'дерзкий, злой озорник, хулиган' (яросл., волог.), 'бойкий, удалой человек' (карел.), 'веселый человек' (сев.-зап.), 'вялый, нерасторопный человек' [СРНГ 48: 249–250] и даже *úхарь* 'смелый, бойкий человек' (тамб., олон., костром., влад., сарат., пенз., забайкал.), 'поклонник, ухажер' (волог.) [СРНГ 48: 250] и *úхар* 'бойкий, удалой человек' (ворон., смол.) [СРНГ 48: 249].

Анализируемая специфическая семантика непроизводного *ухо* 'о смекалистом, расторопном человеке' (влад., арханг., олон., курск., калуж.), 'удалец, смелый человек' (ряз., волог.) [СРНГ 48: 277] также, очевидно, вторична по отношению к *ухорез* и можно предполагать, что *ухо* как обозначение смелого, дерзкого человека, склонного к мошенничеству, к асоциальному поведению, является обратным образованием от *ухорез*. Эта семантика также находит объяснение в социально-исторических условиях: прошедшие каторгу, тем более — с обезображенными ушами или ноздрями — люди настороженно, с подозрением воспринимались крестьянской и городской мещанской средой (к которой обычно исконно принадлежали) и действительно трудно вживались в нее, отличались нестандартным поведением, смелостью, дерзостью и под. Сопоставляя зафиксированные значения всех приведенных производных от *ухо*, можно проследить постепенное «стирание» следов «каторжного прошлого». Примечательно появление значения 'поклонник, ухажер' (для *úхарь* — см. выше): оно соответствует ласкательному употреблению в разговорном языке (в обстановке ухаживания и даже по отношению к шаловливым детям) слов *разбойник*, *бандит*, *жулик*.

Еще о «съевшем собаку» и зге (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав)*

Для объяснения происхождения фразеологизма *собаку съел* (на чем, в чем) 'кто-л. является знатоком чего-л., имеет большой опыт в чем-л.' существует много версий. Представляется возможной дополнительная аргументация в пользу одной из них. В «Словаре русской фразеологии» А. К. Бириха, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой в качестве формальной аналогии для русского фразеологизма приведена латинская поговорка *Lingua caninam comedit* «(букв. 'язык собачий съел') — о том, кто разглагольствует без меры и без устали», см.: [Сл. русск. фраз.: 538]. В русской диалектной речи зафиксирован вариант фразеологизма *собаку съел* со значением, тождественным латинской поговорке: *собаку сожрал* (кто-л.) 'умеет поговорить, занять разговором кого-л.' (нижегор.) [СРНГ 39: 139]. В основе латинского и русского диалектного фразеологизмов лежит представление о собаке как самом шумном, «брехливом (и к месту и не к месту)» домашнем животном. Из семантики умелого говоруна вполне вероятно развитие значения 'умелец, знаток чего-л.'. И от лексемы *собака* как наиболее значимого в фразеологизме

* Первая публикация: Еще о «съевшем собаку» и зге (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы IV Международной научной конференции. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: УрГУ, 2019. С. 60–61.

слова образован русский глагол *насобáчиться* ‘навыкнуть’ [Даль² II: 472]. См. об этом глаголе [Сл. отфраз. лекс.: 193]. Но собачий лай связан еще и с собачьими сварами, и поэтому существует также и диалектное (перм.) употребление фразеологизма *собаку съест* в значении ‘сильно выбранить, выругать кого-л.’ [Прокошева 2002: 370], а соответствующий глагол *насобáчиться* значит также ‘вдоволь набраниться’ [Даль² II: 472].

Перенос семантики фразеологизма на одну из составляющих его лексем (точнее, ее производное), представленный в рассмотренном соотношении фразеологизма *съест собаку* и глагола *насобачиться* в обоих его значениях, произошел, вероятно, и в фразеологизме *ни зги (не видно)* ‘темно, полная тьма, так что ничего не видно’. В Красноярском крае записан текст: «Ты две-три баржи нагрузишь — в глазах темно. Идешь домой, ни рук, ни ног не *згаешь*»; значение глагола составители словаря толкуют как ‘ощущать’ [Сл. русск. гов. центр. р-ов Красноярского кр. 2: 122]. Как и в случае фразеологизма *съест собаку*, значение фразеологизма *ни зги не видно* пережило расширение: ‘ничего не видеть’ → ‘ничего не чувствовать, ощущать’, а вследствие этого производный от *зга* глагол *згать* получил значение ‘ощущать’.

Авторское толкование происхождения слова *зга* см. [Варбот 2012: 528–532].

О семантике славянских существительных с префиксом **na-* (к проблеме влияния отглагольного именного словообразования на отыменное)*

Словообразовательный анализ является необходимой составляющей этимологического анализа, так что для этимологии представляют интерес редкие словообразовательные модели и их формирование. Ниже рассматриваются пути формирования одной из редких моделей префиксальных славянских имен существительных.

Префикс **na-* генетически тождествен предлогу **na* и функции префикса обычно рассматриваются на фоне функций предлога. Исходная и основная функция предлога определяется как 'сверху / наверх' с конкретизацией — функциями направления, цели, времени и пр. [Кореšný ESSJ 1: 116–121]. Соответственно глаголам префикс сообщает значения направления действия (поверху), цели, интенсивности, результативности [Кореšný ESSJ 1: 122–123]. Отглагольные имена существительные наследуют семантику от производящих глаголов, преимущественно — результат действия = предмет, расположенный поверх чего-либо: слав. **nasypati* → **nasurь* [ЭССЯ 23: 115] (здесь и далее приводятся реконструкции праславянских лексем как показатель общеславянского распространения и древности словообразовательных отношений). Разумеется, имена, производные от префиксальных глаголов, не могут рассматриваться как префиксальные.

* Первая публикация: О семантике славянских существительных с префиксом **na-* // Родной язык. Лингвистический журнал, 2022, № 2. С. 11–16.

Относительно собственно префиксальных (с **na-*) имен укоренилось представление об актуальности преимущественно префиксально-суффиксального образования [Русская грамматика I: 232–233]. Последние действительно представлены широко. Их семантика соответствует семантике сочетания предлог + имя существительное — преимущественно обозначение предмета, расположенного поверх чего-л., названного производящим именем: **našijьkь* [ЭССЯ 23: 124], **navujьkь* [ЭССЯ 24: 45]. Следует отметить эту семантику производящих имен (хотя возможны и другие значения, соответствующие вторичным функциям предлога, например, обозначение времени — **natьtьkь* ‘впотьмах’ [ЭССЯ 23: 187], **navečerьje* [ЭССЯ 23: 214]).

Лексика славянских языков и реконструкция праславянской лексики в «Этимологическом словаре славянских языков» (см. [ЭССЯ]) свидетельствуют о реальности также образования имен существительных с префиксом **na-* без участия суффиксов, хотя грамматисты предпочитают называть это моделью с нулевым суффиксом [Русская грамматика I: 239]. Иногда производное имя действительно меняет парадигму, но возможно и сохранение исходной. Преобладающая семантика этих имен также определена первичной функцией префикса — это обозначение предмета по расположению поверх чего-то, названного производящим именем: **nadolь* ‘долина, склон горы’ [ЭССЯ 22: 12], **napleka* ‘вышивка на рубахе по плечу’ [ЭССЯ 22: 218], **nagolenь* ‘паголенок’ [ЭССЯ 22: 43], **naritь* ‘то, что носят на спине, узелок; сбруя’ [ЭССЯ 22: 248], **narogь* ‘железный зубец на сохе, укрепляемый на деревянном роге’ [ЭССЯ 23: 6–7], **narоka* ‘браслет’ [ЭССЯ 23: 18], **naslědь* ‘наследие’ [ЭССЯ 23: 51–52], **nazetь* ‘верхний, пахотный слой земли, навоз’ [ЭССЯ 24: 64], русск. диал. новгор., ряз. *нащѣка* ‘пощечина’ [СРНГ 20: 304], киров. *набереги* ‘часть луга, прилегающая к реке’ [СРНГ 19: 112], перм. *нагвозди* ‘гайки, надеваемые на концы гвоздей’ [СРНГ 19: 196]. Вторичные функции префикса отражены в **natěsto* ‘закваска’ [ЭССЯ 23: 142] — указание цели, назначения, русск. диал. сарат., ворон., тамб. *назól* ‘зола’ [СРНГ 19: 287] — обозначение идентичности или подобия.

Возможно, однако, иное соотношение семантики префиксального имени и производящего имени. В отличие от рассмотренных выше производных с **na-*, производящее имя здесь обозначает сам

предмет, который благодаря предшествующему префиксу характеризуется как расположенный сверху, так что семантика производного имени соответствует как будто значению словосочетания с обратным расположением производящего имени и предлога — «предмет (который) на, сверху», см.: **narъть* ‘верх обуви, угол, крыша’ [ЭССЯ 23: 21–22] — это *ръть* ‘поверх, сверху’, так же **naledь* ‘незамерзающие родники, вокруг которых образуются ледяные бугры, гололедица’ [ЭССЯ 22: 154–155], **nasluda* ‘наледь, обледеневший снег, наст; вода поверх льда’ [ЭССЯ 23: 57], **nasluzь* то же [ЭССЯ 23: 58], русск. диал. свердл. *набрѡвка* ‘деревянный карниз, украшение на окне’ [СРНГ 19: 133], новосиб. *наклѣмка* ‘деревянная скоба’ [СРНГ 19: 330], свердл. *наколѡдка* ‘покрывало с кружевом на кровати’ [СРНГ 19: 335] (*колѡдка* ‘кусочек кружев’), краснояр., колым. *накрѣлки* ‘доски, пришиваемые к бортам корбаса’ [СРНГ 19: 352], белозер. *наблѡдник* ‘полка для посуды’ (*блѡдник* ‘шкафчик для посуды’) [Мызников 2021: 273, 50], *навлѣльник* ‘полка для хранения вилок’ [Мызников 2021: 275]. В русских диалектизмах префикс присоединен к собственно суффиксальному производящему имени. Есть, однако, однотипные по семантической структуре префиксальные имена, образованные с участием суффикса *-ъje*, то есть префиксально-суффиксальным способом: **navodъje* ‘наводнение, затопление, половодье’ [ЭССЯ 24: 17], **navъrъъje* ‘возвышение, гребень, маковка’ [ЭССЯ 24: 55].

Появление этой семантической модели отыменных существительных с префиксом **na-* можно объяснить влиянием модели имен, производных от префиксальных глаголов. Производящие глаголы с семантикой движения / состояния часто передают отглагольным именам семантическую составляющую расположения сверху: **nasypati* → **nasypьь*, так же **nastilь*, **navisь*, **nastь* [ЭССЯ 24: 100–101]. При этом иногда корень отглагольного имени может оказаться тождественным имени существительному в «независимом» функционировании: **nakrovь* ‘крышка’ [ЭССЯ 22: 141] образовано от **nakryti*, но **-krovь* может восприниматься как непосредственная производящая основа и соответственно **nakrovь* как отыменное префиксальное имя с мотивацией по предмету, расположенному сверху. Такова же ситуация с **nagorda* ‘сарай с верхней частью; то, что нагорожено, наложено одно на другое’ [ЭССЯ 22: 50]: это производное от **nagorditi* ‘настроить, нагромоздить,

накладывая одно на другое' [ЭССЯ 22: 51], но носителями языка могло толковаться как производное от **gorda*. Подобные имена существительные, производные от глаголов с префиксом **na-*, и послужили образцом для формирования модели особого типа отыменных существительных с префиксом **na-*.

Очевидно, подобное преобразование (скорее, новообразование) словообразовательных моделей происходит на фоне (или, точнее, в кругу) других соотносительных предлогов / префиксов с пространственной функцией: см. **obvěčaja, -jьka* 'деревянный обод на горловине сита, решета, кадки и под.' [ЭССЯ 31: 15–17] (от **věko* *'крышка') — *'обод вокрут, об-', по аналогии с *осыпать* — *осыть*; русск. диал. *поскóта, поскóтина* 'огороженное пастбище, выгон' [СРНГ 30: 168] — *'место, по которому *скот* пасется', по аналогии с *поливать* — *полива*.

Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по русской этимологии*

Теоретической и методической основой исследования лексико-семантических полей, итогам которого посвящена данная статья, является убеждение в возможности путем анализа лексико-семантических полей выйти на соответствующие фрагменты языковой картины этноса и через них — на собственно картину мира этноса.

Научность понятия «языковая картина мира» определенного этноса у большинства ученых не вызывает сомнений [Шмелев 2002], несмотря на ряд дискуссионных выступлений [Шайкевич 2005]. Я разделяю точку зрения большинства и поэтому не буду останавливаться на свидетельствах реальности языковой картины мира этноса, обнаруживаемой как минимум выполнением языком функции общения членов этноса. Одним (разумеется не единственным) из средств системного изучения языковой картины мира является анализ лексического состава языка по лексико-семантическим полям. И в отношении анализа полей возможны различные подходы, важнейшим и наиболее распространенным из которых является определение «членения мира» внутри каждого поля и пересечение, наложение полей. При этом предметом анализа являются преимущественно синхронные тексты.

* Первая публикация: Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по этимологии // Stephanos. Мультиязычный научный журнал. М.: МГУ, 2014, № 4 (6). С. 93–99. Сетевое издание. URL: http://stephanos.ru/izd/2014/2014_6_5.pdf

Перспективным методом исследования лексико-семантического поля как определенной составляющей языковой картины мира представляется этимологическо-мотивационный анализ поля. Мотивационный анализ позволяет определить выделенные этносом признаки предметов, явлений, с выходом на представления, понятия, то есть собственно картину мира. Необходимой составляющей мотивационного анализа является этимологический анализ [Варбот 2003а]. Обосновывая реконструируемые мотивационные модели, этимологический анализ лексики определенных полей одновременно обнаруживает степень использования в различных полях образований отдельных этимологических гнезд и соответственно также относительную хронологию мотивационных моделей [Варбот 2008б: 84–85]. Сочетание этимологическо-мотивационного анализа с историческим (исследованием состава поля на протяжении истории языка) дает возможность определить степень устойчивости / изменчивости мотивационных моделей (= представлений этноса) в истории языка и направление семантического развития функционирующих в поле этимологических гнезд.

Исследование лексико-семантических полей в семинаре по этимологии на кафедре русского языка в течение последних пятнадцати лет (1999–2013) и было ориентировано на указанные возможности историко-этимологического анализа. Две темы — анализ полей «множество» и «сходство» — были направлены на существенные признаки реалий; далее, были рассмотрены поля, отражающие физическое, психическое и умственное состояние человека: «сила, здоровье / слабость, болезнь», «страх», «судьба, счастье, удача», «безумие»; наконец, исследованы поля, отражающие социальные отношения и поведение человека: «колдовство», «обман», «присвоение чужого», «насмешка», «клевета», «ругать(ся)», а также «ошибка» и «лень». Было доведено до уровня дипломных сочинений 14 исследований: «множество» (О. А. Усович, 2001), «судьба, счастье, удача» (Г. И. Урбанович, 2002), «ругать(ся)» (А. В. Хелемендик, 2002), «лень» (Е. М. Устинина, 2004), «страх» (Н. Е. Безгина, 2005), «безумие» (М. В. Турилова, 2005), «обман» (А. А. Ушакова, 2008), «сила, здоровье / слабость, болезнь» (С. А. Мельникова, 2008), «колдовство» (М. К. Амелина, 2008), «присвоение чужого» (Ю. М. Муратов, 2009), «ошибка» (Д. В. Кулыгина, 2009), «насмешка» (К. В. Бачурина, 2013), «клевета» (Д. Ю. Волобуев, 2013), «сходство» (С. Г. Тамбовцева,

2013), из них пять развернуты впоследствии в кандидатские диссертации: «судьба, счастье, удача» (Г.И. Урбанович. 2007), «ругать(ся)» (А.В. Хелемендик. 2007), «безумие» (М.В. Турилова. 2010), «сила, здоровье / слабость, болезнь» (С.А. Мельникова, 2012), «присвоение чужого» (Ю.М. Муратов, 2013).

Исследования базировались на материале словарей современного русского литературного языка, определенного круга завершенных словарей русских диалектов различных регионов, исторических словарей, с факультативным привлечением словарей разговорной речи.

Исследования строились в основном по единому плану: определение мотивационных моделей исконной лексики поля, определение набора этимологических гнезд, порождающих лексику поля, частеречный анализ лексики поля, генетический и мотивационный анализ заимствованной лексики в составе поля, определение хронологического распределения (фиксации в памятниках по данным словарей) лексем и мотивационных моделей. Аспекты исследования определены существенностью соответствующих характеристик для суждения о роли каждого поля в языковой картине мира.

Общность источников материала и однотипность построения исследований позволяют сопоставлять полученные результаты и делать некоторые обобщения относительно отдельных областей языковой картины мира как отражения соответствующих представлений этноса.

Ниже излагаются результаты, полученные по указанным параметрам исследований.

Рассмотренные лексико-семантические поля различаются количеством составляющих их слов (числа округлены до десятков): «насмешка» — 210; «ошибка» — 265; «лень» — 270; «клевета» — 310; «судьба, счастье, удача» — 330; «присвоение чужого» — 400; «безумие» — 500; «сходство» — 540; «страх» — 540; «множество» — 600; «колдовство» — 670; «ругать(ся)» — 850; «обман» — 1330; «сила, здоровье / слабость, болезнь» — 3000. Очевидно, следует считаться с увеличением количества материала в исследованиях, доведенных до уровня диссертаций, однако даже при учете этого аспекта примечательно порядковое превышение лексического наполнения поля «сила, здоровье / слабость, болезнь» над всеми другими: 3000, ср. диссертационные материалы полей «судьба,

счастье» — 330, «присвоение чужого» — 400, «безумие» — 500, «ругать(ся)» — 850. Очевидно преобладающее внимание к физическому состоянию человека и социально-вредному поведению — «ругать(ся)» и «обман», хотя ср. меньшие данные о «присвоение чужого» и «клевета».

Рассмотренные поля различаются количеством мотивационных моделей (приводимые числа имеют большее значение не как абсолютные величины, а как средство сопоставления полей): «присвоение чужого» — 7; «сходство» — 11; «ошибка» — 18; «лень» — 21; «колдовство» — 22; «множество» и «насмешка» — по 23; «клевета» — 24; «судьба, счастье, удача» — 28; «страх» — 29; «безумие» — 38; «обман» — 51; «сила, здоровье / слабость, болезнь» — 71; «ругать(ся)» — 72. Вероятно, количество мотивационных моделей каждого поля определяется многими факторами; возможны различия в степени обобщения моделей [Толстая 2002: 117–119]. Но все-таки кажется, что большее количество мотивационных моделей полей «сила, здоровье / слабость, болезнь» и «ругать(ся)» в сравнении с другими отражает относительно большую эмоциональную значимость соответствующих понятий (хотя см. равенство количества моделей в полях «множество» и «насмешка»).

Лексические материалы и мотивационные модели полей были рассмотрены с точки зрения их хронологической фиксации по данным исторических словарей. Хотя фиксация в памятниках дает весьма условные сведения о реальном времени появления слова, все-таки эти сведения нельзя не учитывать. Их анализ обнаружил преобладание относительной исторической стабильности мотивационных моделей для всех рассмотренных полей, что свидетельствует об относительной устойчивости соответствующих представлений этноса. При этом наибольшая мотивационная стабильность характерна для полей «сходство», «ругать(ся)» и «обман»; некоторые изменения характеризуют поля «судьба, счастье, удача», «сила, здоровье / слабость, болезнь» и «страх»; наибольшая изменчивость обнаружена в полях «множество», «колдовство», «безумие», «присвоение чужого», «лень», «насмешка», «клевета». Для полей «колдовство», «безумие», «присвоение чужого», «лень», «насмешка», «клевета» большая изменчивость может быть обусловлена идеологическо-социальной значимостью явлений,

а соответственно — их более тесной зависимостью от исторических условий.

Ярким проявлением изменений мотивационных моделей являются представленные в некоторых полях случаи народноэтимологического преобразования лексем и словосочетаний, которое определяется сменой первичной мотивационной модели на более позднюю: ср. *полоска выпала* (мотивация на основе жеребьевки при распределении земельных участков — полос в общинном землепользовании) → *счастье полосой находит* → *счастье полосатое* → *жизнь полосатая* (поле «судьба, счастье, удача»).

Относительно некоторых полей специально анализировались мотивационные модели антонимов, поле «сила, здоровье / слабость, болезнь» изначально рассматривалось как состоящее из двух соотносительных частей-полей. Антонимии лексико-семантических полей в основном соответствует антонимия мотивационных моделей: ср. диал. *корыстный* 'крепкого телосложения' и *неимущий* 'бессильный', *скудаться* 'болеть'. Однако, оказалось возможным и тождество моделей: ср. диал. *намятыш* 'сильный, крепкий, здоровый человек' и *мякушка* 'негодный к службе новобранец', *обмякать* 'становиться расслабленным, дряблым'.

Существенной характеристикой поля является количество этимологических гнезд, производные из которых образуют поле. Количество этимологических гнезд по полям также различно, при этом различна и степень продуктивности образований отдельных гнезд: «сходство» — 37 гнезд; «присвоение чужого» — 46; «колдовство» — 49; «насмешка» — 51; «ошибка» — 57; «клевета» — 62; «судьба, счастье, удача» — 68; «безумие» — 70; «страх» и «лень» — по 90; «обман» — 126; «ругать(ся)» — 184; «сила, здоровье / слабость, болезнь» — 476. Существенно некоторое соответствие между количеством гнезд поля и количеством мотивационных моделей (ср. данные этого параметра и приведенные выше данные о количестве мотивационных моделей в полях «безумие», «обман», «ругать(ся)», «сила, здоровье / слабость, болезнь»). Это соответствие можно толковать как свидетельство существенности различий в семантике гнезд, представляющихся относительно синонимичными в отдельные исторические периоды.

Этимологические гнезда представлены в полях неравномерно: наиболее продуктивными оказались гнезда **ved-* (производные

этого гнезда входят в восемь полей), **rek-* и **slu-* (по семь полей), **bi-*, **ę-*, **li-*, **trep-*, **leg-*, **sta-*, **dur-* (по шесть полей). Очевидно, эта продуктивность соответствует наибольшей семантической разветвленности гнезд.

Весьма существенной характеристикой лексического состава поля является частеречная принадлежность лексем: этот аспект позволяет судить о ментально-языковом освоении различных сторон обозначаемых явлений и понятий — действия или деятеля, состояния или субъекта состояния и т. п. [Варбот 2008б: 87]. Поля «ругать(ся)», «насмешка», «клевета», «обман» составляют преимущественно глаголы; поля «колдовство», «присвоение чужого», «сила, здоровье/слабость, болезнь», «страх», «ошибка» — глаголы и имена действия/состояния; имена состояния и субъекта состояния характерны для поля «лень», а имена состояния — для поля «судьба, счастье, удача»; существительные преобладают в поле «множество», а прилагательные — в поле «сходство».

Анализ словообразовательных моделей полей, осуществлявшийся в рамках этимологического анализа, обнаружил возможность предпочтения определенных словообразовательных моделей в некоторых полях: с префиксом *об-* в полях «обман» и «ошибка», с префиксом *на-* в поле «клевета», возвратные глаголы в поле «насмешка».

Судя по материалам различных полей, существует непосредственная связь между дифференциальными признаками, различающими лексемы поля, и мотивационными моделями, формирующими поле, так что анализ дифференциальных признаков может облегчить выяснение мотивационных моделей. Это существенно учитывать в этимологической практике.

Анализ заимствованной лексики в составе рассмотренных полей обнаружил преобладание формирования в заимствованиях семантики соответствующих полей уже на русской почве, часто в производных от заимствований образованиях и в соответствии с русскими мотивационными моделями: ср. новгор. *офрунтить* 'оговорить кого-либо' и карел. *напереть* 'наговорить, наклеветать' (поле «клевета»).

Определение мотивационных моделей лексико-семантических полей и набора этимологических гнезд, в которых сформировалась соответствующая лексика, послужило базой для разработки гипотез

о происхождении некоторых «темных» диалектных слов. Ниже излагаются некоторые из предложенных студентами и аспирантами толкований.

Ворон. *дело кошель* 'плохо (дело)' — следствие омонимии в истории языка цслав. *къшь* 'жребий, судьба' (др.-русск. *кошитися* 'метать жребий, в частности, при выделении земельных паев') и *кошь* 'корзина' (от которого *кошель*), с развитием значения *кошель* по модели 'часть, доля' → 'судьба', ср. диал. пск. *большой кошель* 'большое затруднение, беда' (поле «судьба, счастье, удача», Г. И. Урбанович).

Перм. *лунуть* 'повезти' < *лукнуть* бросить, кинуть, ср. *случай* (поле «судьба, счастье, удача», Г. И. Урбанович).

Новгор. *покремнуть* 'побранить' — производное от *кремень* 'огниво', ср. мотивационную модель в производном от заимствования *мусат* 'огниво' → *мусатить* 'высекать огонь. ругать' (поле «ругать(ся)», А. В. Хелемендик).

Перм. *созно́б* 'ссора, брань, ругань' — от *знобить*, тождественно по мотивационной модели диал. *остуда* 'размолвка, ссора, брань' (поле «ругать(ся)», А. В. Хелемендик).

Перм. *сдери́хон* 'сумасшедший' — народноэтимологическое преобразование *Иерихон*, соотнесенного с русск. *драть*: ср. диал. *ерихон* 'ругательство', *ерихониться* 'упрямиться' и *с ума сдернуть* 'сойти с ума' (поле «безумие», М. В. Турилова).

Волог. *обшестаться* 'ошибиться' — от *шест* как средства измерения дворов в старой деревне (но и *шест* 'двор, семья'), ср. *обмериться* (поле «ошибка», Д. В. Кулыгина).

Новгор. *наямить* 'наговорить на кого-либо' — ср. *ямить* 'собирать, копить', *наямить* 'скопить' и *рыть яму* 'готовить неприятности кому-либо' (поле «клевета», Д. Ю. Волобуев).

Приведенные результаты историко-этимологических исследований четырнадцати лексико-семантических полей в русском языке позволяют сделать вывод о перспективности сочетания словообразовательно-этимологического (гнездового) и собственно исторического аспектов при мотивационном анализе лексико-семантических полей как составляющих языковой картины мира.

Часть II

Некоторые аспекты структурной реконструкции праславянской лексики

Значение определения производящих основ лексем славянских языков для суждения о диалектном состоянии праславянского языка*

Представление о значительной длительности истории праславянского языка (по различным версиям — от полутора до трех тысяч лет), а также о доисторических изменениях границ расселения славян предполагает признание возможной изменчивости степени тождества / вариативности отдельных характеристик праславянского языка на всей территории его функционирования. Это предполагает соответственно рассмотрение проблемы диалектного состояния праславянского языка в связи с различными временными координатами, включая сюда и определение исторической глубины самого явления диалектного членения (изначальное членение или появление его на определенных рубежах истории праславянского — в I–II вв. н. э. или в VI–VII вв. н. э. и т. п.).

Диахроническое толкование различий славянских языков на фонологическом и морфологическом уровнях базируется на методах относительной хронологии и лингвистической географии. Признание возможности существенных различий праславянских диалектов на лексическом уровне обогатило исследуемую проблему огромным материалом, причем постоянно пополняющимся, но

* Первая публикация: Значение определения производящих основ праславянских лексем для суждения о диалектном состоянии праславянского языка // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana: Založba ZRC, 2012. S. 281–290.

одновременно многократно усложнило исследование вследствие многоаспектности лексических материалов, особенно трудных в отношении диахроническо-хронологического толкования на основе методов лингвистической географии. При этом на первый план выступило сопоставление, увязывание ареальных характеристик явлений различения/схождения с имеющимися сведениями о доистории славян, что не способствует четкости анализа

Диахроническую характеристику и относительную хронологизацию праславянской лексики как будто естественно ожидать от этимологических словарей праславянского языка, но их ориентация на реконструкцию лексического фонда конца праславянского периода отодвигает относительную хронологизацию на задний план. Поскольку, однако, этимологический анализ предполагает определение словообразовательных моделей и производящих основ лексем, в этимологические толкования включаются сведения о степени архаичности/актуальности моделей, а набор производящих основ является в сущности отражением состояния лексики праславянского языка на уровне, предшествовавшем анализируемым словам.

Основным вкладом этимологии в освещение проблемы диалектного членения считается обнаружение лексических эксклюзивов отдельных славянских языков или определенной группы языков, которые и характеризуются в праславянских этимологических словарях как диалектизмы. Результаты этимологического анализа, которые в конечном счете предполагают введение слова в определенное этимологическое гнездо (славянское или индоевропейское) с указанием способа и мотивации образования, тем самым дают сведения об относительной хронологии диалектизма — индоевропейское наследие, например, **čьrvъ* (русск. диал. *черв* 'серп, коим жнут', родств. лит. *kiŗvis* 'топор', см. [ЭССЯ 4: 171]) или собственно праславянское образование: **mězgyr'ь* 'паук' как праславянский диалектизм восточнославянских языков [ЭССЯ 18: 226–227], **нарѣта*/**нарѣть* 'наемный работник' как чехоморавизм [ЭССЯ 22: 234–235]. Разумеется, эти диахронические характеристики можно признать лишь весьма грубой относительной хронологией, особенно в отношении праславянских образований. Однако далее на первый план должны выходить характеристика производящей основы и аффиксации. Например, для **mězgyr'ь* утрата производящего

глагола (ср. лит. *mėgsti, mezgù* ‘вязать’) при собственно славянском древнем (судя по аблауту) суффиксе [Sławski. Zarys słowotwór. II: 28] побуждает предполагать большую древность, чем для **narp̃ta / *narp̃t̃ь* — регулярных по структуре производных от **narp̃tati*, продолжения которого функционируют в том же языковом круге. Относительная хронология этого типа должна учитываться при рассмотрении диалектизмов в плане диахронической глубины диалектного членения праславянского языка.

Словообразовательный аспект этимологического анализа требует учета максимально возможного состава этимологического гнезда, который представлен во всех славянских языках. При этом обнаруживаются различные по языковой представленности соотношения производного слова и производящей основы, так что нередко поиск производящей основы для предполагаемого диалектизма заставляет выходить за пределы соответствующего языка. Например, для объяснения происхождения словацк. *sokorec* ‘вершина, верхушка’ [SSJ IV: 137–138], ‘отесанная ель’, мн. ‘вершины гор’ [Kott III: 516] представляется перспективным сравнение со словен. *sočiti* ‘сбивать рога’, *sokniti* ‘уколоть’ как возможными производными гнезда **sěkti*, а принятие этого родства означает, с одной стороны, более широкое функционирование основы **sočiti* в праславянский период, а с другой — регулярность образования и меньшую древность словацкого диалектизма [Варбот 1976: 41–42]. Этот вывод справедлив и в отношении слабо зафиксированных по языкам глаголов, послуживших производящими основами для лексем общеславянской представленности: например, глагол **skobiti*, продолжение которого есть только в кашубском *uosc^hòbìc* ‘сдирать кору’ (и, может быть, в производном русск. диал. *скобонуть* ‘ударить’, см. [Варбот 1973: 2–4; Варбот 1981a: 319–320]), должен быть приписан к раннепраславянскому состоянию, поскольку производное от этого глагола имя **skobьlь / *skobьl’a* известно старославянскому, словенскому, чешскому, словацкому, польскому и русскому языкам. Статьи праславянских этимологических словарей свидетельствуют о типичности такой ситуации утраты большинством славянских языков существенных звеньев этимологических гнезд в позднепраславянский период, а из этого следует существенное ограничение лексических различий на раннепраславянском уровне.

Не менее существенно включение в состав словариков праславянских словарей лексем, реконструированных только по производным: таковы, например, в словнике SP **běluzь*, **bolědbь*, **čiti*, а в ЭССЯ реконструированные как праславянские основы **kǫd-* (для **kǫdьkь*, **kǫsati*) и **mox-* (для **mošьna*, **moxura*, **moxuna*), не введенные в словарь.

Непосредственный интерес для исследования диалектного состояния праславянского языка представляет диахроническая характеристика и относительная хронологизация синонимичных однокоренных праславянских образований с морфонологическими и морфологическими различиями, которые можно рассматривать как варианты: это лексемы с вариантностью корня при минимальном аффиксальном оформлении (только показатели основ), однокоренные образования с морфологической вариантностью производящей основы, но тождественными словообразовательными аффиксами, наконец, однокоренные образования от тождественной производящей основы, но с разными аффиксами. Анализ различных по структурным соотношениям лексических соответствий по-разному информативен для рассматриваемой проблемы диалектного членения. Основываясь на характеристиках словообразовательных моделей, этимология может представить суждения о степени вероятности синхронности синонимов (собственно диалектном параллелизме) или о диахронических различиях, вплоть до появления одного из синонимов в результате преобразования другого.

При обращении к синонимам с тождественной морфологической структурой, различающимся вокалической структурой корня, представляются существенными две характеристики: наличие/отсутствие производящих основ с соответствующей огласовкой для каждого варианта и структурно-диахроническая характеристика аффиксальной части. Например, относительно группы вариантов **ruxlьjь* / **ruxlьjь* / **rьxlьjь* наличие для всех прилагательных точных соответствий по ступеням вокализма в производящих глаголах и продуктивность суффиксальной модели свидетельствует о диалектном параллелизме вариантов. В группе синонимов-вариантов **plьtь* / **plutь* / **plytь* 'плавник', производных гнезда **pluti* / **plyti*, изолированное положение вокализма **plьtь* (отсутствие глагольной основы с такой огласовкой корня) в сочетании с известным

морфонологическим предпочтением корневого вокализма в ступени редукции в именах с суф. *-t-* (см. **rьtь*, **rьrtь*, **sьmьrtь*, **rьrtь*) характеризует именно этот вариант как древнейший, подвергшийся в ряде диалектов преобразованиям под воздействием актуальных глагольных основ.

Сложнее истолкование соотношения лексем в паре **čerda* / **kьrdь* 'стадо', которая возводится к гнезду и.-е. **ker-* 'резать', так что **čerda* < **kerda* [ЭССЯ 4, 60–63], с архаичным и редким для славян суффиксом. В отличие от **čerda*, имеющего индоевропейские соответствия, для **kьrdь* таковые не отмечены, глагол ***kьrti* 'резать' также неизвестен, и В. Махек допускает редукцию гласного в корне в связи с суффиксацией в форме **kьrdelь* (чеш. диал., словац., укр., словен., серб.-хорв. [Machek²: 291]), так что для **kьrdь*, таким образом, предполагается обратное (от **kьrdelь*) образование. В таком случае диахроническая вторичность **kьrdь* по отношению к **čerda* наиболее вероятна. При этом преобразование могло произойти только до первой палатализации и метатезы плавного в форме **kerda*, так что это случай раннепраславянского преобразования, которое связано не с собственно диалектным морфонологическим противопоставлением, а с вторичным словообразованием.

Ярким случаем диалектного различия на праславянском уровне является соотношение знаменитых синонимов **kьrmyslь* / **čьrmyslь*. Можно считать несомненным их родство, происхождение (в конечном счете) из гнезда **čerti* с использованием различных вариантов огласовки корня и тождественной суффиксации. Ближе всех к толкованию словообразовательной модели подошел Трубачев, который принял вслед за Брюкнером производность от **kьrma*, сближение с укр. *кормига* и пришел к реконструкции основы **kьrmys-* / **kьrmux-* [Трубачев 1974: 40–41]. Реальность последнего варианта подтверждается русским диал. калин. *кормыш* 'ряд изб на окраине деревни или за околицей, построенных только с одной стороны улицы' и 'название большой косы на реке' [СРНГ 14: 364]: источником этих значений является семантика кормы / кормового весла как обрубленного, отрезанного, см. еще диалектные материалы [Варбот 1999: 134–135]. Соответственно далее Трубачев реконструировал «суффиксальную группу *-ys-l-*» [Трубачев 1974: 40]. Итак, получается довольно сложное, двухступенчатое образование от реального

имени **kьrma*, которое объясняет структуру **kьrmysь*. В отношении **čьrmysь* не отмечены как реальные лексемы ни ***čьrma*, ни какие-либо промежуточные производные от этой основы, которые подвели бы далее к **čьrmysь*. К тому же нестандартность реконструированной последовательности аффиксов затрудняет предположение о возможном параллелизме образований. Трубачев охарактеризовал отношения **kьrmysь* / **čьrmysь* как фонетическую вариантность, которая может быть сведена к историческому тождеству, причем **čьrmysь* является периферийным реликтом [Трубачев 1974: 37–38], такова же точка зрения Х. Поповской-Таборской [SEK I: 225]. В таком случае вариантность лексем является следствием вариантности велярного и палатального слоговых *r* в нулевой ступени огласовки корня и.-е. **ker-* — **kr-/ *krʹ-*, от которого и была унаследована славянским именем (возможно, ранее — глаголом) до процесса первой палатализации, которая разобщила бы варианты исходной основы. Таким образом, в данном случае праславянское диалектное различие является индоевропейским наследием и может быть отнесено к синхронной вариантности.

Широко распространена вариантность суффиксальной структуры производящих основ имен при тождестве аффиксальной части. Такие образования располагаются в праславянских словарях непоследовательно: то как самостоятельные позиции в словнике, то в одной словарной статье, но во всех случаях как правило не ставится вопрос о возможности диахронических различий вариантов, так что все они представлены как сосуществовавшие лексемы позднепраславянского периода. Но если, например, для **bobrovina* / **bobrina* [SP I: 289–290 — в одной статье] вполне возможно синхронное параллельное образование от **bobrь* и **bobrovь* (или даже от **bobrь* с сохранением или утратой показателя основы *-й-*), то для группы **kys(ь)lьjь* / **kysělьjь* / **kysalьjь* [ЭССЯ 13: 275, 271, 268 — в разных статьях] наиболее вероятна бóльшая древность первого из приведенных вариантов при последующем воспроизведении словообразовательной модели на базе актуальных глагольных основ или даже преобразование перичного варианта по аналогии с этими глаголами. Такие различия в диахронических соотношениях праславянских вариантных синонимов несомненно представляют интерес для суждения о диалектном состоянии праславянского языка в разные его периоды.

Аналогичным образом требуют диахронической оценки отношения в группах вариантных синонимов с тождественными производящими основами, но вариантной аффиксацией. Здесь существенным основанием для суждения является соотношение вариантов аффиксов. Например, синхронными вариантами могут быть **bēlica*/**bēlika*, **lazoka*/**lazoga*, поскольку варианты суффиксов не различаются диахронически. Иная ситуация в отношениях **melvo*/**melivo*, где наиболее вероятно преобразование первой структуры во вторую соответственно актуальности суффикса *-ivo* (правда, не исключено, что это произошло уже в ранней истории отдельных славянских языков). В паре **sqvęzъ*(ъ)/**sъvęzъ* О.Н. Трубочев охарактеризовал первое имя как «именной член архаической пары **sqvęzъ* — **sъvęzati*, в отличие от более поздней, с обобщением глагольного префикса **sъvęzъ* — ***sъvęzati*» [Трубочев. Проспект: 81]. Кстати, эту пару можно дополнить еще вариантом **sqjęz-*, который реконструируется на основе русск. диал. донск. *суязно* 'согласно' [Сл. донск. гов. III: 150 — *Суязно* живут]. Структура **sqjęz-* примечательна и архаичной префиксальностью, и редкой, также архаичной формой корня с протетическим *j* (явно не зависящей от *обязаться*, вопреки Фасмеру [Фасмер IV: 549]; см. [Варбот 1991: 170]). Поэтому выстраивается диахроническая последовательность **sqjęz-* (русск. диал.) — **sqvęzъ* (серб.-хорв., блр.) — **sъvęzъ* (русск., серб.-хорв., чеш. и др.). Учитывая историю глагольных форм, можно предполагать преобразование первой формы во вторую и последующее воспроизведение модели в третьей форме. Таким образом, различие отношений параллелизма и преобразования в группах однокоренных синонимов с вариантной структурой необходимо при оценке относительной хронологии лексического материала для исследования проблемы диалектного состояния праславянского языка.

К проблеме диалектного состояния праславянского языка непосредственное отношение имеет толкование отношений гетерогенной омонимии/многозначности, а в этой области наиболее надежен этимологический анализ. Например, очень древними гетерогенными омонимами считаются праслав. **pridъ* 'доплата, доход' (специфическое северно-южнославянско-балтийское лексическое соответствие: кашуб. *prïd*, польск. *przyd*, цслав. *придъ*, болг. диал. *прид*, серб.-хорв. *prïd*, словен. *prid* — лит. *priėdas*, лтш. *prieds*)

и **pridь* ‘обод днища деревянного сосуда’ (блр. *pryd*, русск. диал. смол. *prid*), см. в последнее время [SEK IV: 128]. Показательно, однако, что, обосновывая гетерогенность различием значений, автор статьи в [SEK IV: 128] не указывает происхождение **pridь* ‘доплата, доход’ (как, впрочем, и **pridь* ‘обод днища деревянного сосуда’). Это не случайное и очень существенное умолчание. Его можно объяснить только отсутствием однозначного толкования происхождения как **pridь* ‘доплата, доход’ (условно *pridь* I), так и **pridь* ‘обод днища деревянного сосуда’ (условно *pridь* II). Хотя априори **pridь* I тяготеет к **dati* [Skok I: 382; БЕР V: 706–707 и др.], а **pridь* II — к **děti* [Трубачев 1963: 182], семантика обоих глаголов не исключает возведения к каждому из них значений обоих имен (возможность производности этой структуры от каждого из глаголов не оспаривается): доплата, доход может мотивироваться как прибавление (для балтийских слов с этим значением также допускается происхождение от *pridēti* ‘добавить’, см. [Лаучюте. Сл. балтизм.: 82]), а нижний обод сосуда — как приданный (см. обзор толкований [Петлева 2000: 208–209; ЭСБМ 10: 73–75]). Но в таком случае вряд ли можно настаивать на гетерогенности двух лексем. Следует также обратить внимание на географическую смежность территории распространения лехитского **pridь* I и блр.-русс. **pridь* II. Этот ареал можно толковать как аргумент в пользу принятия версии о гомогенных омонимах, источником которых было единое раннепраславянское слово с семантикой ‘присоединенное = прибавленное’.

Как было сказано выше, реконструкция производящей основы праславянского слова часто возможна только при учете всего состава соответствующего этимологического гнезда, насколько он представлен во всех славянских языках, тогда как часто производящая основа слова реконструируется по данным только одного языка или ограниченной группы языков. При этом, однако, для этимологии существенно представление о состоянии диалектных различий лексики в разные периоды истории праславянского языка. В частности, это необходимо при решении вопроса о мотивационных моделях лексем (как показывает и изложенная выше проблема толкования **pridь*). В анализе диалектной ситуации раннепраславянского языка может быть, кажется, найдено решение о первичной мотивации слав. **pěstunъ*.

После длительного периода предпочтения версии родства праславянского словообразовательного гнезда **pěstunъ*, **pěstati*, **pěstiti*, **pěstovati* с **pitati* было разработано несколько новых толкований. Позволю себе не излагать все существующие версии, поскольку как иллюстрация проблемы связи диалектного состояния праславянского языка и реконструкции мотивационных моделей представляется показательной версия, связывающая происхождение слова **pěstunъ* (через посредство глаголов **pěstati* / **pěstiti* 'нянчить, ласкать. воспитывать') с взаимосвязанными **pěšť* 'толкач, палка для размельчения какого-либо вещества в ступе' [Варбот 1994: 135–139] или **pěsta* 'ступа' [Wańkowski 2: 542], 'ступица колеса' [Boryś: 432–433]. Толкование от **pěšť* обосновано преимущественно русским диалектным материалом, свидетельствующим для глаголов *пестать*, *пестовать* обозначение действия игры с малолетним ребенком, держа его на руках, на коленях и подбрасывая его; другое обозначаемое действие — 'определять вес, поднимая кого-, что-либо'. Предполагается, что соответствующие действия были уподоблены возвратному движению песта, что и мотивировало образование производных от **pěšť* глаголов, а от них — **pěstunъ*. Толкование от **pěsta* 'ступа' основано на предположении о первичности в комплексной семантике глаголов 'нянчить ребенка' составляющей 'держатъ в руках, обнимать руками', откуда уподобление этого действия положению ступы относительно песта и соответственно образование глаголов от **pěsta*. Версия В. Борыся о производности от обозначения ступицы колеса определяется опорой на вторичное значение **pěsta* 'ступица колеса' (единственного сохранившегося в лехитских языках) и предполагает уподобление действий няньки, качающей на руках ребенка, функции ступицы с весьма подвижной (при первичной конструкции) осью внутри. Хотя все три толкования означают введение лексической группы **pěstunъ*, **pěstati*, **pěstiti*, **pěstovati* в этимологическое гнездо **pъxati*, для этимологии остается важным уточнение первичной мотивации.

Вопрос заключается в определении производящей основы глаголов **pěstati* / **pěstiti*. Поскольку они известны всем группам славянских языков, их образование должно быть отнесено к раннепраславянскому периоду. Уже это обстоятельство ставит под сомнение производность глаголов от **pěsta* со значением 'ступица'.

Точные балтийские соответствия для славянских имен **pěstь* (лит. *piēstas*, лтш. *piests* ‘пест’) и **pěsta* (лит. *pietà*, лтш. *piesta* ‘ступа’) свидетельствуют о том, что основа рассматриваемой лексической группы была унаследована от балтославянского состояния в виде парадигматической пары с дифференцированной семантикой: **pěstь* ‘толкач, палка для размельчения какого-либо вещества в ступе’ / **pěsta* ‘ступа’ [Machek²: 451], что соответствует исходной семантике индоевропейского гнезда **peis-* ‘толочь, молотъ (особенно зерно)’ [Pokorný I: 796]. Позднее происходило семантическое сближение и смешение парадигматических вариантов. Значение **pěsta* ‘ступница’ вторично, это следствие метафорического переноса, хотя и достаточно древнее, судя по тому, что оно присутствует как в западнославянских, так и в южнославянских языках и послужило в качестве модели — как сочетание значений **pěsta* ‘ступа, ступница колеса’ — для формирования пары заимствованного из прагерм. **stopa* и его производного **stopica*. Однако значение ‘ступница’ неизвестно восточнославянскому **pěsta*. Поэтому (как было сказано выше) сомнительна производность от семантики ступницы и нельзя игнорировать семантику ступы с пестом. Следует отметить присутствие в семантике глаголов **pěstati* / **pěstiti* трех составляющих: удерживания в руках, подвижной игры с ребенком (подкидывания — см. выше русский материал) и ласкового, нежного обращения с ним, см., например, польск. *pieścić* ‘забавляться с кем-либо любовно, осыпать ласками, нежно прижимать к себе; баловать, изнеживать; (охотн., о медведе) душить в своих объятиях’ [Warsz. IV: 172], укр. *пестити* ‘нежно касаясь, глядя, проявлять любовь’ [Сл. укр. мови V: 341–342]. Представляется, что эти составляющие плохо согласуются с ситуацией произвольного движения оси в ступнице колеса, но могут ассоциироваться с представлением о ступе с пестом (движения которого аккуратны и задаются человеком). Соответственно предпочтительно толкование первичной мотивации **pěstati* / **pěstiti* как ‘держат при себе, охватывая, но и осторожно двигая, подкидывая’ (то есть предлагается объединить первые два из трех приведенных выше толкований). Дополнительным аргументом в поддержку этого решения представляется русск. диал. калин. *пестунья* ‘ступа для толчения зерна’ (уже упоминавшееся в работе «Об этимологии праслав. **pěstovati...*»), см.: [Варбот 1994: 138].

Очевидно, выделенные выше аспекты реконструкции производящих основ славянских лексем и их диахронического толкования отнюдь не исчерпывают все связи этой реконструкции с проблемой исследования диалектного состояния праславянского языка, но обнаруживают необходимость двустороннего учета этих связей.

Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда*

Системы флексий праславянского спряжения и склонения свидетельствуют о реальности действия морфологического переразложения в истории праславянского языка, во всяком случае — о наличии его результатов к концу праславянского периода. Длительность этого периода и существенность фонетических изменений, происходивших в течение его, позволяют предполагать возможность действия морфологического переразложения также в производных основах лексем. Речь может идти о переразложении на границах словообразовательных морфем с корнем: префикс — корень, корень — суффикс.

Случаи подобного переразложения широко отмечаются при этимологическом истолковании лексики отдельных славянских языков, но переразложение редко признается как основа образования лексем праславянского (даже позднепраславянского) периода: например, праслав. **kl'unъ* 'клюв' от **kl'unŏti* [Vaillant. Gram. compar. IV: 582], **brudъ* 'грязь' от **ob-ruditi* (А. Вайян, цит. по: [ЭССЯ 3: 45]), **brědъ* 'плоды' < **abrědъ* [ЭССЯ 3: 16], **-tvoriti* 'за-, от-, при-крыть' < **otvoriti* [ЭССЯ 35: 111 — **orztvoriti* II].

* Первая публикация: Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 9–16.

Еще реже лексемы — результаты переразложения включаются непосредственно в словник праславянского словаря, если формы отдельных славянских языков представляют также рефлексы состояния, предшествовавшего переразложению: ср. **bačiti* ‘заметить, увидеть’ < **ob-ačiti* [SP I: 174–175] и **obačiti* [ЭССЯ 26: 91]; **bagniti* (*se*) ‘окотиться (об овцах)’ < **ob-agniti* (*se*) [SP I: 177] и **obagniti* (*se*) [ЭССЯ 26: 92–93], хотя в статьях **obačiti* и **obagniti* (*se*) отмечены результаты переразложения без хронологической приуроченности [ЭССЯ 26: 91, 92–93]; **obverzьka* [ЭССЯ 31: 11–12], хотя весь анализируемый материал — названия растений русск. *берёзка*, укр. *берізка*, блр. *бярoзка* — толкуется как результат переразложения.

Выделяются определенные словообразовательные модели, в которых чаще обнаруживается переразложение. Таковы производные от глагольных основ с суф. *-nq-* и с префиксом *ob-*.

Приведенное выше толкование праслав. **kl'unь* ‘клюв’ от **kl'unqti* предполагает переосмысление суффиксального *-n-* в глаголе как элемента, завершающего корень, чему способствовало этимологическое вокалическое завершение его. Часто подобная фонетическая ситуация складывается в глаголах в результате упрощения групп согласных, образованных последним взрывным (зубным или губным) корня и суффиксальным *-n-* и преобразованных в направлении устранения взрывных. Следствием упрощения оказываются глагольные основы с псевдовокалическим завершением корня и потенциальным присоединением к корню суффиксального *-n-*. Так объяснены праслав. **xyniti* ‘обманывать’ от **xynqti* ‘качнуть, наклонить, ошибиться’ [Matzenauer 1881: 8–9; Варбот 1984б: 148], **ogъnivo* ‘звено цепи, изгиб’ от **ogъbnqti* ‘согнуть’ [Berneker I: 366 — польск. *ognivo* ‘звено цепи’ включено в гнездо **gъbnqti*; Варбот 1984б: 144], а также **obtonь* ‘глубокое (просевшее) место’ от **obtonqti* ‘утонуть, углубиться’ [Варбот 1984б: 147], **(sъ)klenь* ‘крышка, свод, соединение’ от **(sъ)klepnqti* ‘опустить, закрыть, скрепить’ [Варбот 1984б: 153–154], **(vь)kyn'ati se* ‘роиться’ от **(vь)kydnqti* ‘броситься’ или **kypnqti* ‘кишеть’ [Варбот 1984б: 155–156; ЭССЯ 13, 264] и некоторые другие. Такое толкование наиболее вероятно для праслав. **brьno* / **brьнь* ‘болото, грязь’ от **brьdnqti*, к **bresti*, **bredq* — см. сопоставление с польск. *brnąć* ‘идти, брести (в грязи, воде)’ [ЭССЯ 3: 70]. Праславянская

древность всех приведенных производных обосновывается их фиксацией во многих или нескольких славянских языках различных групп. Особенно существенным свидетельством праславянской принадлежности структур с морфологическим переразложением является возможность в подобных словах древних форм аблаута: см. гипотезу о происхождении **grǫnъ* (русск. *грюнь* ‘рысь’) из гнезда **gręsti*, **grędǫ* [Petersson 1913: 381], то есть **grǫnъ* от **grędnǫti* с чередованием **e/*o* [Варбот 1984б: 147]. С другой стороны, нерегулярность конечной фонетической структуры корня (с последовательностью *-ęn-*) в производном **kręniti* (чеш. *křeniti se* ‘хмуриться, гримасничать, хныкать’, русск. диал. *крэниться* ‘плакать’) от **krędnǫti* ‘сдвинуть, согнуть’ [Варбот 1984б: 149–150] свидетельствует о возможности переразложения в данном случае только после монофтонгизации дифтонгов.

Морфологическим переразложением в отглагольных производных с префиксом *ob-* объясняются приведенные выше **bačiti*, **bagniti* (*se*), а также **berzъka* (<**obverzъka*). Набор подобных преобразований на праславянском уровне пополнило исследование А. Ломы: **blizna/*bluzna* от **oblyznǫti* ‘ударить’, **bъrtъ* от **obvъrtěti*, **buxavъ(j)ъ* ‘вялый, затхлый’ от **ob-ǫxati*, **brǫdъ(ca)* ‘стыдные волосы’ от **ob-rǫděti* ‘обрасти волосами’, которое от **rǫdъ* ‘косматый, кудрявый’, и некоторые другие [Лома 2000: 606–607, 609, 620, 610]. С последним ср. иное отождествление корня для вост.-слав. **brudi* ‘волосы по бокам или на нижней части лица’ при русск. диал. *бруд* ‘край глиняного горшка, кринки’ [Селигер 1: 70] — от **ob-rǫditi* к **ręd-* [Варбот 1998: 41–43].

Присоединю сюда еще несколько случаев.

brętviti*: к этому глаголу возводятся словин. *břǫtv'ic sq* ‘кумиться, брататься’, кашуб. *břǫtv'ic* ‘воображать, мечтать’, польск. *brzętwić się* ‘роиться (о пчелах)’; толкование от звукоподражания см. [ЭССЯ 3: 24], но сопоставление с русск. диал. *бряцить* ‘жить, поживать, быть здоровым; быть в состоянии ходить, двигаться (о слабом человеке)’ позволяет предполагать результат переразложения префиксального **ob-rętviti*, производного (через промежуточное *ob-rętvа*) от **ob-ręsti*, **ob-rętijǫ* (*se*) ‘встретить(ся), найти, повидеться’ [Варбот 2003б: 125–126].

В двух случаях семантика славянских лексем позволяет, кажется, выделить из материалов, относимых традиционно к одному

этимологическому этимону, некоторые образования, для которых возможно иное толкование, связанное с допущением морфологического переразложения в производном другого гнезда.

От лексем, отнесенных в этимологических словарях праславянского языка к **brityь* с общей семантикой 'острие, что-либо отрезанное' [SP I: 382; ЭССЯ 3: 32], следует отделить русск. диал. *брум* 'огузок, комель снопа': это слово генетически сопоставимо с чеш. диал. *břítovi* 'нижняя часть снопа', которое убедительно объяснено В. Махеком как производное от **ritь* 'огузок, бедро' (в чешском также 'нижняя часть снопа') [Machek²: 533], так что есть основания для предположения о переразложении в первичном **obritь* (чеш. *obřitek* 'желтое или белое пятно на бедрах диких животных' [Profous III: 247]), см.: [Варбот 2000: 48; ЭССЯ 29: 91] и отнесения **brityь* в этом значении к праславянскому состоянию, но как отличного от **brityь* 'острие'.

В составе лексем, относимых к **brukati* / **bruxati* 'быстро, с силой бросать, извергать(ся)' [SP I: 392; ЭССЯ 3: 46], семантика глаголов русск. диал. *брухать*, *брукать* 'бросать, кидать, брыкать, лягаться, бодать, бить тычком', *брухаться* 'бодаться' при сопоставлении с русск. диал. *брушить* 'бодать, колоть, бить, бросать' [СРНГ 3: 212; SP I: 392] позволяет предполагать хотя бы для части материала связь (через переразложение) с **obrušati*, **obrušiti*: ср. русск. диал. *обрушить* 'повредить, поранить, забодать' [ЭССЯ 29: 127].

В производных от глаголов с префиксом *ob-* благоприятные для переразложения условия появляются при корневом начальном *v-*. Фонетически закономерное исчезновение корневого *v-* вызывает далее отнесение к корню префиксального *b-* с последующим устранением префиксального *o-*: см. выше **berzьka* (< **obverzьka*), а также предположение А. Ломы о происхождении **bьrtь* от **obvьrtěti*. Следует, кажется, обратить внимание на случаи семантической близости лексем с начальными *b-* и *v-*. Так, для праслав. **bordavica* давно уже предполагалась связь с **verdь*, природу которой можно видеть не только в контаминации двух слов [Machek²: 63; ЭССЯ 2: 199–200], но и в переразложении в структуре ***obordavica* < ***obvordavica* (ср. русск. *бередить*). Параллелизм форм славянских языков с вариантными начальными *b/v*, реконструируемый как **bьrlookьjь* / **vьrlookьjь* 'косоглазый' [SP I: 420; ЭССЯ 3: 170],

может быть следом переразложения в структуре ****obvьrlookъьь**, производной от ***verti**, ***vьrǫ** ‘поворачивать, сгибать’.

Исходя из вероятности действия морфологического переразложения в праславянской истории лексем с начальным *b-* (как осколком префикса *ob-*) и корнями с этимологическим начальным *v-*, считаю возможным предложить версию происхождения праслав. ***bolna**. Прежде всего, следует учесть существенность особенно для этой лексемы согласования предлагаемого толкования и круга предполагаемых продолжений в славянских языках. Дело в том, что соответствующий лексический материал иногда распределяется по двум омонимичным этимонам с различной семантикой: ‘тонкая ткань, оболочка в живых организмах, мембрана, перепонка, заболонь дерева’ и ‘открытое низменное травянистое пространство, пойма’, хотя при этом принимается генетическое тождество, то есть гомогенная омонимия, см. такое распределение и толкование в [SP I: 307–309 — ***bolna** 1, ***bolnъje**, ***bolнь**, ***bolna** 2; Аникин РЭС 4: 27–31 — *болона* I, *болона* II, *болонь*, *болонье*]. Принципиальное объединение всего материала под ***bolna** см. в [ЭССЯ 2: 175–177]. И все авторы принимают толкование ***bolna** по родству с праслав. ***bělъ** и лит. *bálnas* ‘белый’ с мотивацией обозначения и заболони/ пленки, и открытого травянистого пространства по цвету. В отношении последнего аргументом служит предполагаемая тождественная мотивация (по светлому цвету) слав. ***bolto**.

Основанием для иного этимологического толкования ***bolna** могут служить следующие характеристики материала. В русских говорах и в других славянских языках представлены префиксальные структуры — с начальным *o-*, однокоренные и семантически близкие с ***bolna**: русск. диал. *оболонь* ‘горьк. ‘гнилое место на бревне’, нижегор. ‘низменный, пойменный луг’, калуж. ‘топкое, низменное место’ [СРНГ 22: 168], *оболонка* пск. ‘внутренний слой коры дерева, заболонь’ [СРНГ 22: 167], чеш. *oblana* ‘заболонь дерева между древесиной и корой’ [Kott II: 221], польск. *oblona* ‘заболонь под корой дерева’, диал. ‘нераспаханный луг’ [Warsz. III: 483], укр. *оболона* ‘кожа, оболочка’ [Гринченко III: 21], диал. *оболона* ‘луб, выемка в дереве’ [Лисенко: 140], ‘низина у реки’ [Черепанова 1983: 177], блр. *абалона* ‘пойма, заболонь’ [Белорус.-русс. сл.: 20], диал. ‘затока реки; место на сенокосном лугу, которое заливается водой’ [Яшкін: 36]. В ЭССЯ эти структуры возводятся к ***obboln-**, то есть

толкуются как префиксальные производные от **bolna* [ЭССЯ 26: 113–114 — **obbolna*, 114 — **obbolnъka*, **obbolnъкъ*, 114–115 — **obbolnъ*], но нельзя ли предположить обратное направление словообразовательных связей, а именно — первичность структуры ***oboln-* с префиксом *ob-*, которая соответствует представлению о заболони как ‘о-кружающей, о-хватывающей (собственно древесину)’ части древесного ствола и при этом предполагает скорее отглагольное, чем отыменное образование? Ср. структуру и мотивацию укр. диал. *оболока* ‘заболонь’ [Никончук 1979: 82]. Менее очевидна вероятность мотивации по признаку окружения, охвата для обозначения низменного рельефа, но и здесь значения ‘пойма, пойменный луг’ (см. выше) хотя бы допускают ее. Другой повод для предложения нового этимологического толкования предоставляется собственно семантикой продолжений **bolna*: здесь наиболее существенным представляется семантический компонент сырости, связи с водой, присутствующий в значениях названий топких, низменных мест, пойменных лугов, поймы; влажность характеризует и заболонь дерева, ср. еще выше семантику гнили. Сочетание вероятной первичной структурной характеристики — префикса *ob-* и наличие семантической связи с водой позволяют предположить для **bolna* происхождение из ***obolna* < ***obvolna* — производного от глагола гнезда **vьlati*/**valiti* ‘поворачивать(ся), катить(ся), течь, окружать, покрывать’. Ср. в отношении семантики производные от **vьlati* — **vьlna*, от ***obvьlati* — **obvьljь*. Непосредственной производящей основой для ***obvolna* мог быть глагол ***obvoliti*, производный от ***voliti*, который А. Вайян считал предшественником праслав. **valiti*, объясняя преобразование корневого вокализма ***voliti* > **valiti* необходимостью избежать омонимии с **voliti* ‘предпочитать, выбирать’ [Vaillant. Gram. compar. III: 429].

{Как непосредственное подтверждение предложенной выше реконструкции происхождения позднепраслав. **bolna* < раннепраслав. **obvolna*, производного от **vьlati*/**valiti*, можно толковать образование русск. беломор. *вонола́* ‘болона’ [Мызников 2021: 81]: структура слова объясняется как результат метатезы в исходном **волона*. См. также статью «Диалектные дополнения к некоторым праславянским этимологиям» (наст. изд., с. 202)}*.

* В фигурных скобках — дополнение, сделанное в 2022 г.

Морфологическому переразложению способствует не только упрощение групп согласных на границе префикс–корень, но также и появление здесь вставных звуков. Характерное для славянских языков осложнение группы *zr* вставным *d* на этой границе с последующим переразложением может объяснить происхождение праслав. **draziti*. Его источником представляется глагол **orzdrziti* — префиксальное производное от **raziti*, ср. тождество семантики глаголов **orzdrziti* и **orzraziti*: ст.-слав. **раздразити** *καταρρηγύναι* ‘разбить, поразить’, польск. *rozdrzić* ‘разбить, поранить’ при диал. *rozrazić* ‘разбить, поранить, повредить’, др.-русск.-цслав. *раздразити* ‘ударом разбить на части’ при *raz / roz-raziti* ‘ударом разбить, раздробить что-л.’; относительно развития семантики раздражения в **raziti* см. русск. диал. *разразить* арханг. ‘поранить, разрезать’ и ‘растревожить, растравить (рану)’, свердл. ‘вывести из себя, раздражить кого-л.’, карел. ‘привести в раздраженное состояние’, укр. *розразити* ‘раздражить. растравить’, блр. диал. *разразіць* ‘растревожить, растравить’, подробнее см. [Варбот 2010а: 40–42]. Семантическая связь **draziti* с **raziti* обнаруживается даже в производном третьей ступени — русск. диал. арханг. *раздразнить* ‘поранить какую-л. часть тела’ (**draziti* — **drazнь* — **drazniti* — **orzdrzniti*) [СРНГ 33: 331].

При вероятной спорности некоторых из упомянутых, известных и предложенных выше случаев морфологического переразложения в праславянской лексике трудно, однако, отрицать реальность этого процесса на праславянском уровне, особенно его результаты в позднепраславянском языке. Поскольку, как было показано выше, переразложение непосредственно связано с результатами упрощения и преобразования групп согласных на границах словообразовательных морфем, встает вопрос о степени методической строгости реконструкций праславянских лексем позднепраславянского периода с сохранением в них групп согласных, предшествовавших преобразованиям, а именно — *dn*, *tn*, *bn*, *pn* в глаголах с суф. *-nq* и *bn* в производных с префиксом *ob-* (хотя очевидно, что это лишь часть преобразовавшихся сочетаний). Следует отметить, что в ряде случаев реконструкций лексем с перечисленными сочетаниями соответствующий лексический материал славянских языков содержит лишь результаты преобразований: таковы, например, характеристики материала, соответствующего **gьrtnoiti* [ЭССЯ 7:

214–215], **krętnŏti* [ЭССЯ 12: 147–148], **obvada* I *‘клевета, вина’ [ЭССЯ 30: 254], **obverzŏlo* [ЭССЯ 31: 11], **obvolko* [ЭССЯ 31: 85]. Иногда наличие преобразования отмечается в заглавном слове: см. **gъ(b)tati* (к **gъbnŏti*) [ЭССЯ 7: 189]. В большинстве случаев в славянских лексемах присутствуют, наряду с преобразованиями, неизменные сочетания, но это объясняется процессами вторичного восстановления по аналогии с родственными словами или воспроизведением словообразовательных моделей, см. об этом [Трубачев. Проспект: 17–18]. Есть опыт расположения преобразованной формы рядом с непреобразованной (но в скобках!) — **gъbnŏti* (**gъnŏti*) [SP VIII: 320], **gybnŏti* (**gynŏti*) [SP VIII: 333]. Очевидно, что отмеченное противоречие реконструкций с неизменными сочетаниями согласных и ориентации реконструкций на позднепраславянский период является уступкой принципу фонеморфологической реконструкции, о котором см. [Трубачев. Проспект: 13], но соответствующая специфика реконструируемого словника праславянского языка должна учитываться в исследованиях по истории славянского словообразования.

Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского лексического фонда*

Признание современной славистикой диалектного членения праславянского языка (хотя бы и с отнесением диалектного состояния разными исследователями к различным периодам истории праславянского) неизбежно предполагает диалектные различия в отдельных характеристиках праславянских диалектов, в том числе различий в лексике. Лексические различия могут выражаться противопоставлениями лексем как дихотомическими, так и с бóльшим количеством членов противопоставления, с различным территориальным охватом каждого из соотносимых диалектизмов [Popowska-Taborska 1993: 104–105; Вендина 2014: 306–338]. Соответственно перед опытами реконструкции праславянского лексического состава особенно актуально и остро стоят сложные вопросы относительно происхождения лексем, ограниченно представленных в славянских языках и их квалификации как праславянских диалектизмов [Popowska-Taborska 1993: 106]. Представляется очевидным, что принцип допустимости количественно ограниченной фиксации означает внимание также и к гапаксам отдельных славянских языков.

* Первая публикация: Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: ИСл РАН, 2018. С. 35–40.

Работа по реконструкции праславянского лексического состава в «Этимологическом словаре славянских языков» (см. [ЭССЯ]) привела к включению в него ряда праславянских диалектизмов, обоснованием реконструкции которых стали территориально ограниченные лексемы отдельных славянских языков. Аргументацией этих оценок являются структурные и семантические характеристики лексем. Особые трудности представляют именно гапаксы отдельных славянских языков. Традиционно возникают вопросы об их реальности как лексем. Однако, при отсутствии убедительных обоснований подобных сомнений, существенным стимулом для рассмотрения гапаксов в качестве реликтов праславянских диалектизмов представляются возможности их включения в словообразовательные связи праславянских этимологических гнезд. Несомненным аргументом в пользу внимания к гапаксам является и вероятность их обнаружения в ранее не охваченных исследователями источниках (и, следовательно, их исключения из категории гапаксов). Ниже излагаются два опыта этимологизации гапаксов, отраженные в последних выпусках ЭССЯ.

Первый сюжет касается производных от праслав. **(v)ęz(a)ti*. Рефлексами и.-е. корня **anĝh-* ‘узкий; стягивать, связывать’ (греч. ἄνωχο, лат. *angō*) в праславянском языке признаются не только закономерные по огласовке корня **oza*, **oziti*, но также и **vęzti*/**vęzati* [Pokorny I: 42]. Две структурные характеристики этого последнего глагола всегда считались требующими объяснения: корневого вокализма и начальное *v*. Корневое *ę* толковалось как вторичное славянское новообразование [Vaillant. Gram. compar. III: 248] или результат контаминаций, см. литературу: [Фасмер III: 374], но недавно предложено объяснение на праиндоевропейском уровне — как рефлекс праиндоевропейской ступени редукции **H₂mġ^h-*, см.: [Фурлан 2015: 348–350]. Начальное *v* наиболее уверенно толкуется как средство предотвращения зияния в синтагмах [Pokorny I: 42], в последнее время — с уточнением вероятной структуры синтагмы: **nu H₂mġ^h-énti* ‘и (они) вяжут’ [Фурлан 2015: 350].

При этом исследователи редко обращали внимание на отсутствие фиксации славянского глагола с закономерной для корня с начальным *ę* протезой *j* — **jęz-* (ср. структурно аналогичное **językъ*). В доказательности русск. диал. *язать* ‘обещать’ и *язаться* ‘обязаться’ усомнился Фасмер, поскольку здесь можно предполагать

декомпозицию формы *об-язать* [Фасмер IV: 549]. Позднее был обнаружен достаточно убедительный случай — русск. диал. донск. *суязно* ‘дружно’ (*суязно живут*) как продолжение праслав. **sq-jęz-* [Варбот 1991: 169–170], по мотивационной модели тождественное праслав. **sb(j/w)qzъ*, однако *суязно* было гапаксом, что могло стать поводом для сомнений в реальности формы. Однако при работе над 40 выпуском ЭССЯ был обнаружен еще один гапакс с той же структурой корня **jęz-* — не замеченное ранее русск. диал. костр. *пáязь* ж. р. ‘чиненное, зашитое или заштопанное место в одежде’ [Даль² III: 27; СРНГ 25: 309]. Предположение Даля о производности этого слова от *паять* маловероятно, поскольку последний глагол обозначает только соединение металлов, а суф. *-язь* неизвестен. Семантически генетическая связь *пáязь* ‘чиненное, зашитое или заштопанное место в одежде’ с гнездом **vęz(a)ti* очевидна. Таким образом, два однокоренных и структурно близких гапакса взаимно поддерживают их реальность как лексем. При этом существенно вероятность древности их структур. Для **rajęzъ* это не только вариант корня с огласовкой *ę* и протетическим *j*, но также и префикс *ra-*, что означает вероятность производности имени от глагола ***pojęz(a)ti* по древней модели — с участием удлинения гласного префикса в отглагольном имени [Кореčnú ESSJ 1: 160]. Эти характеристики обосновывают включение в 41 выпуск ЭССЯ словарную позицию **rajęzъ* в качестве праславянского диалектизма.

В связи с реконструкцией праслав. **rajęzъ* как праславянского диалектизма русского языка встает вопрос о его хронологическом соотношении с однокоренными вариантными диалектизмами **pa(j/v)qzъ* / **pa(v)qza* / **pa(vęza*: продолжением **pa(v)qzъ* является польск. *rawqz* ‘шест, которым прижимают снопы, сено, солому на возу; шест для переноски тяжестей’, **pa(v)qza* — чеш. *pravuza* ‘толстое бревно, которым прижимают высокую поклажу на возу’, **pa(vęza* — чеш. *paveza* то же, **rajęzъ* — русск. *паюс* [ЭССЯ 40: 219–220]. Из этих форм почти очевидна вторичность чеш. *paveza* (вероятно позднее воспроизведение модели или даже преобразование древнего чеш. *pravuza*). Остается соотношение форм с **-vqz-* / **-jęz-* / **-jqz-*. При обоснованности реконструкции всех трех форм для хронологического уровня конца праславянского состояния

(на который и ориентируются современные опыты реконструкции праславянского лексического фонда, см.: [ЭССЯ и SP]) очевидно, что если формы *-vǫz- и *-jǣz- как соответствующие регулярному распределению протез перед начальными гласными корня могут быть синхронными образованиями раннепраславянского периода (см. особенно рефлекс чередования корневого гласного в *-vǫz-), то структура *-jǫz- с нарушением этой регулярности должна толковаться как образование более позднее.

Очевидна возможность одновременной принадлежности праславянских образований, региональная ограниченность фиксации которых позволяет квалифицировать их как праславянские диалектизмы. Подобная квалификация необходима для суждения о диалектном состоянии праславянского языка в разные периоды его истории, учитывая ее протяженность (определяемую в пределах от 1,5 до 2,5 тысячелетия).

Особенно очевидной становится необходимость пристального внимания к генетическим и хронологическим характеристикам гапаксов как потенциальных производящих основ этимологически трудных праславянских лексем. Такой представляется ситуация относительно польск. диал. *patać* 'махать, трепетать крыльями' [Karłowicz 4: 55; Warsz. IV: 85]. До сих пор этот глагол не интересовал этимологов-славистов. Разумеется, смущает его языковая ограниченность. Нельзя, однако, пренебречь возможностью сопоставления его (и, соответственно, родством) с гнездом и.-е. **pet-* / **petā-* / **ptē-* / **ptō-* 'рушиться, стремиться, лететь, падать', к которому возводятся, например, др.-инд. *pātati* 'летать, стремиться', авест. *pataiti* 'лететь, спешить', греч. гомер. *λέτομαι* 'лететь', лат. *petō* 'устремляться'; отсюда производятся названия перьев: др.-инд. *pātra* 'перо', др.-в.-нем. *fedara* 'перо', греч. *πτερόν* 'перо', а также названия птиц: др.-кипр. *eterin* 'птица', вторая основа сложного лат. *acci-piter* 'сокол' [Pokorný I: 825–826]. Очевидно, польский диалектизм нельзя игнорировать, пока не доказано его звукоподражательное (или иное позднее) происхождение, поэтому он учтен в 41 выпуске ЭССЯ как праславянский диалектизм польского языка с потенциальным и.-е. родством. Этот глагол тем более интересен, что предоставляет возможность объяснить происхождение этимологически трудного названия некоторых птиц — слав. **pata*.

Праслав. **pata* / **patъ* реконструируется на основе серб.-хорв. *náma* 'увеличит. к *namka* 'утка', в.-луж. *pata* 'наседка' и зоол. 'сорочий сорокопут', н.-луж. *pata* 'наседка, клуша' (при диал. (зап.) 'название одного вида грибов', (район Коттбуса) 'о любом большом грибе') и болг. диал. *nam* 'селезень'; к ним примыкают производные болг. *námka* 'утка', обл. 'гусыня', диал. *namka* 'гусь (как название вида); гусыня', *námкъ* 'гусыня', 'домашняя птица утка', '(перен.) глупая женщина', '(презр.) тугодум; (дет.) слабый в учении', *náтица* 'птица Anas', макед. диал. *патица* 'утка', болг. *патър* 'гусь' [ЭССЯ 41: 224–225]. История этимологических исследований этого слова представляет несколько версий. Толкование в качестве варианта праслав. **pъt-* 'птица', см.: [Младенов ЕПР: 414, Schuster-Šewc 14: 1051] предполагает различные нерегулярные преобразования (ср. также вторую часть сложения *куропатка* как возможный результат подобного преобразования, однако здесь вероятно южнославянское влияние — см. ст.-русск.-цслав. *namka* 'утка'). Фонетически близкими словами в балканских языках (алб. *pat* 'гусыня') и других индоевропейских и неиндоевропейских языках обосновывали версию балканизма [Skok II: 619], которая не учитывает фиксацию слова в лужицких языках. Постоянно повторяется версия звукоподражательного происхождения [Skok II: 619 — производность от подзывных слов для птиц в болг. и серб.; БЕР V: 89; Младенов ЕПР: 414 — в статье *patъ* упомянул подзывные междометия *патъ-патъ*], однако известна модель образования подзывных междометий от названий животных [Азарх 1977: 233]. Последняя по времени версия: сближение с болг. *nача* 'нога человека', макед. и болг. *начунка* 'копыто' (восходящим к тур. *paça* 'блюдо из овечьих или свиных ног; штанина', которые возводятся к перс. *pa-* 'нога') является базой для гипотезы о мотивационной модели 'птица с широкими лапами (характерными для водоплавающих)' [Белова 2015: 64–65], но ср. значение 'наседка' в лужицких языках. Уязвимость всех упомянутых версий (более подробно все версии и их анализ см. в 41 выпуске ЭССЯ) оставляет перспективу поисков других толкований происхождения праслав. **pata* / **patъ*. Представляется полезным учесть возможность производности этого слова от рассмотренного выше праслав. **patati* 'махать крыльями', что и предложено в [ЭССЯ 41]. Следует отметить близость языков, представляющих фиксацию **patati* — польского и одну из фиксаций **pata* —

лужицких. Таким образом, по предлагаемой версии, реконструированный праславянский диалектизм **patai* оказывается связующим звеном между праслав. **pata*/**patъ* и и.-с. **pet-*/**petǎ-*/**ptĕ-*/**ptō-* ‘рушиться, стремиться, лететь, падать’.

Два рассмотренных случая реконструкции праславянских диалектизмов на базе гапаксов отдельных славянских языков, при всей возможности сомнений и критики, предлагается рассматривать как повод для пристального внимания к категории гапаксов отдельных славянских языков как резерву реконструкции праславянского лексического фонда (вполне допустимо — как праславянских диалектизмов).

Вариантность диалектной лексики и этимология*

Вариантность форм — общая характерная черта, сближающая язык с природой и обществом. Исследования в различных отраслях науки обнаружили органическую связь явления вариантности с развитием соответствующих объектов и явлений. В связи с этим представляется неизбежным вопрос о временных соотношениях вариантов: диахронических или синхронных. Временной тип соотношений вариантов определяет последующее развитие — поступательное или параллельное. В отношении вариантов форм лексики это означает разграничение диахронических связей внутри каждой группы вариантов и синхронных связей. Из областей лексикологии это разграничение представляет наибольший интерес для диалектологии, лингвогеографии, истории и этимологии. См. о вариантности в славянском именном отглагольном суффиксальном словообразовании [Варбот 1984б: 185–224]. На синхронном уровне из всех сфер бытования общенародного языка вариантность наиболее характерна, будучи исторически и социально обусловленной, для диалектов. При этом анализ вариантности диалектной лексики является средством исследования различных аспектов этой формы

* Первая публикация: Вариантность диалектной лексики и этимология // Исследования по славянской диалектологии. 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: ИСл РАН, 2018. С. 130–134.

существования общенародного языка. Соответственно анализ вариантности диалектной лексики весьма перспективен для исторической лексикологии и этимологии славянских языков.

В настоящей статье предметом анализа являются материалы «Словаря экстенциальных лексических единиц в русских говорах» Л. П. Михайловой, см.: [Михайлова 2013]. Необходимо, вероятно, пояснить, что под экстенциальностью лексических единиц автор, вслед за Г. П. Мельниковым, понимает особенности внешнего облика лексических единиц, обусловленные влиянием неславянских иноструктурных языков (следовательно, для вариантов предполагается обязательным генетическое тождество). Иноязычным влиянием автор объясняет значительный массив вариантов форм русской диалектной лексики различных регионов. Общую характеристику и некоторые критические замечания по поводу этого словаря высказаны мною уже в рецензии, опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении» за 2015 год, № 1 (29). Не буду останавливаться на правомерности отнесения всех охваченных Словарем изменений на счет иноязычного влияния и возвращаюсь я сейчас не столько к принципам словаря, сколько к его материалам и оценке их с точки зрения реальности и диахронической/синхронной природы вариантности форм в лексике.

Начнем с вопроса о степени обоснованности толкования собранных в Словаре лексем как вариантов, принимая в качестве обязательного критерия генетическую связь. При всей семантической и некоторой формальной близости, многие пары не могут толковаться как таковые, будучи генетически неродственными: см. *рухляный* 'ветхий', которое связывается с *трухлявый* (при существовании корней **ruh-* и **trux-*), *отреби* 'отходы от трепания льна' / *отрепи* то же (ср. глаголы *теребить* и *трепать*), *бодучий* и *ботучий* (ср. *бодать* и *ботать*), *засуборивать* и *засуворивать* 'стягивая чем-н., завязывать' (ср. *сборки* от **bьrati* и *сворка* от **verti*). Наконец, индоевропейские истоки имеет синонимия двух родственных, но разошедшихся структурно основ, давших русские (со славянским родством) глаголы *ощеулничать* и *ощеурничать* 'насмехаться' < и.-е. **skeul-* и **skeur-*, см.: [Варбот 2001a: 8]. Бесспорна ошибочность сближений: *лещотка* и *клещи*, *окреять* и *оклеять*, *лукаться* 'бродить' и *блукать*, *лынять* (от *лытать*) и *блынь*, *калякать* и *блякать*, *колча* и *кочка*, *заук* 'промежуток'

(от праслав. *-*orkъ* 'крюк') и *заулок* (здесь и ниже диалектные варианты взяты из словаря Л. П. Михайловой, если не указаны другие источники, см.: [Михайлова 2013]).

Интересна пара *глодаться* 'браниться' и *оголодаться* то же: при вероятности фонетического изменения (вторичное полногласие) этот случай обнаруживает возможность появления вторичных семантических сближений слов разного происхождения (от **glod-* и **gold-*).

Все перечисленные случаи должны быть исключены из рассмотрения проблемы вариантности.

Остается спорной правомерность отнесения к вариантности также отношений внутри лексических псевдопар, созданных действием народной этимологии. Такова природа слов *окрючина* (< *уключина*), *боярковый* (< *поярковый*), *закорм* (< *закром*), *клицо* (< *крыльцо*), *металь* (< *медаль*), *мукашка* (< *букашка*), *провулка* (< *прогулка*). Есть случаи, объясняющиеся наложением народной этимологии на фонетические изменения: *воротынь* 'сосуд для разлива пива' < *боратынь*, *боротынь* < *братина*.

Следует учесть, что все отношения вариантов автор представляет схематически только как перемещение, присоединение/утрату начальных гласных / согласных, отпадение конечных согласных (то есть те явления, которые подпадают в лингвистике под термины метатеза, апокопа, афереза, синкопа и др.), мену согласных, а в области вокализма это почти исключительно удлинение гласных. Соответственно все это, независимо от авторского толкования, может быть отнесено к диахронической по природе вариантности. Действительно, диахронической должна быть признана природа вариантности типа *прасека* (< *просека*), *дуванчик* (< *одуванчик*), *вежевать* (< *свежевать*), *бородить* (< *бродить*), *кормушка* (< *кромушка* 'кусочек хлеба'), *лядеть* (< *глядеть*). Аналогичным образом автор описывает отношения, явно исконнорусские, объясняющиеся обобщением позиционных чередований: *логоть* (< *локоть*), *лошечка* (< *ложечка*).

К сожалению, автор дает как правило парные связи, хотя многие могли бы быть на основании того же материала продолжены в целые цепи, как *окиша* 'левша' < *покиша* < *накиша* (следовало завершить исходным *пакиша*). См. также: *ломени* < *оломедни* (нет завершения *ономедни*), *парсук* < *прасук* (без исходного *поросук*);

разбросаны по парным связям многоступенчатые преобразования *заль* < *взаволь* < *возаболь* < *обзаболь* без завершения исходным < *взабыль* 'на самом деле, в действительности' [Варбот 2003в: 53].

От явлений фонетических автор принципиально не отличает словообразовательные отношения (также диахронические по природе) типа *лучаться* / *случаться* (вариант *лучаться* как первичный подтверждается чешским *loučiti se*), *волнухи* / *волнушки*, *дирать* / *сдирать*. Сюда же можно отнести предполагаемую автором вариантность *заглуха* / *заглухменье*.

Генетическую синхронность можно предполагать для небольшого количества пар, являющихся словообразовательными вариантами, см.: *опроворить* / *спроворить*, *оглазить* / *сглазить*, *израстать* / *вырастать* / *взрастать*, *наболочки* / *оволокчи* и, возможно, *подволока* / *подболока* 'чердак' (здесь вероятны параллельные родственные производящие основы *волока* и *оболока*).

Таким образом, материалы рассматриваемого словаря свидетельствуют о преобладании диахронических преобразований в диалектной лексике над синхронными, следовательно, о большей реальности поступательных изменений.

В заключение приведу два случая возможности использования вариантности для обоснования этимологических версий.

В говорах и фольклоре известна многоступенчатая вариантность форм, обозначающих ветви, сучья, ответвления, коряги, корни, ростки и под.: *корокóль*, *краколь*, *карако́ль*, *каракаль*, *каракал*. Учитывая вероятность вариантности суффиксов *-ол* / *-ул*, можно истолковать как член этой вариантной группы также русск. *кара́куля*, поскольку старорусские фиксации семантики 'кривое дерево, инструменты с раздвоенным или искривленным концом, железные рогульки с шипами (в войне против конницы)' [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 72] очевидно сближают *каракуля* с *караколь* / *короколь*. В отличие от *караколь*, русск. *каракуля* имеет соответствия по суффиксу в других славянских языках, но форма корня в этих соответствиях предполагает исходное праслав. **kъrk-*: серб.-хорв. *kъркуља* 'деревянные вилы, которыми поддерживается мельничный жернов при сьеме', польск. диал. производное *karkulica* 'палка с загнутой рукояткой', словин. *karkulëca* 'толстая суковатая палка', укр. диал. *каракуля* 'кривой лес' [ЭССЯ 13: 217]. Для вост.-слав. *каракуля* при таких соответствиях предполагается вторичное полногласие

[ЭССЯ 13: 218]. Если учесть производное от вариантного ряда *караколь / краколь / короколь* диал. ленингр. *каркалястый* ‘с большим количеством отростков от основного стебля’ [СРНГ 13: 911], то исходной формой корня этого ряда следует считать также **kьrk-*, откуда вторичное полногласие с последующим преобразованием в неполногласие: *opo > pa*. Для *каракуля* признается производность от праслав. **kьrkь* ‘шея’ [ЭССЯ 13: 218], но при учете общей для всей рассматриваемой группы семантики искривления более вероятным источником для нее является глагол **kьrciti* ‘сгибать’ (сближение **kьrkь* ‘шея’ с этим глаголом вторично). {О **kьrkь* см. в настоящем сборнике статью «Словообразовательные и семантические комментарии к реконструкции и этимологии некоторых праславянских лексем» (с. 155–156)}*.

В русском названии растения *Huregicum perforatum зверобой*, при ориентацией на блр. *дзіробой*, укр. *дiробиї*, предполагают сложение с названием дыры в первой части, преобразованное по народной этимологии с неясной мотивацией [Фасмер II: 87]. Польск. *dziurawiec* [Warsz. I: 660], производное от *dziurawy* ‘дырявый’, позволяет предполагать для блр. / укр. формы исходную структуру субстантивированного прилагательного **diravъjь* ‘дырявый’, мотивированного сквозными пятнышками на листьях растения. Изменение окончания прилагательного в *-бой* в блр. / укр. форме — народноэтимологическое преобразование, усилившее семантику продырявленности. Преобразование блр. *дзир-* в *звер-* при заимствовании в русский язык спровоцировано созвучием и мотивировано характерной для *звер-* семантикой силы, крепости, поскольку растение применяется как лекарство — *здоровая трава* [Даль² I: 674]. Примечательно дальнейшее преобразование слова в русск. диал. (вят. и КАССР) *зверовой* (СРНГ 11: 217).

* В фигурных скобках — дополнение, сделанное в 2022 г.

Часть III

**Реконструкция
и этимологизация
праславянской
лексики**

К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением 'пахать, копать' на базе русских диалектизмов*

Праслав. **čerbati*, **korbiti*

В говорах района озера Селигер зафиксированы словосочетание *чирибать на сохе* 'подымание земли' и глагол *проч[u]p[u]бать* 'пропахать (землю)': «Сохой на лошади *прочирибают*. *Чирибать на сохе* — подымание земли. А потом и сеять можно» [Селигер 5: 186]. Написание глаголов в словарной статье с *и* в квадратных скобках (при отсутствии скобок в приведенном тексте) означает неуверенность составителей словаря в соответствии фонетической записи гласных их фонологическому качеству. При снятии диалектного безударного иканья, глаголы можно реконструировать как (*про*)*черебать*. Соответственно появляется возможность достаточно надежной реконструкции праслав. глагола **čerbati* и сопоставления его с диал. белозер. *кара́бать* 'пахать' [Карт-ка Сл. белозер. гов.]. Последний наиболее вероятно возводится к праслав. **korbiti*, производному от **korbiti* (вопреки толкованию в ЭССЯ, где белозерский глагол отнесен к реконструкции праслав. **kъrbati* [ЭССЯ 13: 206]). В обоснование **korbiti* см. тамб. *кара́буть* 'боронить'

* Первая публикация: К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением 'пахать, копать' на базе русских диалектизмов // Слова, конструкции тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. СПб.; М.: Нестор-История, 2021. С. 149–152.

[СРНГ 13: 63]. Относительно исходной семантики **korbīti* ср. сред.-урал. свердл. *карáбать* ‘царапать’ [СРНГ 13: 63]. Глагольная основа **čerb- / *korb-* с корневым чередованием *e / o* и семантикой царапания → вспашки естественно может быть возведена к индоевропейской основе **kerbh-* ‘резать, скрести’ на базе этимологического гнезда **(s)ker-* ‘резать’ [Pokorny I: 943]. Существенным подтверждением реальности происхождения глаголов **čerbati* и **korbīti* из и.-е. гнезда **(s)ker-* являются структура (с **s-mobile*) и семантика родственного праслав. **skresti*, **skrebo* (< и.-е. **skrebh-*): при преобладающем значении глагола ‘скрести, царапать’, в производных оно связано с копанием, см. русск. диал. *скребóк* ‘железная лопата, заступ’ (орл., пенз., яросл., куйбыш.) [СРНГ 38: 129], *скребки* ‘приспособление для ручной копки картофеля’ (кемер.) [СРНГ 38: 128], *скрёбалка* то же (амур.) [СРНГ 38: 127]. Таким образом, праславянская терминология вспашки пополняется глаголами **čerbati* и **korbīti / *korbati*.

Весьма существенным представляется признание производности от основ, восходящих к индоевропейскому этимологическому гнезду **(s)ker-* ‘резать’ с другими детерминативами, для группы глаголов, также относящихся к терминологии подсечного земледелия, только они обозначают действия, предшествующие собственно вспашке, освобождающие землю для вспашки, — подрезание коры, обрубание веток деревьев на будущей пашне: **čersti / *čьrtь, *čьrtiti, *čьrxati, *čьrkati* [Куркина 2011: 57–63; ЭССЯ 4: 75, 147, 148, 163]. Примечательно, однако, что некоторые продолжения этих глаголов в русском языке зафиксированы с семантикой вспашки или близкой к ней: др.-русс., русск.-цслав. *чьрсти, чьрту* ‘проводить борозду, вспахивать’ (Троицкий сборник XII–XIII вв.) — цит. по: [Срезневский 3: 1568], костром. *чerkать* ‘заборанивать посев’ [Даль² IV: 593]. Очевидна тенденция к варьированию в семантическом поле подсечно-огневого земледелия терминологических значений родственных глаголов или даже одного и того же глагола с исходной семантикой ‘резать, царапать, драть’ от обрубания, обрывания ветвей деревьев к вспашке земли, что определяется практической связью соответствующих действий в этом типе земледелия, так что возможно появление в этом поле терминов с синкретической семантикой, подобных **preťati*.

Праслав. **koporiti*

На основе сравнения болг. *коп̀ра́ля*, *коп̀ра́л* ‘длинная заостренная палка, которой во время пахоты очищают лемех от приставшей земли’, серб.-хорв. диал. *kopralja* ‘небольшая мотыга’, ст.-русс.-ц. *копоруля* ‘мотыга’ и русск. диал. *копару́ля* перм. ‘ральник на крюк’, урал. ‘примитивная соха’ было ранее реконструировано праслав. **koporuľa* как название пахотного орудия, производное от глагольно-именной основы **kopor-* (учитывая функционирование слав. суф. *-or-* и в глаголах, и в именах), восходящей к **kopati*, однако в качестве продолжения возможного производящего глагола были приведены только серб.-хорв. *kopòrati* ‘двигаться, шевелиться, копошиться’, *kopàrati* ‘ковыряться, рыться, скрести, царапать’ [Варбот 1974: 56–59; ЭССЯ 11: 21–22 — в последнем без сербскохорватских глаголов]. Более поздняя публикация диалектных материалов представляет русск. диал. волог. *укопорить* ‘взрыхлить землю’ (?) в тексте «укопорь и разгреби лопатой, так чтобы не узнали» [СРНГ 47: 79]. Сопоставление этого глагола и серб.-хорв. *kopòrati* ‘двигаться, шевелиться, копошиться’, *kopàrati* ‘ковыряться, рыться, скрести, царапать’ (удлинение корневого гласного в последнем обнаруживает производность основы от глагола с корневым вокализмом **o*) дает основание реконструировать праслав. глагол **koporiti* ‘взрыхлять (землю)’ как производный от **kopati* (< *и.-е. **(s)kep-* ‘резать, расщеплять’, сюда же праслав. **ščepa*) и производящий для **koporuľa*.

Производным от **koporiti* ‘взрыхлять (землю)’ может быть русский топоним *Копорье*, который в ЭССЯ толкуется как **koporyja* [ЭССЯ 11: 22], что вызывает сомнения, поскольку предполагает сложение двух синонимичных корней.

Праслав. **pъrxati*

На основе структурного тождества и семантической близости болг. *п̀ра́ша* ‘рыхлить землю’, серб.-хорв. *п̀ра̀штити* ‘разрыхлять землю, копать, перекапывать’, словен. *prášiti* ‘копать, перекапывать’ реконструировано праслав. **poršiti* ‘разрыхлять землю, копать, перекапывать насаждения’ [БЕР V: 614], при этом глагол толкуется как производный от **porxъ* ‘пыль’, с вероятностью развития значения

‘пыль’ → ‘пылить, превращать в пыль, рассыпать’ → ‘разрыхлять землю, копать’ еще в праславянском [БЕР V: 614]. Через производность от **porxъ* глагол **poršiti* относится к этимологическому гнезду **rъrx-* / **rъrx-* ‘рассеивать(ся)’. Русские диалектные материалы позволяют, однако, предполагать наличие семантики ‘разрыхлять землю, копать’ еще на более ранней ступени словообразования — у глагола **rъrxati* (по отношению к которому глагол **poršiti* является итеративом с регулярным изменением корневого гласного), см.: русск. диал. *пóрхатъ* ‘копать, рыть землю’ (арханг.), ‘копаться, рыться в земле’ (ср.-урал.) [СРНГ 30: 111], *вѣпорхатъ* ‘разрыть, разрыхлить’ (арханг.) [Сл. Русск. Севера II: 245], с производным *пóрхлый* ‘рыхлый, крошащийся, ломкий’ (арханг.) [СРНГ 30: 112], при диал. *пóрхатъ* ‘рассыпаться’, ‘разбрасывать по сторонам что-л. мелкое, сыпучее’ (арханг.) [СРНГ 30: 111]. Очевидно, мотивационным основанием (и первичным значением) для этого глагола было разбрасывание, разметывание сыпучей массы.

Предложенный анализ русского диалектного материала представляет формирование семантики ‘вспахивать, копать землю’ в праславянском языке на трех мотивационных основаниях: ‘резать / скрести’ (**čerbati* и **korbiti*, **korbati*), ‘резать / расщеплять’ (**koporiti*, как и его производящее **kopati*), ‘разбрасывать сыпучую массу’ (**rъrxati*).

О возможных дополнениях и коррективах к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям на базе русской диалектной лексики*

К праслав. **tina*

Праслав. **tina* (ст.-слав. **тина** 'βόρβωρος', болг. *тиня* 'тина, грязь', др.-чеш. *tina* 'болото, грязь', др.-русс. *тина* 'болото, трясина, грязь', укр. диал. *тина* 'разные виды водорослей', русск. *тина* 'волокнистое водяное растение, водяной мох') традиционно генетически связывается в славистике с праслав. **timen-* 'болото, грязь'. так что **tina* возводится к **timna* ([Фасмер IV: 59; ЕСУМ 5: 569] — дальнейшие индоевропейские связи реконструируются различно). Совершенно очевидно, что это генетическое сближение базируется на принятии в качестве первичной для **tina* семантики 'болото, трясина, грязь'. Странно, однако, полное игнорирование значения 'водоросль': разумеется, можно молчаливо предполагать его вторичное развитие на базе 'болото, грязь', то есть 'болото, грязь' → *'болотная (трава)' → 'водоросль', но не менее вероятно и обозначение болота по характерному растительному покрову. В этом отношении представляет интерес толкование слова *тина* Далем: «нитчатка, волокнистое водяное растение Chara, лучица, или Conferva, водяной мох, лягушачий шелк, ...она, запутанными

* Первая публикация: О возможных дополнениях и коррективах к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям на базе русской диалектной лексики // Theory and Empiricism in Slawonic Diachronic Linguistics. Praha: Lidové noviny, 2012. S. 97–102.

кочьями, садится на дно озер, мешаясь с илом, и образует вязкое, топкое дно (но *тина* не *ил*)» [Даль² IV: 405] (курсив Даля. — Ж.В.). О существенности именно растительного компонента в семантике слова *тина* свидетельствуют производные глаголы: *тíнеть*, *тíневеть* ‘зарастать тиной’ [Даль² IV: 405], *затíневеть* орл., курск. ‘заплесневеть’, смол. ‘покрыться водорослями (о пруде, речке)’ [СРНГ 11: 92], *затиниться* ‘зарастить тиной (о реке)’ в контексте «Река плохая стала, затинилась, как мох порос» [Сл. Русск. Севера IV: 208]. Ср. еще поговорку: «Он за тину ногой не задевется, пролаз» [Даль² IV: 405] (курсив Даля. — Ж.В.). Допуская первичность для **tina* семантики ‘водоросль’, следует обратить внимание на приведенные Далем синонимы *нитчатка*, *лягушачий шелк*, однозначно подчеркивающие волокнистую структуру тины. Показательно и лексикографическое отождествление под словом *тина* обозначения водоросли и картофельной ботвы [Фасмер IV: 59]. При учете сказанного нельзя не поразиться, что в тщательном исследовании славянской лексики, восходящей к праслав. **tęti* (< и.-е. **ten-* ‘тянуть, натягивать; плести’), В. А. Меркулова, высказав предположение о принадлежности к этому этимологическому гнезду также слова *тина* ‘ботва’ [Меркулова 1977: 59], не упомянула *тина* ‘болото, трясына, грязи, водоросль’. Между тем, *тина* — название водяного растения связано с семантикой натяжения двоякой мотивацией: как ‘растягивающаяся, волокнистая, плетистая’ и как ‘затягивающая (поверхность водоема)’, ср. к последнему варианту обозначение другого, не волокнистого водного растения — русск. диал. калин. *тенота* ‘ряска на воде’ [Сл. Калин. обл.: 261]. Отглагольное происхождение *тина* косвенно свидетельствуется, наконец, префиксальной структурой русского диал. смол. *натíна* ‘болотная трава (какая?) на дне сажалки’ [СРНГ 20: 219]. Соответственно праслав. **tina* предлагается толковать как производное от **tęti* с вокализмом в ступени продления редукции и первичным значением ‘водоросль’.

К праслав. **bugati*

Большинство исследователей допускает, что с праслав. **gъbati* может генетически сближаться как мететезный вариант (при вариантности собственно праславянской или даже индоевропейской

древности — из и.-е. **gheubh-/ *bheug(h)-*) глагол **bъgati*, представленный лексикой восточнославянских языков: русск. диал. *бгать* ‘гнуть, сгибать, мять, комкать’, укр. *бгати* ‘складывать, свертывать, вить; втискивать, впихивать’ и под., блр. *бгаць* ‘пихать, тискать’ [ЭССЯ 3: 115]. В ЭССЯ на базе болг. диал. *бугав* ‘умственно недоразвитый, слабоумный’ и макед. диал. *бугав* ‘бедный, убогий’ реконструировано праслав. **bugavъ*, истолкованное как реликт того же **bheug(h)-*, соотносящийся по огласовке корня с праслав. **gubiti, *gubati* [ЭССЯ 3: 78]. В качестве производящей основы этого прилагательного можно предполагать глагол ***bugati*, параллельный метатезному праслав. **gubati*. Представляется, что в качестве возможного продолжения этого глагола допустимо рассмотреть русск. диал. арханг. *бугать* (*-аю, -аюм*) ‘толкать, качать’, зафиксированное в контексте: Дак ногой *бугаиш*, а тут прядеш (о ножной прялке) [Арханг. сл.: 156], *бугаться* ‘качаться на веревочных качелях, устроенных без доски для сидения’ [СРНГ 3: 236]; производным от последнего является арханг. *бугала* ‘качели’ [Сл. Русск. Севера I: 198]. О возможности развития на базе исходной семантики сгибания вторичного значения ‘толкать, качать(ся)’ (= ‘двигать(ся)’) свидетельствуют производные гнезда **gheubh-/ *bheug(h)-* в индоевропейских и славянских языках: др.-инд. *bhujati* ‘гнуть; толкать’, блр. *бгаць* ‘пихать’, серб.-хорв. *ganuti* ‘двинуть’, чеш. *hnouti* ‘двинуть’ и др. Что касается соотношения значений русского диалектного глагола ‘толкать, качать’ и значения южнославянских прилагательных болг. диал. *бугав* ‘умственно недоразвитый, слабоумный’ и макед. диал. *бугав* ‘бедный, убогий’, то в нем реализована мотивационная модель ‘ударить, повредить’ → ‘ударенный, поврежденный’ → ‘больной, слабый, убогий’: ср. русск. просторечн. *ушибленный, чокнутый*. Возможность структурного и семантического сближения русского и южнославянских диалектизмов обосновывает гипотезу об их родстве и реконструкцию праслав. **bugati* с производным **bugavъ*.

Менее вероятным объяснением происхождения русск. диал. *бугать* ‘толкать, качать’ представляется предположение А. Е. Аникина об исходном **budjati* «с реликтовым развитием **dj > g*» при регулярном *бужать* ‘будить’ [Аникин РЭС 5: 32]. Сомнения в этой версии вызывают и фонетическая реконструкция, и соотношение значений.

К праслав. **sekti* 'следовать'

В качестве продолжений индоевропейского этимологического гнезда с корнем **sekʰ-* 'следовать' в праславянском языке (с рефлексами в славянских языках) славянская этимологическая литература признает глагол **sočiti* 'следовать' — итератив с регулярной огласовкой корня в ступени **o*, соответствующее отглагольное имя существительное **sokъ* 'доносчик' (впрочем, это родство менее надежно) и прилагательное **setьnъ* 'последний, крайний' с корневой огласовкой **e* [Vaillant. Gram. compar. III: 217, 414; IV: 414]. Отмечено, что на славянской почве продолжения и.-е. **sekʰ-* 'следовать' «встретились» с продолжениями и.-е. **sek-* 'рубить' [Vaillant. Gram. compar. IV: 163]. Несколько лет назад я сочла возможным расширить группу славянских продолжений и.-е. **seku-* 'следовать', истолковав в этом плане лексемы, обычно включаемые в гнездо русск. *сечь* (и.-е. **sek-* 'рубить'), а именно: русск. жарг. *сечь* 'следить, заострять внимание на происходящем', разгов. *сечь* 'понимать', *засечь, засека́ть* 'обнаружить, заметить; поймать' [Варбот 2010б: 197–198]. Из диалектной лексики были привлечены тамб. *засека́ть* 'ухаживать за кем-л.' [СРНГ 11: 27] и перм. *сечься* 'думать' [Сл. перм. гов. 2: 333]. Диалектные материалы существенны как свидетельство более широкого и, вероятно, более раннего функционирования в русском языке глагола *сечь* 'следить' → 'понимать, думать'.

Сейчас диалектное основание для предложенной ранее реконструкции праслав. **sekti*, **-sekati* 'следить' может быть расширено: к приведенным выше диалектизмам следует присоединить сев.-двин. *подсека́ть* 'льстить, угодничать; сплетничать, клеветать на кого-л.' [СРНГ 28: 177], колым. *подсеку́ться* к кому-л. 'льстью, угодничеством добиться расположения, доверия' [СРНГ 28: 177], 'подольститься, лицемерно похвалить' [Зотов: 366]. Значение 'льстить, угодничать' вполне выводимо как вторичное из начального 'следовать', а при негативной коннотации это возможно и для 'сплетничать, клеветать' (ср. *сокъ* 'доносчик'). Фиксация этих глаголов в севернорусских говорах и исторически производных от них говорах северо-востока представляется дополнительным аргументом в пользу гипотезы о древности этой семантики и, соответственно, о генетической обособленности анализируемой лексики от глагола *сечь* 'рубить' как продолжений праслав. **sekti* 'следовать'.

Об этимологии и семантической истории праславянского **kras-**

Семантическая сфера славянского словообразовательного гнезда *kras-* весьма широка и, не претендуя при первом приближении на тщательную иерархизацию значений и диахронический анализ, можно, во всяком случае, выделить две основные области значений: 'красота' и 'красный цвет спектра', с производными функциями последнего: красный цвет разнообразных предметов, в частности, предметов, связанных с символикой рождения, свадьбы, различных праздников, гаданий и предсказаний, в символике плодородия, причем все эти сферы тесно связаны с положительными эмоциями, радостью. Вне их оказывается, на первый взгляд, роль красного в похоронной символике, в лечебной магии, однако это вполне соответствует представлению о красном как благожелательно-оберегающем цвете, см. подробно [Слав. древн. 2: 647–651]. Бесспорна семантическая связь красного цвета с огнем: ср. русск. *пустить красного петуха* 'поджечь' и под. [Слав. древн. 2: 647]. Соответственно преобладает мнение о происхождении праслав. **kras-* из гнезда и.-с. **ker-*/**k^her-* 'гореть, жечь' [Pokorný I: 571; Sławski III: 59; Skok II: 180; Snoj²: 344; Borys: 256]. Материалы

* Первая публикация: Об этимологии и семантической истории слав. **kras-* // Славянское и балканское языкознание. Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения. Владимира Николаевича Топорова. М.: ИСл РАН, 2019. С. 60–64.

истории славянских языков (как и словообразовательные отношения **krasa* → **krasъnъ*) свидетельствуют о вторичности цветовой семантики (в русском языке — с XVI в.).

Однако еще Э. Бернекер счел возможной связь **krasa* с праславянским глаголом **kresati* ‘высекать огонь’ [Berneker I: 608, 611]. Эту версию развил и углубил как структурно, так и семантически О. Н. Трубачев [ЭССЯ 12: 95–98], предположив связь глагола с лат. *creare* ‘создавать’ и *cresco* ‘расти’, так что слав. *krasa* получила объяснение как ‘создание, порождение огня’. Очевидно, что в этой гипотезе уязвимы структурные отношения славянского и латинских глаголов. Более существенной, однако, в проблеме возможности генетической связи **krasa*, **kresati* и латинских лексем представляется не степень вероятность их структурного соответствия, а реконструкция собственно славянской семантики **krasa* и **kresati*.

Продолжения глагола **kresati* представлены в славянских языках с двумя основными значениями, причем обычно сопутствующими друг другу: ‘высекать огонь’ и ‘тесать, сечь, обрубать (ветки), насека́ть (жернов), бить, ударять’: серб.-хорв. *krèsati* ‘высекать огонь; сечь, рубить’, словен. *krésati* ‘добывать огонь трением, высекать искры; сечь, бить’, чеш. *křesati* ‘сечь, высекать искры’, диал. *křesat* ‘тесать’, словац. *kresat* ‘тесать, высекать искры’, диал. *kresati* ‘отесывать, обкалывать’, в.-луж. *křesać* ‘высекать искры’, н.-луж. *kšasaś* ‘высекать огонь огнивом, тесать’, польск. *krzesać* ‘высекать искру, ударять’, кашуб.-словин. *křosac* ‘высекать искры; расщеплять, тесать’, русск. диал. *кресать* ‘высекать огонь огнивом’, укр. *кресати* ‘высекать огонь; бить, колотить’, диал. *кресать* ‘полоть (картофель. кукурузу)’, блр. *красаць* ‘высекать огонь’ [ЭССЯ 12: 124–125]; вероятно. сюда же русск. диал. нижегор. *кросáём* ‘чешет’ [Архив АН]. Неизвестна, кажется, семантика ‘сечь, тесать’ болгарскому, украинскому и белорусскому языкам (впрочем, см. укр. ‘полоть’) при наличии значения ‘высекать огонь’. На фоне всего комплекса значений наиболее убедительна версия о происхождении праслав. **kresati* из гнезда и.-е. **(s)ker-* ‘сечь, драть’ [Machek¹: 241; Sławski III: 225–227; Bezlaj 2: 90]. Однако, сопоставляя значения ‘высекать огонь’ и ‘тесать, сечь, бить, ударять’ как несомненно присущие праслав. глаголу **kresati*, многие исследователи признают историческую первичность семантики высекания огня, объясняя появление значения ‘тесать, сечь, бить, ударять’ метафорой.

[Borys: 267; ЭССЯ 12: 96]. Эта диахроническая реконструкция представляется противоречащей истории появления и функционирования ремесленных орудий из камня у славян. Употребление каменных орудий для обтесывания веток и стволов деревьев как средств защиты и охоты, для разделки туш и обдирания шкур животных, очевидно предшествовало открытию огнедобывающих свойств самых твердых пород камня, проявляющихся при ударе. Тождественная эволюция семантики представлена в сочетании *высекать огонь*.

Как производные от глагола **kresati* ‘сечь, тесать, рубить’ мною еще ранее были рассмотрены польск. диал. *krasaki* ‘куски дерева, которые отрезаются от бревен, превышающих установленную меру длины, и используются для приготовления пищи’, и глагол *krasić* ‘холостить’, см.: [Варбот 1989: 259–261]. Очевидно, в обоих случаях обработка / обрубка / обрезка является средством придания предмету нужной, полезной формы. Для уяснения этнолингвистического значения этих лексических фактов следует обратиться к мотивационной модели, связывающей обозначение красоты с совершенством продукта какого-либо ремесла: ср. праслав. **lěръ(jь)* — от **lěpiti*, русск. диал. *коварный* ‘ладный, красивый’ [СРНГ 14: 27] — от *коварь* ‘кузнец’, литер. *точный* ‘с правильными, словно выточенными, чертами (о лице, фигуре)’. Аналогичны наблюдения К. Бака об обозначениях понятия красоты в индоевропейских языках: нередко красота обозначается как совершенство формы, см. греч. εὔμορφος, εὐεῖδής ‘совершенной формы, прекрасный’, лат. *formosus*, ирл. *sochrud* то же [Buck: 1191–1192]. Приведенные наблюдения и лексические данные позволяют сделать вывод об образовании праслав. **krasa* ‘красота’ (как **‘совершенное (по форме) изделие’*) от глагола **kresati* в его первичном значении ‘обсекать, обрубать, обтесывать, делать зарубки’. Появление у глагола специализированного значения в сочетании *kresati ognь* (с многочисленными производными названиями соответствующих инструментов) сместило семантический центр гнезда на ассоциацию с огнем, так что изменилась (скорее, расширилась) семантика производных, откуда появилась цепочка употреблений типа представленной в русском языке диал. *красные веревы* ‘резные столбы ворот’ (= ‘наиболее совершенно сделанные’, а потому ‘красивые’), *красная девица* (собственно ‘с совершенными

формами' → 'прекрасная') и *красная изба* 'изба с изразцовой печью' как 'лучшая' (яросл.) [СРНГ 15: 180] и далее *красное зарево* (как отражающее цвет огня) и, наконец, *красный платок*, *красный цветок* и под. Разумеется, предполагаемая связь семантической истории слав. **kras-* с историей овладения методами получения огня с помощью камня означает также предположение об образовании основы **kras-* < **krōs-* в ранний индоевропейский период.

Об этимологии праславянского **kastь**

В «Этимологическом словаре славянских языков» праславянская реконструкция **kastь* основана на материале только русского языка: ст.-русск. *Касть*, прозвище (Наволоцкий погост, 1495 г.), русск. диал. *касть* ж. р. ‘потрава, хлебная шалость, пакость’ (пск., твер.), ‘наказание’ (нарым.), ‘принудительное покаяние’ (том.), ‘крыса или мышь; порча, вред, убыток’ (твер.), собир. ‘о вредных животных и насекомых’ (твер., яросл., пск., ряз., новгор.), ‘дрянь, гадость’ (ряз., новгор., печор.), ‘вонючая, смрадная грязь’ (арханг., твер.), ‘грязь на дороге, распутица’ (арханг., олон.), ‘ненастная погода’ (арханг.), ‘ругательство, брань’ (арханг., волог., пск., новгор.), также *кась* ‘нечистота, сор; ненастная погода’ (арханг.) [ЭССЯ 9: 157] (в настоящей статье значения несколько перегруппированы).

О более широком распространении слова *касть* в славянских языках — кроме русского, еще в белорусском — свидетельствует производный глагол **kastiti* (*se*): др.-русск. *кастить под собе* ‘мараться и мочиться в постель’, *кастити* ‘извергать’, русск. диал. *кащу* ‘испражняюсь’ (XVIII в.), *кастить* ‘портить’ (печор., смол.), ‘вредить’ (урал.), ‘бранить; пачкать, грязнить’ (олон.), ‘пакостить, испражняться, извергать рвоту’ (вят.), ‘мусорить’ (белозер.), ‘ругать, поносить, позорить’ (яросл.) и блр. диал. *касьціць* ‘портить

* Первая публикация: Об этимологии праслав. **kastь* // Русский язык в научном освещении. М.: ИРЯ РАН, 2020, № 2 (40). С. 218–221.

без надобности’, *касѣциць* ‘сорить на пол’, *касѣцицца* ‘мучиться’ [ЭССЯ 9: 156]. Авторы «Этимологического словаря белорусского языка», см.: [ЭСБМ], толкуя глагол как производный от **kastь* (об этой производности свидетельствует корневое подударное *á* в глаголе), отмечают фиксацию имени только в русском и признают за ним статус праславянского диалектизма [ЭСБМ 4: 299].

Относительно этимологии сущ. **kastь* предложено две версии. По разработке О. Н. Трубачева, **kastь* — «древнее производное типа врддхи, с продлением корневого гласного *o* → *ō* (*a*) от **kostь*», с семантической эволюцией ‘костный’ → ‘бранный, нечистый’, подобной семантическим отношениям **kostь* и его другого производного **koščinь* [ЭССЯ 9: 157]. Однако модель врддхи, с продлением корневого гласного *o* > *ō* (*a*) не известна славянскому именному отыменному словообразованию, но характерна для славянского именного отглагольного словообразования: см. **tvoriti* — **tvarь*. Поэтому более вероятной представляется версия Я. К. Грота — образование сущ. **kastь* от глагола **kostiti* (цит. по: [Фасмер II: 208]). (Сомнения в отношении производности **kostiti* от **kostь* несостоятельны, см.: [ЭССЯ 11: 156–157].)

Относительно вероятности образования **kastь* от **kostiti* в семантическом аспекте ср. значения продолжений глагола **kostiti* в русском и украинском языках и приведенных выше русских продолжений существительного **kastь*: русск. *костіть* ‘осыпать бранью, ругать’, диал. ‘бранить, ругать’ (влад., вят.), укр. *костіти* ‘костить’ [ЭССЯ 11: 156–157] и русск. диал. *касть* ‘нечистота, сор, смрад, вонь’, ‘ругательство, брань’.

Несмотря на достаточную вероятность изложенной выше версии Грота об образовании сущ. **kastь* от глагола **kostiti*, представляется нелишним указать еще на один возможный путь возникновения **kastь* — производность от праслав. глагола **kaziti* с суф. **-tb*.

Продолжения праслав. **kaziti* представлены во всех группах славянских языков, к русск. *касть* семантически наиболее близки следующие глаголы: др.-русск. *казити* ‘портить, причинят вред; развращать; искажать; увечить (об оскоплении)’, *казитися* ‘портиться’ [СДРЯ IV: 187], русск. литер. *исказѣть*, русск. диал. *казѣть* ‘портить’ (ворон.), *казѣться* ‘кривиться (о человеке)’ (том.), ‘шалить, беспокоиться, вести себя буйно’ (краснодар.), укр. *казіти*

‘искажать. портить’, диал. *казити* ‘бить, разбивать (посуду, яйца, стекло)’, *казитися* ‘ломаться, портится’, ст.-блр. *казити* ‘уничтожать’, блр. *káziць* ‘искажать, портить; кривить (лицо)’, ст.-слав. **казити** ‘портить, вредить’, серб.-хорв. диал. *káziti se* ‘портить себя, свой вид’, словен. *kaziti* ‘портить, искажать’, чеш. *kaziti* и словац. *kazit’* ‘портить, разрушать, вредить’, в.-луж. *kazyć* и н.-луж. *kazyś* ‘портить, повреждать’, польск. *kazić* ‘портить, губить, разрушать; заражать; осквернять; разбивать’, словин. *kazěc* ‘разбивать, разрушать, губить’ [ЭССЯ 9: 171]. Ср. приведенные выше значения русск. диал. *касть*: ‘потрава, хлебная шалость, пакость’, ‘порча, вред, убыток’, ‘наказание’, ‘крыса или мышь’, собир. ‘о вредных животных и насекомых’, ‘дрянь, гадость’, ‘нечистота, сор, смрад, вонь’, ‘кал, испражнение’. Очевидна общность для суц. *касть* и глаг. **kaziti* семантики порчи, вреда, разрушения (вплоть до тела человека — ср. русск. диал. *касть* ‘наказание’ и др.-руссск. *казити* ‘увечить’, серб.-хорв. диал. *казити се* ‘портить себя, свой вид’) и осквернения. С точки зрения славянского словообразования возможность производности **kastь* от **kaziti* не подлежит сомнению: ср. однотипную модель в образовании **mastь* от **mazati*. Принятие этой модели образования для русск. *касть* означает признание его праславянской древности. Примечательно, однако, что при почти общеславянском распространении производящего глагола **kaziti*, производное **kastь* известно только древнерусскому, русскому и, очевидно, ст.-белорусскому (см. выше производный от **kastь* блр. диал. глагол *kásciць*), так что для **kastь* вероятен статус восточнославянского праславянского диалектизма.

Следует отметить, что предлагаемая версия происхождения праслав. **kastь* (как, впрочем, и две изложенные выше и здесь не принимаемые версии) исключает родство этой лексемы с праслав. **rakostь* (руссск. *накость*, ст.-слав. **пакость** и др.), для которого наиболее вероятно образование от **rako* ‘обратно, назад’ с первичной мотивацией ‘обратное нормальному состоянию, качеству’ [ЭССЯ 40: 227–230].

О диалектных дополнениях к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям (к этимологии праславянского **strǫkъ*)*

Известный теоретик этимологии Я. Малкиель предложил в качестве средства усовершенствования методики этимологических исследований провести анализ факторов, определяющих появление убедительных этимологических решений, выделив три возможных: новый диалектный или исторический материал; удовлетворительный компромисс двух предшествующих, не вполне приемлемых толкований; плодотворное соединение двух методик анализа, недостаточных по отдельности. При этом новый материал он поставил на первое место, уподобив его обнаружение археологической находке, которой не доставало для реконструкции целого [Malkiel 1962: 208, 201]. Думаю, в современной славянской этимологии можно определенно настаивать на приоритете в этой роли диалектных материалов. Правда, нередко важность диалектного материала одного славянского языка признается более уверенно для этимологизации лексики именно этого языка, менее уверенно — в отношении лексики других славянских языков и весьма скептически — при анализе лексики праславянского и индоевропейского происхождения, апеллируя при этом к «священному» аргументу

* Первая публикация: О диалектных дополнениях к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям (к этимологии праславянского **strǫkъ*) // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М.: ИСл РАН, 2012. С. 296–300.

лингвогеографии (а в последнем случае — и хронологии). Не вдаваясь в теоретические дебаты, напомним только, что блестящий индоевропеист В. Н. Топоров ряд этимологических толкований индоевропейских лексем аргументировал (в числе прочих) материалами русских говоров: например, в отношении греч. *νίκη* ‘победа’ — установлением родства греческого слова и русск. диал. *ника* ‘лежащее положение городошной фигуры’ [Топоров 2000: 181].

Позволю себе на примере нескольких русских диалектизмов напомнить о реальности сохранения в русской диалектной лексике архаичной семантики, подтверждающей генетическую принадлежность некоторых лексем к определенным праславянским этимологическим гнездам (или генетическое единство некоторых групп славянских лексем): ср.-урал. *видеть* ‘знать’ [Сл. русск. гов. Средн. Урала. Доп.: 70] — к праслав. **viděti* ‘видеть/знать’, новгор. *подстрочить* ‘побудить кого-л. к какому-л. действию’ [Новг. сл. 8: 57] — к литер. *подстрекать* (гнездо **strek- / *strok-* ‘колоть’), карел. *нетрынный* ‘крепкий, здоровый’ [Сл. русск. гов. Карелии 4: 16] — к *трын-трава* (гнездо **tru- / *trov- / *try-*), новгор. *присяга* ‘фартук’ [Новг. сл. 9: 29] — к литер. *присяга* (гнездо **seg-* ‘доставать, касаться’).

Теперь предлагаю обратиться к этимологии русского (но несомненно праславянского происхождения) *струк*, *стручок*. Его родственное окружение: блр. *струк* ‘стручок (гороха)’, укр. *струк* то же, польск. *strąk* ‘стручок’, чеш. *struk* ‘стручок’, словац. *struk* ‘стручок’, мн. ч. ‘лузга’, в.-луж. *truk* ‘стручок’, н.-луж. *tšuk* ‘стручок’, болг. *стрък* ‘стебель, стебелек, отросток, побег’, макед. *страк* ‘стебель, стебелек’, серб.-хорв. *стру́к* ‘стан, корпус; талия; стебель’, словен. *strók* ‘стебель, стручок’. При специфичности формы стручка представляется достаточно вероятным хронологический приоритет именно значения ‘стручок’. Сопоставление корневого вокализма польск. *strąk*, болг. *стрък* и макед. *страк* однозначно определяет первичность праславянской структуры с носовым *o* — **stroǫkь*, которая приемлема и для соответствий в других языках, поэтому совершенно излишне допускать параллелизм праформ **stroǫkь* и **strukь* [Machek²: 583].

Обратимся к этимологии праслав. **stroǫkь*. Из предложенных версий относительно происхождения слова наиболее авторитетны

следующие: 1) родство с лит. *runkù, rùkti* ‘сморщиваться, коробиться’ [Machek²: 583]: принимается исходное **roukos* с *s-mobile* и изменением *sr > str*; 2) при реконструкции первичного значения ‘нечто выпуклое, складка’ исходным признается этимологическое гнездо и.-е. **sreu-* ‘течь’ [Куркина 1977: 27–28], так же, с учетом серб.-хорв. *двòструк* ‘двойной’ и реконструкцией первичного значения ‘сморщенный, собранный в складки’ [Gluhak: 59], ср. к этой версии блр. *валасы у струю накачалісе* [ЭСБМ 12: 331]; 3) при родстве с лит. *striùkas* ‘короткий, отломанный’, лат. *struculus* ‘сопель’ принимается происхождение из гнезда и.-е. **streuk-* ‘быть твердым’ [Borys: 580; Snoj²: 616].

Не оспаривая вероятности изложенных выше толкований в плане реконструкции первичной семантики, позволю себе акцентировать внимание на некоторых слабых сторонах аргументации. Две первые версии исходят из первичности семантики (или мотивации? — к сожалению, ни в одной версии эти две характеристики лексемы не различаются) сморщенности, скрюченности. В этом отношении сомнительна согласованность с семантикой гнезда и.-е. **sreu-* ‘течь’, требуется также допущение вторичной праславянской диалектной (!) назализации. Тот же структурный элемент не предусмотрен и в третьей версии, при некоторой спорности признака твердости для стручка.

Попытаюсь обосновать еще одну версию происхождения праслав. **stročkъ*. В русских сибирских и колымских говорах зафиксировано в разное время наречие (*в*) *приструк* в значении ‘пристально, внимательно’: *приструк* глядит, глаза не сводит [СРНГ 31: 423], Пристально смотрит в меня — *приструк* [Зотов: 391]. Уточнить материальную составляющую этого значения помогают данные говоров болгарского языка: *стрѣка* ‘деревянные жерди воза, между которыми впрягается конь’ (севлиевск.), *стрѣки, стрѣки* то же (троян.), стар. *стрѣка* ‘две жерди в саях от полозьев до хомута, которые служат вместо дышла’ [БЕР VII: 511–512]. Из сопоставления значений русских и болгарских диалектизмов можно, кажется, сделать вывод о существенности в семантике славянского названия стручка составляющей давления, сдавливания, сжимания, которая может быть рефлексом первичной мотивации. Это побуждает искать этимологический источник праславянского слова в гнезде и.-е. **trenk-* ‘сдавливаться,

притеснять'. К этому гнезду возводятся, в частности, лит. *treĩkti* 'ударять', *trankýti* 'трясти', *trankùs* 'тесный, тряский', гот. *þreihan* 'теснить, сжимать' и, наконец, что особенно существенно, лат. *truncus* 'ствол дерева, туловище' [Pokorný I: 1093; Trautmann: 32; Fraenkel II: 1118] — ср. с последним серб.-хорв. *стрѹк* 'стан, корпус; талия' (см. выше). Таким образом, при первичной мотивации по действию сдавливания, сжатия праслав. **strǫkъ* толкуется как обозначение предмета, образованного сжатием составных частей или сжимающего (так могут рассматриваться стручок, туловище, оглобли, дышло).

При возведении праслав. **strǫkъ* к и.-е. **trenk-* 'сдавливать, притеснять' формы лужицких языков в.-луж. *truk* 'стручок', н.-луж. *tšuk* 'стручок' должны рассматриваться как архаизмы, тогда как для прочих соответствий в славянских языках следует допустить присоединение *s-mobile* (которое предполагал В. Махек, см. выше).

Как сохранение первичной семантики стеснения, притеснения весьма существен русский диалектный глагол яросл. *пристрѹчить* 'припугнуть, пригрозить, силою заставить сделать что-л.', арханг. *пристрѹчило* безл. [СРНГ 31: 423] (двойная фиксация глагола в разных говорах и особенно фонетическая вариантность исключают ошибочное прочтение записи *приструнить*).

Об этимологии славянских *ozd/ozda, ozditi**

Славянские имена существительные *ozd, ozda* и глагол *ozditi* со времени Ф. Миклошича и, кажется, до настоящего времени считаются этимологически неясными.

В этимологическом словаре Ф. Миклошича основа *ozd-* представлена следующими словами славянских языков с семантикой сушки: словен. *ozditi* 'сушить', *ozdica* 'солодосушилка', чеш. *ozd, oznice, ozditi* 'сушить (особенно солод)', наряду с *vozd, vozditi, hvozd, hvozdnice, hvozditi*, укр. *voznyča* 'сушилка', польск. стар. *ozd, oznica, ozdnica, ozdovnica, hozdovnica, oździć, oździć, oźdyć*; приведены также рассматриваемые в связи с этой группой укр. *oznyča* 'отверстие для дыма в соломенной крыше' и русск. диал. *ózda* 'лавка в лодке'; относительно происхождения славянской основы упомянуто существующее сравнение ее с англ. *ost, oust* 'сушилка' и возможность заимствования только из более близкого германского диалекта, если это не собственно славянское образование [Miklosich: 229]. В дальнейшем в этимологических исследованиях были предложены версии родства славянского гнезда с арм. *azazim* 'сушить' и с греч. ἄζομαι 'сохнуть' [Meillet 1898: 281–282; Scheftelowitz 1905: 32], с греч. ἄζομαι и лат. *areo* [Safarewicz 1963: 138], причем

* Первая публикация: Об этимологии слав. *ozd/ozda, ozditi* // Miklosichiana bicentennialia. Сборник у част двестото годишњице рођења Франца Миклошича. Београд: САНУ, 2013. С. 129–134.

рассматривались только слова с семантикой сушки. Позиции авторов этимологических словарей славянских языков различны, и они также обычно склонны генетически отделять лексемы с семантикой сушки от прочих, при этом принимается версия заимствования [Brückner: 388 — нем. *ost*, англ. *oast*, голланд. *oust*, греч. *azdō*, лат. *areo*], или, наряду с упоминанием возможности германского источника заимствования (др.-англ. *ast* ‘печь’, англ. *oast* ‘сушильня для хмеля’, голланд. *east* ‘сушильня’), предпочитается исконность славянского образования, родственного с греч. ἄζωμα ‘сохнуть’ и арм. *azazem* то же [Machek²: 192], или принимается родство с нем. *ost*, англ. *oast*, голланд. *oust* ([Bezlej 2: 263]; в рассматриваемую группу включено также укр. *oznyca* ‘отверстие для дыма в соломенной крыше’) и лат. *assa* ‘самая жаркая часть паровой бани’ [Bańkowski 2: 478]; славяно-греческой изолексой считал отношения славянского и греческого глаголов Ф. Славский [Sławski 1980: 28]. М. Фасмер также генетически отделял русск. диал. *óзда* ‘лавка в лодке’ от лексики сушки (признавая последнюю славянской, родственной упомянутым греческим и латинским словам), а О. Н. Трубачев привел в дополнении к этой статье Фасмера толкование русского диалектизма В. Пизани: «*озда* из **o-zd-a* от **sed-* ‘сидеть’» [Фасмер III: 125]. Авторы этимологического словаря украинского языка объединили все украинские лексемы с лексемами южно- и западнославянских языков (не упоминая, однако, русский диалектизм) и реконструировали праслав. **ozd-* как родственное с греч. ἄζωμα, гот. *azgo* ‘пепел’, нем. *Asche* то же, лат. *ārēre* ‘быть сухим’, приведя также и версию заимствования [ЕСУМ 4: 167]. Новейшие этимологические словари словенского, чешского и польского языков (соответственно словари П. Скока, Й. Рейзека и В. Борыся, см.: [Skok; Rejzek; Boryś]) не включают рассматриваемую здесь лексическую группу ни в свои словники, ни в состав статей о других словах

При сохраняющихся, следовательно, разнообразии и противоречивости толкований слав. *ozd/ozda* в этимологической литературе, представляется полезным напомнить новое и, как представляется, весьма убедительное толкование чешской части этой лексической группы, изложенное не в этимологической публикации, а в разработке соответствующих словарных статей Старочешского словаря [StčSl 14: 1062] еще в середине 80-х годов прошлого века.

Принципиально новый подход авторов «Старочешского словаря» к этимологизации рассматриваемой лексической группы основан на собственно старочешских лексических материалах и заключается в том, что как исходное слово группы старочешских лексем толкуется глагол *ozditi*, *-ždžu / -žd'u*, *-zdi* сов. вида (производный от *zditi*) 'обустроить, снабдить что-либо стеной, оградой, поставить стену вокруг чего-либо', например: *prvnie ustavil město a ozdil...* BřezSvět 3b [StčSl 14: 1062]. Существительные *ozd*, *-a / -u*, *ozda*, *-y* и их более поздние преобразования *vozd*, *hvozd* толкуются как производные от *ozditi* со следующими значениями: 1) 'ограда, стена вокруг города': *jižto sě veselé na ozdech žžené cihly* Pror Is 16,7; 2) 'огороженная хозяйственная территория, главным образом в риге': *kterak já tě [ženu] mohu zprostiti z uozdu nebo z lesice?* BiblCard 4 Rg 6,27 (~ Ol, ~ Lit, z humna ~ Pad, ~ Praž, z mlatebny ~ Zam); 3) 'сушильня, постройка, снабженная каменной печью для сушки зерна, особенно при выработке солода, иногда сама печь': *brazeatorium sladovně*, *Ozda aridarium* KlarBohO 695; *zbili nám [Budějovičti] hrnce, kádi, koryta, ozdy a jiné orudie* ArchČ 21, 339 (1464) [StčSl 14: 1062]. Далее, на основе причастия *oždžený*, *ožd'eny* 'выработанный под воздействием жара (печи), главным образом, высушенный' реконструируется глагол *ozditi* несов. вида, который сопоставляется с *ozd* в значении сушильня [StčSl 14: 1062, 1074]. Если это сопоставление означает производность реконструированного глагола от имени (а видовые различия, наряду с семантически, глаголов *ozditi* 'снабдить, окружить стеной' и **ozditi* 'сушить' не позволяют словообразовательно отождествить эти два глагола), то выстраивается следующая словообразовательная цепочка: *zditi* 'возводить, вести кладку' → *ozditi* 'обустроить, снабдить что-либо стеной' → *ozd / ozda* 'ограда, стена; гороженное место; сушильня, печь' → *ozditi* 'сушить'.

Реконструированная словообразовательная цепочка надежно объясняет развитие семантики рассматриваемой лексической группы со значением сушки в чешском языке и побуждает принять аналогичный путь развития также для соответствующих лексем других славянских языков, точнее — признать создание этой цепочки на праславянском уровне, с формированием семантики сушки на собственно славянской почве в производных от глагола **zdati*, **zidjo* (который на чешской почве заменен формой *zditi*)

с исходным значением 'строить'. Таким образом, отпадают сопоставления с лексикой других индоевропейских языков, обозначающей сушку, равно как предполагаемых родственных, так и в качестве источника заимствования.

С другой стороны, принятие происхождения рассматриваемой лексики сушки, в конечном счете, из гнезда с семантикой строительства позволяет обратиться к омонимичным лексемам с другой семантикой. Учитывая разнообразие материальных условий строительства на территории славянского расселения, следует принять реальность расширения первичного значения глагола **zьdati* от строительства из камня и глины до использования дерева — см. ст.-русск. *оздати* 'оградить. обложить камнем, **деревом**': И положено бысть...тѣло его въ лѣсъ ...верху земли, не погребено, но древнемъ озданно Пролог (П.), 41. 1677 [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 307] (полужирный мой. — Ж. В.). В таком случае в группу производных от **o(b)zьdati*, наряду с лексикой каменного строения и сушки, вписываются и восточнославянские слова, связанные со строительством из дерева: ст.-русск. *озда* 'поперечная связь, балка на речном судне'. Астрах. а, № 446, сст. 1. 1619; Заб. Дом. быт. I, 581. 1682 [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 307], русск. диал. *óзда* и *озда́* волж., волог., перм., урал. 'поперечная балка на речном судне от борта к борту, служащая креплением судна', *óзды* мн. волж. 'стропила на крыше коломенок', *озда́* астрах., волж. 'лавка, скамейка на лодке' [СРНГ 23: 86], *вóзда*, чаще мн. *вóзды* 'брус в перекрытии дома, к которому крепятся стропила' [Сл. Русск. Севера II: 144]. Представляется существенным наличие в семантике русских лексем составляющего элемента соединения, объединения, соответствующего функции славянского префикса **ob-*.

Итак, возможна реконструкция на позднепраславянском уровне следующей словообразовательной цепочки и сопутствующего семантического развития: **zьdati* 'возводить, строить (из различных материалов)' → **o(b)zьdati* 'обустроить, обстроить, соединить' → **o(b)zьdъ / *o(b)zьda* '(с различиями по диалектам) стена, постройка, печь из камня; строительный элемент из дерева' → **o(b)zьditi* (только южн. и зап. слав.) 'сушить'.

К этимологии праславянского *rana*

В толковании происхождения праслав. *rana преобладает мнение об исходном и.-е. **uronā* от и.-е. **uer-* ‘раздирать, царапать’, родственном **urono-* > др.-инд. *vraṇá* ‘рана, трещина, царапина’ [Pokorny I: 1163]. При этом принимается утрата в праславянском языке *u* перед *r*. Другие существующие версии: от и.-е. *(e)*re-* ‘раздирать’ (др.-инд. *īrma* ‘рана’, лит. *irti* ‘разорваться’), родство с авест. *rāna* ‘воин’ — признаются менее убедительными [Фасмер III: 441–442; ESJS 12: 748; БЕР VI: 320–322].

Побуждением к попытке поисков иного толкования происхождения праслав. *rana послужило замечание В. Махека о том, что «родственная связь праславянского слова с др.-инд. *vraṇá* «не прямая», так как долгота славянского корневого *ā* оправдана только в фактитиве *rāniti*, производным от которого и является *rana*» [Machek²: 508]. Соответственно встает вопрос о происхождении праслав. **raniti*, хотя наиболее существенным в замечании В. Махека представляется указание на отсутствие структурного тождества праславянского и древнеиндийского имен, что, при учете проблематичности для праславянского исконного начального *ur*,

* Первая публикация: К этимологии праслав. *rana // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы V Международной научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. Екатеринбург: УрГУ, 2022. С. 51–55.

позволяет ставить под сомнение указанное индоевропейское происхождение праслав. **rana*.

Праславянская глагольная *-i-/-j-* основа с корневым вокализмом *a* может быть производной от корня с исходным *a* (ср. **maniti*) или **o* (ср. праслав. **plovŏ* → **plaviti*). Этимологическое гнездо и.-е. **uer-* не дает свидетельств глагольных форм с *ā*, кроме славянского *rāniti*. Это позволяет обратиться к славянскому глаголу с корневым **o* — **roniti*.

Структурно-словообразовательные отношения **roniti* и **rana* сопоставимы с **voditi* → **vada* ‘канавка’, **krojiti* → **krajb*, **(s)kolti* → **skala*, а глагол **raniti* может быть вторичным имперфективом от **roniti* → **ran’ati* → **raniti* или отыменным от **rana*.

Обратимся к вопросу о степени вероятности семантической связи **roniti* и **rana*. Праслав. **roniti* восходит к и.-е. основе **re-* от широко разветвленного индоевропейского этимологического гнезда **er-/*ere-* ‘двигаться’ при ближайшем родстве славянского глагола с др.-в.-нем. *rennen* ‘бежать’ [Pokorny I: 329]. В славянских языках **roniti* развило семантику ‘ронять (= вызывать падение), терять’, с детализацией падения созревших плодов, листья, отделения зерен и течения жидкости, особенно дробного (о слезах и дожде) и развитием семантики разрушения, повреждения: см. в литературных языках болг. *rónja* ‘осыпать, обмолачивать, вылушчивать; лить слезы, сеять (о дожде)’, *подрónja* ‘подрыть’, серб.-хорв. *рднити* ‘лить, проливать (слезы); размывать, разрушать’, чеш. *roniti* ‘лить; плакать’, словац. *ronit’* ‘лить (слезы)’, польск. *ronić* ‘терять, сбрасывать (перья, кожу); губить’. Составляющие падения, обрушения и течения дают в соединении семантику результата — упадка, ущерба: русск. *урón* литер. ‘убыток, ущерб’ и диал. ‘спад, убыль’ (мурман., волог.), ‘неполноценный по физическим качествам человек’ (Низ. Печора) [СРНГ 47: 349–350]. См. особенно русск. диал. олон. *сронить* ‘убить, зарезать (скотину)’ [СРНГ 40: 322]. Очевидно, это сближает семантику **roniti* и **rana*. Весьма серьезный повод для размышления о возможности семантической близости **roniti* и **rana* дает русск. *нпрорán* литер. ‘суженная часть руслу, проход. промоина’, диал. ‘залив, далеко вдающийся в сушу’ (астрах., касп., кубан.), ‘проток или рукав в русле, устье реки’ (волж., урал.), ‘глубокий овраг с крутыми склонами, обрыв’ (волгогр., дон.), ‘отверстие под стеной бани для

выхода воды в яму' (урал.) [СРНГ 32: 215]. Это слово считается связанным с *рана* [Фасмер III: 376], что подсказывается формой, но семантика явно амбивалентна: составляющая прорыва более тяготеет к *рана* (с общим для всех языков значением этого слова 'повреждение кожного покрова'), но см. выше *ронити* 'размывать, разрушать', а также «водную» составляющую *прорán*. Более вероятно образование *проран* от *ронити* также в отношении словообразовательной модели: бессуффиксные префиксальные имена как правило являются отглагольными (ср. *проток/протока* от *протечь*, при *пролесок* от *лес*).

Семантика продолжений праслав. **rana* во всех славянских языках тождественна в значении 'повреждение кожного покрова', со считающимися переносными 'вред, ущерб'. Следует, однако, рассмотреть и другие значения = употребления. В древнерусском языке для *рана* отмечаются также значения 'удар, побои; болезнь; страдание, мучение; наказание, кара'; словосочетание *раноу възприяти (прияти)* означает 'потерпеть поражение' (последнее — в Лавр. лет. XIII 2 32 об., 1164; 146 об., 1269; 160–160 об., 1316), см.: [СДРЯ X: 333–337]. Очевидна исходная семантика действия/состояния, близкая к **roniti* 'ронять, терять': ср. др.-русск. *рана* 'поражение' и русск. *урон*. Чеш. *rana* также значит 'удар; звук удара' [Trávníček⁴: 1307].

Особенно интересна с точки зрения предполагаемого образования **rana* от **roniti* чешская народная фразеология со словом *rána*. С одной стороны, ряд фразеологизмов несомненно опирается семантически на *rána* как обозначение повреждения = ущерба: *zasadit někomu, něčemu poslední ránu* 'добить, забить', *udělat někde ránu* и *dat někomu ránu* 'украсть, обокрасть', *to mu dalo ránu* 'это ему повредило'. Близко к этому оценочное употребление: *nedat ani ránu* 'ничего не делать'. С другой стороны, во многих фразеологизмах слово *rána* обнаруживает семантику движения, энергии, стремления: *to je rána do vody (= do peřiny, do větru)* 'погоня за ветром', *byť od rány* 'быть быстрым, стремительным', *od své rány něco udělat* 'без принуждения' (= 'по своей воле, настроению'). Семантика результата движения, достижения, конечной точки свидетельствуется употреблением *rána* в *padnout (= přijít) někomu do rány* 'приблизиться, встретиться', *byť na ráně* 'быть на расстоянии

руки, легко достижимым'; ср. еще семантику момента движения: *v tu ránu* (= *na ránu*, *v té ráně*) *udělat* 'сейчас, сразу' [Trávníček⁴: 1307–1308; Zaorálek⁴: 297].

Отмеченные в производных от **roniti* именах семантическая составляющая повреждения / ущерба / прорыва и семантические составляющие различных характеристик движения в сочетании с составляющими повреждения, ущерба в употреблениях **rána* свидетельствуют о возможности их исконной семантической связи и в сочетании с указанными выше возможностями словообразовательной связи могут рассматриваться как аргументы в пользу гипотезы об образовании праслав. **rána* от **roniti*. Первичная мотивация праслав. **rana* при этом реконструируется как 'действие и результат (на)падения', первичное значение — 'напасть, ущерб'.

Наконец, возможно, свидетельством двойственности первичной семантической связи с **roniti* являются значения чеш. *je ho rána* 'он толстый' и *je toho rána* 'этого много' [Zaorálek⁴: 297], если 'много' < *(все), что напáдало, накопилось'. В таком случае приходится для **rana* допускать амбивалентность первичной семантики: 'результат (на)падения' = 'ущерб' / 'множество'. Ср. русск. *прóпасть*.

Русские диалектные дополнения к реконструкции чередования гласных в некоторых праславянских глагольных корнях*

Основой этимологического толкования является введение слова в определенное этимологическое гнездо. Лежащий в основе гнезда корень предоставляет тем большие возможности для этимологизации лексики, чем надежнее реконструирован его фонемный состав с возможными чередованиями корневого вокализма. Для многих этимологических гнезд при надежной реконструкции исходного вокализма и, соответственно, теоретической вероятности общей схемы чередования корневого гласного некоторые ступени чередования обнаруживаются только в единичных производных или вообще не подтверждены лексическим материалом. В подобной ситуации большое значение приобретает возможность подтверждения реальности таких ступеней чередования лексическими материалами, принадлежность которых к определенным этимологическим гнездам не вызывает сомнений ни в плане семантики, ни в отношении структурных характеристик. Все большее значение приобретает в связи с этим исследование диалектной лексики. Подтверждение редкой ступени огласовки в этимологическом гнезде открывает перспективы для введения в него дополнительных

* Первая публикация: Русские диалектные дополнения к реконструкции чередования гласных в некоторых праславянских глагольных корнях // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской. Материалы Международной конференции 29–31 октября 2021 г. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 41–44.

производных или подтверждения существующих, но считающихся спорными этимологических толкований. В настоящей работе приводятся лексические материалы русских диалектов, содержащие единичные или не засвидетельствованные ступени корневого вокализма ряда глагольных этимологических гнезд.

Псков. *набóенный* (к праслав. **biti*)

В этимологическое гнездо праслав. **biti* на основе корневого чередования **ei/*oi > *i/*oj* входит отглагольное существительное **bojь*; также и от префиксальных глаголов этого гнезда образованы имена с огласовкой в ступени **o* (**nabojь*, **otьbojь*, **sьbojь* и под.). От других глаголов с исходным вокализмом в ступени **e* регулярно образуются также итеративы с огласовкой в ступени **o*. В гнезде **biti* такой итератив неизвестен. Из праславянской глагольной лексики производность от глагола с огласовкой **oj* (ступень **o*) в гнезде **biti* предполагается для **bojati se* ‘бояться’ при перфективной функции исходной основы [ЭССЯ 2: 163–164]. Русск. псков. *набóенный* ‘утопанный, проложенный частой ходьбой’ [Псков. сл. 19: 219] как страдательное причастие прошедшего времени свидетельствует о производящем итеративе **nabojiti*, что позволяет объяснить структуру **bojati se* как вторичное производное от итератива **bojiti*.

Селигер. *клóпать* (к праслав. **klepati*)

Для праслав. **klepati/*klepiti*, к которым возводят глаголы с двойственной семантикой в славянских языках — ‘расплющить, ковать, скреплять клепкой, накладывать, наваривать, насекать (жернов) и под.’ и ‘колотить, шлепать, ударять’, — предполагают единый источник: звукоподражание [ЭССЯ 10: 7–9]. К звукоподражанию возводятся также праслав. **klopati/*klopiti* ‘ударять, хлопать, стучать’ [ЭССЯ 10: 69–70], хотя и в соответствующих глаголах семантика неоднородна: см. чеш. диал. *hrnec klopí* ‘горшок прикрыт’, словац. *klopit’* ‘наклонять’ [ЭССЯ 10: 69]. Даже если принять первичность звукоподражательной семантики для **klopati/*klopiti*, которые признаются связанными усилением экспрессивности с **xlopati* [ЭССЯ 10: 69], то для **klepati/*klepiti*

звукоподражание менее очевидно. И выделенные выше чеш. диал. *hrnec klopi*, словац. *klopiť* свидетельствуют о возможности огласовки корня в ступени *o также и для глаголов с «кузнечной» семантикой. Эту структуру корня *klop- подтверждает русск. селигер. *клóпать* 'валить в одну кучу, смешивать' с производным *клóписто* 'складно, дружно' [Селигер 3: 47]. Следовательно, возможно предположение по меньшей мере о двух праславянских частично омонимичных гнездах (вероятно, гетерогенных омонимах): звукоподражательном *klepati / klopiti 'ударять, стучать' и *klepati / *klopati / *klopiti с семантикой 'ковать, наваривать, накладывать, накрывать'. Соответственно получает подтверждение версия происхождения праслав. *klon'a со значениями (в славянских языках) 'ловушка для птиц, клетка, сеть' из *klopn'a [ЭССЯ 10: 68], из гнезда *klepati / *klopati 'накладывать, накрывать'.

Север. урknúть, уркí (к праслав. *rekt'i)

Огласовка в ступени редукции для праслав. *rekt'i известна в форме повелительного наклонения в старославянском языке, а также в формах настоящего времени в древнерусском, чешском и польском языках, в основах с суф. *-no- в чешском и польском. Наиболее доказательны для признания праславянской формы настоящего времени с вокализмом в ступени редукции старославянская и древнерусская формы как наиболее древние фиксации. Дополнительным аргументом является фиксация форм с этой ступенью огласовки корня *rek- в русских диалектах: арханг., псков., твер. урknúть 'сглазить' и уркí мн. волог., псков., твер. 'объем работы, заданный для выполнения в определенный срок', новгор., твер., яросл., влад. 'уроки, учебные задания' [СРНГ 47: 337–338].

Псков., твер. с́́нуть, ус́́нуть
(к праслав. *sunǫti, *sovati / *sujǫ)

В этимологическом гнезде *sunǫti, *sovati / *sujǫ, как справедливо заметил В. Махек, признается только полная огласовка корня в ступени *o (*ou > u / ov) [Machek²: 593]. Русская диалектная лексика дает труднопроверяемые свидетельства реальности

в этом гнезде огласовки в ступени продления редукции — *ъ: > *у: псков., твер. *сѣнуть* ‘положить, засунуть что-л. так, что трудно найти’ [СРНГ 43: 138], *усѣнуть* ‘забросить. затерять что-л.’ [СРНГ 48: 131]. Опираясь на фиксацию *сынуть*, *усынуть*, как продолжений **synŭti*, родственных с **sunŭti*, **sovati* / **sujŭ*, можно, кажется, уточнить толкование происхождения слова *усѣнок* во всех его значениях. Диал. ворон. *усѣночек* ‘маленький заливчик’ считается заимствованием: «ср. др.-чуваш. **ösön*, казах. *ösön* ‘ручей, река’ [Фасмер IV: 173]. Но *усынок*, помимо значений ‘рукав реки, узкая длинная заводь, залив, небольшой овраг, небольшой островок леса, в стороне от большого лесного массива’ (все воронежские говоры), которые могут восходить к заимствованию, имеет в воронежских, брянских, ростовских, донских, астраханских, чкаловских, уральских, среднеобских, симбирских говорах также значение ‘конусообразная сетчатая воронка, вставляемая в рыболовную снасть’ («рыба не выйдет из усынка») [СРНГ 48: 131]. Представляется возможным формирование этого значения у *усынок*, производного от заимствования, под влиянием собственно русского глагола *усынуть*.

Русское диалектное *смонуть* (к праславянскому **męti*)*

Глагол *смонуть* широко представлен в русских говорах со следующими значениями: ‘трепать лен’ (арханг., новг.), ‘отрывать головки льна от стеблей’ (новг., пск., калин.), ‘сдирать листья с ветки, ведя по ней пальцами’ (новг., олон., арханг. и др.), ‘счищать пальцами или охватив ладонью с чего-н. тонкого, напр. с прутика, стебля растения, находящуюся на них влажность или нечистоту’ (новг.), ‘собирать ягоды горстями’ (олон., арханг.), ‘мыть пол, натирая его песком или голиком’ (волог., новг.), ‘скрести, тереть для облегчения зуда; чесать (руку, ногу и т. п.)’ (пск., твер., волог.), ‘шаркать ногами’ (твер., калин.) [СРНГ 39: 39]. Единственная версия относительно происхождения глагола — «возм., связано с *мотать*?» [Фасмер III: 691] — семантически сомнительна. Представляется, что другую генетическую связь для *смонуть* можно нащупать, обратив внимание на одну очевидную семантическую составляющую приведенных употреблений глагола, а именно — сжимание (см. ‘счищать пальцами или охватив ладонью...’), надавливание (см. ‘мыть пол, натирая...; шаркать ногами’). См. особенно *насмонуть* ‘нарвать листьев с веток, пропустив ветки между сжатыми в кулак пальцами’ (Коми АССР) [СРНГ 20: 176] и, наконец, *вѣмнуться* ‘очиститься от твердых частиц (о льне, конопле)’ [Мызников 2021: 90]. Это подводит к родству *смонуть* с глаголом *мать*, *мну* (праслав. **męti*, *тъно*) при

* Статья публикуется впервые.

допущении огласовки корня в ступени **o*, то есть праслав. **ton-*, по модели, представленной в словообразовательных связях глаголов **teṭi*, **tyṭq* → **tomiti* [Воры́с 2007: 242] и глагольно-именных: **peṭi*, *ryṭq* → **-pona*, **teṭi*, **tyṭq* → **-tonь*. Конечно, структура глагольной **-nq-* основы с корневым вокализмом в ступени **o* может быть лишь вторичной — производной от *-i*-основы **смонить* < праслав. ***сьмонити*. Возможно, следствием вторичного восстановления в форме **смонить* корня *мьн-* и одновременно аргументом в пользу родства *смонуть* с *мять*, *мну* являются контаминированные формы *смóмнить* ‘трепать лен’ (арханг.), *смомнѣть* ‘быстро и чисто собирать ягоды’ (калин.), ‘мыть пол, натирая его песком’ (калин.) [СРНГ 39: 38]. Несколько отдалены семантически *мóмнить* ‘есть много с жадностью’ (ряз.) [СРНГ 18: 51], *намóмниться* ‘наесться’ (ряз.) [СРНГ 20: 40], но ср. просторечн. *умя́ть* ‘съесть много, жадно или быстро’ (если только *мóмнить*, *намóмниться* не являются результатом фонетического преобразования диал. *мамóнить* ‘объедаться, обжираться’, производного от заимствованного диал. *мамон* ‘брюхо’ [СРНГ 17: 352]). Наконец, в качестве непосредственной производящей основы для *смонуть* ‘трепать лен’ — отражения предполагаемого ***смонить* — можно рассмотреть *смóниться* ‘растрепаться, разлохматиться (о волосах)’ (арханг.), ‘приходить в негодность, растрепываться (о ткани)’ (олон.) [СРНГ 39: 39], ср. *смону́ться* ‘чесать свое тело, какую-л. его часть; чесаться’ (олон.), ‘парясь в бане, тереться веником’ (псков., твер.) [СРНГ 39: 39]. Разброс в значениях приведенных лексем (‘трепать, обрывать, сжимая, тереть, очищать’) отражает известный в славянской лексике синкретизм обозначений различных этапов определенного ремесла [Трубачев 1966: 245–251], в данном случае — обработки льна: ср. беломор. *бросну́ть* ‘мять лен’, *бросну́ха* ‘льномялка’ при исходной семантике **brьsati* ‘драть’ [Мызников 2021: 57].

Следует отметить, что для праславянского глагольного корня **men-* ‘мять, сжимать’ (как и для исходного и.-е. **men-*) вокализм в ступени **o* до сих пор не был зафиксирован.

О возможных составляющих славянского этимологического гнезда **verb- / *vьrb-**

Одной из первостепенных задач славянской этимологии является восстановление лексического состава славянских этимологических гнезд — основы генетической организации лексического фонда. Фонетические, морфологические и семантические процессы, преобразуя слова, унаследованные от предшествующих времен, затемняют их словообразовательные связи и создают впечатление изолированности отдельных лексем одного и того же гнезда, особенно в тех случаях, когда речь идет о потомках праславянских производящих основ.

Долгое время русск. *воробы* ‘мотовило, орудие для наматывания и разматывания ниток, пряжи’ и слав. **vьrba* ‘родовое название кустарников и деревьев вида *Salix*’ считались единственными продолжениями и.-е. **ǰerb-* ‘крутить, сгибать’ в славянских языках, причем для **vьrba* это родство признавалось не всегда ([Pokorny I: 1153; Фасмер I: 351 — *вороба*, 293 — *верба*], — взаимное родство не упоминается и просматривается только на уровне приведенных родственных балтийских лексем). Представление о лексическом составе славянского этимологического гнезда с корнем **verb- / *vьrb-*

* Первая публикация: О возможных составляющих славянского этимологического гнезда **verb- / *vьrb-* // *Etymologica slavica. Studia etymologiczne poświęcone prof. Franciczkowi Sławskiemu z okazji setnej rocznicy urodzin* / Red. M. Jakubowicz, S. Pogwizd, B. Raszewska-Żurek. Warszawa: Instytut slawistyki PAN. Fundacja slawistyczna, 2019. S. 101–104.

удалось обогатить благодаря привлечению диалектных материалов различных славянских языков. Было обосновано толкование в качестве производных этого гнезда следующих лексем: чеш. диал. *vrbit se* 'изгибаться, вертеться', русск. диал. *вербóшить* 'беспокоить', болг. диал. *ворбъ* 'хитрость', макед. диал. *врбѝла* 'дужки очков' [Куркина 1980а: 38], русск. диал. *вербѝться* 'выхвалиться, хвастаться', ст.-русск. *верблений* 'витой', серб.-хорв. *врбати се* 'морщиться, собраться', чеш. *vrab* 'складка, сборка, морщина' [Петлева 1980: 185–187].

Представленное выше собрание производных гнезда **verb- / *vьrb-* можно пополнить еще несколькими славянскими словами. Весьма близко к первичной семантике гнезда 'вертеть, сгибать' значение блр. диал. *вѝрбаць* 'трепетать на ветру': «чыстая бялизна цэлы дзень *вѝрбала* на шнуры» [Сл. Віцеб 1: 121]. Значительные семантические изменения приходится предполагать для обоснования введения в гнездо **verb- / *vьrb-* серб.-хорв. глагола *врбѐм се* 'бороться' [Елезовић 1: ???]. Возможность развития подобного значения подтверждается семантически параллельным глаголом русск. диал. яросл. *воротить* 'сильно и долго бить, колотить кого-либо' [СРНГ 5: 120], при первичности семантики 'крутить'. В сопоставлении с приведенными выше славянскими диалектными глаголами, отнесенными ранее к гнезду с корнем **verb- / *vьrb-*, эти два последние глагола позволяют реконструировать как праславянские основы **vьrběti* (продолжение в сербскохорватском), **vьrbiti* (продолжения в чешском, русском, македонском), **vьrbati* (продолжения в сербскохорватском и болгарском).

Наиболее интересной представляется возможность истолкования на базе гнезда **verb- / *vьrb-* кашубского слова *vércblo* 'колодец с цепью, накрученной на вал' [SEK V: 250]. Один из авторов словаря «Słownik etymologiczny kaszubszczyzny» (см.: [SEK]) Х. Поповская-Таборская для этого глагола предполагает следующее: «...Вторичное сближение с кашуб. *vércęc* 'вертеть', возможно сопоставление с польск. диал. *wierćpa* 'ремешок, шнурок на двери для поднятия щеколды', которое польский этимолог В. Борысь <...> связывает с польск. *wirzba* 'шнур' и выводит из праслав. **vьrvь...* Возникновение кашубской формы с вторичным конечным *-blo* могло быть дополнительно вызвано аналогией с кашуб. *steblo, zgrębło...* Впрочем, неясно» [SEK V: 250]. В этом толковании

последнее предположение (о природе *-blo*) представляется семантически не оправданным, но зато весьма продуктивным является предположение о роли в возникновении формы слова *vércblo* влияния со стороны глагола *vércĕc*, что вполне объяснимо при сигнификате слова *vércblo* — конструкция колодца с цепью, накрученной на вал, и вращающимся валом. Снятие преобразования структуры слова, вызванного влиянием глагола *vércĕc*, сразу же делает очевидной первичную форму **vérblo* с корнем, восходящим к праслав. **vьrb- (/ *verb-)* ‘вертеть’, и орудийным суф. *-lo*, то есть **vьrblo*, потенциально праславянское. Вхождение этого слова в этимологическое гнездо **verb- / *vьrb-* существенно в плане именно орудийной семантики слова, сближающей его с русск. *воробы*.

Возвращаясь к этимологическому толкованию упомянутых в SEK (см. выше) польск. *wierćpa* ‘ремешок, шнурок на двери для поднятия щеколды’ и *wirzbca* ‘шнур’ — как восходящих к **vьrvь*, представляется возможным другое направление решения. В *wirzbca* достаточно прозрачен тот же корень **vьrb-* с суф. *-ca*, то есть **vьrbьca*, а для *wierćpa* весьма вероятно образование из того же *wirzbca* в результате метатезы, с последующим оглушением *b > p*. Предлагаемая реконструкция вводит в гнездо **verb- / *vьrb-* еще две лехитские лексемы. Они примечательны тем, что, в отличие от русск. *воробы* и кашуб. *vércblo* с орудийной семантикой (вращающиеся конструкции), обозначают предметы, которые сами являются продуктом свертывания, скручивания. Материальная семантика всех этих имен наиболее близка к исходной семантике индоевропейского (и праславянского) гнезда.

К вопросу о происхождении праславянского **rōka**

Связывающие славянские и балтийские языки отношения двоякого рода: общность происхождения из праиндоевропейского языка при реальности периода балтославянского единства и отношения длительного территориального соседства, — обуславливают трудности определения природы соотношения многих структурно и семантически подобных лексем двух языковых групп. Соответственно для образований, потенциально существовавших в праславянский период и имеющих родственные соответствия в балтийских языках, нередко затруднительно выяснение происхождения: является ли слово продолжением балтославянского образования или заимствованием из определенного балтийского языка.

Одним из подобных случаев является ситуация с праслав. **rōka*. Большинство исследователей признается родство **rōka* с прабалт. **rañkā* ‘рука’ (> лит. *rankà*, лтш. *roka*, прусск. *rancko*) и происхождение из гнезда и.-е. **urenk-* ‘вертеть’ > ‘сгибать’, давшего глагол лит. *riñkti / reñka* ‘собирать, выбирать’. Далее, реконструируется и.-е. **uronkā* > балтослав. **rankā*, к которому возводится и слав. **rōka* [Pokorny I: 1155; Mažiulis 4: 11]. При этом Ю. Покорный, судя по расположению материала в его словаре,

* Первая публикация: К вопросу о происхождении праслав. **rōka* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. [Вып.30], № 4. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 45–48.

предполагал для **rankā* мотивацию по сгибанию; однако, при учете семантики литовского глагола *riñkti / reñka* ‘собирать, выбирать’, первичное значение обычно определяется ‘собирающая, схватывающая’ [Karulis II: 128], к чему весьма близки значения слова *рука* в русских диалектах: чкал., урал. ‘удар по мячу (при игре в лапту); право такого удара’, новосиб. ‘удачный удар, попадание (при игре в чижика)’ [СРНГ 35: 242]. Изложенное толкование происхождения праслав. **rōka* встретило критику со стороны некоторых славистов, указавших на отсутствие в славянских языках глагола, который соответствовал бы лит. *riñkti / reñka*, то есть был бы производящим для **rōka*, так что более вероятным было сочтено заимствование славянского слова из литовского языка [Rozwadowski 1912: 35; Бернштейн 1961: 92].

Публикация многочисленных диалектных словарей различных славянских языков, особенно русских, ввела в научное обращение обширный объем диалектной лексики, которая стала ценнейшим источником для этимологических исследований, в том числе для реконструкции праславянского лексического фонда. Сколь бы ни были многочисленны обнаруживаемые критиками диалектной лексикографии ошибки при записи диалектных слов, ошибки при расшифровке записей лексикографами, ошибки самих лексикографов, диктуемые благими намерениями сделать слово более понятным носителю литературного языка, — все это не может нивелировать ценность диалектной лексики как потенциального хранилища утраченных литературными языками слов, восходящих к различным периодам истории славянских языков, даже к праславянскому. Невозможно исключить все перечисленные искажения диалектных слов, но нельзя и свысока отвергнуть предоставляемые диалектными словарями возможности. Ниже предлагается учесть такую возможность при суждении о происхождении праслав. **rōka*.

Диал. новгор. *порякнуть* ‘уяснить себе, усвоить смысл, содержание и т. п. чего-л.’ [Новг. сл. 8: 135] и *упорякнуть* новгор. ‘догадаться, понять’ [Новг. сл. 13: 107], волхов., ильмен. ‘свернуть, повернуть куда-л.’ [СРНГ 47: 280] являются префиксальными производными от *-рякнуть*. Структура глагола позволяет реконструировать праслав. **rękti*, сопоставимое с лит. *riñkti / reñka*. Семантика русских глаголов двойственна, и эта характеристика глаголов имеет принципиальное значение для рассматриваемого

вопроса. Значение русских диалектных глаголов ‘уяснить себе, усвоить смысл, догадаться, понять’ представляется выводимым из ‘собирать(ся)’: ср. *собраться с мыслями, схватить смысл*, что также сближает потенциальное праслав. **rękti* с лит. *riñkti / reñka*. Очевидно, можно даже заподозрить, что и русский глагол *порякнуть* является литуанизмом: ср. лит. *pariñkti / pareñka* ‘подобрать’. Однако другое значение русского диалектизма — ‘свернуть, повернуть куда-л.’ — предполагает семантическую связь с и.-е. **urenk-* ‘вертеть’ > ‘сгибать’. Этот семантический архаизм русского диалектизма исключает вероятность его заимствования из литовского языка и укрепляет позиции для реконструкции праслав. **rękti* как генетически тождественного с литовским глаголом и соответственно для признания балтославянского глагольной основы **reñk-*, производным от которой является балтослав. **rañkā* > лит. *rankà*, лтш. *roka*, прусск. *rancko* и праслав. **rōka*.

Русское диалектное *стювать* и праславянское **ščьvati?**

Неоднократно отмечались случаи пропуска материалов из словаря В. Даля в этимологических исследованиях, объясняемые, вероятно, ложным представлением об их исчерпанности уже в основополагающих этимологических словарях славянских языков [Варбот 2001б: 7]. Ниже предлагается рассмотреть еще одно слово того же рода, полезное, возможно, для этимологизации праславянской лексемы.

Праслав. глагол **ščьvati*, **ščьjo* реконструирован как исходный для группы глагольных соответствий в славянских языках: словен. стар. *ščúti*, *ščújem*, словен. *ščívati*, *ščújem* 'подстрекать, натравливать', чеш. *štváti* 'натравливать, гнать, допекать', словац. *štvať* 'подстрекать, натравливать', в.-луж. стар. *šćwać*, в.-луж. *šćuwać* то же, н.-луж. *šćuwaś* то же, польск. *szczuć*, *szczują*, *szczwać* то же, русск. диал. *щувать* 'журить, усовещивать, унимать, бранить', с производными ст.-русс. *чунути* 'усовещивать, бранить', блр. *щуняць* 'бранить', укр. *щувач* 'подстрекатель'. Первичное значение обычно реконструируется как 'побуждать, натравливать' [Schuster-Šewc 19: 1425; Boryś: 599], но существенно уточнение, предложенное В. Махеком, — 'возбуждать, пугать' [Machek²: 629].

* Первая публикация: Русск. диал. *стювать* — праслав. **ščьvati?** // Акцентология. Етимологія. Семантика. До 75-річчя академіка НАН України В. Г. Скліяренка. Київ: Наукова думка, 2012. С. 177–179.

Авторы этимологических словарей отдельных славянских языков приняли весьма убедительное этимологическое толкование **ščьvati*, **ščujō* как продолжения и.-е. **skeu-* ‘бросать, стрелять, натравливать’, представленного с расширениями, в частности в др.-инд. *codati* ‘гнать, напирать’, др.-в.-нем. *sciozan* ‘стрелять, бросать’ [Schuster-Šewc 19: 1425; Machek²: 629; Boryś: 599; Snoj²: 630].

На фоне изложенного представляется, однако, необходимым напомнить об одном русском диалектизме, приведенном еще в словаре В. Даля, — новг., волог. *стюв́ать*, *стюн́уть* ‘щунять, усовещивать, пожуричь, унять’ [Даль² IV: 351]. Реальность этого слова подтверждена более поздними фиксациями: перм. *стюв́ать* ‘уговаривать, упрашивать; успокаивать, останавливать’, *стюн́уть* ‘резким замечанием остановить, призвать к порядку’ [Соликам. сл.: 614; Сл. перм. гов. 2: 414], *стюв́ать* перм., волог., новг., костром., вят. ‘запрещать кому-либо вести себя плохо, увещевать, унимать (обычно ребенка)’, новг., волог., вят., ср.-урал., краснояр. ‘стыдить, ругать кого-л. за плохое поведение’, перм. ‘уговаривать, упрашивать сделать что-л.’ (с вариантами костром. *стю́вать*, киров. *стув́ать*), *стюн́уть* перм., волог., вят. ‘унять кого-л., заставить вести себя хорошо (о детях)’, иркут. ‘повлиять на кого-л., направив на правильный путь в жизни’, якут. *стюн́уть* ‘устранить’ [СРНГ 42: 120–121]. Общая семантика увещевания, уговаривания, влияния, присущая этому диалектизму, очевидно близка к семантике побуждения, реконструируемой для праслав. **ščьvati*, **ščujō*, что отмечено в толковании значения диалектизма В. Далем — ‘щунять...’ (см. выше). Соответственно можно предположить наличие генетической связи между *стюв́ать*, *стюн́уть* и **ščьvati*, **ščujō*.

При преобладании в славянских языках структуры корня **ščьv-/ *šču-* можно было бы думать о вторичном аналогическом восстановлении структуры **стев-/ *стю-*: в славянских языках хорошо известна вариантность *sk/šč/st* при возможной вторичности как *sk*, так и *st* аналогического происхождения. Однако это явление фиксируется в завершении корней и основ, а не в начале их [Толстая 2011: 353–354]. Нельзя ли предположить обратное направление исторической связи *st-* и *šč-* в рассматриваемом случае, а именно — первичность начального *st-*? Фонетическая структура корня **ščьv-/ *šču-* может быть истолкована как праславянское развитие и.-е. **steu-* > праслав. **stev-/ *st’u-* > **stьvati*, **ščujō* по типу

**klъvati*, **klъjъ*, с последующим разнонаправленным обобщением корня для основ настоящего времени и инфинитива: **ščъvati* / **ščъjъ*, *ščъvati* / **ščъwajъ*, **ščuti* / **ščъjъ* в большинстве продолжений глагола в славянских языках и *стювать* / *стюваю* в русских говорах.

Принятие для праславянского состояния рассматриваемого глагола первичной структуры **stъvati*, **ščъjъ* требует иного этимологического толкования, нежели изложенное выше общепринятое возведение к и.-е. **skeu-* ‘бросать, стрелять, натравливать’. Альтернативным источником праславянского глагола представляется и.-е. **steu-* ‘толкать, бить’, известное (как и **skeu-*) только с консонантными расширениями [Pokorny I: 10032–1034]. Семантика толчка и удара, очевидно, может быть основой для развития и.-е. **steu-* (с расширениями): скр. *tujāti* ‘бить, толкать; торопить, подгонять’, англ.-сакс. *đēon* ‘давить, принуждать’ [Pokorny I: 1032], ср. также семантически параллельные лат. *stimulo* ‘колоть, возбуждать, подстрекать’, русск. *толкать* (на что-л.), *подбивать* (на что-л.). След первичной семантики удара, предполагаемой для *ščъvati* / **ščъjъ*, очевидно, сохранился в русск. диал. ср.-урал. *стювать* ‘бить, шлепать, наказывая’ [Сл. русск. гов. Средн. Урала VI: 71–72].

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ *šatriti/ *šatрати/ *šetriti*

Группа приведенных в названии статьи глаголов относится к числу этимологически трудных славянских лексем. Даже реконструкция их форм условна, поскольку фонемный состав не имеет четкой хронологической атрибуции и потому неопределен. При нерешенности проблемы происхождения неясно и соотношение с явно родственными именами.

Реконструкция глагольных основ основывается на следующем материале славянских языков:

*šatriti, *šatрати: серб.-хорв. диал. кайкав. *šatriti, šatrâti* ‘колдовать’, с производным (?) *šatrîje* ‘колдовство’ [RJA XVII: 504–505; Šatović–Kalinski 2012: 494], озальск. *šatrâti* ‘щупать, копаться руками в темноте’, чакав. истр. *šaträt* ‘устраивать что-л., договариваться’ [Boryš 2007: 386], словен., *šatрати* ‘колдовать’, *šatriti* то же и ‘относиться суеверно’, с производным (?) диал. *šater, -tra* ‘колдовство, сглаз, порча’ [Pleteršnik II: 618, 617], чеш. *šatрати* ‘приглядывать, заботиться’, словац. *šatriti* то же [Machek²: 606], словац. *šatriti* ‘очищать конопляное поле от сорняков’ [Kálal: 670], чеш. диал. ляш. *šatrit se* ‘сторониться, избегать’ [Bartoš: 418], польск. *szatrac*,

* Первая публикация: К этимологии слав. *šatriti/ *šetriti/ *šatрати // Сборник Матице српске за славистику (= Zbornik Matice Srbskoj za slavistiku). Кнь. 100. Нови Сад, 2021. С. 109–114.

szatrzeć ‘смотреть, наблюдать, помнить’, диал. *szatrzeć* ‘кое-что знать, уметь’ [Warz. VI: 575];

**šetriti*: чеш. *šetřiti* ‘приглядывать, заботиться’, словац. *šetriti* то же [Machek²: 606], польск. диал. *szetrzeć* ‘смотреть, наблюдать, помнить’, *szetrzeć się* ‘беречься, остерегаться’ [Warsz. VI: 614].

Известные опыты толкования рассматриваемых глаголов как заимствований: из итал. *sciatteria* ‘небрежность, безалаберность’ (только для кайкав. и словен. глаголов) (Francev JA XXIX, 387 — цит. по: [Bezljaj 4: 13]), из иран. *xšatra-* ‘власть, сила’ [Трубачев 1967: 52–55] — не считаются убедительными фонетически и семантически [Bezljaj 4: 13; Boryś 2007: 386].

Поиски родства в славянском и индоевропейском окружении весьма разнородны. В. Махек счел исходным значением ‘рассматривать’ и предположил родство с лит. *skatýtis* ‘оглядываться, наблюдать’ и *skototis* ‘заботиться, стараться’ (с развитием семантики ‘глядеть’ > ‘заботиться’), при этом начальное слав. *še-* < *šče-*, *r* признается вставным, а *ša-* объясняется влиянием синонимичного *patřiti* [Machek²: 606], множественность допускаемых нерегулярных изменений делает предполагаемое родство маловероятным. Й. Рейзек разделил этимологически **šatriti* / **šatрати* и **šetriti*, генетическое родство **šetriti* с лит. *skatýtis* ‘смотреть’, предложенное В. Махеком, признал фонетически сомнительным, согласился с развитием значения по Махеку, но счел происхождение **šetriti* неясным [Rejzek: 627]. Для *šátrati* Рейзек принял в качестве исходной формы единичную фиксацию (у Й. Юнгмана, см.: [Jungmann]) глаг. *šmátrati* ‘искать наощупь’, который далее возвел через *šmatati* к *hmatati* ‘щупать, ощупывать’ [Rejzek: 625, 634], что весьма привлекательно семантически, но предполагает нерегулярные преобразования структуры исходного глагола. В качестве возможного индоевропейского родственного глагола для словен. **šatriti* / **šatрати* ‘колдовать’ и родственных в других языках было предложено др.-инд. *khyati* ‘повествовать, прославлять’ ([Petersson 1916: 89] — цит. по: [Bezljaj 4: 13]), что фонетически сомнительно. Ф. Безлай отделил от прочих глаголов хорв. *šatрати* ‘щупать, искать в темноте’ и вместе со словен. *šatрати* ‘корячиться, хромать, ковылять’ предположительно возвел к **šastati* [Bezljaj 4: 12–13]. Для остальных глаголов из приведенной выше

группы Безлай счел наиболее вероятным отыменное образование от и.-е. **ksjaH-trōā* ‘знак’ от **ksjaH-* ‘смотреть’, к которому автор возводил также греч. σῆμα ‘знак’, тох. В *šotri*, тох. А *šotre* то же [Bezljaj 4: 13]. Без объяснения при этом остается начальное *še-* в некоторых славянских глаголах (см. выше). Спорна и реконструкция индоевропейского родства: для греческого и тохарских имен более убедительны другие этимологические толкования [Pokorny I: 243, 898].

Очевидна трудность выяснения происхождения рассматриваемых глаголов [Borys 2007: 386]. Обращаясь к весьма разветвленной семантике перечисленных продолжений **šatriti* / **šatрати* / **šetriti*, можно, кажется, в порядке первого приближения к этимологическому решению, попытаться установить связи значений и проследить вероятные изменения семантики вплоть до реконструкции исходной. Наиболее обобщенное значение, очевидно, — ‘устраивать что-л., договариваться’, наиболее конкретные — ‘щупать, копать руками в темноте’ (серб.-хорв., словен.) и ‘очищать конопляное поле от сорняков’ (словац.). Значение ‘щупать, копать руками в темноте’ = ‘искать’ может быть исходным для развития семантики ‘смотреть, наблюдать’ (ср. родство др.-прусск. *laukīt* ‘искать’ и греч. λεύσσω ‘смотреть’; греч. ὀράω ‘смотреть, видеть, искать, стремиться’), откуда далее ‘приглядывать, заботиться’ (см. выше мнение Махека и ср. русск. *присматривать*) и, наконец, ‘заботиться’ → ‘устраивать, договариваться’. Более отдаленными этапами семантического развития могут быть связи значений ‘смотреть, наблюдать’ → ‘знать, уметь’ → ‘помнить’ (ср. родство слав. **viděti* — **vědati* и **mьněti* — **paměť*). С исходной семантикой очищения = отделения можно связать значения ‘остерегаться’ (польск.) и ‘избегать’ (чеш.).

Вне предполагаемых направлений развития значения ‘щупать, копать руками в темноте’ = ‘искать’ остается как будто значение ‘колдовать’. Однако следует вспомнить об обычной материальной стороне различных традиций колдовства — действиях с определенными предметами или скорее воздействии на предметы. Отражение одного из таких воздействий в славянской лексике — родство **čara*, *čary* ‘колдовство’ и **čara* ‘черта, линия’ с производностью от и.-е. **k^uer-* ‘проводить черты, линии, колдовать’ [ЭССЯ 4: 22–23]. Это позволяет и в качестве производящей основы

слав. **šatriti / *šatрати / *šetriti* даже с учетом значения колдовства, предполагать глагол с семантикой физического воздействия на предметы. Подобная семантика конкретизируется в значениях ‘щупать, копаться руками в темноте’ и ‘очищать конопляное поле от сорняков’, причем именно наличие последнего представляется наиболее доказательным для реконструкции семантики физического воздействия как исходной для всей рассматриваемой группы глаголов.

При учете сделанных выше выводов о потенциальной исходной семантике глаголов **šatriti / *šatрати / *šetriti* — физическом воздействии на предметы (в частности, с прикосновением и очищением) — представляется возможным предположение об образовании этой вариантной группы глаголов от **terti / *tırq* с экспрессивным префиксом **ša- / *še-*. Что касается *tr(-iti/-ati)*, то корень *tr-* может быть как рефлексом древнего варианта корня **ter-* — **tr-* (ср. лат. *tritum*), так и позднепраслав. преобразованием инфинитива глаг. **ter-ti* по аналогии с основой наст. времени **tır-q*: ср. далмат. *satрати* [Skok IV: 511], польск. диал. *trzyć* [Warsz. VII: 146 — *trzeć*], русск. разг. и диал. *трать*. При обобщенной семантике этимологического гнезда слав. **terti* ‘физическое воздействие на поверхность предмета трением’, в ней присутствуют составляющие прикосновения, очищения (см. **obterti*, **obtora* — [ЭССЯ 30: 168–170, 193–194]), движения относительно предметов (русск. *тереться среди людей*), обучения и умения (русск. *натопреть* и *натопрельный*) — ср. выше семантику **šatriti / *šatрати / *šetriti*. Особенно существенна фиксация в славянской этнокультуре участия трения в ритуальных и колдовских действиях: русск. диал. твер. *терсть* ‘тереть (палкой об угол дома для снятия порчи)’ (с вторичным энентетическим *c*) [СРНГ 44: 84] и слав. «Чтобы у кого-либо не держался скот, колдун проникает в хлев и *трется* голым задом об его угол, чтобы хлев был „голым“ (то есть пустым)» [Слав. древн. 2: 53].

Предлагаемая гипотеза об образовании рассматриваемой группы глаголов от праслав. **terti / *tırq* предполагает как наиболее вероятную для позднепраславянского уровня реконструкцию **šat(ь)riti / *šat(ь)рати / *šet(ь)riti*, так что имена существительные серб.-хорв. диал. *šatрије* и словен. диал. *šater*, *-tra* ‘колдовство’ являются отглагольными производными.

В соответствии с предложенной гипотезой, с рассматриваемой группой глаголов не связаны генетически словен. *šatrāti* 'чинить, штопать' [Pleteršnik II: 618] и словац. диал. (Банска-Бистрица) *šatriti* 'одевать' [Kálal: 670], очевидно, производные от германизма **sat(a)* 'одежда'.

{Уже после выхода в свет этой статьи я познакомилась с полевой записью славон. *šetrica* 'посуда для доения молока', структура и значение которого очевидно свидетельствуют о производности от глагола *šetriti* и одновременно являются подтверждением гипотезы о производности глагола от **terti* — см. статью «Заметки по сербскохорватской этимологии» (наст. изд., с. 218)}*.

* В фигурных скобках — дополнение, сделанное в 2022 г.

К семантике и генетическим связям праславянского **tem- / *tom-* (на материале восточнославянской диалектной лексики)*

Продвижение исследований по реконструкции праславянского лексического фонда, особенно в словарной форме, предполагающей последовательный охват всей потенциальной праславянской лексики, см.: [ЭССЯ], убеждает в необходимости возможно более полного привлечения лексики славянских диалектов, часто восполняющей лакуны в материалах литературных языков в отношении представления этимологических гнезд, их структурных и семантических характеристик и индоевропейского родства.

Реконструировав праслав. глагол **tęti / *tęmę* 'давить, сбивать, сжимать', на основе генетического отождествления корней глаголов словен. *stęti se, stęmem se* 'сгустеть' и диал. словен. *raztęmati se* 'растопиться, распуститься', сербохов. *utęmati, ũtemam* 'забить', В. Борысь выяснил славянские родственные связи для праслав. **tomiti* [Boryś 1981: 25–29; Boryś 2007: 242–245]. Последний имеет следующие продолжения в славянских языках: ст.-слав. **ТОМИТИ** 'испытывать, пытаться', болг. диал. (Банско) *tóme* 'соблазнять, возбуждать желание', серб.-хорв. *tòmiti* 'давить', словен. *tomljati* 'слоняться', русск. *томить* 'мучить; (о еде) обрабатывать теплом

* П е р в а я п у б л и к а ц и я: К семантике и генетическим связям праслав. **tem- / *tom-* (на материале восточнославянской лексики) // Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна). Материалы Международной научной конференции, Москва, 12–14 октября 2021 г. М.: ИСл РАН, 2021. С. 90–94.

в закрытом сосуде, без доступа воздуха’, укр. *томити* то же, блр. *таміць* то же. Этимологические исследования привели ранее, до реконструкции праслав. **tęti/*tęmę*, к гипотезе о первичности для **tomiti* семантики *‘лишать воздуха, удушать’ и возведению его к и.-е. **tem-* ‘оглушенный, расслабленный (лишенный воздуха)’ [Pokorny I: 1063; Skok III: 480; БЕР VIII: 110]. Лексические соответствия для **tomiti* из и.-е. языков достаточно убедительны.

Реконструировав праслав **tęti/*tęmę* и истолковав этот глагол как производящий для **tomiti*, В. Борысь распространил версию о происхождении **tomiti* из гнезда и.-е. **tem-* также и на исходный праславянский глагол **tęti/*tęmę* [Boryś 2007: 245]. Польск. *ciemęga* ‘вялый, нескладный человек’, очевидно семантически близкое к и.-е. **tem-* ‘оглушенный, расслабленный’, истолковано как производное от **ciemiacь, *ciemić*, соответствующих серб.-хорв. **temati* ‘давить’ (см. выше *utęmati* ‘забить’) [Boryś: 79–80]. Семантика словен. *stęti se, stęmem se* ‘сгустеть’ толкуется В. Борысем из *‘сдаввиться, сбиться’, а серб.-хорв. ‘забить’ рассматривается как реликт ‘сдавить’ и далее предполагается семантическое тождество с ‘душить’ [Boryś 2007: 27], отсылающее как будто к и.-е. **tem-* ‘оглушенный, расслабленный (лишенный воздуха)’. Очевидно слияние в семантике словен. *stęti se, stęmem se* ‘сгустеть’ семантических составляющих ‘сдаввиться’ и ‘сбиться’. Физическая сущность обозначаемых глаголов *давить* и *бить* очень близка и может быть источником для семантики ‘душить’ (ср. чеш. *dušit* ‘давить, душить’ и *dušat* ‘сбивать, трамбовать’), однако все-таки семантика ‘душить’ как исходная для гнезда **tęti/*tęmę* может предполагаться только на основе значения ‘обрабатывать теплом без доступа воздуха’ восточнославянских продолжений **tomiti*.

Расширение круга потенциальных лексических продолжений этимологического гнезда праславянского глагола **tęti/*tęmę* за счет русских и белорусских диалектизмов, ранее не рассматривавшихся в аспекте родства с **tomiti* и приведенной выше южнославянской лексикой, позволяет уточнить исходную семантику гнезда. Диалектизмы обнаруживают несколько семантических характеристик. Прежде всего, это отражение глагольной семантики соединения = сплочения: русск. арханг. *прѣтѣм* ‘хлев для скота; место в реке, озере, где скапливается рыба’ [СРНГ 32: 19], юж., зап. *прѣтѣмом* ‘внезапно и сплошь, безотложно, неминуемо’ [Даль² III: 453];

соединение семантики сплочения с семантикой направления движения: русск. *притѣм* ‘о главном, важном месте, направлении и т. п.’, дон. *жить на притѣме* ‘жить на людном месте (где сходится много дорог)’, иркут. *в притѣм* ‘плотно’ (возможно, сюда же первично и русск. волог. *притѣмиться* ‘притихнуть, выжидая’) [СРНГ 32: 14–15]; семантика преследования: русск. диал. *утѣмиться* мордов. ‘пойти, направиться куда-л.’, нижегор., влад., яросл., костр. ‘пойти за кем-л. следом, увязаться’, урал. ‘погнаться за кем-л.’ [СРНГ 48: 229]; семантика направления взгляда, смотрения: русск. курск., яросл. *утѣмить* ‘устремить, уставить (взгляд)’, яросл. *утѣмить глаза на кого-л.* ‘засмотреться на кого-л.’, волог. *утѣмить* ‘устремить взгляд в одну точку, неотступно следовать постоянной цели’ [СРНГ 48: 148, 157]; семантика сообщения: русск. кольск. *втѣмить* ‘сказать, сообщить’ [СРНГ 5: 226], ср. русск. обск. *подтомить* ‘подсказать’ [Сл. русск. гов. Оби. Доп. II: 94]; семантика внимания и понимания: блр. *прыцѣміць* ‘заметить’ [Народ. слова: 96], *цѣміць* ‘понимать, схватывать’ [Касьпяровіч: 340]. Очевидно, семантика сплочения соответствует первичности семантики **tęti/*tęmъ* ‘давить, сдавливать’. Семантика направления взгляда, смотрения и сообщения вторична по отношению к семантике следования, преследования, погони, а семантика смотрения объясняет появление семантики понимания. Семантика следования / преследования / погони близка к семантике направленного толчка = удара, следовательно, к семантике южнославянских глаголов ‘забить’ и ‘сбиваться’. Существенно, что почти все восточнославянские диалектизмы представляют первичную огласовку корня **tem-*. Поэтому диалектный семантический комплекс может рассматриваться как аргумент в поддержку первичности для праслав. **tęti/*tęmъ* семантики ‘бить’ / ‘сбиваться’, при производности от нее семантики ‘давить’ и появлении только на основе последнего (как третьего этапа) семантики **‘душить’* (= восточнославянскому ‘обрабатывать без доступа воздуха’). Это позволяет предположить для праславянского глагола происхождение от и.-е. **stem-* ‘толкать, ударять’ (лит. *stūmti* ‘колотить, толкать’, см.: [Pokorny I: 1021]) с производностью от последнего и.-е. **tem-* ‘оглушенный, ослабленный [лишенный воздуха]’, ср. образование и мотивацию русск. *ударенный, чокнутый*.

Словообразовательные и семантические комментарии к реконструкции и этимологии некоторых праславянских лексем*

Словен.-серб.-хорв. *osoviti*, словац. *osoviet'*
и праслав. **osovъjъ*

Словен. *osóviti* 'поставить прямо (например, сосуд)' [Šašel-Ramovš I: 282] явно генетически тождественно серб.-хорв. *osoviti* 'выровнять, поставить что-либо так, чтобы стояло прямо': *bole me kriza, ne mogu se osoviti* [RJA IX: 246]. Не упоминая словенского глагола, Ф. Безлай отнес сербскохорватский к числу производных от праслав. **sovati*, *sujq* [Bezljaj 2: 257 — *osoníti*]. При структурной вероятности этого толкования, семантическая связь не представляется убедительной. В этимологическом словаре словенского языка М. Сноя глагол *osoviti* не рассматривается, как и в словаре П. Скока. В Словаре хорватского или сербского языка (см.: [RJA]) статья о серб.-хорв. *osoviti* имеет заключение «*Postańe tamno*» [RJA IX: 246]. Между тем, в том же RJA есть статья «*osovan* adj. vertical» и следом «*osòvina* f. os» [RJA IX: 246], сопоставление которых определено указывает на исходное производящее слово *os/osa* 'ось': от него было образовано прилагательное **osovъ* (расширенное

* Первая публикация: Словообразовательные и семантические комментарии к реконструкции и этимологии некоторых праславянских лексем // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 8. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2012–2014. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 136–142.

затем вторым суффиксом в серб.-хорв. *osovan*), от которого, в свою очередь, произведены серб.-хорв. *osòvina* ‘ось’ и словен. *osovina* ‘шасси’ [Pleteršnik I: 859]. Достаточно вероятно, что от прилагательного **osovъ* с семантикой *‘осевой’ → ‘вертикальный’ (см. «*osovan* adj. vertical») и были образованы сербскохорватские и словенские глаголы *osoviti* со значением ‘поставить прямо’.

Прилагательное *osovú* ‘осевой’ известно также словацкому языку [SSJ II: 594]. Со значительной долей сомнения можно, кажется, предположить, что производным от этого прилагательного является словац. диал. (спиш. и шарш.) *osoviet’* ‘стать, остаться одиноким’: *On uš calkom osovel. Osovel f celim domu* [Sl. sloven. nár. II: 648]. Первичная мотивация может быть реконструирована как ‘быть осью, центром’ (с последующим развитием значения) → ‘быть единственным’ → ‘стать одиноким’.

Фиксация прилагательного *osovú* в словацком языке и реальность соответствующих прилагательных как производящих основ в сербскохорватском и словенском языках (серб.-хорв. *osovan*, серб.-хорв. и словен. *osòvina*) дают основание для предположения, что образование прилагательного **osovъjъ* относится к позднепраславянскому периоду в условиях тесных контактов соответствующих диалектов и **osovъjъ* можно считать праславянским диалектизмом.

Серб.-хорв. *pokrečiti* и праслав. **kręčiti* (*se*)

Серб.-хорв. *pokrečiti* ‘вырвать, выдрать’ определено в RJA как «темное» [RJA X: 547]. П. Скок в своем словаре не рассматривает этот глагол, но приводит из словаря Беллы дубровницкое (XVIII в.) *iskrečiti* ‘оскалиться’ и, вслед за Й. Вольтиджи, глаголы *iskrečiti*, *raskrečiti* ‘растопырить перья, раскорячиться’, выводя все из этимологического гнезда с исходным звукоподражанием *kreč*, см.: [Skok II: 188–189]. Представляется, что это один из случаев обращения к возможностям звукоподражаний в формировании лексического состава языка без учета сомнительности существования реального звукоподражания и без обращения к другим потенциальным источникам глаголов.

Альтернативное направление поисков решения определяется предложенной в ЭССЯ реконструкцией праславянского глагола

**kręčiti* (*se*) [ЭССЯ 12: 141] на основе группы славянских глаголов: словен. *kréčiti* 'наклонить' (не 'направлять', как в ЭССЯ, см.: [Pleteršnik I: 461 — *lenken*]), *kriačiti* (*sa*) 'сжимать(ся)', русск. диал. *крѣчить* 'скручивать веревку палкою при связывании чего-либо'. Очевидна семантика сгибания, сжатия. Глагол определяется в ЭССЯ как родственный с **kręčь* и **kręкъ* и далее с **kręgь*, **kręзь* [ЭССЯ 12: 141–142], славянские продолжения которых также объединяются семантикой сгибания, особенно в обозначениях частей деревьев (особенно толстых частей ствола) и орудий: ср. серб.-хорв. диал. *крѣк* 'подземная или нижняя часть ствола, корень, пень', русск. диал. *кряк* 'утолщенная часть ствола дерева, кряж' [ЭССЯ 12: 144 — **kręкъ*], русск. диал. *кряч* 'палка. употребляемая для скручивания на возах клади', укр. *кряч* 'жердь, которой поворачивают бревно' [ЭССЯ 12: 141 — **kręčь*], ст.-укр. *крягь* 'кряж' [ЭССЯ 12: 142 — **kręgь*]. Принятое в ЭССЯ определение отношений глагола **kręčiti* и упомянутых выше существительных как «родственные» или «соотносительные» [ЭССЯ 12: 142 — **kręčь*] не только выражает осторожность в формулировке внутрисемантических словообразовательных отношений, но соответствует также и допущению утраты некой общей производящей глагольной основы со структурой, более древней, нежели **kręčiti* (ср. **kręgь* и **kręgъnъti*).

Структура серб.-хорв. *pokrečiti* 'вырвать, выдрать' позволяет и для этого глагола реконструировать исходную основу **-kręčiti*, однако семантика противоречит генетическому отождествлению двух глаголов: **kręčiti* 1 'сгибать, сжимать' и **kręčiti* 2 'вырвать, выдрать': семантический переход в любом из двух направлений представляется невозможным.

При наличии **kręčь* и **kręкъ*, обозначающих изогнутые, узловатые части дерева, ствол, пень, кряж (или деревянные орудия для сгибания), для глагола **kręčiti* 1 'сгибать, сжимать' наиболее вероятно генетически параллельное с именами образование от первичной глагольной основы с корнем **kręk-* и семантикой сгибания. Глагол **kręčiti* 2 'вырвать, выдрать' мотивационно связан с «древесной» семантикой имени (очевидно вторичной по отношению к семантике сгибания) — 'выдрать корень, пень', а поэтому более реально в плане мотивационных и соответственно словообразовательных связей рассматривать этот глагол как

производный от **kręčь* / **kręкъ*. Рефлексом этого глагола **kręčiti* 2 'вырвать, выдрать' и является серб.-хорв. *pokrečiti* 'вырвать, выдрать'. Следовательно, праслав. **kręčiti* 1 'сгибать, сжимать' и **kręčiti* 2 'вырвать, выдрать', будучи структурно тождественными и родственными, отличаются по словообразовательным моделям и мотивациям и потому являются гомогенными омонимами.

Подобная ситуация имеет исторически реальную аналогию — словообразовательные и семантические отношения в гнезде с корнем **kьrk-*: Бернекер [Berneker I: 665–666] предлагал различение глаголов **kьrčiti* 1 с семантикой корчевания и **kьrčiti* 2 с семантикой сгибания, искривления, стягивания. Второй глагол Бернекер считал родственным с именами, восходящими к **kьrčь* с близкой глаголу семантикой (русск. *корча*, *корчи*, чеш. *krč* 'судорога', польск. *kurcz* то же, словац. *krčka* 'завиток, локон' и под.) и далее с **kręčiti* 'сгибать, сжимать', а первый охарактеризовал как «dunkel». В ЭССЯ это разделение глаголов со значением 'корчевать' и 'корчить, сводить судорогой' признается «едва ли перспективным» [ЭССЯ 13: 210] и все соответствующие глаголы славянских языков объединены под реконструкцией глагола **kьrčiti*, истолкованного как производное от **kьrčь* [ЭССЯ 13: 209–210]. Это толкование соответствует объединению под реконструкцией **kьrčь* как имен со значением 'судорога', так и 'узловатая нижняя часть ствола' (русск. диал. *корч* 'пень', чеш. диал. *krč* 'пень, колода' и под.), причем вся группа возводится в конечном счете к **kьrk-* < **kьk-* с семантикой узловатости, верчения [ЭССЯ 13: 210–211]. Материал славянских языков свидетельствует, однако, скорее о гомогенной омонимии, а не полисемии лексем со значением 'судорога' и 'узловатая нижняя часть ствола' (с отсутствием непосредственного семантического перехода между этими значениями) и поэтому наиболее вероятным представляется параллельное образование от имен с этими значениями двух глаголов: глагола с семантикой сгибания, искривления, стягивания и глагола корчевания, опять-таки как гомогенных омонимов, то есть обоснованность предложенного Бернекером разделения праслав. **kьrčiti* 1 с семантикой корчевания и **kьrčiti* 2 с семантикой сгибания, искривления, стягивания. Ср. отражение в различных словообразовательных моделях родство русских. *корчить* и *корчевать*.

Словен. *skřkniti se*, серб.-хорв. *skřknuti se*
и мотивация праслав. **kъrkъ*

Семантика продолжений праслав. **kъrkъ* охватывает следующий набор понятий: 'шея' (цслав., серб.-хорв. диал., чеш., словац., словин., ст.-укр.), 'задняя часть шеи, затылок' (польск., словин., серб.-хорв.), 'спина' (болг.), 'горло, гортань' (серб.-хорв.) [ЭССЯ 13: 218]. Очевидна понятийная близость и, следовательно, возможность метонимического переноса названия в пределах этих трех понятий. Соответственно возможны различия в этимологическом толковании слова, особенно в отношении реконструкции первичной мотивации, в зависимости от того, какое из обозначаемых признается первичным.

В качестве возможных родственных образований на индоевропейском уровне рассматриваются др.-инд. *kṛkātam* 'шейный сустав' и галльск. *cricon* 'горло', при общем источнике и.-е. **kṛko-* [ЭССЯ: 218–219]. Относительно исходного глагольного корня / основы и первичной мотивации предложено две версии: и.-е. *(s)ker-k- 'вертеть, сгибать' с мотивацией обозначения шеи по способности к вращательному движению, при возможном родстве с праслав. **kъrċiti* 'сгибать, крутить' [Verneker I: 668; Pokorny I: 935; Worys: 223], и непосредственное родство с производным от того же корня **kъrċь* (польск. *karcz* 'колода') с мотивацией по узловатости, крепости соответствующих костных структур [Brückner: 220]. Эту последнюю версию Ф. Славский считал менее убедительной «ze względu na trudności znaczeniowe» [Sławski II: 77–78]. Сомнениям Ф. Славского противостоит фиксация значений 'задняя часть шеи', 'спина' в нескольких славянских языках (см. выше, причем в польском 'задняя часть шеи' — единственное значение!), особенно если учесть традиционное ношение тяжелой именно на задней части шеи — верхней части спины: ср. русск. *на закорках*, серб.-хорв. диал. *na křkē* [Skok II: 203].

Очевидно, этимологическое толкование зависит от соотносительного определения первичного значения праслав. **kъrkъ* (и даже и.-е. **kṛko-*) и значения производящего глагола. Сопоставление значений, зафиксированных в славянских продолжениях **kъrkъ* и в признаваемых индоевропейских соответствиях, позволяет предполагать два противоположные направления семантического развития в имени: 1) 'шея, шейный сустав' → 'затылок, задняя часть

шеи, спина' или 2) 'затылок, задняя часть шеи, спина' → 'шея, шейный сустав'. Индоевропейские соответствия (которым традиционно отдается диахроническое предпочтение) свидетельствуют как будто в пользу первого направления, оно же предполагается и реконструируемым первичным значением исходного глагола и.-е. **(s)ker-k-* 'вертеть, сгибать'. Однако Ю. Покорный учитывал достаточную распространенность развития семантики этого гнезда в направлении к 'корчить, скрючивать, стягивать (= делаться узловатым, твердым)' (откуда и праслав. **kърčiti* — см. в предыдущей заметке) [Pokorny I: 935] и потому отметил возможность генетической общности этого гнезда с лексикой, объединенной им в гнездо и.-е. **(s)ker-* 1 с семантикой 'засохший, грубый, твердый' [Pokorny I: 935, 933]. Среди материалов, отнесенных Ю. Покорным к этому последнему гнезду, нет славянских глаголов, но они обнаруживаются в словенском и сербскохорватском языках: словен. *skrkniti* 'затвердеть, сгуститься' и серб.-хорв. *skrknuti se* 'загустеть, сгуститься'. Сной и отнес словенский глагол к одному гнезду с *kъčiti* [Snoj²: 275], реконструируя для *skrkniti* первичное значение **'сжежиться, сжаться'* (серб.-хорв. *skrknuti se* 'загустеть, сгуститься' [Skok III: 270] неосновательно возвел к звукоподражанию). Таким образом, индоевропейское глагольное гнездо **(s)ker-k-* обнаруживает семантическое развитие 'вертеть, сгибать' → 'корчить, стягивать' → 'сгущаться, затвердевать'. Этой последовательности соответствует направление развития семантики производного имени 'шея, шейный сустав, (горло?)' → 'затылок, задняя часть шеи, спина', при восприятии последних как твердой, прочной опоры. Обратное направление семантического развития в глаголе невозможно. Поэтому следует принять и для производного имени первое направление. Утрата в славянских языках продолжений **(s)ker-k-* с первичным значением 'вертеть, сгибать', мотивировавшим название шеи как 'поворачивающаяся, сгибающаяся', должно было сблизить это название в языковом сознании с глаголами со значениями 'корчить, стягивать' и 'затвердевать', что соответствовало метонимическому переносу названия шеи на соседние костные структуры. Таким образом, толкование Брюкнером праслав. **kъркъ* [Brückner: 220] как ближайшего родственного с **kърць* (польск. *karcz* 'колода'), предполагающее первичную мотивацию по признаку узловатости, отражает вторичные семантические связи и в этом качестве является случаем следования научной этимологии за народной этимологией.

О возможности реконструкции праславянского **prędъкъ(jь)* (возвращаясь к Миклошичу)*

Славянское глагольное гнездо **pręd- / *pręd-* выражает семантику быстрого, порывистого движения: ср. ст.-слав. **въспранѣти** *διανίσθαι, ἀνανήθειν* ‘встать, проснуться’ [Ст.-слав. сл.: 154], русск. *прыгать* ‘прыгать. скакать’, диал. то же и ‘бегать, метаться’, *прянуть* ‘броситься, устремиться куда-л.; выпасть, выскочить откуда-л.’ [СРНГ 33: 76]. Эта семантика проявилась в производных именах с огласовкой корня в ступени **o* — существительном **prędъ* (польск. *prędъ* ‘быстрое течение воды’, чеш. *proud* ‘течение. поток’ и др.) и прилагательном с суф. *-ък-* **prędъкъ(jь)*: словен. *prodek* ‘ярый’, чеш. *proudку* ‘быстрый’, польск. *prędki* ‘быстрый’, русск. диал. *прудкий* ‘быстрый’ (и др.). Ф. Миклошич включил в этимологическое гнездо **pręd-2*, возглавляемое в его словаре старославянским *prędati* ‘springen, zittern’, словин. *przondki, przonki* ‘саранча’ [Miklosich: 262]. Кашубское слово помещено Миклошичем непосредственно вслед за славянскими продолжениями **prędъкъ(jь)*, что допускает его толкование как субстантивацию прилагательного с суф. *-ък-*.

В русских диалектах обнаруживается суффиксально тождественное с **prędъкъ(jь)* прилагательное с огласовкой корня в ступени **e*

* Первая публикация: О возможности реконструкции праслав. **prędъкъjъ* ‘подвижный, быстрый’ (возвращаясь к Миклошичу) // *Sophia Slavica. Sborník prací věnovaných PhDr. Žofii Šarapatkové k osmdesátým narozeninám*. Brno: Tribun EU, 2014. S. 57–58.

(то есть с корневым **ę*) — это *прядкóй*, *-áя*, *-óе* ‘ненадежный, непрочный’ в севернорусской поговорке: «На Груманте (Лапландии) каша сладка, да на море мачта *прядка*» [СРНГ 33: 79]. Ненадежность, непрочность мачты может объясняться ее шаткостью, подвижностью. Возможно, это собственно русское образование от *прядать*, *прянуть*, воспроизводящее праславянскую суффиксальную модель прилагательного *прудкий*. Представляется, однако, полезным вспомнить кашубское *przondki*, включенное Миклошичем в этимологическое гнездо **pręd-2*. В SEK, в статье о *przondki*, *przonki* ‘саранча’, этимологическое толкование Миклошича не упоминается; предлагается версия о производности от кашуб. **prōtnoс*, то есть принадлежность к праславянскому гнезду **prētati*, как характеризующего саранчу по действию — ‘собирать, убирать урожай с поля; есть с аппетитом’ [SEK IV: 120]. Очевидно, такая первичная мотивация для названия саранчи возможна, но структура слова *przondki* с *d* в корне свидетельствует скорее в пользу толкования Миклошича, тем более, что и мотивация названия саранчи по быстроте передвижения многократно подтверждается: прежде всего, родством ст.-слав. *прѣгъ* ѡкрѣз ‘саранча’ с ср.-н.-нем. *spranke* и *sprenger* ‘саранча’ при др.-в.-нем. *springan* ‘прыгать’, а также далее производными от праслав. **skakati*/**skočiti* названиями саранчи болг. *skakalec*, серб.-хорв. *skakavac*, кашуб. *skočk* и др. [ESJS 12: 730] (славянский материал приведен в графике указанного словаря), ср. также нем. *Schrecke* ‘кузнечик, саранча’ (при *sich schrecken* ‘испугаться, воспрянуть, отшатнуться’), русск. диал. *конек*, *кобылка* ‘кузнечик’ (вид насекомого, родственный с саранчой) [Даль² II: 155].

Принимая для кашуб. *przondki*, *przonki* реконструкцию **prędъкъ*, структурно тождественную с русск. *прядкой* (как результат субстантивации прилагательного в кашубском), можно предположить сохранение в этих словах продолжений позднепраславянского прилагательного **prędъкъ(jь)*, воспроизведшего суффиксальную модель более раннего праслав. **prōdъкъ(jь)* при сохранении в прилагательном ступени огласовки корня производящего глагола.

Уже не гапаксы*

Единичность фиксации какого-либо слова (так называемый гапакс) в одном из существующих диалектных или исторических лексикографических источниках часто является основанием для сомнений в правильности записи слова и даже в компетентности и добросовестности автора-лексикографа. Опыт показывает, однако, что подобные сомнения нередко впоследствии опровергаются появлением новых фиксаций, так что неизбежен вывод о необходимости введения в диалектные словари всех единичных записей, имея в виду вероятную перспективу их позднейших подтверждений, тем более, что соответствующие лексемы могут оказаться весьма ценными для истории языка.

Ниже рассматриваются два подобных случая.

Основа *-скарүж-*

Эта основа зафиксирована впервые в словаре забайкальских говоров в составе двух слов: *наскарүжник* 'пересмешник' и *паскарүжник* 'зубоскал' [Элиасов: 235, 287] и долгое время не находила подтверждения в других лексикографических публикациях. Однако

* Первая публикация: Уже не гапаксы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. Екатеринбург. 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург: УрГУ. С. 48–51.

она определенно представляет этимологический интерес: была обоснована производность *-скаруж-* как праславянского диалектизма **skar-ug-* от праславянского глагола **skarati*, продолжениями которого являются в.-луж. *škarac* и н.-луж. *škaras* 'ковырять, мешать, размешивать (угли); подстрекать, возмущать' [Варбот 1984а: 15]. Реальность основы *-скаруж-* в русском языке позднее подтверждена фиксацией в южно-прикамских говорах слова *бескаружность* 'безобразие, распушенность нравов' [Сл. Южн. Прикамья I: 54]. В этом слове примечательна функции префикса *без-*: если регулярной его функцией является обозначение отсутствия чего-либо, названного корнем / производящей основой, то в данном случае функция префикса усилительная. Подобное употребление префикса *без-* отмечено еще в случаях: русск. диал. смол. *безу́к* 'хороший плотник' [ЭССЯ 2: 201] и др.-русс., русск.-цслав. *безвѣкъ*, русск. диал. перм. *безвѣкий* 'вечный, бесконечный', укр. *безвічний* 'вековечный, бесконечный' и истолковано О. Н. Трубачевым как одно из оснований для отнесения соответствующих образований к праславянскому периоду [ЭССЯ 2: 48–49, 51].

Представляется необходимым возвратиться также к вопросу о происхождении праслав. **skarati*, продолжением которого, помимо 'подстрекать, возмущать; отчитывать, бранить, размешивать (угли); подстрекать, возмущать', является еще и словен. *skárati* 'отчитывать, бранить' [Pleteršnik II: 484]. При всей вероятности принадлежности рассматриваемого глагола к гнезду праслав. **(š)čer- / *(s)kor-* < и.-е. **(s)ker-* 'резать' [Куркина 1980б: 35–36; Schuster-Šewc 19: 1440; Варбот 1984а: 15], как в структурном плане, так и в отношении развития семантики от 'ковырять, мешать, размешивать (угли)' к 'подстрекать, возмущать; отчитывать, бранить', нельзя не заметить, что семантика подстрекания, упрека, брани и фонетическая характеристика сближают **skarati* с праслав. **karati* и **koriti* (индоевропейское этимологическое гнездо **kar-*: ср. греч. *κάρνη ζῆμια*, лат. *carināre* 'насмехаться, издеваться', корн. *cara* 'хула' [Фасмер II: 320–321; ЭССЯ 11: 74–75 — **koriti*; 9: 152–153 — **karati (se)*). Однако гипотезе о непосредственной генетической связи **skarati* с **karati* и **koriti* противоречит очевидная первичность для **skarati* значений 'ковырять, мешать, размешивать (угли)'.

Корень *-jɛz-* ‘вязать’

Производным от и.-е. корня **angh-* ‘узкий; стягивать, связывать’ (греч. ἄνωγω, лат. *angō*) в праславянском языке являются не только закономерные по огласовке корня **qza*, **qziti*, но также и **vezti*/**vezati* [Pokorny I: 42].

Две структурные характеристики этого последнего глагола всегда считались требующими объяснения: корневой вокализм и начальное *v*. Корневое *ɛ* толковалось как вторичное славянское новообразование [Vaillant. Gram. compar. III: 197] или результат контаминаций (см. литературу: [Фасмер III: 374]), но недавно предложено объяснение на праиндоевропейском уровне — как праиндоевропейская ступень редукции **H₂mgʰ-* основы **H₂ǵmgʰ-*, см.: [Фурлан 2015: 348].

Начальное *v* наиболее уверенно толковалось как средство предотвращения зияния в синтагмах [Pokorny I: 42], в последнее время — с уточнением вероятной структуры: **ni H₂mgʰ-énti* ‘и (они) вяжут’ [Фурлан 2015: 350].

При этом исследователи редко обращали внимание на отсутствие фиксаций славянского глагола с закономерной протезой *j* — **jɛz-* (ср. **jɛzykь*). В доказательности русск. диал. *язать* ‘обещать’ и *язаться* ‘обязаться’ усомнился Фасмер, поскольку здесь можно предполагать декомпозицию *об-язать* [Фасмер IV: 549]. Позднее был обнаружен достаточно убедительный случай — русск. диал. донск. *суязно* ‘дружно’ (*суязно живут*) как праслав. **sq-jɛz-* [Варбот 1991: 169–170], однако это все-таки был гапакс. Еще одним подтверждением реальности формы **jɛz-* является не замеченное ранее русск. диал. *пáязь* ж. р. ‘чиненное, зашитое или за штопанное место в одежде’ [Даль² III, 27], ‘починенное место в одежде’ [СРНГ 25: 309]. Предположение Даля о производности этого слова от *паять* маловероятно, поскольку глагол обозначает только соединение металлов, а суфф. *-язь* неизвестен.

Следует отметить реализацию варианта корня с протетическим *j* — **-jɛz-* в образованиях с архаичными префиксами **sq-* и **pa-* (в первом случае подобная структура возможна только после монофтонгизации дифтонгов).

Об одном балто-славянском лексическом соответствии*

Чешское *klamol* 'обломок, кусок' давно признано родственным с др.-прусск. *kalmus* 'палка, пень', лит. *kelmas* 'пень, обрубок', лтш. *celms* то же, что стало обоснованием толкования чеш. диал. *klamol* как восходящего к праслав. **kolmolъ*, хотя и с несколько противоречивым определением последнего как «праславянский диалектизма не совсем ясного происхождения» в [ЭССЯ 10: 139, с литературой]. Балтийская же группа **kalmas* (/ **kelmas*) убедительно введена в индоевропейское этимологическое гнездо с корнем **kel-* 'колоть, рубить' как производное с суфф. *-ma-* [Рокорну I: 546; Топоров. Прусск. яз. I–K: 171–175; Mažiulis 2: 89–90]. Соответственно принадлежность к гнезду и.-е. **kel-* 'колоть, рубить' распространяется и на праслав. **kolmolъ* > чеш. *klamol* [Machek²: 250–251; Топоров. Прусск. яз. I–K: 174.]. Тем не менее, происхождение **kolmolъ* Трубачев счел неясным [ЭССЯ 10: 139]. Возможно, сомнения Трубачева связаны с суффиксальной структурой славянского **kolmolъ*, в отличие от балтийских соответствий, при отсутствии фиксации славянской производящей основы **kolm-*. Вопрос о степени реальности этой производящей основы весьма существен с точки зрения реконструкции для праславянского лексического фонда диалектизма индоевропейского происхождения.

* Статья публикуется впервые.

Представляется, что в поиске потенциальных продолжений праслав. **kolm-* (производящей основы для праслав. **kolmolь*) следует обратить внимание на некоторые лексемы севернорусских говоров. Это влад. *колома́* 'столб, на который опирается колодезный журавль', волог. *колома́* 'шишка, опухоль, нарост на теле' [СРНГ 14: 168], новг. *ко́лом* 'укладка снопов ярового хлеба вытянутой, продолговатой формы, скирда': «весь овес сгнил в этом *коломе*» [Новг. сл. 4: 88; СРНГ 14: 168] с производными новг. *коломе́ц* 'небольшой стог сена', *коломо́к* 'небольшая укладка сена, малая укладка снопов ржи на поле' [Новг. сл. 4: 88–89], пск. *коломовьё́* 'нижняя часть снопа, противоположная той, где колосья' [Псков. сл. 15: 82]. Семантику этих слов объединяет составляющая 'обколотое, обрубленное', ср. значения балтизмов. Относительно обозначения формы стога (или размера) новг. *ко́лом* и производными ср. иркут. *коло́к* 'укладка сена, имеющая форму конуса, копна' [СРНГ 14: 163] при яросл. *кол* 'палка, жердь определенной длины, употребляемая для измерения земельных участков' [СРНГ 14: 109]. Производными от диал. *ко́лом* являются, очевидно, глаголы новг. *около́миться* 'умереть, лишиться жизни; успокоиться; устать от работы; исцелиться; подрасти; стать толстым, располнеть; окрепнуть после болезни' [Новг. сл. 6: 154] и селигер. *пооколо́миться* 'окрепнуть': в контексте «...заулочек, держим там теленочка, пока он маленько *пооколо́мится*» [Селигер 5: 26]. Очевидная антонимичность глаголов может толковаться как аргумент в пользу гипотезы об исконности для праслав. **kolm-* семантики 'обрубок' и происхождении из гнезда **kel-* 'колоть, рубить' при родстве с праслав. **kolь*: ср. производный от **kolь* глагол праслав. **obkolěti* с исходной семантикой затвердения — см. ст.-русск. *околѣти* 'оцепенеть, утратить чувствительность, гибкость' [СлРЯ XI–XVII вв. 12: 331]. Отвердение, затвердение может означать в определенных ситуациях как омертвление, так и укрепление = оздоровление.

Реконструкция **kolmь* / **kolma* как праславянского диалектизма индоевропейского происхождения допускает для чеш. *klamol* более позднее образование.

Об одном славяно-иранском лексическом соответствии*

Славянские и иранские языки связаны родством в семье индоевропейских языков и многовековыми контактами вследствие как территориального соседства, так и этнокультурных взаимоотношений говорящих на этих языках народов. Отражением подобных контактов являются лексические сходства. Теме славяно-иранских (ирано-славянских) лексических связей посвящены исследования многих славистов, иранистов и индоевропеистов, например: [Эдельман 2002; Трубачев 1967; Топоров 1989; Зализняк 1962]; обширную библиографию вопроса см.: [Эдельман 2002: 211–228]. Исследователи акцентируют разнообразие типов проявления этих связей и, что особенно существенно для славянской этимологии, множественность их происхождения [Эдельман 2002: 142, 166–167]. Для праславянской этимологии важнейшими источниками славяно-иранских лексических сходжений являются параллельные структурно сходные образования от родственных основ индоевропейского происхождения и общие архаизмы индоевропейского происхождения.

* Первая публикация: Об одном славяно-иранском лексическом соответствии // Родной язык. Лингвистический журнал, № 1. Специальный выпуск, посвященный 90-летию юбилею Джой Иосифовны Эдельман. Исследования коллег, друзей, учеников. М.: Институт перевода Библии, 2021. С. 231–236.

К числу славянских слов, для уточнения происхождения которых представляется перспективным сопоставление с иранской лексикой, может быть отнесено праслав. **kórsta* с семантикой 'кожная болезнь, корка, нарост' (см. ст.-слав. **красѣа** **стѣѹа** **лѣпраѣ**, болг. *красѣа* 'чесотка', серб.-хорв. *красѣа* 'струпьѣа, оспа, проказа; зелень на стоячей воде', польск. диал. *krosta* 'костра, отделяющаяся при чистке конопли', русск. *корѣста* 'кожная болезнь', диал. 'корка на поверхности глинистых почв при высыхании; наплыв или нарост на древесном стволе' и др.) [ЭССЯ 11: 93–94]. Существующие толкования происхождения этого слова: родство с лит. *kaŗšti* 'чесать (шерсть, лен)', лат. *carrere* 'скрести, чесать', производность от праслав. **ŗxati* 'резать, драть', которые все восходят к и.-е. **(s)ker-* 'резать, драть' с распространителем **-s-*, подвергаются сомнению вследствие акцентологических несоответствий: циркумфлекс в предполагаемых производящих основах, акут в **kórsta* [ЭССЯ 11: 94–95], однако и версия образования от **kora*, предлагаемая в этом словаре, вызывает возражения в отношении словообразовательной структуры, поскольку сомнителен суфф. *-sta* в производном от имени существительного.

Следует, кажется, обратить внимание на структурную и семантическую близость праслав. **kórsta* и древнеиран. **karasta-* 'шкура, кожа'. Их общее семантическое составляющее может быть определено как 'болезненный или охранительный покров на теле животного, человека или на растении, который удаляется в лечебных или потребительских целях'. Древнеиран. **karasta-* (**kŗsta-*) толкуется как «лексикализованное отглагольное имя **kart-ta-* или **kŗd-ta-* от корня **kart-* 'резать, срезать' или **krad-* 'скоблить', — точный арийский прототип неясен, ср. др.-инд. *kŗtti-* 'шкура, кожа; покров, кожаный покров', образованное от корня **kart-*, но по иной словообразовательной модели. Возводится к производному **kŗ-t-to-* 'отрезанное, срезанное' от и.-е. корня **(s)ker-*, **(s)kerə-*, **(s)krē-* 'резать, срезать, отрезать', от варианта с распространителем **-t-*: **(s)kert-*, **(s)kret-*. Не исключен и вариант с распространителем **-d-*, то есть **kŗ-d-to-* (праиран. **-st-* чаще продолжает арийск. **-dt-*, чем **-tt-*)» [Эдельман ЭСИЯ 4: 289]. Очевидно, что как в семантическом плане, так и в плане реконструкции исходной структуры это объяснение применимо и к праслав. **kórsta*. Точнее, в отношении структуры, как соответствие для праславянского существитель-

ного **kórsta* предпочтительно праиран. **kart-ta-* и производность от **kart-* ‘резать, срезать’ (восходящего к и.-е. корню **(s)ker-*, **(s)kerə-*, **(s)krē-* ‘резать, срезать, отрезать’). Для этого предпочтения существенны два обстоятельства: первое — глагольному древнеиранскому **kart-* ‘резать, срезать’ есть праславянское соответствие — к тому же индоевропейскому корню восходят праславянские глаголы **čersti*/**čr̥tō* (др.-русс. *чърсти*, *чърту* ‘чертить, проводить борозду, вспахивать’ (← **‘разрезать, нарезать какую-л. поверхность’*) [ЭССЯ 4: 75–76] и **kṛtati*/**kṛtēti*/**kṛtiti* (болг. *кърпя* ‘ломать’, серб.-хорв. *kṛtiti* ‘ломать, крушить’, чеш. *kartit* ‘портить’ и др.) [ЭССЯ 13: 241–242], ср. также русск. диал. *кармуть* ‘чесать, вычесывать (шерсть)’ [Селигер 3: 18]; второе существенное обстоятельство — вероятность *ə* для исходного и.-е. ***kerət-*, что обосновывает акут в праслав. **kórsta*. Родство праслав. **kórsta* с **čersti*/**čr̥tō* и **kṛtati*/**kṛtēti*/**kṛtiti* (< и.-е. **kerət-* < **(s)kerə-*) означает также ближайшее родство этого имени существительного с праслав. **kórtь* ‘раз’ (также с акутом).

Отношения **kórsta* и **čersti*/**čr̥tō*, **kṛtati*/**kṛtēti*/**kṛtiti* могут быть истолкованы как производность на праславянском уровне. Но возможна, кажется, и версия о соотносительности праслав. **kórsta* и приведенных праславянских глаголов как продолжений индоевропейского производного имени и производящего индоевропейского глагола **ker(ə)t-*. Тогда соотношение праслав. **kórsta* < и.-е. **kor(ə)stā* и праиран. **karasta* < и.-е. **kṛsto-* отражает вариантность (в огласовке корня) индоевропейского именного производного с суф. *-t-* (вероятно, причастия) от индоевропейского глагола **ker(ə)t-*, то есть **kor(ə)t-tā*/**kṛ-t-to-*. Ср. соотношение праслав. **bolgo* ‘добро’ и авест. *bərəg-* ‘религиозный ритуал, обряд’ [ЭССЯ 2: 173; Расторгуева–Эдельман ЭСИЯ 2: 111–112].

Об этимологии русского диалектного *отроколь* (к проблеме роли диалектных материалов славянских языков в реконструкции праславянского лексического фонда и праславянских диалектизмов)*

С продвижением работы над реконструкцией праславянского лексического состава всё очевидней становится необходимость вовлечения в исследования диалектных материалов славянских языков. Эти материалы обеспечивают подтверждение общеславянского статуса многих праславянских лексем, уточняют диалектную (на праславянском уровне) принадлежность других лексем и соответственно лексические и словообразовательные характеристики праславянских диалектов, а также, не в последнюю очередь, выявляют генетические связи праславянской лексики с другими индоевропейскими языками, сохранившиеся только на уровне диалектных гапаксов (= праславянских диалектизмов). Такова позиция О. Н. Трубачева, лежащая в основе теории и методики «Этимологического словаря славянских языков» (см. [ЭССЯ]), и известного польского этимолога, одного из авторов «Праславянского словаря» (*Słownik prasłowiański*, см. [SP]), В. Борыся [Boryś 2007: 395].

Очевидно, набор подобных лексем непостоянен: с привлечением новых материалов некоторые утрачивают статус гапаксов как

* Первая публикация: Об этимологии русск. диал. *отроколь* и родственных (к проблеме праславянских диалектизмов) // Лингвистические разыскания. Сборник докладов I и II Международных научно-практических конференций «Добродомовские чтения: язык — история — культура». Москва, 14–15 ноября 2019 г.; Москва, 19 ноября 2020 г. М.: МГПУ, 2022. С. 36–41 (электронное издание сетевого распространения).

ошибочные записи или обнаруживается вторичность их форм или значений, другие получают иное этимологическое истолкование и утрачивают свою роль в определении эксклюзивных генетических связей. Это не может, однако, препятствовать опытам дальнейших исследований в указанном направлении. Не следует отождествлять статус гапакса, для которого предполагается праславянское происхождение, с признанием в нем тех или иных нерегулярных преобразований, равно как ненаучно отказываться от апелляции к нерегулярным преобразованиям в принципе, коль скоро они являются неотъемлемой составляющей функционирования языка и учет их при толковании редких форм и значений может равно как определить реальность статуса гапакса, так и подтвердить исходные, известные по другим источникам праславянские лексемы, о последнем см.: [Цыхун 2019: 359]

Русск. диал. новгор. *отро́коль*, -я м. 'отросток, побег' («... и два, и три есть *отроколя* от одного пня») [Новг. сл. 7: 57] пока не привлекало, кажется, внимания этимологов. В новгородском диалекте это слово окружено производными: *отроко́лина* 'отросток от корня дерева, побег', *отроко́листый* 'имеющий отростки, побеги (о дереве)', *отро́колье* 'побеги, отростки у дерева от корня' [Новг. сл. 7: 57]. Слово *отро́коль*, *отрока́ль* (с другим местом ударения — см. выше) зафиксировано еще в ленинградском говоре со значением 'ответвление, ветка; отросток корня зуба', в значении наречия *отрока́ли* 'ветвась' [Сл. русск. гов. Карелии 4: 324], а наряду с ним — *троко́ль* 'один из трех листьев, растущих из одного места на стебле' [Сл. русск. гов. Карелии 6: 515]. В олонецком диалекте известно формально соотносимое с *троко́ль* слово *треко́лье* 'ветошь, тряпье, обноски' [СРНГ 45: 27].

Очевидная структурная и семантическая близость *отроколь* и *троколь* уже толковались как следствие утраты анлаутного *о* в *отроколь* > *троколь* [Михайлова 2013: 295]. Менее очевидна в семантическом и даже структурном планах (*тре-*!) словообразовательная связь *троколь* — *треколье*, можно лишь предположить преобразование вокализма с опорой на семантический элемент расчлененности и возможной троичности (см. выше 'один из *трех* листьев').

Происхождение *троколь* остается неясным. Поэтому не возбраняется искать связи среди более отдаленных структурно и семан-

тически лексем. При этом можно опереться на один распространенный тип структурных нерегулярных преобразований: утрачивающееся анлаутное *o-* часто принадлежит генетически префиксам *ob-* или *ot-*. Так что в случае *троколь* можно предполагать исходное беспрефиксное *роколь* (ср. **verti/voriti* — *отворить* — *творило* ‘крышка’). Структура *отроколь* при этом толковании идентична *отрог*, *отнога*. В сферу внимания попадает как будто весьма отдаленное семантически от *отроколь* диалектное *роко́ль* м. ‘гребень, гребешок’ в контексте «А в прическе тут *роколя* да тут *роколя*, штук по шесть было» (ленингр.) [СРНГ 35: 170], однако сближающими *роколь* с *треколье* и *отроколь* общими семантическими элементами являются твердость и заостренность предмета, а значение ‘гребень’ указывает еще и на семантику проникновения и разделения. Представляется возможным развитие на этой основе значения производного *отроколь* ‘отросток’ (< *‘отломок’). Менее вероятно родство с этой группой диал. *ро́кля* ‘скала’ (иркут.) [СРНГ 35: 169]. К происхождению этого слова обращался А. Е. Аникин, предположив тождество с *ролка* ‘крутой склон горы’ = *релка* от *рела*, *рѣла* ‘холм, бугор, мель’, с отсылкой относительно последних к Фасмеру [Аникин 2000: 465], но Фасмер усомнился в возможности реконструкции для них древней формы и отверг все существующие версии [Фасмер III: 466–467]. Представляется вероятным заимствованное происхождение *рокля*: ср. чеш. *rokle* ‘обрыв’, которое возводится к нем. *Rachel* [Machek²: 516].

Встает вопрос о происхождении слова *роколь*. Вероятно, учитывая западно- и севернорусскую фиксацию рассмотренных русских диалектизмов, нельзя было бы исключить заимствованное происхождение русских лексем, однако надежный лексический источник пока не обнаруживается. Достаточно близкие структурно лит. *rakalis* ‘живодер, негодник, плут’, лтш. *rakaris*, *rakalis* то же восходят к нем. *Racker* ‘живодер, мучитель, плут’ [Sabaliauskas 1990: 260] и, в свою очередь, дали русское диалектное псковское заимствование *рака́ля* ‘негодяй, проказник’ [Аникин 2005: 261], но вряд ли могли быть источником заимствования для *роколь* ‘гребень, гребешок’.

Из лексики других славянских языков с русск. диал. *роко́ль* м. ‘гребень, гребешок’ (при производном *отроколь* ‘отросток, побег’) может быть сопоставлено болг. диал. редк. *рокол* ‘изогнутая

кизиловая спица спереди дышла, перед хомутом для крепления повода упряжного животного' (только в народной песне, Шумен.) [БЕР VI: 314]. В БЕР слово определено как генетически неясное. Но структурное тождество и семантическая близость русских диалектизмов и болгарского очевидны. Следовательно, вероятно исконно славянское и даже праславянское образование **rokolʹb*, форма которого допускает предположение о наличии суфф. *-olʹ* < праслав. **-olʹ*. Этот суффикс является производным от **-olʹ*, который встречается в славянских языках и в отглагольном и в отыменном словообразовании, см. [Sławski. Zarys słowotwór. I: 109].

Определяя дальнейшее направление поисков источника слав. **rokolʹb*, можно, кажется, исходить из выделенных семантических элементов — твердости, заостренности, проникновения и разделения. Это подводит к вероятной глагольной семантике разрывания, раздиранья, расщепления, чему соответствует индоевропейское этимологическое гнездо **er(e)k-*, *rek-*, *rok-* 'раздирать, расщеплять, сдирать', к которому возводятся, в частности, др.-инд. *ṛkṣā-h* 'ободраный, наголо вытертый', *ṛkṣara-h* 'острие, колючка' и лит. *ràkti* 'колоть, ковырять, копать', с производным *rakštis* 'колючка, заноза' [Pokorny I: 335], сюда же лтш. *rakt* 'копать, рыть'. К этому гнезду и могут восходить праслав. **rokolʹb* > русск. *роко́ль* м. 'гребень, гребешок' (с производным *отроко́ль* 'отросток') и болг. *рокол* 'деревянная спица', причем значение последнего укрепляет позиции генетической связи праслав. **rokolʹb* с балт. **rok-* 'копать, ковырять, колоть'. Таким образом, возможно предположение о праславянском диалектизме **rokolʹb* при эксклюзивных связях русского и болгарского языков с балтийскими. Впрочем, эксклюзивность родства этих диалектизмов с балтийским **rok-* 'копать, ковырять, колоть' снимается при условии принятия версии Г. А. Ильинского о родстве с балт. **rok-* также праславянского **rakʹ* (цит. по: [Фасмер III: 437]).

О возможности реконструировать праславянское глагольное гнездо **rezg- / *rozg-**

Славянское / праславянское *rozga* с общим для всех славянских языков значением 'ветка, прут' (> словен. 'лоза', болг., серб.-хорв. 'колышек, подпорка') не имеет общепризнанного этимологического толкования (см. наиболее полный обзор версий [БЕР VI: 307–309]). Наиболее убедительно родство с лит. *rẽzga, rėgzti* 'вязать, плести' с вхождением в индоевропейское гнездо **rezg-* 'плести, крутить', к которому принадлежат также др.-инд. *rajju-* 'веревка', лат. *restis* то же [Pokorny I: 874], хотя семантическая связь славянской лексемы с этим гнездом признается неясной [БЕР VI: 308]. Выходом из этого семантического противоречия может быть предположение, что слав. *rozga* было мотивационно обозначением ветки как материала для плетения. Далее направление реконструкции подсказывается семантической универсалией, обоснованной О. Н. Трубачевым в его работе «Ремесленная терминология в славянских языках» [Трубачев 1966], которая явилась результатом анализа истории развития славянской терминологии изготовления сосудов от стадии плетения до керамики и выявления парных омонимичных индоевропейских корней / основ с семантикой 'драть, резать, рвать' и 'плести': **del-* 'плести' и **del-* 'раскалывать', **derbh-* 'раздирать' и **derbh-* 'вить, плести', **ker-* 'резать' и **ker-* 'крутить, скручивать' и некоторых других

* Статья публикуется впервые.

[Трубачев 1966: 244–246]. Этот семантический вывод — «о регулярной неисконности, вторичности самих названий плетения» [Трубачев 1966: 245]: «термины плетения < термины ‘рвать, рубить, резать, ломать’», «семантическая универсалия <...> переход ‘резать, рубить, ломать’ > ‘плести, вить, крутить’» [Трубачев 1966: 250]. Основываясь на этой семантической универсалии, можно предполагать существование праславянского глагола с семантикой резания, разрывания, ломки как производящего для *rozga*.

Реальное лексическое обоснование этого предположения предоставляют, кажется, северные русские диалекты. Косвенным свидетельством отглагольного происхождения *rozga* является новгор. *розгом* в сочетании *рѳзгом течь* ‘происходить одновременно чему-л.’: *Там уже моченьки не стало жить: все рѳзгом течет* [Новг. сл. 9: 148]. *Розгом* — адвербиализация творительного падежа имени **розг*, парадигматического варианта к *розга*, и употребление этого наречия подобно (*одним*) *махом*, (*единым*) *духом* и *рывком*, *скопом*. Судя по общему смыслу высказывания, значение сочетания *розгом течь* истолковано составителями словаря новгородского диалекта неточно: речь идет о нагнетании плохих, губительных событий, так что сочетание *розгом течет* свидетельствует в пользу обозначения существительным *розг* не просто какого-то массированного действия, подобно (*все*) *скопом*, но об обозначении какого-то разрушительного действия > результата, так что *все розгом течет* подобно *все прахом идет, прийти в разор*. Поэтому представляется возможным рассмотрение в качестве продолжения производящего для *розг* глагола беломор. *рѳзгать* ‘хлестать, стегать кого-л.’, *рѳзнуть* ‘хлестнуть, стегнуть кого-л.’ [Мызников 2021: 421] и далее беломор. *порѳзживать* ‘хлестать, стегать кого-л. время от времени’ [Мызников 2021: 385], арханг. *рѳзгать* ‘стрелять, строчить (о пулемете)’, олон. *рѳзгаться* ‘падать, ударяться (о пол, о землю)’ [СРНГ 35: 33]. Семантика хлестания, стегания может быть производной от раздиранья: ср. беломор. *чесать* ‘стегать’ [Мызников 2021: 544]. Соответственно севернорусские *резгать*, *резнуть* представляются продолжениями праслав. **rezgati* ‘драть, раздирать’, соотносительного с лит. *rėzga*, *rėgzti* ‘вязать, плести’ подобно приведенным парам омонимичных корней, так что для

индоевропейского гнезда **reǵ-* возможно углубление семантической реконструкции: 'плести, крутить' < 'драть, раздирать'. Праслав. **rozga* / ***rozgъ* как отглагольное имя образовано с мотивацией 'раз-/об-о-дранное' / 'разорение', откуда праслав. **rozga* 'ветка, прут' и русск. беломор. *розг* *'разор'.

Русск. диал. Коми *нарóзгать* 'отстегать, побить кого-л.' [СРНГ 20: 128] может быть как отыменным глаголом от *розга*, так и преобразованием **нарезгать* с «выравниванием» по *розга*.

Славянские диалектизмы как отражение праславянских диалектизмов индоевропейского происхождения*

Исследования происхождения лексики славянских языков, особенно с ориентацией на реконструкцию праславянского лексического фонда в сочетании с признанием диалектного членения праславянского языка, необходимо вовлекают в анализ все больший объем диалектной славянской лексики. Нередким уже результатом этого расширения лексической базы становится обнаружение сохранения в диалектах эксклюзивных продолжений праславянских диалектных образований, некоторые из которых могут толковаться как индоевропейское наследие.

Ниже рассматриваются три подобные ситуации.

Укр. диал. *верен*

В диалектах Кировоградской области записана лексическая группа: *véren* 'подводный источник на дне колодца', *véрина* 'подводный источник', *véрени* мн. 'источник' [Сл. Кіровоград.: 36–37]. В «Этимологическом слове украинского языка», см.: [ЕСУМ], эти слова не упоминаются. Структура и семантика лексем дает совер-

* Первая публикация: Славянские диалектизмы как отражение праславянских диалектизмов индоевропейского происхождения // Jazykovedné štúdie. XXXVIII. Slovánske nárečia v čase a priestore. Bratislava: Veda, 2022. S. 195–197.

шенно однозначную информацию для отнесения их к славянскому этимологическому гнезду с глагольным корнем **ver-/vbr-* ‘кипеть, бурлить, извергаться’. Производными от **vbrěti* являются праславянские названия источников **jъzvorъ*, **virъ*. Украинская группа примечательна как рефлекс производного имени с огласовкой корня в ступени **e* и сонантным суффиксом *-n-*, присоединенным непосредственно к корню — **vernъ/a*, что является весьма древней моделью праславянского именного отглагольного словообразования. Соответственно есть основания считать **vernъ/a* праславянским диалектизмом.

Возможно, однако, что имя **vernъ/a* имеет еще более древнюю историю. Праслав. **vbrěti* восходит к индоевропейскому этимологическому гнезду с корнем **(a)uer-* ‘вода, дождь, поток’ [Pokorny I: 80–81], к которому как особо примечательное производное возводят также **uer-(e)nā* ‘ольха (как болотное дерево?)’ > брет. *gwern* ‘ольха’, кимр. *gwern* ‘ольха, болото’, ср.-ирл. *fern* ‘ольха’, алб. *verrë* ‘тополь’ [Pokorny I: 81, 1169]. Очевидно, праслав. **vernъ/a* может быть присоединено к этой группе продолжений индоевропейского имени.

Русск. диал. *осурукать*

Глагол *осурукать* ‘очистить ветку (ветки) дерева от листьев’ записан в псковском говоре в следующем контексте: «*Асурукáши листьа с веника, вот галик*» [Псков. сл. 23: 463]. Прозрачность словообразовательной структуры позволяет сразу же выделить корень *рук-*, а значение определяет вероятность родства с *руно* и праслав. **ružiti* ‘шелушить, очищать’ и далее **ruti*, **rъvati*. Вся лексическая группа восходит к и.-е. **reu-/reuə-* ‘рвать’ [Pokorny I: 868], а *рук-* возводимо к производной основе **reuk-*, которая отражена в др.-инд. *luñcati* ‘рвать, шелушить’, лат. *runcō* ‘полоть, вырывать’, лит. *raiūkti* ‘морщить’ (< ‘ободранное, грубое’) [Pokorny I: 869–870]. Как родственник с *осурукать* может рассматриваться диал. свердл. *рукnúть* ‘кинуть, бросить что-л., толкнуть’ [СРНГ 35: 248], ср. связь значений ‘обрывать’ и ‘кидать’ в слав. **brъsati*, **brъsnoŭi*. Следовательно, можно реконструировать для праславянского языка диалектизм **rukati* индоевропейского происхождения.

Н.-луж. *klud*, русск. арханг. *уклю́жины*

Н.-луж. *klud* ‘тазобедренный сустав, подвздошная кость, плечевой сустав, загривок’, стар. ‘угол’ Х. Шустер-Шевц связал с в.-луж., н.-луж. *kluka* (праслав. **kluka*) как производное от и.-е. **kleu-* ‘крюк’ с суфф. *-d-* [Schuster-Šewc 8: 560]. При учете первичной семантики согнутого, искривленного, можно как будто согласиться с вероятностью образования от этого имени глаголов н.-луж. *kluziś*, в.-луж. *kludzić* ‘укрощать, усмирять, обуздывать’ [Schuster-Šewc 8: 560–561]. Однако присоединение к этой группе и возведение к праслав. **kludъ* ‘искривление, изгиб’ белорусского глагола *склю́даваць* ‘обтесывать балки’ [Schuster-Šewc 8: 560–561] неправомерно, поскольку производящее для этого глагола имя блр. *склю́д* является заимствованием лит. *sklutas* ‘плотницкий топор’ [ЭСБМ 12: 142]. Но в восточнославянской языковой группе есть точное соответствие по корню и семантически близкое к н.-луж. *klud* ‘тазобедренный сустав, подвздошная кость, плечевой сустав, загривок’ слово — русск. диал. арханг. *уклю́жины* ‘ребра’ ([СРНГ 47: 70] — с отсылкой к словарю Подвысоцкого, см. [Подвысоцкий]). Таким образом, можно реконструировать праславянский русско-лужицкий диалектизм **kludъ* как параллельное с **kluka* образование с индоевропейским источником. В русских диалектах, кажется, обнаруживаются потенциальные производные от **kludъ*: ряз. *клюдать* (носом), *клюдаться* ‘забывшись, опускать голову, клевать носом (о дремлющих людях’, *клюджить* ‘ругать, долго бить, трепать’ [СРНГ 13: 318].

Бесспорно, от н.-луж. *klud* (и соответственно от реконструируемого **kludъ*) следует, вопреки мнению Фасмера [Фасмер II: 256] и Шустер-Шевца [Schuster-Šewc 8: 560–561], генетически отделить праслав. **kludъ/-ь* ‘покой, порядок, красота’, о котором см.: [ЭССЯ 10: 54–55].

Славянские дополнения к праславянским
реконструкциям и этимологиям
(в.-луж. *čowpać*, кашуб. *zědřec sa, zejac*,
чеш. *pachořit' sa* и словац. *pachoric še*,
русс. *хотцы*)*

В.-луж. *čowpać* (к праслав. **čьlpti*)

В.-луж. *čowpać* 'карабкаться' [Pfuhl: 87], 'карабкаться; сползать, скользить' [Трофимович: 22], представленное с дополнением *hora* и производным *čolpak* 'пищуха, *Certhia familiaris*' [Pfuhl: 87] (особенность этой птицы — умение хорошо лазать спиралью по деревьям), истолковано в этимологическом словаре Х. Шустера-Шевца как образование звукоподражательного происхождения, близкое к в.-луж. *čutpać* 'качаться, шататься' и *čatpać* 'тащиться, плестись' [Schuster-Šewc 2: 14]. Более близкие структурно и семантически к в.-луж. *čowpać* 'карабкаться; сползать, скользить' родственные глаголы обнаруживаются, однако, за пределами лужицких языков: это укр. *човпті, човну́* 'плестись, тащиться' [Гринченко IV: 468] и словац. диал. *čulpat' sa* 'ковылять, неуверенно ходить' [Kálal: 83]. В обоих праславянских этимологических словарях предложена реконструкция праслав. **čьlpti*: в SP — на основе только восточнославянского материала [SP II: 221–222 — **čl'pti*], в ЭССЯ — с учетом словацкого [ЭССЯ 4: 143–144 — **сьlpti*]. В SP глагол признан неясным, с критикой всех существующих решений, в том числе

* Первая публикация: Славянские дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям (в.-луж. *čowpać*, кашуб. *zědřec sa, zejac*, чеш. *pachořit' sa*, словац. *pachoric še*, рус. *хотцы*) // Этимология 2009–2011. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2012, с. 40–44.

и этимологии ЭССЯ. В последнем на основе сходства семантики восточнославянских и словацкого глаголов аргументировано их праславянское происхождение, реконструирована первичная семантика 'плести' и признается родства с лит. *kilpoti* 'плести', лтш. *cilpuôt* 'плести, делать петли, складки, запутываться' [ЭССЯ 4: 144]. Лужицкий глагол не упоминается ни в SP, ни в ЭССЯ. Но именно его присоединение к учтенным в праславянских словарях материалам одновременно и выясняет праславянское происхождение лужицкого глагола, и поддерживает и укрепляет этимологическую версию ЭССЯ.

Кашуб. *zědřec sq* (к праслав. **zudrěti*)

Кашубский глагол *zědřec sq*, *zědři* 'гноиться (о ранах)' [Sychta VI: 207] не анализируется в «Этимологическом словаре кашубского языка», см. [SEK]. Представляется возможным истолковать этот глагол как родственный с русск. *зудеть* 'чесаться, свербеть' и блр. диал. *зудзець* 'свербеть; ныть, ломить' [Сл. паўночн.-заход. Беларусі 2: 329]. Семантическая близость кашубского и восточнославянских глаголов очевидна: нагноение может сопровождаться и зудом, и нытьем, ломотой. Примечательно схождение вторичных, переносных значений: ср. русск. диал. *вызудить* арханг., новг., костром., урал. 'выпить' [(СРНГ 5: 284] и кашуб. *vězědřec sq* 'перестать течь': Rena są vězědřala [Sychta VI: 208]. Правда, пути развития этих переносных значений могут быть различны: в кашубском — через 'перестать гноиться', менее ясно в русском языке — через промежуточные 'течь / двигаться' → 'дуть' (ср. *вызудить* 'продуть человека на пронизывающем ветру' (беломор.) [СРНГ 5: 284] → 'пить'? (ср. русск. просторечн. *выдуть целый чайник*).

В этимологических словарях русского и белорусского языков рассматриваются только восточнославянские глаголы и упоминаются различные этимологические версии; при этом высказываются сомнения или отвергаются версия звукоподражательного происхождения и заимствования и определенно предпочитается версия родства с лит. *žaudus* 'раздражительный' и др.-исл. *kaun* 'нарыв' [Фасмер I: 108; ЭСБМ 3: 348–349], эту версию поддержала и В. А. Меркулова, исключившая вероятность звукоподражания и заимствования как не характерные для названий болезней

[Меркулова 1972: 183–184]. И все-таки в ЭСБМ в итоге признается отсутствие надежной этимологии [ЭСБМ 3: 349].

Присоединение к восточнославянскому материалу кашубского глагола усиливает версию о родстве с лит. *žaudus* ‘раздражительный’ и др.-исл. *kaun* ‘нарыв’ и обосновывает реконструкцию для праславянского языка глагола индоевропейского происхождения **zuděti* с экспрессивным вариантом **zudrěti*. Экспрессивное расширение корня *r* хорошо известно в славянском глагольном словообразовании: ср. **česrati*, **baxoriti* и др. [Sławski. Zarys słowotwór. I: 54].

Кашуб. *zejac* (к праслав. *dějati*)

Для кашуб. *zejac*, *zejã* ‘пачкать, мазать, марать; сорить’, *zejac sq* ‘пачкаться’ [Sychta VI: 2090] в SEK признано родство только с польск. диал. кочев. *zejać* ‘пачкать, мазать, марать’ [SEK V: 286] при отсутствии соответствий в других польских диалектах и иных славянских языках; происхождение глагола считается неясным. Возможность факультативного фонетического изменения *dz > z*, признаваемая для кашуб. *zeřąga* ‘болотное растение *Caltha palustris*’ < **derega* [SEK V: 287], позволяет предположить аналогичное преобразование и в кашуб. *zejac*, *zejã*, то есть происхождение глагола из праслав. **dějati*. В отношении вероятности развития представленного значения этого глагола из семантики **dějati* ‘класть, делать’ существенна высокая степень обобщения этой семантики, которая может быть основой для различных более узких, конкретных значений. Для данного случая релевантны значения производных от **dějati* (через ступень **dělo*) русск. простореч. *обделаться* ‘обгадиться’, *уделать* ‘запачкать’, диал. псков., твер. *обделать* ‘запачкать’ [СРНГ 22: 21].

Чеш. *pachořit’ sa*

и словац. *pachoric še* (к праслав. **-xoriti*)

Чеш. морав. *pachořit’ sa* ‘дуться, сердиться, злиться’ [Bartoš: 277], см. также: [Kazmír: 238] и словац. диал. *pachoric še* ‘заноситься, зазнаваться’ [SSJ III: 10] отнесены В. Махеком к числу производных от *pakost* [Machek²: 428]. Однако существенные отличия структуры рассматриваемых глаголов и некоторое отличие их

семантики от предполагаемой производящей основы побуждает рассмотреть возможность иной этимологизации.

Следует обратить внимание на гнездо праслав. **xoroxoriti se*. Продолжения его представлены в русском и белорусском языках со значениями, близкими к рассматриваемым западнославянским глаголам: ср. русск. литер. и диал. *хорохóриться* ‘храбриться, держать себя вызывающе, заносчиво’, диал. *хорохóря* ‘задорный, хвастунишка’ [Даль² IV: 561], блр. *харахóрыцца* ‘охорашиваться’ [Байкоў–Некрашэвіч: 334]. Наряду с этими значениями восточнославянские лексемы зафиксированы также как обозначения топорщени, вздыбливания перьев у птиц: русск. диал. *хорохóриться* ‘хохлиться. надуваться (о курице)’, волог. *хорхóра* ‘растрепанная курица’ [Даль² IV: 561], а родственные имена — как обозначения различного рода тряпья: русск. диал. калуж. *хорохорка* ‘тряпье’, курск. *хорхоры* ‘нечистые отрепья, висящие в поношенном платье’ [Опыт: 250, 280]. Совокупность последних значений позволила ранее истолковать в связи с рассматриваемым гнездом хорв. диал. *na χοχōrǎ* ‘приподнято, в сборку’ [Толстой 1965: 141–142] (как неполную редупликацию корня) и далее в.-луж. *šešer* ‘пучок, клок волос, шерсти’ [Трофимович: 314] (как отражение первичного вокализма корня). В результате было обосновано происхождение праслав. **xoroxoriti se* из гнезда и.-е. **sker-/*skor-* [Варбот 1981б: 39–41; Варбот 1980: 139–140].

Возвращаясь к чешско-словацкой группе глаголов, следует отметить существенность их потенциального родства с праслав. **xoroxoriti se*: эти глаголы представляют структуру с нередулицированным корнем **-xoriti* и значениями, практически тождественными семантике **xoroxoriti se*.

Еще одним производным от нередулицированного корня того же гнезда является, вероятно, словац. *náchor*: *z náchoru to urobil* ‘со злости?’ [Kálal: 358], ср. приведено выше хорв. диал. *na χοχōrǎ* ‘приподнято, в сборку’.

Русск. *хотцы́* (к праслав. **xotěti/*xъtěti*)

Русск. диал. сиб. *хотцы́* зафиксировано со значением ‘запруда из прутьев для ловли рыбы’ [Сл. русск. гов. Средн. Прииртышья 3: 270]. Это значение и структура корня позволяют предположить

принадлежность слова к числу производных глагольного гнезда праслав. **xotěti / *xъtěti / *xytiti / *xvatiti* ('запруда' = 'хватящее устройство'). Независимо от этимологизации и определения круга индоевропейских соответствий по разным этимологическим версиям, для этого гнезда признается сочетание в семантике составляющих 'желать' и 'брать', причем направление развития семантики реконструируется различно: от 'желать' (собственно 'желать иметь своим') к 'брать (себе)' [Vaillant. Gram. compar. III: 404] или от 'брать, хватать' к 'желать, хотеть' [ЭССЯ 8: 84]. Отмечается, что эти значения распределены по глагольным основам, так что **xotěti / *xъtěti* имеют лишь семантику желания, что толкуется как свидетельство полного переосмысления основ **xotěti / *xъtěti* 'брать' → 'желать' [ЭССЯ 8: 83–84]. На этом фоне приведенный выше русский диалектизм *хотцы́* 'запруда из прутьев для ловли рыбы' примечателен как потенциальное производное от *хотеть* с реликтовым значением 'брать, хватать'.

Русские диалектные дополнения
к праславянским реконструкциям
и этимологиям.
VI–IX*

VI**

Сев. *pron(o)mat'sya*
(к праслав. **pytati*)

Праславянская принадлежность глагола **pytati*, **pytajō* (*se*) подтверждается наличием его продолжений во всех славянских языках, с семантикой 'спрашивать, просить, умолять', иногда при вторичном значении 'пытаться' [Miklosich: 270; Machek²: 496; Фасмер III: 421]. Корневой инфинитива с *-a*-основой и основы настоящего времени на *-aje-* характеризуют глагол как итератив от глагольной основы с корнем **pyt-* [Machek²: 496; Vaillant. Gram. compar. IV: 217], продолжения которой со структурой **-pytati* зафиксированы этимологическими словарями для чешского, словацкого, сербскохорватского и верхнелужицкого языков, хотя во всех,

* Первые пять частей (I–V) этой серии были опубликованы в различных отечественных и зарубежных изданиях 2002–2010 годов и позднее объединены в одну работу, вошедшую в сборник: Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012, — там же дана информация о первых публикациях, см.: [Варбот 2012: 453–465].

** Первая публикация: Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. [VI] // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 4. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2015. С. 126–137.

кроме чешского, только в форме префиксальных производных глаголов [Miklosich: 270; ЭССЯ 22: 235 — **narъtati*; ЭССЯ 29: 47 — **obprъtati*]. В сфере восточнославянских языков до сих пор было отмечено только отглагольное имя др.-русс.-цслав. *напѣтъ*, *напѣта* ‘наемник’ (Житие Нифонт. XIII в. 106, 107 — цит. по: [Срезневский 2: 316]), которое вместе с цслав. *напѣ*, *місѣиос*, *mercenarjes* ‘наемник’, *напѣда*, *напѣда*, *навѣда* *місѣос*, *місѣиѡца*, *merces* ‘плата по найму’ [Miklosich. Lexicon: 410] получило убедительное этимологическое толкование О. Н. Трубачева при сопоставлении с чеш. диал. *naptat’* ‘нанять на работу’ как чехоморавизм в церковнославянском языке [Трубачев 1974: 27–32].

На описанном лексическом фоне представляет интерес потенциальное сохранение и в русском языке (наряду с перечисленными выше южно- и западнославянскими языками) продолжения праславянского **rъtati*: так можно истолковать русск. диал. сев. *проп(о)тáтъся* ‘получаться’, в контексте «С руками собирать — *пропáтъся* трудно» [Селигер 5: 173]. Показательно обозначение факультативности второго *о* в заглавном слове словарной статьи, что является достаточно надежным основанием для толкования этого звука как вставного на месте закономерно утраченного редуцированного (**пропѣтатися*). Что касается значения диалектного глагола ‘получаться’, то оно представляется результатом дальнейшего изменения семантики ‘пытаться (что-либо делать)’ → ‘делать(ся)’.

Урал. *потросѣтъ*

(к праслав. **motrošiti*/**motrositi*)

Этот глагол реконструирован в ЭССЯ как праславянский диалектизм на основе старорусского и русского диалектного материала [ЭССЯ 20: 67–69]. Ст.-русск. *мотрошитъ* зафиксировано предположительно в значении ‘суетиться’ в 1677 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 278], в диалектах глаголы *мотрошитъ(ся)*, *мотросѣтъ(ся)* известны в значениях ‘теребить лен’ (яросл.), ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’ (мордов.), ‘суетиться’ (том.), ‘быстро бежать’ (курск.), ‘трясти, знобить’ (донск.) и особенно часто ‘идти (о дожде, о снеге), моросить’ (новг., брян., ворон., курск., калуж., перм., урал., сиб. и др.) [ЭССЯ 2: 67–68]. В ЭССЯ изложены (с признанием первичности структуры **motrošiti*) две версии

образования глагола: 1) **mo-trošiti*, от **trošiti* ‘бить, ломать на кусочки, крошить’ с экспрессивным префиксом *mo-*; 2) **motroš-iti*, от ***motroхъ* ‘моток, мотовило’, последнее от **mesti / motati* [ЭССЯ 20: 68–69]. Очевидна равная вероятность обеих версий в отношении мотивации и достаточная вероятность их в отношении структурной реконструкции, с небольшим перевесом в пользу первой версии вследствие сомнительности реконструкции ***motroхъ* при надежности формы с вариантным суффиксом **motroхъ*, что отмечено в [ЭССЯ 20: 68–69 и 67].

К числу аргументов в пользу структурного толкования глагола *мопрошить(ся) / мопросить(ся)* по первой версии — **mo-trošiti* — можно, кажется, присоединить зафиксированный в говорах Среднего Урала глагол *попросить* ‘моросить (о дожде)’ [Сл. русск. гов. Средн. Урала IV: 112]: префиксальное *по-* здесь является подтверждением префиксальной структуры также и глагола *мопрошить / мопросить*. Следует, однако, считаться с возможностью вторичного замещения (по принципу народной этимологии) этимологически неясного *мо-* актуальным префиксом *по-*, с ориентацией на *попрох*.

Прикам. волóвый (к праслав. **vьlovъjь*)

Сопоставление ст.-слав. **вълы** ‘медленно’, **вълловьнъ** ‘медленный, спокойный, сдержанный’ с чеш. *povlovny* ‘отлогий; неспешный, постепенный; мягкий, уступчивый’, предложенное Миклошичем [Miklosich: 296], и предположение Срезневского о происхождении **вълы** — «от вълати?» [Срезневский 1: 385] на фоне семантической параллели русск. *плавный* (спуск, ход, течение и т. д.) и русск. диал. карел. *отвальный* ‘покатый, пологий’, восходящего к гнезду **vьlati / *valiti*, позволили реконструировать для праславянского состояния гнезда **vьlati / *valiti* производную именную *и*-основу, отраженную в ст.-слав. **вълы** ‘медленно’, **вълловьнъ** ‘медленный, спокойный, сдержанный’ и чеш. *povlovny* ‘отлогий; неспешный, постепенный; мягкий, уступчивый’ [Варбот 1985б: 273–275].

Предполагаемая именная *и*-основа гнезда **vьlati / *valiti* обнаруживается теперь также в русском языке — это диал. *волóвый* ‘спокойный, невозмутимый’: Она у меня была *волóвая*, не то что младшая

[Сл. Южн. Прикамья I: 133]. Первое *o* вряд ли является следом редуцированного *ъ*, более вероятно появление вторичного вставного звука на месте утраченного редуцированного. Существенно, что структура *воловый* представляет стадию **v̆lovьjь*, предшествующую расширению основы суффиксом *-ьн-* в чеш. *povlovny*.

Арханг. *кой* (к праслав. **кужь*)

Праслав. **кужь* однозначно признано производным от глагола **kovati*, при этом большинство исследователей считают праславянское слово генетически тождественным с лит. *kūjis* 'большой кузнечный молот', ст.-прусск. *cugis* 'молот', см. наиболее развернутую аргументацию у Топорова [Топоров. Прусск. яз. K–L: 239–240]. В перечень продолжений праслав. **кужь* в славянских языках регулярно включаются др.-русск., русск.-цслав. *кѹи*, *куи* и русск. диал. *куй*, см.: «*куй* 'палка' (смоля., калуж., зап.-брян., орл., ворон., твер. и др.), 'приспособление в виде большого деревянного молота...' (сиб., урал., перм., тюмен. и др.), 'пест, которым набивают мешки с мукой' (иркут.)» [ЭССЯ 13: 258]; см. также: [Bogus: 230].

Общепризнанной заслугой Фасмера как этимолога является внимание, проявленное в его этимологическом словаре к диалектизмам. Для рассматриваемого слова неопцененной до сих пор представляется отсылка в статье о слове *куй* на диал. *коёк* и сама статья об этом диалектном слове: «*коёк* 'особая палка охотника с крючком и лопатой' (сиб.), 'лыжная палка' (перм.). По моему мнению, из **кужь*» [Фасмер II: 276]. Это толкование вполне соответствует известному изменению в истории русского языка древнерусского этимологического *ы* в положении перед *j* (так называемого редуцированного *ы*) в *o*. Описав историческое замещение написания др.-русск. *стрыи* 'дядя' после XV в. написаниями *стрии* и *строи* и другие подобные случаи, А. И. Соболевский отметил: «Слово **кѹи*, соврем. великор. *куй* с производными... может быть, никогда не имели рядом *кѹи* и т. п.» [Соболевский. Лекции: 231–233], не предложив объяснения для этой аномалии. Приведенное Фасмером русск. диал. *коёк* свидетельствует о том, что и др.-русск. *кѹи* пережило фонетическое преобразование *ы > o*. Другим подтверждением этого является диал. арханг. *кой* деревянный молот

с короткой ручкой: «Колья бьют на тонях *коем*, *кой* здоровой... Забивают кувалдой такой, *кой* называется» [Сл. Русск. Севера V: 218]. Это слово отражает производящую основу рассмотренного Фасмером диал. *коёк*.

Очевидно, несмотря на региональную ограниченность фиксаций *коёк* и *кой*, они должны учитываться в этимологических исследованиях как фонетически исторически закономерные продолжения праслав. **kuǰь* в русском языке. Разумеется, историкам языка предстоит выяснить причины возобладания в русском языке церковнославянской формы слова при конкретной, чисто хозяйственной (орудийной) семантике.

Селигер. *забля́кнуть* (к праслав. **blǫkati*)

В русских говорах района озера Селигер зафиксирован глагол *забля́кнуть* в контексте «В поезде хотели *забля́кнуть* их рябят» и его значение определено как ‘завлечь с целью вступления в половые отношения’ [Селигер 2: 96]. Глагольный корень *-бляк-*, кажется, неизвестен ни русскому, ни другим славянским языкам. Наиболее вероятным источником его представляется этимологическое гнездо праслав. **blesti*, **blǫditi* ‘бродить’ и ‘развратничать’. В последнем значении для глагола весьма вероятна основа на *-nǫ-* с семантикой однократного действия — **blednǫti*. При закономерном для славянских языков упрощении группы *dn > n*, в глаголах подобной структуры нередко отмечается вторичное восстановление взрывного согласного, причем не этимологического, а задненебного: ср. *студить* — *стынуть* — просторечн. *застыгнуть*. Такова и природа *к* в рассматриваемом *забля́кнуть*.

Возможность реконструкции такого преобразования как источника появления глагола с корнем *-бляк-* **blek-* на базе этимологического гнезда **blesti*, **blǫditi* позволяет пересмотреть толкование происхождения праслав. **blǫkati* как «экспрессивного расширения с помощью элемента *-k-* основы гл. **blǫditi* или **blǫdati*» [ЭССЯ 2: 128, с предшествующей литературой]. Формы с *g* — русск. диал. *блугá* ‘корова, отбившаяся от стада’ и болг. диал. *блуг* ‘брод’, приведенные там же в доказательство инновационного (хотя и праславянского) характера задненебного *k*, свидетельствуют скорее

не об экспрессивном расширении, а о вторичном восстановлении согласного в *-nq*-основе **blqdnqti* > ***blqñqti* > **blqga*ъ (при образовании производных глаголов и имен), с вариативностью восстановленных задненебных по звонкости/глухости.

Сев., прикам. *вытворáживать*
(к праслав. **tvorogъ*/**tvarogъ*)

Относительно происхождения **tvorogъ*/**tvarogъ* в этимологической литературе преобладает мнение об исконнославянской производности от **tvoriti* [Фасмер IV: 31; Schuster-Šewc 20:1563; Borys: 656; ЭСБМ 13: 276; ЕСУМ 5: 531], всеми упомянутыми словарями отвергается версия о заимствовании и только В. Махек допускал ее, признавая неясность деталей [Machek²: 662]. Как аргументы для обоснования версии исконнославянского происхождения слова весьма существенны русские диалектные *вытворáживать* ‘вытворять’ [Сл. Южн. Прикамья I: 166], ‘шалить, проказничать, вытворять что-либо’ [Сл. Русск. Севера II: 272] и сев.-двин. *творог* ‘тесто в квашне’ [Кузнецова 1976, 102]: глагол выявляет суффиксальную структуру отглагольного имени, а оба диалектизма свидетельствуют о мотивации названия творога по глаголу со значением ‘создавать, производить’ и соответственно о первичной семантике слова как сделанного, приведенного продукта. Очевидна необязательность связи первичной семантики с квашением молока (эта связь необходима для версии заимствования из тюрк. языков: см. чагат. *turak* ‘сыр’ [Фасмер IV: 31]).

Прикам. *вѣстрелить*
(к праслав. **strĕla*)

Признание всеми исследователями структурного и семантического соответствия между слав. **strĕla* и группой ср.-н.-нем. *strāle* ‘стрела. луч. жало’, вост.-фриз. *strāl* ‘полоса’, норв. *strīl*, *strīla* ‘полоса, луч. жало’, лит. *strėlė* ‘стрела. отросток. побег’, лтш. *strēle* ‘стрела. полоса’ (при различных объяснениях природы этого соответствия у отдельных авторов), предпочтение версии общего источника — и.-е. **strĕlā* и явное преобладание обозначений однопавленных действий предметов и явлений (см. выше ‘стрела, луч,

жало, побег, полоса') позволили обосновать версию происхождения этого слова из гнезда и.-е. **ser-* 'стремиться, двигаться', с расширением основы *-ēl-* и развитием вставного *t* в корне аналогично слав., др.-в.-нем. *stroum* 'река', лтш. *strauts* 'дождь, поток' [Варбот 2012б: 45–49]. К гнезду **ser-* 'стремиться, двигаться' восходят также слав. **struja*, **ostrovъ*.

Следует вспомнить мнение А. И. Соболевского [Соболевский 1914: 432] (которое разделял и А. Г. Преображенский [Преображенский 2: 396–397]) о родстве со слав. **struja*, **ostrovъ* также слав. **strьmiti* [Фасмер III: 775], от которого образовано слав. **stromъ* 'дерево' [Фасмер III: 781]. При учете этой версии весьма примечательно русск. диал. *выстрелить* 'поднять дом, сооружение при ремонте' в контексте «Избу-то бы *выстрелить* надо, поднять ее на домкратах» [Сл. Южн. Прикамья I: 166]: семантика однонаправленного движения вверх хорошо согласуется с обозначением дерева и подтверждает гипотезу об общем происхождении всех упомянутых лексем от и.-е. **ser-* 'стремиться, двигаться'.

Прикам. *в́ичерхнутъ*
(к праслав. **čьrxati* и **čьrstvъ(jь)*)

При реконструкции лексического состава праславянского этимологического гнезда весьма существенно установление семантических связей между фонетически и структурно разошедшимися производными. Возможность выявления таких связей является подтверждением как этимологических толкований отдельных слов, так и этимологического единства гнезда.

Праслав. **čьrxati* возводится к гнезду глагола **čers-* 'чесать, драть, царапать, резать', являющемуся, в свою очередь, производным от **čerti* < и.-е. **(s)ker-* [Варбот 1973: 4–5; ЭССЯ 4: 147]. Продолжения **čьrxati* в славянских языках представляют семантику, непосредственно связанную с исходной: ст.-чеш. *čerchati* 'делать черты, штрихи', чеш. *čercha* 'черта', словин. *čorħac sq* 'тереться', в.-луж. *čerħac* 'шаркать ногами' [ЭССЯ 4: 147]. Праслав. *čьrstvъ(jь)* истолковано как производное от **čersti*, **čьrtq* 'бить, ударять' [ЭССЯ 4: 159–160], которое также восходит к **čerti* < **(s)ker-*. Преобладающая семантика продолжений **čьrstvъ(jь)* в славянских языках — 'твердый, жесткий, ссохшийся, черствый' [ЭССЯ

4: 159–160]. Как свидетельство генетической общности двух рассматриваемых праславянских образований может быть приведено русск. диал. *вѣчерхнутъ* ‘исхудать’ [Сл. Южн. Прикамья I: 169]: этот глагол сочетает производящую основу праслав. **čьrxati* и семантику праслав. **čьrstvь(jь)*. Опираясь на это единство, можно предположить, что **čьrstvь(jь)* является производным не от **čьrsti*, **čьrtq*, а от **čьrsti*/**čьrxati*.

VII*

Пск. *остегновáться*
(к праслав. **stьgna*)

Этот глагол зафиксирован со значением ‘обосноваться где-нибудь, поселиться’ [Псков. сл. 23: 435]. Достаточно надежной представляется его производность от др.-русск. *стьгна* ‘площадь, улица, переулок’: Изиди скоро на распутия и стьгны граду (Остр. ев. 1о7 об. 1057 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 41]). Появляется и написание *стьгна*: И бысть бежание по стьгнам (Флавий. Полон. Иерус. (Арх.), 177 [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 72]), которое с XVI в. закономерно преобразуется в *стогна*. Формы других славянских языков свидетельствуют о первичности **stьgna*: ср. ст.-слав. **СТЬГНА**, польск. *ściegna*. Поэтому слово связывают со **stьgа* ‘тропа’ и возводят к гнезду *стигать*, причем для объяснения русского вокализма принимается ассимиляция гласных [Фасмер III: 763]. Подтверждением этой этимологии является отмеченное в XVII в. русск. *стогна* ‘тропа’: Стогна — дорожка малая (Алф¹, 215 об. XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 28: 72]).

На фоне славянских соответствий и возоблававшей в русском литературном языке (как устаревшей и поэтической) формы *стогна* псков. диал. *остегновáться* примечательно сохранением исходной ступени вокализма корня и развитием значения в производном глаголе (ср. *село* — *поселиться*).

* Первая публикация: Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. VII // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М.: ИРЯ РАН, 2017. С. 333–337.

Перм. *прорышѣлится*
(к праслав. **rychlъjъ*)

Глагол представлен в словаре со значением ‘прогуляться’ [Сл. перм. гов. 2: 234]. Генетические связи его не столь прозрачны, как в предыдущем случае. Возможность выделения корня *-рыш-* с суффиксом *-ел-* дает основания для предположения о связи с русск. *рыхлый* < праслав. **rychlъjъ*. Кроме русского языка, продолжения этого прилагательного известны также украинскому языку (*рiхлий*) и белорусскому (*рыхлы*) с общим значением ‘неплотный, сыпучий, мягкий’ и группе западнославянских языков: чеш. *rychlý*, словац. *rychly*, в.-луж., н.-луж., польск. *rychły* — все со значением ‘быстрый, скорый’.

Указанное различие в семантике прилагательного **rychlъjъ* в восточнославянских и западнославянских языках стало для В. Махека основанием для генетического различения двух форм как омонимичных. Относительно восточнославянской Махек разделяет общую точку зрения — принадлежность к праславянскому этимологическому гнезду **ръх-* / **рух-* / **рух-* с исходной семантикой разрушения, разваливания, рыхления, а для западнославянской формы В. Махек предположил родство с лит. *rūkti* ‘быстро бежать’ [Maček²: 526–527], считая достаточно частой замену *k/ch*. Версия В. Махека не принята последующими исследователями. Помимо вероятности семантического развития **rychlъjъ* как производного гнезда **ръх-* / **рух-* / **рух-* ‘разрушенный’ > ‘разваливающийся’ > ‘быстродвигающийся’ [Králik: 517], вполне убедительно наличие семантики быстроты также в производном того же гнезда, но с другой ступенью огласовки корня — укр. *рухливий* ‘подвижный, проворный’ [Гринченко IV: 89].

С точки зрения лингвогеографии полезно отметить фиксацию не только в западнославянских языках, но и в русском языке основы **rychl-* с семантикой быстроты: это диал. костр. наречие *рыхло* ‘быстро, скоро’ (*Отбирай рыхлей*) [СРНГ 35: 322]. Подобным же свидетельством представляется диал. перм. *прорышѣлится* ‘прогуляться’, с той же огласовкой корня, близкой структурой форманта и семантикой движения.

Псков. *óскорка*
(к праслав. **jьskra*)

Относительно происхождения праслав. **jьskra* существует несколько версий, но решительно преобладает реконструкция корня **jьsk-/ *jěsk-* с индоевропейскими связями, отражающими семантику ‘гореть, пылать, жар, светлый, ясный’ [Фасмер II: 140; ЭССЯ 8: 239–240; ЭСБМ 3: 400; ЕСУМ 2: 318–319; Boryś: 206; Snój 1997: 188; Králik: 237]. Особняком стоит не получившая распространения версия В. Махека: родство с лит. *iš-skrīeti* ‘вылетать’, предполагающая обозначение частиц, вылетающих из огня [Machek²: 227]. Однако именно с этой версией связано мотивационно толкование, предложенное А. Ф. Журавлевым, не получившее поддержки в этимологических исследованиях, но представляющееся весьма обоснованным: первичное значение слова реконструируется как ‘осколок, отлетевшая частица’, при последующем осложнении добавочным семантическим элементом ‘раскаленный, вылетевший из огня’, с производностью от корня **(s)ker-* ‘резать, отделять’ и префиксом **jьz-* [Журавлев 1989: 80–81].

Существенным аргументом в пользу версии происхождения праслав. **jьskra* из гнезда **(s)ker-* ‘резать, отделять’ является русск. диал. псков. *óскорка* ‘искра, обожженная лучина, лучина для растопки’ [Псков. сл. 23: 379]: представленные значения слова непосредственно указывают на развитие семантики от ‘обрубок’/‘осколок’ к ‘искра’, огласовка корня — на реальность производности от корня **sker-*.

VIII*

Псков. *омлѣн* ‘род сдобного пирога’
(к праслав. **mlinь* и **melti*)

Праслав. **mlinь* реконструируется на базе названий различных изделий из муки, представленных в славянских языках всех трех

* Первая публикация: Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. VIII // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 18. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 73–79.

групп: см. болг. *млин* 'вид печеного изделия из теста', н.-луж. *mlin* 'блин', укр. *млин* 'блин', блр. диал. *млин* то же; в русск. диал. *млин* не зафиксировано, в *блин* предполагают диссимиляцию ([ЭССЯ 19: 67–68] — не смешивать с праслав. **mlinь* 'мельница', заимствованным из латинского, см. [ЭССЯ 19: 66–67]). Форма праслав. **mlinь* толкуется как производное с суф. *-inь* от корня глагола **melti* в нулевой ступени огласовки *ml-* ([ЭССЯ 19: 67] — см. там же литературу). Но Ф. Солмсен предполагал в **mlinь* форму причастия ([Solmsen 1904: 589–590] — цит. по: [Фасмер I: 175]).

На фоне отсутствия фиксаций русск. *млин* несомненный интерес представляет русск. диал. пск. *омлѐн* 'род сдобного пирога' [Псков. сл. 23: 207]. Это гапакс: другие фиксации слова мне не известны. Но пока не доказана ошибочность фиксации (не *омлет* ли это?), правомерна попытка ее этимологизации.

Очевидно присутствие в этой форме той же нулевой огласовки корня, что и в **mlinь*. Формант *-en* может быть причастным суффиксом, который подозревал в **mlinь* Ф. Солмсен. Начальное *o-* при корне *-ml-* может быть только результатом упрощения префикса *ob-* — утраты *б* перед *м* корня: ср. русск. диал. *омѐлок* 'оббившийся, плохой веник. метла; голик' (дон., краснодар.) [СРНГ 23: 199], *омѐлье* 'жесткие волокна, остающиеся при обработке льна, костра' (волог., арханг., костр., яросл. и др.) [СРНГ 23: 19]. Участие в структуре псков. *омлен* нулевой ступени огласовки позволяет допустить древность образования и предположить в нем праславянский диалектизм **obmlenь*. Представляется, что нельзя исключить вероятность первичности причастного суф. *-en-* также в праслав. **mlinь* с более поздней заменой этого суффикса суффиксом единичности *-inь*.

Предложенное выше толкование образования псков. *омлен* как производного с префиксом *ob-* побуждает обратиться к вопросу о происхождении *б-* в русск. *блин* при условии его генетической близости к **mlinь*. Не является ли это *б-* результатом нерегулярного преобразования сочетания *бм-* на границе префикса *ob-* и корня *мл-*, а именно — *бм* > *б*? Разумеется, материал славянских языков свидетельствует только об одном направлении преобразования **-bm* > *m*: ср. праслав. **obmelti* > словен. *omleti*, чеш. *omliti*, польск. *omleć* (при вторичном восстановлении *б* в русск. *обмолоть*). Но ведь известна вариантность преобразования весьма артикуляционно близкой группы *bv*: ср. праслав. **obvĕsiti* > серб.-хорв.

oŭjesiti и *oĭjesiti*, чеш. *ověsiti* и *oběsiti*, др.-русск. *обѣсуми*, русск. диал. *обѣсуми* и *овесуми* и др. [ЭССЯ 31: 22–25]. Представляется возможным предположение о подобной вариантности изменения также группы **bm*, так что русск. *блин* может быть генетически близко к псков. *омлен*, а именно **obmlinъ* или **obmlenъ* с упрощением *bm > b* и утратой начального префиксального *o-* вследствие морфологического переразложения.

Псков. *оскарѣбиться* ‘засохнуть’
(к праслав. **koreĭbati* и далее к **(s)ker-*)

Праслав. **koreĭbati* реконструировано на базе русских диалектных слов *карѣбать*, *корѣбать* со значениями ‘царапать’ (ряз., тул., калуж., донск., тамб., сарат., и др.), ‘сильно чесать’ (олон., куйб.), ‘делать надрезы на деревьях’ (ряз.), ‘ломать, крушить, портить’ (енис., иркут., свердл., краснояр.), с учетом родственного *корябить* ‘царапать, чертить, некрасиво, плохо писать’ (ряз.). при этом предполагается сложение местоименного префикса *ko-* и глагольгоименного корня **reĭb-* [ЭССЯ 11: 68], очевидно, родственного **rōb-* ‘рубить’. В псковских говорах зафиксированы структурно близкие к приведенным, но семантически отличные лексемы: *оскарѣбиться* ‘засохнуть, заскорузнуть’, *оскарѣблый* ‘засохший, заскорузлый’ [Псков. сл. 23: 377]. Очевидная структурная близость (в сущности, тождество, если исключить префиксальные *o-* и *c-* и постфикс *-ся*) при семантических различиях побуждают рассмотреть вопрос о генетическом тождестве всех приведенных глаголов, об их происхождении и об альтернативе омонимии/полисемии.

Прежде всего, семантика засыхания у псковского глагола исключает участие в образовании всех рассматриваемых глаголов корня **reĭb-/rōb-* ‘рубить’, так что следует исходить из корня **kor-* с суф. *-ĭb-* (ср. структуру **dereĭbati*). Корень **kor-* (из гнезда праслав. **(s)ker-* ‘резать, отделять, драть’) как обозначение коры может быть производящей основой для слов как с семантикой повреждения, порчи какой-либо поверхности (особенно коры на деревьях, см. выше ряз. *корябать* ‘делать надрезы на деревьях’ (ряз.), так и с семантикой затвердения, старения: ср. русск. диал. арханг. *окореватый* ‘некрасивый, морщинистый, старый’ [СРНГ 23: 122]. Развитие одной семантической характеристики из другой — ‘повреждать, делать надрезы’ → ‘высушивать’, очевидно, возможно в реальных

условиях подсечного земледелия или современной подготовки срубленного леса к строительству, см. арханг. *окорить*, *окаривать* ‘очищать (дерево) от коры’: «Рубят сосну или листвен... Потом дерево окорят. А на дом-то дерево надо окаривать, когда дом строят-то» [СРНГ 23: 112]. Для псков. *оскарябиться* при этом (и при участии в структуре *-ся*) можно предполагать развитие значения *‘быть очищенным от коры’ → ‘засохнуть’.

Впрочем, нельзя совершенно исключить и вероятность гомогенной омонимии.

Юж.-прикам. *корть* ‘моль’
(к праслав. **kъrtěti*)

Русскому языку с XVI в. известно название насекомого корь: ст.-русск. *корь* ‘вредитель (тканей, меха, кож, хлеба) типа моли’ (Крым. д. I, 310. 1500 — [СлРЯ I–XVII вв. 7, 355]), диал. *корь* ‘моль’ (арханг., волог., перм., яросл. и др.) [СРНГ 15: 38], ‘моль, личинка моли’ [Сл. русск. гов. Средн. Урала II: 52; Иркут. сл. I: 223 и др.], ‘моль, тля’ (волог.) [Даль² II: 171]. О. Н. Трубочев генетически отождествил название насекомого с праслав. **korь* ‘вид болезни’, но одновременно отметил возможность более глубокого, индоевропейского родства названия насекомого с греч. *κόρις* ‘клоп’, при общем происхождении и названия болезни, и названия насекомого от и.-е. *(s)*ker-* ‘резать, отделять’ [ЭССЯ 11: 126–127].

В говорах Южного Прикамья зафиксирована, наряду с *корь* ‘моль’, также другая синонимичная форма — *корть* [Сл. Южн. Прикамья I: 416, 417]. Это слово гапакс. Известна тенденция просторечия и диалектов наращивать морфему *-ть* на односложные инфинитивы: *нестить*, *грестить*. Но для имени существительного *корь* предполагать подобное расширение нет оснований. Поэтому представляется допустимым опыт этимологизации *корть* как оригинального образования. При этом становится очевидной возможность древности структуры слова, поскольку для отглагольных имен с суф. *-t-* характерен вокализм корня в ступени редукции (ср. **smьrbь*, **dьrbь*, **ĉьrta*, **vьrsta*), именно так можно объяснить корневое *o* в *корть*, то есть **kъrbь*. Однако реконструированное имя оказывается структурно и семантически близко к праслав. глаголам **kъrtati* / **kъrtěti* / **kъrtiti*, продолжениями которых в слав языках являются, например, болг. *къртя* ‘ломать’, макед. *крти* ‘ломать, раз-

рушать', серб.-хорв. стар. *krīti* 'мучить, ломать, крушить, крошить', чеш. диал. *kartit* 'портить, губить' [ЭССЯ 13: 241]. Из восточнославянских языков в ЭССЯ представлены только глаголы с семантикой хвори, страдания и сильного желания, вторичной, переносной по отношению к исходной семантике глаголов 'губить, ломать' [ЭССЯ 13: 242]. Праславянские глаголы возводятся к и.-е. **(s)krtō-*, страдательному причастию прошедшего времени от **(s)ker-* 'резать, отделять, драть' [ЭССЯ 13: 242]. На фоне этих глаголов реконструированное имя **krtь* достаточно убедительно толкуется как возможное продолжение древнего индоевропейского имени, лежащего в основе приведенных глаголов (учитывая суффиксальные структуры глаголов); менее вероятно бессуффиксное образование имени на восточнославянской почве от одной из приведенных глагольных основ.

Еще к составу гнезда глагола **krtěti* — см. часть IX этой серии (наст. изд., с. 196).

Псков. *остеря́ть* 'обгрызть'
(к праслав. **terti*)

Корень и семантика русск. диал. псков. *остеря́ть* 'обгрызть' [Псков. сл 23: 437] однозначно определяют это слово как производное гнезда праслав. **terti*: ср. русск. литер. *обтереть* 'удалить трением что-л. с поверхности' (это значение известно всем продолжениям **obterti* в славянских языках) и блр. диал. *апіёрці* 'отделить семена от стеблей, перетирая их руками' [ЭССЯ 30: 169–170]. Но значение псковского диалектизма в сочетании со структурой основы глагола представляют интерес в плане вероятного генетического тождества с русск. *терять* 'лишаться чего-л., утрачивать'. Таким образом, диалектизм является дополнительным аргументом в пользу этимологизации русск. *терять* как производного гнезда праслав. **terti* [Фасмер IV: 50].

Арханг. *волóк* 'облако'
(к праслав. **velkti* и **obvolko*/**obvolkь*/**obvolka*)

Праславянское название облака реконструируется как **obvolko*/**obvolkь*/**obvolka* и почти единодушно (единственное отклоняющееся мнение — В. Махека) толкуется этимологами как производное

гнезда **velkti* ‘тащить, (в-, на-, с-)таскивать’, при мотивации ‘восприятие и обозначение облачного неба как покрытого, закрытого’ [ЭССЯ 31: 87]. Продолжения всех трех праславянских парадигматических вариантов во всех славянских языках имеют в начале слов результаты фонетического изменения и морфологического переразложения: *ob-* с утратой корневого *v-* (болг. *облак*, серб.-хорв. *облак*, словен. *oblak*, польск. *oblok*, русск. диал. и укр. *оболок* и др.) или *o-*, также с утратой *v-* (блр. диал. *болакi*, *болыкi*) [ЭССЯ 31: 85–87]. Кажется, единственной формой, сохранившей при всех преобразованиях префиксальное *o-* и корневое *v-*, является польск. диал. *owłok* [Karłowicz 4: 489].

На описанном фоне рефлексов праслав. **obvolko*/**obvolkь*/**obvolka* несомненный интерес представляет зафиксированная в русских архангельских говорах форма *во́лок*/*воло́к* ‘облако’ [Арханг. сл. 5: 45] с отсутствием следов префиксации и сохранением начального *в-* корня. Таким образом непосредственно подтверждается правомерность принятой праславянской реконструкции и этимологии. Но эта форма имеет еще одну особенность, см. приведенные в Архангельском областном словаре контексты: «После плохой погоды *волки́* пойдут волнами... Нуко, напрафсье на *во́лок*, на дожжык». Очевидно, слово *во́лок* ‘облако’ подпало под падежную парадигму имен с суф. *-ок* (< *-ькь*) с нулевой огласовкой суффикса в косвенных падежах. Аналогичное явление представлено в арханг. наречном *волкóм* ‘таща, волоком’ [Арханг. сл. 5: 37], производном от *во́лок* ‘дорога’, гомогенного омонима к *во́лок* ‘облако’.

IX*

Реконструкция и этимологизация праславянского лексического фонда невозможны без обращения к диалектной лексике славянских языков. Нередко здесь обнаруживаются гапаксы, представ-

* Первая публикация: Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. IX // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб: ИЛИ РАН, 2022. С. 67–71.

ляющие собою реликты лексем, восходящих к раннепраславянскому или праиндоевропейскому состоянию, пополняющих состав известных этимологических гнезд. Диалектизмы расширяют лексическую базу праславянских реконструкций. Структурные и семантические характеристики более поздних производных позволяют усилить аргументацию для определенных этимологических решений. Ниже рассматривается восемь подобных случаев.

Диал. смол. *-столѣть*
(к праслав. **stьlati* и **stolъ*)

В русских смоленских говорах зафиксирован глагол *столѣть* ‘сделать потолок в избе’ [СРНГ 41: 216], там же и в псковских говорах — производный префиксальный *настолѣть*: *настолѣть потолокъ* ‘сделать, настелить потолок’ [СРНГ 20: 195]. Толкование ‘настелить потолок’ непосредственно указывает на связь с глаголом *стлать* (праслав. **stьlati*, **stelʹo*). Очевидно, *столѣть* — итератив, производный от **stьlati*, **stelʹo* с суфф. *-i(ti)* и регулярным для итеративов корневым чередованием *e/o*, что означает словообразовательные отношения **nastьlati* → **nastoliti*.

По одной из преобладающих в этимологии версий, от **stьlati* образовано существительного **stolъ* [Фасмер III: 764–765]. Очевидно, эта версия соответствует известной модели отглагольных имен, ср. еще чеш. диал. *stolina* ‘соломенная стелька в обуви’ [Machek²: 578]. Первичная мотивация по накрыванию отразилась в русск. *накрыть стол* ‘устроить угощение’. По другой версии, **stolъ* от **stati* [Machek²: 578]. В связи с этим следует отметить, что в тех же смоленских говорах, где зафиксированы глаголы *столѣть* и *настолѣть*, употребляется глагол *устолѣться* ‘с течением времени стать устойчивым, постоянным, определенным; устояться’ [СРНГ 48: 110]. Этот глагол, судя по месту ударения, отыменный, производный от *стол*, так что семантика устойчивости принадлежит собственно существительному, что может толковаться как след производности имени *стол* от **stati*. Представляется, однако, что это следствие вторичной, народноэтимологической ассоциации, вызванной фонетической близостью глагола и имени.

Диал. *házить*
(к праслав. **ъziti*/**ъziti*/**noziti*)

Наряду с регулярным по корневому вокализму в ступени **o* итеративом *-нозить* из праслав. гнезда **ъziti*/**ъziti* в русских говорах зафиксирован итератив с нерегулярной огласовкой **ō*: калуж. *háзить* ‘сквозить, пронизывать (о ветре)’ [СРНГ 19: 283]. Эта вариантная пара *нозить/назить* дополняет группу славянских итеративов и каузативов с тождественной двойственностью вокализма: см. **voditi*/**vaditi*, **goniti*/**ganiti*. Генетический отрыв *ganiti* от гнезда **gъnati*/**goniti* в пользу установления родства со вторичным **ganati* ‘говорить, гадать’ (при вероятности $n < *dn$) [ЭССЯ 6: 100] убедителен.

Диал. *тетэ́ря* и *утетэ́рить*
(к праслав. **terti*)

Диал. *тетэ́ря* костром. ‘тюря, хлебная крошка’, вят., волог. ‘ячменная лепешка’ [Даль² IV: 403] истолковано Н. В. Горяевым как производное от *тереть* [Горяев: 367], что Фасмер счел неудовлетворительным [Фасмер IV: 53]. Кажется, этимологическая версия Горяева поддерживается вологодским глаголом *утетэ́рить* ‘сильно избить кого-л.’ [СРНГ 48: 153]. Глагол может быть как производным от имени, так и представлять собою префиксальное производное от **тетерить* — производящего глагола для *тетэ́ря*. В обоих случаях глагол подтверждает семантическую составляющую имени — ‘физическое воздействие на материал с повреждением его’, которая допускает и ‘измельчение путем трения’, а это входит в семантику слав. **terti* > русск. *тереть*: см. производные праслав. **obtora* ‘мякина, отходы молотьбы’, русск. диал. *затёрка* (во многих говорах) ‘кушанье из кусочков теста, сваренных в кипятке или молоке’, (пск.) ‘приправа к пище (мелкие кусочки сала, ветчины и т. д.’ [СРНГ 11: 93].

Структура основы *тетер-* — неполная редупликация — позволяет предполагать праславянский хронологический уровень.

Диал. *клакі*
(к праслав. **кълакъ*)

Реконструкция праслав. **кълакъ* в [ЭССЯ 13: 178] основана на словен. *kelak* 'клык (свиной)' и укр. *клак*, *колак* то же. Эта группа может быть пополнена русск. диал. арханг. *клакі* 'десны' [Сл. Русск. Севера V: 165]. Только словарное толкование значения русского диалектизма сомнительно: слово приведено в составе текста «*лаки и клаки поверх зубов*», при этом *лак* м. р. в тех же говорах определенно означает десну: «*в лаку-то зуб сидит*» [СРНГ 16: 249]. Для *клакі* то же значение сомнительно; судя по «...поверх зубов», это могут быть и 'челюсти', как следствие метонимического переноса с клыков (см. выше словенское и украинское).

Селигер. *карміть*
(к праслав. **къртити*)

Праслав. глагольное гнездо **къртати* / **къртѣти* / **къртити* реконструировано на базе славянских глаголов с соответствующими структурами и преобладающей семантикой из сферы болевых состояний и сильных эмоций, в некоторых случаях сопровождающей семантику разрушения, например: болг. *къртя* 'ломать, сильно хотеть', серб.-хорв. стар. *къртити* 'мучить, ломать', диал. *кърѣм* 'затаить ненависть', чеш. *kartit* 'портить, губить; бранить'; именно это сочетание является основой для отнесения праславянских глаголов к числу производных от и.-е. *(s)*kert-* 'резать' [ЭССЯ 13: 241–242; БЕР III: 220–221]. Развитие семантики от 'резать, ломать' к 'мучить' сопоставляется с семантическими сферами слав. **gryzti* [БЕР III: 221].

Отнесенные к рассматриваемому глагольному гнезду восточнославянские глаголы представлены в упомянутых выше этимологических словарях только с семантикой болезни, сильного желания или эмоций: русск. диал. *куртáть* 'хворать, недомогать', *кортѣть*, *кортíть* 'испытывать непреодолимое желание', укр. *корміти* 'не терпеться', блр. *карціць* 'сильно хочется' [ЭССЯ 13: 241–242]. Как свидетельство реальности и для этой языковой группы сохранения первичной семантики физического воздействия можно рассматривать русск. диал. селигер. *карміть* 'чесать, вычесывать (шерсть)'

[Селигер 3: 18]: следует учесть синкретизм семантики резания, реконструируемой для исходного **(s)ker-* (ср. производные от праслав. **česati* гомогенные омонимы **kosa* ‘орудие для срезания стеблей растений’ и **kosa* ‘убор волос’).

Русск. диал. морд. *ускормолить*
(к праслав. **kьrmь*)

Структура и значение русск. диал. морд. *ускормолить* ‘отделить, выделить для кого-л. часть чего-л., делясь с кем-л; уделить’ (СРНГ 48: 58) позволяют предполагать в этом глаголе производящий корень *корм-* и, соответственно, производность от праслав. **kьrmь*. Семантическая составляющая глагола — ‘(от-/вы-)деление’ свидетельствует о первичности для **kьrmь* семантики ‘часть (чего-л.), отделенное’ и подтверждает генетическую связь праслав. **kьrmь* с праслав. **(s)ker-* ‘драть, резать’ [ЭССЯ 13: 222].

Одесск. *указать*, урал. *приказниться*
(к праслав. **kazati*, **kazнь* и **kaziti*)

Продолжения праслав. **kazati* обнаруживают развитие семантики ‘показывать, делать знак’ → ‘говорить’, при вероятности семантики ‘метить знаком’ с дальнейшим развитием в ‘портить’, что позволяет считать родственным с **kazati* также глагол **kaziti* [ЭССЯ 9: 169]. В пользу последнего предположения свидетельствует диал. одесск. *указать* ‘убить кого-л.’ [СРНГ 47: 51], ср. как промежуточный семантический этап олон. *указать* ‘представить, показать кого-л. каким-л. образом (обычно отрицательно)’ (СРНГ 47: 52). Производное от **kazati* имя **kazнь* при семантике, соответствующей исходному ‘показывать’, — ‘указание, проповедь, повеление’ — широко представлено славянскими продолжениями со значением ‘кара, наказание’, что также поддерживает версию родства с **kaziti*. Тем больший интерес представляет производный от *kazнь* глагол диал. урал. безл. *приказниться* ‘показаться’ [Сл. русск. гов. Средн. Урала. Доп.: 458], обнаруживающий непосредственную связь семантики производящего имени **kazнь* с **kazati* (*se*). Таким образом, приведенные диалектизмы укрепляют позиции версии родства праслав. **kazati*, **kazнь* и **kaziti*.

Север. *укрѣтнѣй*, ворон. *укрѣчивать*
(к праслав. **krętati*, **kręťjъ*)

Производность праслав. **kręť(jъ)* от **krętati* признается наиболее вероятным толкованием происхождения прилагательного [ЭССЯ 13: 143–145]. Как дополнительные подтверждения этого толкования представляют интерес русские диалектные производные от **krętati*, семантически близкие к **kręť(jъ)*: север. *укрѣтнѣй* ‘крепкий, твердый (о вере); твердый в убеждениях, степенный’, ворон. *укрѣчивать* ‘крепко, прочно увязывать, укреплять что-л.’, олон. *укрѣтом* ‘постоянно, непрерывно’ [СРНГ 47: 102].

Диалектные дополнения к некоторым праславянским этимологиям*

Представленные в настоящих заметках диалектизмы являются дополнениями к ранее предложенным авторским этимологическим решениям: они пополняют лексическую базу реконструкций или представляют новые родственные образования или семантические параллели, служащие аргументами в пользу авторских решений.

Арханг. *заўк* — к праслав. **zaǫkъ*

Русск. арханг. *заўк* 'территория вокруг дома или между домами; хозяйственное помещение между русской печкой и стеной или между стенами, делящими дом на две части' [Арханг. сл. 21: 16–17] присоединяется к волог. *заўк* 'участок травы между деревьями; луг, вдающийся в лес', которое было истолковано как рефлекс праслав. **zaǫkъ*, производного от праслав. гнезда **ǫk-/ǫk-* 'сгибать' [Варбот 1974: 53–54; Варбот 2012: 493–494]. Фиксация слова *заўк* в двух (хотя и близких) диалектах с вариантной семантикой снимает с материала статус гапакса и придает бóльшую надежность реконструкции праслав. **zaǫkъ*.

* Статья публикуется впервые.

Беломор. *вонола́* — к праслав. **bolna* < **obvolna*

Русск. беломор. *вонола́* ‘заболонь’ [Мызников 2021: 81] представляется результатом метатезы в исходном **волона* и в такой форме может быть подтверждением авторской этимологии для праслав. **bolna* < **obvolna*, производного от **vьlati* / **valiti* ([Варбот 2013: 12–13]; см. также наст. изд., с. 85–86). Основанием для этого толкования послужили семантические и структурные характеристики славянских слов. Помимо обозначения заболони, соответствующая славянская лексика представляет и другую семантику — ‘открытое низменное травянистое пространство, пойма’, общим семантическим составляющим двух значений является влажность, сырость. В отношении структуры существенно наличие в говорах русского и других славянских языков префиксальных образований с начальным *o-*, однокоренных и семантически близких к **bolna*: русск. диал. *оболонь* горьк. ‘гнилое место на бревне’, нижегор. ‘низменный, пойменный луг’, калуж. ‘топкое, низменное место’ [СРНГ 22: 168], *оболонка* пск. ‘внутренний слой коры дерева, заболонь’ [СРНГ 22: 167], укр. *оболона* ‘кожа, оболочка’ [Гринченко III: 21], диал. *оболона* ‘луб, выемка в дереве’ [Лисенко: 140], ‘низина у реки’ [Черепанова 1983: 177], блр. *абалона* ‘пойма, заболонь’ [Белорус.-русс. сл.: 20], диал. ‘затока реки; место на сенокосном лугу, которое заливадается водой’ [Яшкін: 36], чеш. *oblana* ‘заболонь дерева между древесиной и корой’ [Kott II: 221], польск. *oblona* ‘заболонь под корой дерева’, диал. ‘нераспаханный луг’ [Warsz. III: 483]. Эта структура предполагает префикс **ob-* и обычно толкуется как производное от **bolna* с упрощением **obbolna* [ЭССЯ 26: 113–114]. Но фонетически возможно и упрощение **bv*, а наличие в обоих значениях славянской лексики семантической составляющей сырости, влаги обосновывает толкование **bolna* как **obvolna* — производного от префиксальной формы глагола **vьlati* / **valiti* ‘поворачивать(ся), катить(ся), течь, окружать, покрывать’. Ср. в отношении семантики производность от **vьlati* → **vьlna*, в отношении структуры ***obvьlati* → **obvьlъje* и, вероятно, ***obvьlъje* → **obильje* [Варбот 1984б: 47–49]. Реконструкция **bolna* < **obvolna* и подтверждается русским диалектным беломор. *вонола* < **волона* (праслав. **volna*).

Русск. вят. *спорáть* — к праслав. **parъ*

Русск. вят. *спорáть* ‘вспахать землю’ [Вят. сл.: 190] представляется подтверждением авторского толкования образования праслав. **parъ* ‘вспаханная, но оставленная незасеянной на зиму земля для улучшения состояния почвы к следующему посеву’ как производного от **porti* ‘разрезать’ [Варбот 1979: 28; Варбот 2012: 406–408]. Ср. еще диал. морд. *унáруть* ‘вскопать землю’ [СРНГ 47: 238], которое, вероятно, образовано уже от *par*, но существенно наследование семантики вспашки (а не связь с сохранением для парения = гниения по общепринятой этимологии).

Русск. ворон. *вару́ля* — к русск. *ворона*, *проворонить*

Русск. ворон. *вару́ля* м. и ж. ‘ротозей, ротозейка, зевака’ [СРНГ 4: 61] как производное с корнем **vor-* пополняет аргументы в поддержку авторской версии образования русск. *ворóна* ‘ротозей’, *проворóнить* (при диал. *проворонítь*) ‘прозевать, просмотреть’ и чеш. диал. *vraniti* ‘заглядываться, зариться’ в результате метафоризации праслав. **vorna* ‘отверстие в форме раструба’ — производного от глагола **verti* / **vьrǫ* / **-voriti* ‘вязать, запирать’, с последующим акцентуационным сближением **vorna* с названием птицы **vorna* [Варбот 1987: 234–236; Варбот 2012: 550–551]. Учитывая чеш. *vraniti*, можно предполагать даже праслав. **vorniti*.

Болг. диал. *запършен* — к вост.-слав. **хороѣьъ*

Образование болг. диал. елен. *запършен* ‘красивый’ от *пърша се* ‘растопыривать, топорщить шерсть, перья’ [БЕР VI: 113] является семантической параллелью к авторской реконструкции образования вост.-слав. **хороѣьъ* ‘красивый’ (> ‘обладающий положительными качествами’) от основы *хорох-*, представленной русск. диалектными именами курск. *хорохоры*, калуж. *хорокорки* ‘различного рода тряпье’ [Опыт: 280, 250], волог. ‘растрепанная курица’ (Даль² IV: 561) и глаголом *хорохориться* диал. ‘хохлиться, надуваться (о курах)’ > ‘держаться заносчиво, задаваться, хвастаться’ [Варбот 1981б: 38; Варбот 2012: 329–333].

Часть IV

**Этимологизация
славянской лексики**

Снова о славянском **naprasъnъ(jь)**

Преобладающее толкование славянского прилагательного **naprasъnъ(jь)* как праславянского производного от глагола **praskati / *prasknŭti* ([ESJS 9: 528] — см. там же литературу) как будто допустимо в отношении реконструкции структурных изменений и развития значения. Тем не менее, представляются возможными некоторые сомнения относительно диахронической характеристики прилагательного и прямолинейности его генетической связи с глаголом.

Прежде всего, вряд ли бесспорна диахроническая характеристика **naprasъnъ(jь)* как праславянского слова: следует обратить внимание на надежную фиксацию прилагательного, помимо старославянского языка, только в языках территории *Slavia orthodoxa*: русском, украинском, белорусском, сербском, болгарском; что касается диалектных материалов польского языка, то, учитывая их семантику — только ‘напрасный, тщетный’, — достаточно реально их заимствование из украинского языка [ESJS 9: 528; ЕСУМ 4: 39]. Это побуждает предполагать распространение слова из старославянского языка. Несколькo выпадает из этой картины только наличие прилагательного в хорватском языке.

* Первая публикация: Снова о слав. **naprasъnъ(jь)* // Etymological research into Old Church Slavonic. Proceedings of the Etymological Symposiums Brno, 9–11 September 2014, Brno / Ed. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2015. S. 415–420.

Соответственно сказанному вопрос об этимологии праславянского слова переформулируется в вопрос о происхождении старославянского слова. Создание его собственно для нужд старославянских культовых текстов маловероятно при значении слова в старославянском — **напраснь** ἀθρόος *subitus*, ὀξύς *praecipuus*, ἀλότοιος *severus*, σφοδρός *vehemens*, δριμύς *vehemens* ([Miklosich: 409] — слово употребляется только в Супрасльской рукописи). В такой ситуации наиболее вероятно происхождение **naprasny(jь)* из южнославянского ареала. При этом болгарское прилагательное в современном языке Б. Цонев считал заимствованием из старославянского языка, см. [БЕР IV: 500]. Следовательно, в центре внимания должны быть материалы сербскохорватского языка, тем более, что прилагательное известно не только сербским, но и хорватским диалектам. Древнейшая фиксация здесь — в сербском глаголическом миссале [RJA VII, 30: 512].

Серб.-хорв. *náprasan* имеет значения 'горячий, вспыльчивый; внезапный, резкий' [Караџић: 416; RJA VII, 30: 512]. Скок признавал неясность его происхождения, но отметил важность для объяснения его производящей основы сербского диал. глагола *naprasumu* 'дурно поступить' [Skok II: 502]. Однако следует обратить внимание на значительное семантическое расхождение глагола и прилагательного и явную вторичность значения глагола (при условии родства этих слов).

Учитывая отмеченные выше обстоятельства, представляется целесообразным обратить внимание на существование в сербскохорватском языке семантически и структурно близких к *náprasan*, *náprasiť* форм: *nàprešan*, *nàprešiti*, *naprašati*, *nàprašiti* 'поспешный, быстрый' [Караџић: 416; RJA VII, 30: 512, 528–529]. Это прилагательное с вариантным вокализмом естественно связывается с *prěšan* 'быстрый, спешный' [RJA XI, 50: 739], которое производится от серб.-хорв. *prěša*. Слово *prěša*, *priša*, *prješa* 'спешка; необходимость, принуждение' составители RJA истолковали как заимствование итал. *prèscia* 'спешка' [RJA XI, 50: 738]. Таково и мнение Скока, причем в основе прилагательного он видел словосочетание *na prešu* > *nàprešan*, *nàprišan*, *nàprešiti*, *nàprišiti* и *naprašiti* 'быстрый, спешный, торопливый, страстный', причем от *prěša* образован глагол *prěšiti* [Skok III: 34 — *prèmiti*]. Но Скок допускал также, что «исходная для прилагательного основа *prěša* = *priša* =

prješa = **praša* может быть далмато-романским лексическим реликтом» [Skok III: 34]. Источник *prěša* ‘спешка, необходимость, принуждение’ в таком случае следует искать среди продолжений ром. **prěssia* ‘давка, спешка’, к которому возводятся, помимо итал. *prescia*, также энгад. *presche*, прованс. *prieisa*, фриул. *prese* [Meyer-Lübke⁴: 559].

Структурная и семантическая близость *nàprasan* и *nàprešan*, *nàprašan* (с их словообразовательными вариантами) позволяют предполагать их генетическую связь, однако весьма затруднительно определить их отношения точнее.

При учете серб.-хорв. *nàprešan*, *nàprašan*, *nàprešit*, *nàprašit* как базирующихся на итальянском или далмато-романском заимствовании, восходящем к **prěssia*, можно предполагать близкий языковой источник и для **nàprasънь(jь)*. (Кстати, вероятность заимствования допускается белорусскими этимологами, см. [ЭСБМ 7: 238].) Возможно, следует вспомнить об итал. литер. *pressare* ‘давить, (разгов.) торопить, нажимать’, итал. литер. *pressa* ‘давка, теснота, спешка’ (при устар. *prěscia* ‘спешка’). Не является ли серб.-хорв. *nàprasan* результатом освоения итал. *pressa*, *pressare* или их далмато-романского соответствия? Ср. еще фриул. *prese*?

Предположение о происхождении серб.-хорв. основы *-pras-* путем заимствования из итальянского языка встречает существенные трудности. Прежде всего, приходится признать заимствование двух синонимичных именных основ *prěš-* и *-pras-* из разных сфер функционирования итальянского языка: устаревшего и литературного. Эта трудность представляется преодолимой при допущении исконного распределения сербскохорватских форм по разным территориям и даже разновременности заимствования. Относительно *prěša*, *priša* ‘спешка; необходимость, принуждение’ в [RJA XI, 50: 738] отмечается употребление в Дубровнике, Черногории и других южных районах, относительно *nàprešit* употребление в юго-западных районах отмечено в [Караѿић: 416], однако и форма *nàprasan* известна южным чакавским говорам [Hraste-Šimunović I: 621]. Другая трудность заключается в нерегулярном отражении романского удвоения *ss > s* в славянском заимствовании, при известном результате *š* [Vošek 2010: 150]; впрочем, возможно предположение о заимствовании романского слова после упрощения удвоения, ср. фриул. *prese*. Наконец, еще одно затруднение —

необходимость объяснить качество и количество корневого гласного; впрочем, эта трудность касается обеих основ. Вариантность вокализма в основе с *š preš-/priš-/prješ-/praš-* [Skok III: 34] свидетельствует о первичности для этой основы вокализма *ě*, при вторичности *a*. Вторичное *a* в *praš-* может быть объяснено архаическим изменением *ě > a*, которое признается в сербскохорватском, например, для *orah* ‘орех’, *praština* ‘заросли кустарника’ (от *priječka = prička* ‘толстый прут’) [Skok III: 24]. Но в исходном итал. *prèscia* корневого гласный краток: см. о рефлексах **ě* и **ē* в итальянском и далматинском языках [Lausberg 1956: 102–103, 105–108], об отсутствии удлинения перед *tš* в итальянском см. [Сергиевский 1952: 175]. Очевидно, следует признать удлинение гласного на славянской почве. А. Лома (в письме после симпозиума, где был зачитан настоящий доклад) сообщил мне еще один случай удлинения корневого гласного и последующего изменения *ě > a* при заимствовании — серб.-хорв. *праск(в)а*, др.-серб. *прасква* < лат. *persica*, но одновременно указал на наличие промежуточной ступени в этом фонетическом изменении — *rě > r'a > ra*, причем ступень *r'a* представлена довольно поздно (др.-серб. *Оряхово*). Удлинение корневого гласного при заимствовании и изменение *ě > a* как будто приложимы и к основе *-pras-* (при ориентации на итал. *presse* или соответствующие далматинскую или фриульскую формы), но вариант с корневым *ě* для нее отсутствует.

Отмеченные трудности, встающие на пути предположения о независимом заимствовании серб.-хорв. основ *prěš-* и *-pras-*, а также тождество словообразовательных структур прилагательных с обеими основами побуждают обратиться к другой версии — возможности отношений преобразования одной основы в другую. При вариантности формы основы *prěš-* (*preš-/priš-/prješ-/praš-*) и отсутствии вариантности для *-pras-*, первичной должна быть признана основа *prěš-*, а базой для преобразования — ее вариант *praš-*. В варианте прилагательного *naprašān*, производном от этой основы, можно предположить замещение *š* звуком *s* под влиянием итал. литер. *pressa*, но катализатором этого преобразования мог быть глагол *prāskati* ‘греть, трещать, вспыхивать’ [RJA XI, 47: 372]: *naprašān > naprasan*. Влияние этого глагола может объяснить и более раннее изменение *r'a > ra* (*напраснь* — в Супрасльской рукописи!). В семантическом аспекте существенна возможность

выражения этим глаголом значения внезапности: ср. польск. *trafil na prask* 'явился неожиданно' (цит. по: [ESJS 9: 528]).

В уточнении нуждается словообразовательная структура анализируемых прилагательных, точнее — префикс *na-*. Предположение Скока о предложном сочетании *na prešu* как производящем для прилагательного *naprešan* [Skok III: 34 — *prèmiti*] представляется весьма спорным, более вероятно глагольное посредничество между итал. *prescia* и славянскими прилагательными — глагол *prěšiti/pjrěšiti/prišiti* 'спешить, торопиться', производный от *prěša* [RJA XI, 50: 740–741]. Хотя словари не зафиксировали префиксальную форму глагола, она вполне вероятна и должна быть производящей основой для прилагательных. Таким образом, предполагается следующая связь: итал. *prescia* (или его далматинское соответствие) > (заимствование) серб.-хорв. *prěša* > *prěši-ti/pjrěšiti/prišiti* > **naprěšiti* > *nàprešan, nàprešit, naprišan, naprišit* > *naprašān, nàprašit* > (под влиянием *pràskati*) *nàprasan, náprasit*.

Относительно возможности вхождения в старославянский лексикон хорватских слов балкано-романского происхождения ср. ст.-слав. **котыга** 'нижняя одежда' (Супр. рукопись) при хорв. диал. *kòtiga/kotŕga* 'род женской верхней одежды' < (по одной из версий) — ср.-лат. *cotuca* 'верхняя одежда клириков' [Ст.-слав. сл.: 292; Селищев 1951: 17; ESJS 6: 347].

Некоторые производные от праславянского **lubъ* в славянских языках*

Одним из традиционных и привлекательных направлений этимологических исследований является реконструкция словообразовательных связей слов различных славянских языков, восходящих к одной производящей праславянской основе, но существенно разобщенных семантически. При этом стимулом к сближениям слов и обоснованием реконструкции может быть именно производящая основа при учете изменений ее лексического значения в праславянском и в отдельных славянских языках.

Праслав. **lubъ* известно всем славянским языкам (не зафиксировано только в старославянском), см.: [ЭССЯ 16: 156–157], первичным значением этого слова было ‘кора, луб’, что подтверждается родственными связями в индоевропейских языках: лтш. *luba* ‘луб’, лит. *liobas* ‘еловая или липовая кора’, лат. *liber* ‘лыко’, др.-в.-нем. *louft* ‘кора, лыко’, алб. *labë* ‘кора, пробка’, см. [Pokorny I: 690; Фасмер II: 526–527; Sławski V: 269; ЭССЯ 16: 156–157]. Это значение сохранилось почти во всех славянских языках (в некоторых — только в диалектах): болг. *луб* ‘луб’, серб.-хорв. *lûb* ‘луб, древесная кора’, словен. *lûb* ‘кора, лыко’, чеш. диал. *lub* ‘лыко’, словац. диал. *lub* ‘луб, кора’, в.-луж. и н.-луж. *lub* ‘древесная кора’,

* Первая публикация: Некоторые производные от праслав. **lubъ* // Studia Borysiana etymologica — diachronica — slavica / Pod red. M. Jakubowicz, B. Raszewskiej-Żurek. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN, 2014. S. 43–47.

польск. *lub* 'древесная кора', русск., укр. и блр. *луб* 'луб, кора' [ЭССЯ 16: 156–157]. Однако более широко это слово представлено почти во всех славянских языках как обозначение различного рода изделий из луба (первично) или из дерева, например: болг. *луб* 'тонкий деревянный обод (решета, мельничного жернова)', макед. *луб* то же и 'оправа барабана', серб.-хорв. *lûb* 'обод люльки', чеш. диал. *lub* 'обод, обруч сита, решета; кадка без дна', словац. *lub* 'деревянный обод сита; боковая сторона корпуса смычковых инструментов', в.-луж. и н.-луж. *lub* 'обод сита, мельничного жернова', ст.-польск. и польск. *lub* 'деревянная оправа мельничного жернова; лубяной кузов', диал. 'обод сита, решета; боковая сторона воза', ст.-русс. *лубь* 'сделанный из луба кузов саней, короб из луба', укр. диал. *луб* 'деревянный короб вокруг мельничного жернова' и под. [ЭССЯ 16: 156–157; Sławski V: 267–269]. Поэтому Ф. Славский отнес к праславянской семантике **lubъ* не только значение 'кора, снятая с дерева, в частности, с липы', но также и 'изготовленные из древесной коры посуда, оправа, обода, покрытия' [Sławski V: 269].

Набор предметов, изготавливаемых из луба и усвоивших его название, свидетельствует о том, что наиболее существенным для носителей языка качеством этого материала является его гибкость. Это позволяет предположить, что качество гибкости вошло в понятие «луб» и стимулировало развитие семантики обозначающего данное понятие слова и его производных, обогатив их соответствующей составляющей или хотя бы коннотацией. Опираясь на это предположение, можно попытаться реконструировать словообразовательные связи с **lubъ* для некоторых слов в славянских языках.

Непосредственно связанным с предполагаемой для **lubъ* семантикой гибкости представляется серб.-хорв. *ulûbiti, ùlûbîm* 'искривить, согнуть', *ulûbiti se* 'искривиться'. Рассматривая этот глагол как генетически тождественный со словин. *lqb'ic* 'ломать', В. Борысь истолковал оба глагола как результат фонетических преобразований (вследствие экспрессивности) и семантических переносов в глаголе **lupiti* [Boryś 1996: 191–195], что достаточно вероятно при фиксации продолжений **lupiti* с соответствующей семантикой [Boryś: 1996: 191–195]. Однако обращение к **lubъ* как к возможной производящей основе серб.-хорв. *ulûbiti, ùlûbîm* 'искривить, согнуть' позволяет обойтись без допущения фонетических преобразований.

В отношении словин. *lqb'ic* 'ломать' толкование как производного от **lubъ* в структурном плане облегчается предположением В. Борыся о вторичной назализации и обозначении в источниках с помощью *l* реального [ʎ], а значение *lqb'ic* 'ломать' надежно выводится из семантики, реконструируемой для исходного и.-е. гнезда **leub(h)-* 'сдирать кору, отламывать, повреждать' [Pokorný I: 690], ср. особенно значение словин. *lqbrac* 'шелушить орехи, лускать', производного от *lqb'ic* [SEK III: 190–191; Boryś 1996: 194–195], а также русск. диал. новг. *полубить, полубить* 'свежевать тушу убитого животного, снимать шкуру с палого животного' [СРНГ 29: 137]). Таким образом, глаголы серб.-хорв. *ulubiti, ulubim* 'искривить, согнуть' и словин. *lqb'ic* 'ломать' могут быть структурно тождественной (**lubiti*) реализацией двух составляющих семантики этого гнезда: исходной 'сдирать кору, отламывать, повреждать' и вторичной 'гнуть, сгибать'. Ср. анализ семантического перехода 'резать, рубить, ломать' → 'плести, вить, крутить' на материале индоевропейских этимологических гнезд с соответствующей семантикой [Трубачев 1966: 245–250].

Еще одно направление семантического развития, базирующееся непосредственно на значении 'луб, кора', представлено русским диал. пск., твер. отыменным глаголом *полубить обвить полубью (берестой)* [СРНГ 29: 137; Havlová 2002: 63]. Все три глагола со структурой **lubiti* являются параллельными гомогенными омонимами, хотя можно думать о развитии семантики сгибания на базе обвивания (лубом).

Возвращаясь к семантике сгибания, предполагаемой для производных от **lubъ*, считаю возможным (хотя и с несколько меньшей уверенностью, нежели в отношении серб.-хорв. *ulubiti, ulubim* 'искривить, согнуть' и словин. *lqb'ic* 'ломать') отнести к случаям отражения этой семантики также чеш. *kolubiti se* 'сматываться, скручиваться, вертеться' [Kott VI: 647] при толковании его как производного от **lubъ* с архаичным префиксом *ko-*: действие сматывания, скручивания достаточно близки к сгибанию, гибкость материала является условием скручивания.

К чеш. *kolubiti se* 'сматываться, скручиваться' явно структурно близок зап.-чеш. глагол *skoloubit se, skoroubit se* 'выздороветь', для которого В. Махек предложил сопоставление со ст.-чеш. *vzkolupiti se* 'подняться' и предположил родство с лит. *kāpaluotis* 'выздороветь' [Machek²: 270]. Оба сопоставления вызывают

сомнения в отношении формы, особенно последнее. Для литовского глагола нет надежной этимологии, но во всяком случае предполагается корень **kop-* [Fraenkel I: 218–219], что сомнительно для чеш. *skoloubit se*, *skoroubit se*. Если, учитывая существование чеш. *kolubiti se*, предпочесть из вариантов *skoloubit se*, *skoroubit se* форму *skoloubit se* как более близкую к первичной (с последующим преобразованием под влиянием *roubiti*), то следует выяснить возможности семантической связи глаголов *kolubiti se* ‘смаываться, скручиваться’ и *skoloubit se* ‘выздороветь’. Такая связь усматривается в исходной семантике гибкости, которая объясняет как значение ‘смаывать, скручивать’, так и ‘обвязывать, связывать’ (см. выше обозначения ободов сита, решета, мельничного жернова), а последнее может быть мотивацией для обозначения крепости, силы, здоровья: ср. русск. диал. сев., новгор. *дѣгнуть* ‘становиться сильнее, здоровей’, сев., псков. *дѣглый* ‘сильный, здоровый, крепкий’ [СРНГ 8: 305] при укр. *одягти*, *одягати* ‘одевать’, праслав. **dęgь* / **dęga* ‘ремень, полоса кожи’, укр. диал. *д’аг* ‘полоса лыка’ [Никончук 1968: 82]. О реальности развития семантики здоровья в гнезде **lubъ* свидетельствуют этимологически прозрачные производные от **lubъ* с соответствующими значениями: русск. диал. урал. *лубянный* ‘здоровый, крепкий’ и перм., урал. *лубяна* ‘высокая здоровая женщина’ [СРНГ 17: 173–174], хотя для этих случаев возможна мотивация по иным качествам луба — не гибкости, а крепости [Navlová 2002: 64]. Вероятно, можно допустить двойственность мотивации семантики здоровья для производных от **lubъ*. С некоторым сомнением к группе производных гнезда **lubъ* с семантикой здоровья можно отнести также болг. диал. пирдоп. *лѹба* ‘здоровье’, в котором допустимо, однако, предполагать отвердение исконного *l*, то есть первичное **люба* [БЕР III: 484]. Впрочем, для болг. *люба* это значение не отмечено.

Словин. *lubic* ‘давать обильный урожай’ было объяснено как производное от **lubъ* Ф. Славским, с семантической мотивацией по сдиранию коры при сопоставлении с отношениями праслав. **pelnъ* ‘военная добыча’ > польск. *plon* ‘жатва, урожай’ → *plonować* ‘давать обильный урожай’ [Sławski V: 275]. При отсутствии фиксаций для продолжений **lubъ* значения ‘военная добыча’, более вероятным источником значения словин. *lubic* ‘давать обильный урожай’ представляется семантика здоровья, крепости, подтверждаемая этимологически прозрачными производными от **lubъ* (см. выше).

Об этимологии словенского *strniti (se)**

Словенский глагол *strniti (se)* зафиксирован (включая данные старых памятников и диалектов) с такой семантикой: *strniti* 'объединить в одно целое', *strniti se* 'объединиться; вместе пойти, вступить, связаться; договориться' [Bezljaj 3: 331], *strniti se* 'сбиться, сплотиться, согласиться', 'соответствовать (о гармонии в евангелии)', 'сосуществовать, граничить (об областях)', *strniti se s kom* 'столкнуться с кем-либо (территориально)', *strne se boj* 'схватиться врукопашную, подражаться' [Pleteršnik II: 592]. Считается, что глагол не имеет соответствий в других славянских языках [Bezljaj 3: 331]. Относительно его происхождения специалисты с известной долей скепсиса принимают следующую версию: производность от **srъ-trъ(p)-nъti* 'составить, соединить', к глаголу **trep(a)ti* 'толочь' < и.-е. **trep-* 'наступать, топтать' (откуда также лтш. *tripati* 'сваливать', греч. *τραλέω*, лит. *trypti* 'топтать' [Куркина 1978: 282; Bezljaj 3: 331; Snoj²: 728].

Признавая вероятность (в большей степени в отношении структуры, нежели в плане семантики) изложенного толкования происхождения рассматриваемого глагола, позволю себе предложить иное направление решения. Поводом для этого является

* Первая публикация: Об этимологии словен. *strniti (se)* // Jezikoslovni zapiski. Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine. T. 23, № 2. Ljubljana: Institut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2017. S. 343–345.

ярко выраженная в зафиксированных значениях семантическая основа (даже доминанта) — семантика равноправного контакта: см. выше значения ‘согласиться’, ‘соответствовать (о гармонии в евангелии)’, ‘сосуществовать, граничить (об областях)’, *strniti se s kom* ‘столкнуться с кем-либо (территориально)’, *strne se boj* ‘схватиться врукопашную, подраться’. Эта семантическая основа подводит к глагольной префиксальной основе **sʒrětnŋti* ‘встретить’ (от праслав. глагола **rěsti*, **rętjŋ* ‘находить’): ср., в частности, обозначение производными от этого глагола многочисленные русские названия соединений рек и их притоков, развилки оврагов и дорог типа *стрелка*, *Стреча* и под. [Варбот 2012: 616–617]. Основа **sʒrětnŋti* в истории восточнославянских, чешского и словацкого языков изменила группу *sr > str*: русск. *стренуть*, блр. *стрэнуць*, укр. *стріннути*, чеш. *střetnout*, словац. *stretnuť*. Представляется возможным аналогичное развитие и в словенском продолжении основы **sʒrětnŋti*, а именно: упрощение группы на границе корня и суффикса *tn > n* (аналогично восточнославянским формам), после падения редуцированных развитие группы *sr > str*.

Требуется объяснения отличный от восточно- и западнославянских форм нулевой вокализм корня в словенском глаголе. В этом отношении следует учесть возможность аналогии с регулярной структурой славянских глаголов с суфф. **nŋ-*, характеризующейся корневым вокализмом в ступени редукции. Впрочем, А. Вайан считал реальной ступень редукции для этого корня на индоевропейском уровне (по типу слав. **sēd- / *sed- / *šьd-*), см.: [Vaillant. Gram. compar. III: 185].

Серьезным возражением против предложенной этимологизации словен. *strniti (se)* на базе слав. **sʒrětnŋti* является соотносительный и, очевидно, родственный глагол *utrniti* ‘отделить, разделить’, но его корневая структура может быть объяснена обратным словообразованием (с участием морфологического переразложения) от *strniti*.

Заметки по сербскохорватской этимологии*

Диал. славон. *ùšnuti*

На серб.-хорв. диал. (славон.) *ùšnuti* 'украдкой быстро пройти или пробежать' обратил внимание В. Борысь. Проведенное им семантическое и структурное исследование славянского этимологического гнезда с корнем **šib-* (**šibti*, **šibati*) убеждает в реальности развития семантики этого глагола от 'бить, ударять' → 'гнуть, сгибать' → 'двигать, бросать'; автор считает несомненной связь значений 'двигать, бросать' и 'бежать'; в структурной реконструкции гнезда допускается возможность формы корня с огласовкой в ступени редукции — **šьb-*, зафиксированной, впрочем, только в словен. *ušebniti / ušabniti* 'согнуть, выгнуть'. Структура словенского глагола и отмеченный семантический переход 'гнуть, сгибать' → 'двигать, бросать' послужили В. Борысю основанием для генетического отождествления со словен. *ušebniti / ušabniti* 'согнуть, выгнуть' (как отражением праслав. **šьb-*) сербского диал. славон. *ùšnuti* 'украдкой быстро пройти или пробежать' [Ворысь 2007: 312–315] В этой версии смущает только отсутствие фиксации других отражений ступени **šьb-* в сербскохорватской лексике и собственно семантики 'бежать' в продолжениях **šibti*, **šibati*.

* Первая публикация: Заметки по сербскохорватской этимологии // Славянский мир в настоящем и прошлом. Памяти Владимира Петровича Гудкова. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 47–50.

Структура славон. *ùšnuti* допускает реконструкцию исходного сочетания на границе корня и суффикса в форме **-dn-*. Соответственно в качестве корня можно предположить **šbd-* — форму корня действительного причастия прошедшего времени от глагола **hoditi*, то есть для *ùšnuti* — **ušbd-* от глагола **uhoditi*; **šbd-* участвует в структурах страд. прич. прош. вр. *došast*, сущ. *prištak* ‘примак’ и нек. др. [Skok I: 676]. Что касается семантики, то кайкав. *vùšel* ‘убежал’ свидетельствует об архаичной семантике *uhoditi* ‘убегать’ [Skok I: 677]. Для праславянского уровня эта семантика подтверждается еще старославянским *оушндь, -и / оушндъ, -а* ‘беглец’ [SJS 4: 736]. Возможность участия причастного **šbd-* в глагольном словообразовании подтверждается русским глаголом *иляться* (< **šbd-l-jati se*). Таким образом, есть основания для толкования славон. *ùšnuti* как **ušdnōti*, производного от корня действительного причастия прошедшего времени **ušbd-* глагола **uhoditi*.

Диал. славон. *šetrica*

Славон. *šetrica* ‘посуда для доения молока’ входит в число лексических материалов, собранных Е. И. Якушкиной в ходе полевой работы в селе Сиче (Восточная Хорватия) и включенных в качестве приложения в ее диссертацию [Якушкина. Сербскохорв. лексика: 273]. Это слово не рассматривалось, кажется, в этимологическом аспекте, хотя представляет определенный интерес. В словаре Скока среди производных от глагола *trti* (< *праслав. **terti*, **tʁo*) приводится *sàtrica* ‘мелко растертое блюдо’ (Отток, Славония, Грегоровцы, Срем) [Skok III: 512]. Если учесть физическую сущность процесса доения — выдавливание молока путем трения, то на фоне *sàtrica* ‘мелко растертое блюдо’ славонское *šetrica* ‘посуда для доения молока’ также может толковаться как производное от **tʁo* > **tʁiti*. Примечательно сочетание префикса *še-* с корнем **tʁ-*: оно подводит к сопоставлению с группой глаголов из сербскохорватского, словенского, чешского, словацкого и польского языков с вариантным началом *še-/ša-*: **šetriti*, **šatriti*, **šatрати* и весьма разветвленной семантикой: ‘очищать поле от сорняков, щупать в темноте, смотреть, заботиться, помнить, избегать, колдовать’. В сербскохорватском это *šatрати / šatritи*: диал. кайкав. *šatritи, šatрати* ‘колдовать’, с производным (?) *šatрије* ‘колдовство’

[RJA XVII: 504–505; Šatović–Kalinski 2012: 494], озальск. *šatràti* ‘щупать в темноте, колдовать’. В этимологической литературе нет определенного решения о происхождении этой глагольной группы. В написанной ранее работе мною проведена реконструкция семантического развития этих глаголов с исходом от обозначения физического контакта-воздействия ‘тереть’ и соответственно глагольной структуры праслав. **šet(b)riti*/**šat(b)riti*/**šat(b)rati*, производных с преф. *ša-/še* от **terti*/**tǫrǫ* ([Варбот 2021: 112]; см. также наст. изд., с. 146–147). Рассматриваемое славон. *šetrica* ‘посуда для доения молока’ как допускающее наибольшую семантическую и структурную близость к *trti* является косвенным подтверждением предложенного толкования происхождения всей славянской глагольной группы **šetrici*, **šatriti*, **šatrat* от **terti*/**tǫrǫ*.

Белорусское *збрэзь* в составе восточнославянской лексико-семантической группы со значением наполненности*

Этимологический анализ состава лексико-семантических полей выявляет набор мотивационных признаков, отражающих восприятие соответствующих предметов и понятий этносом, а также набор этимологических гнезд, с помощью морфемного содержания которых осуществляется реализация мотивационных моделей. Связующим звеном между мотивационными моделями и корневыми морфемами являются словообразовательные модели, определяющие выбор служебных морфем, парадигматических характеристик лексем и морфонологических характеристик всех морфем. Ограниченность набора словообразовательных моделей по отношению к семантическим потребностям лексики определяет обобщенный характер словообразовательных функций. Соответственно каждая словообразовательная модель может аргіогі породжыць лексемы разных лексико-семантических полей и, наоборот, в каждом лексико-семантическом поле используется несколько словообразовательных моделей (несравненно меньше, чем число лексем,

* Первая публикация: Блр. *збрэзь* в составе вост.-слав. лексико-семантической группы со значением наполненности // Polono-slavica in honorem Maria Wojtyła-Świerzowska / Pod red. L. Bednarczuk, H. Chodurska, A. Mażulis-Frydel. Krakowskie Studia slawistyczne II. Wyd. Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej. Kraków: Impuls, 2014. S. 353–356.

составляющих поле и чем число мотивационных моделей). Но обнаруживается возможность связи между семантикой определенного поля и определенной словообразовательной моделью. Например, отмечена активная роль префикса *об-* в образовании русских глаголов со значением ‘причинить ущерб кому-нибудь’, в частности — ‘обмануть кого-нибудь’: *обсчитать*, *обделить*, *обмерить* и т. п. [Русская грамматика I: 364]. Возможна также связь определенной словообразовательной модели с одной мотивационной моделью, реализованной в ограниченной группе лексем лексико-семантического поля. Наличие такой группы с тождественной мотивацией, семантически близкими корневыми морфемами и тождественными (или близкими) словообразовательными морфемами в составе лексико-семантического поля облегчает этимологизацию темных лексем поля, в которых можно предполагать те же словообразовательные модели.

Именно в свете специфической связи определенной словообразовательной модели с определенной мотивационной моделью (и семантикой) и корневыми морфемами ниже предлагается рассмотреть происхождение блр. диал. *збрэзь* ‘так полно, что переливается’ [Юрчанка 1977: 3], ‘полно, сверх меры, через край’ [Бялькевич 1970: 187] и брян. *збрэзь* ‘через верх, с верхом’ [Расторгуев 1973: 111], последнее — явный белорусизм. В «Этимологическом словаре белорусского языка» *збрэзь* признано неясным [ЭСБМ 3: 317]; действительно, существующие предположения о генетических связях — с *бераг*, *берагчы*, польск. диал. *zberezie wyprawiać* ‘доказывать’, лит. *įzbrėžti* ‘начертить’, брян. *брэзкотка* ‘конусообразная сумочка для сбора денег в церкви’ [ЭСБМ 3: 317] — явно неубедительны. Более реалистичным представляется сопоставление блр. *збрэзь* с русск. диал. *срезь* курск., ворон., орл., калуж. ‘вровень с краями, дополна’, калуж., тул., моск., курск. ‘много, полно’ [СРНГ 40: 314], *всрезь* яросл., тул. ‘вровень с краями, до краев (наливать, наполнять)’ [СРНГ 5: 212].

Русск. *срезь/всрезь* ‘вровень с краями, дополна’ входит в состав лексико-семантической группы с семантикой полноты, предельной заполненности, объединяющей русские и украинскую лексемы: ср. русск. диал. *вскрай* тамб., сев., челяб., том. ‘полно, доверху, вровень с краями (наливать, наполнять и т. п.)’ [СРНГ 5: 204] —

производное от *край*, русск. диал. *всклень* псков., ряз., пенз., тамб., сарат. 'очень полно, доверха. вровень с краями (наливать, наполнять и т.п.)' [СРНГ 5: 201], *склень* сев., сиб. 'о жидкости в посуде, полно, по край, вровень с краями' [Даль² IV: 198] < **въ-съкленъ* или **въз-klenъ* от *(*съ*)*klerŋoti* 'покрывать, запирать' [Варбот 1977: 37–41], укр. диал. *вицерьт* херсон. 'до краев, доверху' < **въз-чьртъ* [Фасмер IV: 348 — *черта*]. Эта группа синонимов примечательна близостью семантики производящих корней / основ — 'край, завершение, крышка' (следовательно, тождеством мотивации) и словообразовательных структур — адвербиализованные бессуффиксные имена (в *всклень -н-* унаследовано от производящего глагола **klerŋoti*, в *церьт -т-* — от *черта*), с преобладанием основ на *-i- (три слова из четырех) с префиксами **въ-* (при *съ-* из производящего имени) или **въз-*. Наличие имен существительных русск. диал. *срезъ* новг. 'насечка, нарезка на чем-л.' [СРНГ 40: 314], *скрай* ряз. 'край' [СРНГ 38: 125] предполагает в наречиях *всрезъ*, *вскрай* образование с префиксом **въ-*, хотя для *вскрай* не исключено и **въз-край*. Для *всклень* возможны оба префикса. Для укр. *вицерьт*, при производности от *черта*, — только **въз-*. Следует учитывать функциональную близость *въ-* и *въз-* как обозначений направления. Блр. *збрэзь* в сопоставлении с русск. *срезъ* может быть включено в эту лексико-семантическую группу как соответствующее ей по семантике слова, семантике потенциальной корневой морфемы *рез-*, *-i- основе и потенциальному префиксу: *з* < **въз-*. Требуется объяснения элемент *-б-*. Он может быть истолкован как следствие морфологического перераспределения в производном с префиксом *об-* — **обрез(ь)*, при непосредственной связи перераспределения с присоединением префикса **въз-*, то есть *збрэзь* < **въз-обрезъ*. Подобные явления широко представлены в славянских языках, в том числе и в белорусском: ср. блр. диал. *набуць* 'обуть' [Бялькевич 1970: 272], *булак* 'облако', *забратаць* 'одеть уздечку, подвязать веревку', *набразьник* 'полотенце, которое вешают на иконы' [Касьпяровіч: 45, 112, 196].

Предложенное толкование происхождения белорусского слова основано на сопоставлении его с синонимами в других восточнославянских языках и рассмотрении всех слов как единой лексико-семантической группы. Оправданием этой методической

«вольности» представляется тесная генетическая связь восточнославянских языков и непрерывные контакты их в истории. Вместе с тем, обнаруженная общность мотивационного и словообразовательного моделирования синонимов в трех восточнославянских языках существенна как свидетельство непрерывающейся близости структур этих языков.

К этимологии некоторых болгарских слов (по поводу статей седьмого тома «Болгарского этимологического словаря»)*

Выход в свет седьмого тома «Болгарского этимологического словаря» означает близкое завершение этого лексикографического компендиума по этимологии болгарской лексики, являющегося капитальным вкладом в славянскую этимологию.

Чтение современного этимологического словаря каждого из славянских языков интересно, помимо прочих аспектов, анализом лексики (или лексических основ) праславянского происхождения: насколько и в какой форме, с какой семантикой и какими производными она отражается в материале всех сфер функционирования данного языка, при этом открываются возможности сопоставления выводов с данными других славянских языков. Предлагаемые заметки содержат некоторые соображения, дополнения к этимологическим толкованиям и инославянским лексическим связям нескольких болгарских слов, рассматриваемых в седьмом томе «Болгарского этимологического словаря», см.: [БЕР].

* Первая публикация: К этимологии некоторых болгарских слов (по поводу статей 7-го тома «Болгарского этимологического словаря») // *Linguistique Balkanique* (= Балканско езикознание). Vol. 51, iss. 2–3. Sofia: Institute for Bulgarian Language BAS, 2012. P. 115–120.

Снўвам се

Диал. (Балчик) *снўвам се* ‘свиваться, обвиваться, скручиваться’ истолковано в БЕР как **сунўвам се*, родственное с *суна се* (праслав. **sunŏti se*) [БЕР VII: 255]. Не исключая вероятности этого решения, считаю более реальным родство этого диалектизма с болг. *сно́ва* ‘создавать, налаживать основу ткани’ < праслав. **snovati, snujŏ*. Болг. *снўвам се* может быть производным от основы, вариантной со **snovati, snujŏ*, — **snuti* с тем же значением (русск.-цслав. *снуги*, словен. *snúti*, польск. *snuć*, чеш. *snouti*, словац. *snut'*, н.-луж. *snuš*), ср. производные с той же структурой в других славянских языках: русск. диал. *снுவать* [СРНГ 39: 132], блр. *снуваць*, укр. *снувати*. Семантическим обоснованием предлагаемого толкования является техническая сущность процесса создания основы — это натягивание / навивание нитей на кросна, откуда и обозначение этого действия в болгарском языке, наряду со *сно́ва*, также глаголом *навивам*. Продолжения праслав. **snovati, snujŏ* и **snuti* устойчиво представляют в славянских языках техническую семантику, которая восходит, очевидно, к праславянскому состоянию, но также фиксируются (обычно как переносные) и значения, близкие к ‘вить’ — ‘мотать, наматывать, разматывать, прясть’: см. русск. диал. (новосиб.) *снுவать* ‘мотать, сматывать шерсть’ [СРНГ 39: 118], словац. *snut'*, *snujet* ‘мотать, наматывать’, польск. *snuć* ‘прясть; сматывать, разматывать нить с клубка’, в.-луж. *snować* ‘мотать’. Следовательно семантика болг. диал. (Балчик) *снўвам се* ‘свиваться, обвиваться’ вполне вероятна при генетическим тождестве этого глагола с болг. *сно́ва* ‘создавать, налаживать основу ткани’.

Следует еще остановиться на упомянутой выше, принятой в словарях славянских языков характеристике значений ‘мотать, прясть’ (в случае фиксации их параллельно с техническим) как переносных. Эта характеристика соответствует современному восприятию технического значения как первичного вследствие очевидной древности самого технического процесса. Однако семантика скручивания, мотания реконструируется уже для исходной индоевропейской основы **sneu-/ *snou-* [Pokorny I: 977; БЕР VII: 250], так что для славянских продолжений этой основы данная семантика древнее технической [Трубачев 1966: 113], что делает ее фиксацию в славянских языках весьма существенной для истории культуры.

Сѹтара

Диал. (Странджа) *сѹтара* ‘плохая судьба’ толкуется как заимствование н.-гр. *σκοτούρα* ‘забота, тревога; головокружение, дурнота’ или н.-гр. диал. **σχοуτούρα*, варианта *σκούτούρα* [БЕР VII: 610]. Следует, однако, обратить внимание на болгарское *сѹтра* ‘пагуба, потеря, утрата, урон, убыток’, объясненное как собственно болгарское производное от глагола *сѹтрьѹ* (от *трьѹ* < праслав. **terti*), родственное с *зѹтра* ‘ущерб, утрата’ [БЕР VII: 699]. Последнее толкование очень убедительно, поскольку глаголы и отглагольные имена гнезда праслав. **terti* нередко представляют соответствующую семантику: ср. чеш. *seřítí* ‘уничтожить’, русск. *протопи* ‘убытки, расходы’. Существенно, что в образованиях этого гнезда на базе семантики физического повреждения развивается также семантика причинения тяжелых переживаний и состояний: ср. др.-русс. *сѹтьрти* ‘сокрушать, печалить’, *сѹтирати* ‘истязать, мучить’ [Срезневский 3: 848, 843], русск. диал. (сибир.) *торупь* ‘мучить. томить’ [Даль² IV: 419], ст.-польск. *natrzeć* ‘измучить’ [Sł. stpol. V: 115]. Этот семантический круг позволяет включить в число производных гнезда праслав. **terti* также и болг. *сѹтара* ‘плохая судьба’. Относительно возможности корневого *a* < *ō* в этом гнезде см. серб.-хорв. *târ* ‘размельченная солома’ [Miklosich: 352], словен. *otâra* ‘трепало’ [Pleteršnik I: 868], польск. диал. *otara* ‘пустые обмолоченные колосья’ [Warsz. III: 899], русск. диал. (ульян.) *самáруть* ‘класть, засовывать куда-л., так что трудно найти’ [СРНГ 36: 151]. При таком толковании болг. *сѹтара* восходит к **so̯tara*. В отношении префикса **so̯-* ср. русск. диал. (нижегор., перм.) *сѹтóриться* ‘суетиться, хлопотать’ [Даль² IV: 365]; см. еще об этом глаголе и *самáруть* [Варбот 2004: 438–439].

Смѹне са

Для болг. диал. (Тръстеник, Плевенско) *смѹне са* ‘высыхать (о плодах), очень ослабеть (о человеке)’ в БЕР предложено три допустимых этимологических толкований: 1) **смѹйне се* от *смѹйна се* (*смѹя се*, от *мѹя* < праслав. **muti*); 2) от *мѹна* (< праслав. **minoti*), учитывая *премѹна* ‘(о плодах) перезреть’; 3) от *мин-* в *мѹнен* ‘маленький’ (к праслав. **minъjъ*), — см. [БЕР VII: 184]. Действительно,

все варианты решения оправданы семантически и в отношении структуры корня. Некоторые сомнения во второй и третьей версии вызывает отсутствие фиксации производных с префиксом *с-* от соответствующих производящих основ, см.: [БЕР III: 799 — *минѡвам*; БЕР IV: 103 — *минен*]. Первая версия в этом плане поддерживается наличием префиксального *смѣя* ‘снимать, очищать мытьем’, диал. *смѣя се, смѣвам се* ‘размягчаться, превращаться в кашу’ [БЕР IV: 149 — *миѣ*]. Составители словаря предпочитают для *смѣне са* ‘высыхать (о плодах), очень ослабеть (о человеке)’ именно это этимологическое толкование, предполагая развитие значения ‘очищаться мытьем, превращаться в кашу’ → ‘уменьшаться’ → ‘скорчиваться’. Присоединяясь в целом к их предпочтению, не нахожу, однако, приведенную реконструкцию семантического развития достаточно убедительной для объяснения появления значения ‘высыхать (о плодах)’ (ему противоречит включенное в цепь семантических изменений значение ‘превращаться в кашу’). Приведу русский материал, представляющий развитие в генетически тождественном с болгарским словом глаголе очень близкой (частично и тождественной) семантики: ср. русск. *смыть* ‘сделать чистым посредством мытья’ и русск. диал. *смыться* ‘укоротиться, сузиться, уменьшиться от стирки, сесть (о ткани, одежде)’ (киров., арханг.), в суеверных представлениях — ‘заболеть оттого, что белье больного стирали с бельем здорового’ [СРНГ 39: 77]. Очевидны различия мотиваций формирования итогового значения в русском и болгарском префиксальных глаголах, равно как и бóльшая физическая ясность развития значения русского глагола по сравнению с изменениями, реконструируемыми для болгарского глагола. Во всяком случае, примечательно достижение близких значений различными мотивационными путями.

Сѡра, ссѡра ж. р. и *ссор* м. р.

Для *сѡра, ссѡра* ж. р. и *ссор* м. р. ‘ссора, брань, перебранка’ в БЕР принято толкование, преобладающее в этимологических словарях: родство со *свара*, серб.-хорв. *ѡсѡран* ‘резкий, грубый, раздражительный’, словен. *osóren* ‘неприветливый, резкий, грубый’ и далее с санскр. *svárati* ‘звучать’, лат. *sermo* ‘разговор. беседа’, гот. *swaran* ‘клясть’ при общем происхождении из гнезда

и.-е. **s(u)er-* / **s(u)or-* ‘издавать голос’ — см. [БЕР VII: 339–340]. Это толкование надежно фонетически, но представляется несколько уязвимым семантически: в отличие от преимущественно нейтральных коннотаций у предполагаемых индоевропейских родственных лексем, коннотации славянских слов постоянно негативные. В этом отношении более приемлемы упоминаемые также в словаре, но не обсуждаемые версии С. Младенова о родстве с *врява* ‘крик, шум’ и А. Маценауэра о родстве с др.-в.-нем. *har, harawer* ‘грубый. необузданный’. Следовало бы упомянуть и даже обсудить еще одно толкование, а именно: о родстве *сѡра, ссѡра* ж. р. и *ссор* м. р. ‘ссора, брань, перебранка’ с праслав. **sъrati* — см. мнение Шкарича о родстве серб. *ѡсѡран* со *sрати* (цит. по: [Skok II: 571]) и А. Вайяна о родстве русск. *ссора* со **sъrati*, так что русск. *ссориться* толкуется как ‘убирать или собирать нечистоты’ [Vaillant. Gram. compar. III: 211]. В поддержку этого родства можно привести материалы славянских языков: чеш. диал. (мистрж.) *nasírat, -am* ‘злиться’ [Malina: 65], словац. диал. (гемер.) *nasrať se, -serem se* ‘разозлиться’ [Orlovský: 197], русск. диал. (свердл.) *рассѣра* ‘ссора, размолвка’ [СРНГ 34: 208], русск. диал. (арханг.) *пересерѣха* ‘сплетница’, *пересирѣть* ‘заниматься сплетнями’ [Нефедова 2001: 84], русск. диал. *засѡра* ‘яма, куда сваливают сор (волог.), нечистоплотная женщина, неряха’ (новгор.), ‘драчун, забияка’ (дон.) [СРНГ 18: 49], русск. диал. *сор ложить* — *не топором рубить* ‘сплетничать легко, а дело делать трудно’ [Сл. русск. гов. Сибири 2: 226]. Ср. еще с долгим корневым вокализмом чеш. диал. *pasáry* ‘гвалт, буйные выходки, проделки, раздоры’ [Kott II: 502], о котором специально см. [Варбот 1985б: 278–279]. С дополнением приведенных славянских лексем версия Шкарича–Вайяна представляется наиболее убедительной и в отношении болг. *сѡра, ссѡра* ж. р. и *ссор* м. р. ‘ссора, брань, перебранка’.

Срътам

Относительно болг. *срътам* ‘тщательно заниматься чем-л.’ и диал. *срътам, срътя* ‘вглядываться’ в БЕР допускаются генетическое тождество и возможность родства с *рътя* ‘прорастать’ [БЕР VII: 679]. При этом не обнаруживается никаких инославянских соответствий. Некоторая неуверенность в предполагаемом родстве с *рътя* ‘прорастать’ вполне понятна, но инославянское родство для

срътам, *съртя* все-таки возможно. Миклошич реконструировал основу **sert-* для серб. *nasrtati* 'напасть' [Miklosich: 294]. Позволю себе напомнить о предложенном мною ранее расширении лексической базы для реконструкции **sert-*: серб.-хорв. *srtjeti* 'бродить, стремиться', *srtjeti k zemli* 'опускать глаза в землю', польск. *siertać się* 'метаться, кидаться', русск. диал. *сёртать* 'метаться. шляться взад и вперед без дела' (зап.) и *сёртать* 'ждать' (олон.) и некоторые другие [Варбот 1977: 32–34]. Там же была изложена гипотеза о генетическом тождестве всей этой лексической группы при допущении первичности для нее семантики движения, стремления и реконструкции разнонаправленного развития значения этой семантики: 1) 'двигаться взад и вперед' → 'топтаться на месте' → 'ждать' (русск. олон. *сёртать*); 2) 'двигаться взад и вперед' → 'хлопотать' → 'тяжело работать' (болг. *сртім*, ср. семантическую модель в русск. *возиться* 'хлопотать' — от *возить*, русск. *мыкаться* 'много работать, мучиться' — от *мыкать*); 3) 'стремиться' → 'устраивать взгляд' → 'вглядываться' (серб.-хорв. *srtati nica*, болг. *сръта*, ср. русск. *впериться* 'пристально смотреть' < *вперить* взгляд, родственное слав. **perti*). Славянский глагол при этом возводится к индоевропейскому глагольному гнезду **ser-* 'стремиться, двигаться'.

Заметки по болгарской этимологии (к статьям «Болгарского этимологического словаря»)*

Болг. диал. *пљюшка*

Болг. диал. (Брусен, Тетевенско) *пљюшка* 'первый и последний снег' признано в БЕР этимологически неясным, хотя и высказано предположение о возможной связи с *пàля* [БЕР VI: 51]. Представляется возможным подтвердить и уточнить эту связь, приняв для этого слова отражение корня праслав. **pyль* с диалектной редукцией корневого гласного. Неизменный вокализм представлен в болг. *пилèя* 'тратить, транжирить' и *пильок* 'пыль' [БЕР V: 238, 239]. Семантическим соответствием для рассматриваемой болгарской лексемы являются русские диалектизмы *пыль* 'метель, вьюга' (ворон., орл., тул.), *пылья́* 'снег, снега' (орл.), *пыльца́* и *пылю́га* 'метель, вьюга' (ворон.) [СРНГ 33: 192–193]. Ср. и в структурном плане болг. *пљюшка* и русск. *пылю́га*. Близость восприятия пыли и мелкого снега отражена также в родстве болг. *пършел* 'мелкий, липкий снег' [БЕР VI: 114] и русск. *пороша* 'первый, только что выпавший снег' с праслав. **porъхъ* 'пыль, прах', восходящих (с различными степенями корневого вокализма) к гнезду глагола **pyrxati*. Относительно болг. *пилèя* 'тратить, транжирить' примечательно русск. диал. (сиб.) *пыля́ть* 'метать, бросать' [СРНГ 33: 193].

* Первая публикация: Заметки по болгарской этимологии (к статьям «Болгарского этимологического словаря») // *Linguistique balkanique* (= *Балканско езиковзнание*). Vol. 59, iss. 1. Sofia: Institute for Bulgarian Language BAS, 2020. P. 76–79.

Болг. диал. *съга*

Болг. диал. *съга* 'плесень на поверхности вина, солений и др.', *съгъ* 'плесень на поверхности вина' (Тръстеник, Плевенско, Разградско), 'белый осадок в сосуде с брынзой, солениями' (Добролево, Белослатинско), *съгâ* 'плесень на поверхности брынзы, вина и др.', 'цвет на вине, плесень' (Енина, Казанлъшко, Пирот), *съгъ* 'плесень на поверхности брынзы и др.' (Енина, Казанлъшко) и под., *сâга* 'белая плесень на брынзе, на рассоле' (Кръвеник, Севлиевско) сочтено в БЕР этимологически неясным [БЕР VII: 650]. Однако эта лексема может быть родственна как беспрефиксное образование с группой славянских префиксальных производных с близкой семантикой: укр. *осу́га* 'слои жира, плавающие на поверхности жидкости, налет на воде, ржавчина на воде', диал. *осу́га* 'легкий пушистый снег, который оседает на деревьях при тихой погоде', блр. диал. *осу́га* 'пот', словац. *osuha* 'иней, изморозь', которые восходят к праслав. **obsoga*, производному от **ob-segti* 'потрогать, обхватить, покрыть' [ЭССЯ 30: 23–24; ЭССЯ 29: 170–171 — **ob-segti*]. Ср. значения болгарских имен существительных с семантикой глаголов ст.-чеш. *osieci, osahu* 'покрыть, занять', ст.-русск. *осячися* 'покрыться чем-л.' [ЭССЯ 29: 171], а также русск. диал. *осягáться* 'оседать, осаживаться' (волог.), *осяжáть, осяжáться* то же (арханг.) [СРНГ 24: 105–106]. Для праславянского языка реконструируются беспрефиксные глаголы **segti, *segtati, *segnoti* с семантикой 'касаться, достигать, покрывать, распространяться' (болг. *сѣгам* — [БЕР VI: 576–577]). Приведенное выше болгарское имя существительное восходит к праслав. **soga*, которое является производными от **segti* (с закономерным для праславянских бессуффиксных отглагольных имен чередованием корневого гласного *e/o*, как в **obsoga*. Кажется, продолжения **soga* не известны другим славянским языкам, так что речь может идти о праславянском диалектизме в болгарском языке.

Болг. диал. *снѹвам (се)*

Болг. *снѹвам* 'крыть' (каменщ., строит., Скребатно, Гоцделческо) в БЕР возводится к **снѹвам*, производному от *сѹна* 'толкать, вставлять', как результат выпадения безударного *y* [БЕР VII: 255].

Как однокоренное с этим словом и подобное ему по первичной структуре рассматривается диал. *снѹвам се* ‘обвиваться, скручиваться’ (Балчик) < **снѹвам се* [БЕР VII: 255]. Значение второго слова подводит к предположению о другом толковании, а именно — генетическому тождеству с болг. *сновѧ* ‘сновать, закладывать основу ткани; двигаться туда-сюда’, восходящим к праслав. **snuti*, *snovŏ/snujŏ*. Ср. по значению русск. диал. сновать ‘мотать, сматывать’ (новосиб.) [СРНГ 39: 118]. См. такое толкование болг. диал. *снѹвам се* ‘обвиваться, скручиваться’ с учетом возможного в говоре Балчика изменения **o* > *y* ([Варбот 2012а: 115]; см. также наст. изд., с. 227). И первый из приведенных глаголов также может восходить к **snuti*, *snovŏ/snujŏ*: значение ‘крыть’ может быть производным от ‘создавать основу, ткать’ (как ‘создавать некое крепление’) — ср. *сновѧ* ‘делать перекладины наверху моста’ (каменщ., строит., Галата, Тетевенско) [БЕР VII: 246]. Что же касается вокализма корня в *снѹвам* (Гоцделческо), то представляется возможным нерегулярное фонетическое изменение *o* > *y*, как в других диалектах, или образование болгарской основы настоящего времени как следствие контаминации праславянских основы настоящего времени **snovŏ* и основы инфинитива **snuti*, подобно болг. *плѹвам* < праслав. **pluti*, **plovŏ*.

Болг. *тѹмкам*, *тѹмне ми*

Болг. *тѹмкам* ‘барабанить, бить в барабан’ (Брезнишко), ‘бить человека по спине или стучаться в помещение’ (Тетевен) и *тѹмкува ми* ‘идет мне на ум’ (Габрово), *тѹмне ми* ‘приходит мне на ум’ убедительно возводятся генетически к звукоподражательному междометию *тѹм*, имитирующему звук удара по барабану, при этом болгарские глаголы сопоставляются с русск. *тѹнкатъ* ‘толкать, хлопать, касаться, будя спящего’ [БЕР VIII: 386–387]. Между тем, в восточнославянских языках представлены более точные генетические соответствия для болгарских глаголов: русск. диал. *тѹмкатъ* ‘издавать звуки’ (волог.) и ‘соображать, понимать, думать’ (карел., яросл., новосиб., краснояр. и др.) [СРНГ 45: 246], разгов. *до тѹмкатъ* (*до чего*) ‘догадаться, понять что-л. (с некоторым напряжением)’ [Химик БСЭР: 150] и блр. диал. *тѹмкаць* ‘понимать’, *тѹмкыць* ‘думать, размышлять: доходить до

смысла', *ту́мкнуць* 'внезапно прийти в голову (о мысли)' [ЭСБМ 14: 230–231]. В последнем упомянутом этимологическом словаре белорусские и русские глаголы также возводятся к звукоподражательному междометию, но болгарские родственные не упоминаются. Это южно-восточнославянское лексическое соответствие, хотя и базирующееся на звукоподражании, может представлять интерес с позиций селективных праславянских диалектных связей.

О болгарском *ждрелò/жрелò* и его возможных производных (к проблеме нерегулярного словообразования)*

Выяснение происхождения слова предполагает реконструкцию формирования его структуры и значения, что для потенциально многоморфемного слова означает определение последовательности присоединения словообразовательных формантов к производящей основе / корню и соответствующее снятие семантических изменений первичной семантики этой основы / корня. Эта процедура нередко осложняется обнаружением структуры производящей основы / корня, не соответствующей морфемному составу слова, от которого образовано анализируемое слово, что является результатом морфологического переразложения в производящем слове. Переразложение обусловлено дестимологизацией — забвением генетических связей этого слова в связи с развитием вторичной семантики. Это означает вмешательство в процесс словообразования нерегулярных структурных преобразований в связи с вторичной семантикой.

Можно думать, что подобное явление представлено в двух потенциальных производных от болг. *ждрелò*.

* П е р в а я п у б л и к а ц и я: О болг. *ждрелò/жрелò* и его возможных производных (к проблеме нерегулярного словообразования) // **Sълав**. Е-списание в областта на хуманитаристиката за българистични изследвания в периода X–XXI век. Год. IX. Брой 21. София: Институт за български език, 2021. URL: https://www.abcdar.com/magazine/XXI/Dzl_2021_br21_04_Zhanna_Zh_Varbot-Bg_Jdrelo.pdf (дата обращения: 19.01.2023).

Болг. *жрелò / ждрелò* восходит к праслав. **žerdlo* ‘отверстие, горло, пасть’, образованному от праслав. глагола **žerq* (наст. вр. от **žbrati*) ‘есть, глотать, поглощать’ с помощью суффа. *-*dlo*. Продолжения **žerdlo* / **žrdlo* в славянских языках приобрели также значение ‘источник, родник’, предполагающее как место (= отверстие) извержения воды из земли, так и извергающийся поток воды: см. толкование польск. *źródło* ‘поток воды, извергающийся из земли, горы, источник, родник’ [Warsz. VIII: 680]. Прямым порождением семантики существительных являются значения производных от них глаголов: польск. *źródlic się* ‘течь из источника, течь, сочиться подобно источнику’ [Warsz. VIII: 680], русск. диал. (юж., зап.) *жерéлить* ‘течь сильной струей из какого-либо отверстия’ [СРНГ 9: 139].

Семантика движения воды может, очевидно, расширяться до обозначения дождя: ср. русск. *ливень* ‘сильный дождь, потоки, струи дождя’. Отсюда значения болг. *жрелò / ждрелò* ‘горное ущелье с сильным ветром’ [БТР: 187] и диал. (Софийско) ‘плохая погода, с дождем и ветром’ [БЕР I: 554] при *Ж(ò)релò* — частое название источников [БЕР I: 554]. Включение в значение болгарской лексики семантического элемента ‘ветер’ хорошо объясняется метафорическим соотношением потоков воды и порывов ветра. Это расширение семантики и фиксация для болгарского языка варианта лексики *ждрелò* позволяют предположить производность от последнего двух болгарских глаголов, происхождение которых авторы БЕР сочли неясным.

Начнем с диал. (Светиниколско) *ждрия* ‘сильно дуть, сквозить’ [БЕР I: 228]. Семантическая связь глагола с *ждрелò / жрелò* ‘горное ущелье с сильным ветром’ и диал. (Софийско) ‘плохая погода, с дождем и ветром’ очевидна. В объяснении нуждается соотношение структур имени и глагола. Представляется, что вследствие развития вторичной семантики дуновения (= деятеля) произошла дестимологизация *ждрелò* с последующим морфологическим переразложением в структуре *ждрелò* → *ждр-ело* с выделением суффикса деятеля и корня *ждр-* с семантикой сильного дуновения, от этого корня и образован глагол *ждрия* ‘сильно дуть, сквозить’. Второй глагол — диал. (Кюстендилско) *ждрили се* ‘побежать’ [БЕР I: 228]. И здесь основой словообразовательного процесса было морфологическое переразложение с выделением

того же корня и обновление производящей основы путем замещения выделенного как формант *-ел-* актуальным суффиксом *-ил-*: *ждрелò* → *ждр-ело* → *ждр-ило*, откуда производный глагол *ждрили се*. Значение 'побежать' является дальнейшим расширением семантики движения воды: ср. болг. *текà* 'течь' и *тичам* 'бежать' [БТР: 187], то же характерно для семантики продолжений **tekti* в других славянских языках.

К этимологии западнославянского *toparka/toporka**

Чешское диалектное (вал.) *topárka* [Bartoš: 446], словац. диал. (Banská Bystrica, Slovenske Pravno v Turč. ž.) *topárka* [Kábal: 718; Matejčík 1975: 121], *toparka, toporka* [Buffa: 286] и польск. диал. *toporka, taporka* [Warsz. VII: 82], обозначающие мутовку в маслобойке, истолкованы В. Махеком как родственные (по Махеку: «asi od...») с чеш. *topořiti* ‘затвердевать, становиться крепким, негибким’; при этом предполагается первичной мотивация названия мутовки по признаку ‘выступающее, торчащее (из маслобойки)’ с опорой на семантику польск. диал. *wystoparzyć* ‘выступить, высунуться кверху’ [Machek²: 647]. Очевидно, эта этимологическая версия вполне вероятна в отношении как структурного соотношения имен и глагола, так и мотивации имен по внешнему признаку орудия — положению в маслобойке. Однако представляется допустимым предложение другой версии, ориентированной на более существенный признак обозначаемого предмета — его функцию.

Функция обозначаемого орудия — перемешивание с усилием, взбивание молока или сливок в маслобойке для сбивания масла. Действие перемешивания с силой стало основой мотивации многих славянских названий орудий для сбивания масла, производных от

* Первая публикация: К этимологии зап.-слав. *toparka* // Jazykovedné štúdie. XXXII. Prírodný vývin jazyka a jazykové kontakty / Ed. K. Balleková, L. Králik, G. Muscková. Bratislava: Veda, 2015. S. 2–8.

**mōtiti*: чеш. *moutvice* [Kott I: 1068], *mątew*, *mątwica* [Warsz. II: 911], русск. *мутовка* и др. Акцентирование составляющей сбивания обусловило обозначение мутовки как бьющего или толкущего орудия: русск. диал. (твер.) *било* [Даль² II: 86], чеш. *tlouk*. Эта последняя мотивация по действию сбивания позволяет предложить версию образования зап.-слав. *toparka* / *toporka* от праслав. глагола **topati* ‘бить, топать, шлепать’. Относительно этого глагола обосновано вхождение в разветвленное праслав. этимологическое гнездо — родство не только с глаголом **tepti* [Фасмер IV: 78], но также и с **ťpati*, **tipati* [Варбот 1976: 32–36; Варбот 1985а: 29–31]. Для всего гнезда реконструируется семантика ‘бить, ударять; шлепать руками или ногами; осязать, лепить; пихать; есть, жевать’: ср. болг. *ménam* ‘валять (сукно)’, серб. *měncи* ‘взбалтывать, сбивать масло’, словен. *utepsti* ‘замазать грязью’ [Варбот 1976: 32–35], болг. диал. *тѣпѣм* ‘пинать’, чеш. *cpati* (при производном *zatiPATI*) ‘совать, пихать. набивать’, польск. *ćpać* ‘много, медленно, постоянно есть, жевать’ [Варбот 1985а: 29–30], болг. диал. *múnam* ‘ступать, топтать, ударять’, словен. *típati piskre* ‘делать глиняные горшки’, чеш. *típati se s čím* ‘медлительно что-либо делать’, русск. диал. *múnать* ‘тихонько ударять’ с производными *múnók* ‘короткое колено цепа, боек’, *мупльяк* ‘большой пест’, *мупунья* ‘красная глина для горшков’ [Варбот 1976: 32–35], а также русск. диал. *ментí* ‘бить, ударять ногами’ [СРНГ 44: 63], производное имя *ménень* ‘ячменные отруби’ [СРНГ 44: 44], чеш. *tepati* ‘бить, толкать’, *tepnouti* ‘слегка ударить, шлепнуть’, диал. *zatiPka* ‘заслонка, затычка’ [Bartoš: 532]. Для обоснования предлагаемой гипотезы о вхождении зап.-слав. *toparka* / *toporka* ‘мутовка в маслобойке’ в гнездо **tepti* / **ťpati* / *tipati* / *topati* особенно существенны значения серб. *měncи* ‘взбалтывать, сбивать масло’ и русск. диал. *мупльяк* ‘большой пест’ (см. выше). Предполагается образование *toparka* / *toporka* от глагола **topati* с суф. *-ar(ьka)* или *-or(ьka)*, вероятно — на уровне праславянского западного диалекта. Трудно определить первичную огласовку суффикса, так как функционально возможны оба варианта, но вокализм *a* может объясняться влиянием производящей основы, а *o* — сближением с *topor*. О реальности последнего сближения свидетельствует вариантность названия мутовки в одном чешском диалекте: *toparka*, *topárka topořisko* при *topořisko* ‘топор’ [Fabián 2009: 98]. Более вероятной представляется первичность структуры **toparьka*.

Следует признать, однако, наличие лексических обстоятельств, ослабляющих вероятность предлагаемого этимологического толкования зап.-слав. *toparka / toporka* 'мутовка в маслобойке' как производного от **topati*. Прежде всего, отсутствуют фиксации семантики 'взбалтывать, сбивать масло' для глагола с этой ступенью вокализма корня, если только не признать его производным русск. диал. (Коми) *отóнки* 'осадок, остающийся после сбивания масла' [СРНГ 24: 259], которое, однако, может быть и семантическим расширением диал. *отóнки* 'вытопки, выжарки, остатки по вытопке чего-л.' [Даль² II: 625]. Другое обстоятельство — крайняя ограниченность фиксаций продолжений **topati* в западнославянских языках, хотя и эти языки несомненно знали его: см. словац. *topat'* 'клевать' [Kálal: 718], возможно также еще (как производные) кашуб. *topés* 'щелкать (языком)' [SEK V: 155–156] и словац. диал. *tapčac* 'хлопать, бить в ладоши' [Buffa: 284].

К этимологии старочешского *trpočiti**

Старочешский глагол *trpočiti* зафиксирован преимущественно в сочинениях Фомы Штитного со значениями ‘гнать, тащить, поворачивать, обращать, двигать, волочить, свергать’ [MStčSl: 518], см. контексты: Vztekla povodni, dokud nepřeschneš, dokud váleši budeš synu Eviny u veliké a v hořké moře je trpoczysz s sebu (quosque volves Evae filios in mare magnum et formidolosum. (Štit Vyš 114 a2); voda, ješto v duol trpoczy s sebu lidská srdce (Štit Vyš 115 b2); ...mnoho gych (lidí) w dol trpoczzyje / řeky babilonské / f seb w horzke morze (Štit Svat 121 b2); / mnozii gfu gyz wyšly z ofydl lybošnych wyeczij, gesto byezyje w czaflu tomto trpoczysz prycz w zahynutije od tee vtyechy, kdez fy wyecznye radugy w tom w gednom vřtawnem hodowanij (Štit Svat 113 a1); см. еще: Ale smrt trpoczzy ge bez gich dieky, anizz oni nechtie (Bibl Kř 344b). Та же семантика присуща и префиксальным производным от *trpočiti* — *potrpočiti* и *zatrpočiti*: K druhému / muži / vece / bóh/...pustím na tě zvěř z bystrého potoku a povalí tě a v dól ku pecku potrpozzy (Ad secundum / virum / autem dico: ... mittam ad te animal quod de torrente impetuoso procedit et absorbit te...deducit te ad inferiore inferni. Štit Brig P 54a); Smilstvo jest ten hřiech, jenž svú kłopotností zatrpozzy člověka od nebeské radosti v búhu a v hoře

* Первая публикация: К этимологии ст.-чеш. *trpočiti* // Cesty slov / Ed. P. Nejedlý, M. Vajdlová. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2012. S. 260–262.

(Štit Mus 65b); neb ji (duši) tělo zatřpoczi kto je vie kam (Štit Mus 98b) [Карт-ка Ст.-чеш. сл.]. См. также *zatřpociti* ‘насильно изгнать’ [MStčSl: 641].

Единственное известное мне этимологическое толкование *trpociti* принадлежит В. Махеку: вместе с признанием глагола мало ясным, допускается сопоставление со словац. *potrčiti* ‘толкнуть’, что означает, однако, необходимость признать в чешском слове «*rodívno přesmyk*» [Machek²: 653–654]. Разделяя сомнения великого ученого, решаюсь наметить другое направление поисков истоков чешского глагола.

Прежде всего, нельзя не признать, что во всех приведенных контекстах глагол *trpociti* сопровождается негативной коннотацией, так как речь идет о злых силах, стихиях, гонящих, влекущих, низвергающих человека от добра во зло. Поэтому можно предполагать экспрессивность глагола, отраженную в его структуре вставным элементом *-oč-*. Для славянского глагольного словообразования признается функционирование экспрессивных структурных элементов (суффиксов), консонантной основой которых является ряд *k/č/c*: см. *bakati*, *bodьcati*, *bučati* [Sławski. Zarys słowotwór. I: 49–50]. Имея в виду чеш. *trpociti*, можно в качестве структурно близкого образования привести русск. диал. *крóпчить* ‘ворчать’ (при *крóпать* ‘разговаривать, беседовать’ [СРНГ 15: 282, 279] со вставным *-č-*). Наличие в *trpociti*, в отличие от *крóпчить*, вокалического элемента перед *-č-*, объясняется фонетически необходимостью сочетания суффикса с редукцией корневого вокализма.

При допущении для *trpociti* суффиксальной природы *-oč-* встает вопрос об идентификации корня глагола. Производящей основой *trpociti* представляется праслав. **tьrpati*, прямое продолжение которого сохранилось в польских диалектах — *tarpac* ‘рвать, тербить’ [Warsz. VII: 29]. От соответствующего чешского глагола образовано, вероятно, зап.-морав. *trpalky* ‘клецки из картофеля и муки’ [Bartoš: 451]. Праславянский глагол восходит к и.-е. основе **terp-* (расширению корня **ter(ə)-* ‘драть’), которую Ю. Покорный считал балто-славянской, отнеся к ее производным лит. *tárpas* ‘промежуток’, лтш *tàrps* ‘червь’ (с производными), а из славянской лексики — «неясные» ст.-слав. **трап** ‘яма’ (**torp-*) и серб. *trān* ‘яма для хранения овощей зимой’ ([Pokorny I: 1073] — сомнения Ю. Покорного представляются необоснованными). По огласовке

корня в ступени редукции чешскому *trpočiti* и польскому *tarpać* тождественно русск. диал. *тóрпнице* ‘мешковина из грубой пряжи’, родство которого с польск. *tarpać* выяснила В. А. Меркулова [Меркулова 1968: 100–102].

Семантическим основанием для включения чеш. *trpočiti* со значениями ‘гнать, тащить, поворачивать, обращать, двигать, волочить, свергать’ в число производных от праслав. **tьrpati* ‘драть’ является регулярность развития подобной семантики движения/понуждения к движению в славянских глаголах, которые восходят к другим расширениям и.-е. **ter-*: ср. польск. *targać* ‘драть, рвать, нести, тащить, двигать’ [Podgórcy 2008: 292] < праслав. **tьrgati* — к и.-е. **terg-*; *przyciorbać się* ‘медленно прийти, притащиться’, словен. *třbati* ‘идти’ < праслав. **tьrbati* — к и.-е. **terb-* [Варбот 1975а: 25–26]; чеш. *trchati*: *At’ z pelecha trchá = vstáva* [Kott IV: 175] < **tьrxati* (ср. русск. *обтерхать* ‘ободрать’) — к и.-е. **ters-*; русск. диал. *затрепать* арханг. ‘побежать’, псков., смол. ‘отправиться куда-либо’ [СРНГ 11: 105], потрепать псков., арханг. и др. ‘быстро пойти. побежать’ [СРНГ 30: 306] < праслав. **trepati* — к и.-е. **trep-*. Ср. в других этимологических гнездах: русск. *дернуть, рвануть* ‘побежать’, диал. смол. *дрáпнуть* ‘быстро побежать’ [СРНГ 8: 174].

Чешские этимологии*

Наличие высококвалифицированных разработок происхождения лексики чешского языка в этимологических словарях чешского языка не исключает признание их авторами и другими славистами-этимологами отсутствия или спорности этимологических толкований для ряда слов. Это позволяет и даже побуждает предпринять попытки разработки гипотез об этимологии подобных слов.

В предлагаемой работе обосновываются этимологические толкования для трех чешских слов.

1. Диал. лях. *(vy)kolytat'* 'вытаскивать (зуб, кол)' [Machek²: 271] может толковаться как восходящее к гнезду праслав. **lytati* 'бродить, шататься, уклоняться' [ЭССЯ 17: 54] с префиксом *ko-*.

2. Вульг. *náček* 'подушечка, брюхо' [Zaorálek⁴: 769; Machek²: 387] может быть производным от чеш. *nat'*, *ňac'* 'ботва корнеплодов' [Kott II: 83; VII: 1331; Machek²: 387], также словац. *nas* то же [Kálal: 352] < праслав. **natъ*. Предполагается изменение значения 'ботва корнеплодов' > 'корнеплод' > 'толстый предмет', ср. русск. диал. *ботва* 'стебли и листья свеклы, картофеля и некоторых

* П е р в а я п у б л и к а ц и я: Чешские этимологии // Славянский мир: язык, литература, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. 28–29 ноября 2018 г., Москва. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 54–55.

других овощей; брюква, свекла; о толстяке, о полной, толстой женщине' [СРНГ 3: 133].

3. Валаш., словац. *zhlaň* 'омут' [Kott V: 469; Machek²: 715], при опоре на известные свойства обозначаемого — затягивание в глубину, поглощение — сопоставимо со словац. *hltan* 'глотка', *hltaña* 'обжора'. Соответственно представляется возможной производность *zhlan*' от *hltati* и реконструкция имени **sʰglʷtanь*. В чеш., словац. *zhlaň* предполагается упрощение группы *sglt-* > *zhlt-* > *zhl-*. К тому же индоевропейскому гнезду, что и праслав. **gʷlt-*, — и.-е. **gʷel-* 'глотать, поглощать' — возводятся также голланд. *kulk* 'глотка', нем. *Kolk*, норв. *kulp* 'впадина, вымоина (у основания водопада)' [Pokorný I: 365]. Учитывая приведенные индоевропейские производные от и.-е. **gʷel-* 'глотать, поглощать' с индоевропейским задненебным детерминативом **-g-*, к родственной индоевропейской основе с детерминативом *-k-* могут быть возведены также чеш. морав. *hlčák* 'впадина в реке' и ганац. *hlók* 'место в плотине, где стекает вода', определенные В. Махеком как этимологически неясные [Machek²: 169 — *hlouk*]. Очевидно, возможно родство этих двух последних лексем со *zhlaň* на уровне индоевропейских основ.

Некоторые русские дополнения
и комментарии
к статьям «Słownika etymologicznego
kaszubszczyzny»*

Чтение этимологического словаря каждого славянского языка, неродного для читателя, непременно побуждает обращать внимание на включенный в статьи словаря материал родного для читателя языка и, соответственно, настраивает на поиски не учтенных, но возможных генетических соответствий или синонимов и семантических параллелей. Подобные поиски весьма полезны для расширения представлений как о лексике словаря-объекта чтения, так и о лексике языка читателя, и вообще о древней истории и более позднем развитии лексики славянских языков. В настоящих заметках предлагаются именно такие потенциальные соответствия и параллели для некоторых слов, рассмотренных в SEK, происхождение или семантика которых представляются авторам словаря недостаточно ясными или уникальными.

К словин. *p'ovãłki*

Для словин. *p'ovãłki*, род. *pov'ãłk* ж. мн. 'почки (орган тела)' в SEK версия происхождения из синонимичного *povarka* приведена

* Первая публикация: Некоторые русские лексические дополнения и комментарии к статьям «Słownika etymologicznego kaszubszczyzny» // Zeszyty łůżyckie. 49. Sorabistyka w kręgu zainteresowań slawistyki. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. S. 1–5.

с авторскими сомнениями и поэтому слово признано этимологически неясным [SEK IV: 108]. Представляется возможным предложить толкования с опорой на вероятные мотивационные модели и потенциальные русские диалектные соответствия.

Помимо мотивационной модели 'вареное / то, что можно варить', реализованной в словин. *povarka* [SEK IV: 108], для названия почек существуют другие модели. Существенно функционирование названия почек во множественном числе, что отражает двусоставность этого органа. Двусоставность может быть выражена также производящей основой названия: см. русск. диал. липецк. *полоушки* мн. 'почки' при русск. урал. *полоушка* 'половинка обожженного кирпича' [Варбот 2008а: 99] и русск. карел. *полушка* 'круг жернова' («две полушки у жернова») [Сл. русск. гов. Карелии 5: 68], производные от *пол-* 'половина'. Приведенный материал позволяет высказать предположение об образовании словин. *p'oválki* в результате метатезы из **polovki*, о структурной реальности которого свидетельствует польск. *połowka* 'половина чего-л. как самостоятельный предмет' [Warsz. IV: 552].

Есть, впрочем, и еще один путь этимологизации словин. *p'oválki*. Он определяется другой характерной особенностью этого органа — округлой формой, что объясняет совмещение в одном индоевропейском названии **neg^hhros* обозначений почек и тестикул: греч. νεφρός 'почки', др.-в.-нем. *nioro* 'почка' и 'тестикул' [Pokorny I: 319]. Если опираться на эту мотивацию, то словин. *p'oválki* сопоставимо с польск. диал. *powalka* 'калачик' [Warsz. IV: 827] и русск. диал. твер. *повáлок* 'хлебец' [СРНГ 27: 18].

К кашуб. *pobegli*

Кашуб. *pobegli* 'пасмурный' (первоначально действ. прич. прош. вр. от **pobėgnoti*) и кашуб. *pobėgnoc* 'омрачиться' охарактеризованы в SEK как кашубские лексические инновации [SEK IV: 80–81], поскольку в других славянских языках эти значения для соответствующих форм не зафиксированы. Инновационный характер этой семантики несомненен, но, кажется, близкое к кашубским формам развитие семантики обнаруживается в русском языке у причастия от родственного с **pobėgnoti* глагола **pobėžati*: речь идет о русск. техн. *побежáлый* 'о цвете, краске: тот или иной цвет

окалины нагреваемого металла (различный при различной температуре, от светложелтого до темносинего и голубого)’ [Ушаков III: 221]. Появление вторичной окраски на поверхности металла, очевидно, может восприниматься подобно потемнению неба. Примечательно, что в русском языке не зафиксировано соответствующее значение для производящего глагола.

К кашуб. *sek* ‘надоедливый человек’
и *seka* ‘злая, сварливая женщина’

Кашуб. *sek* ‘надоедливый человек’ и *seka* ‘злая, сварливая женщина’ объяснены в SEK как производные от *sekac* в переносном значении ‘болтать, выдумывать, обзывать, ругать’ [SEK IV: 256]. Семантически близкое и родственное слово представлено в русских смоленских говорах — русск. *сечёнка* ‘нервная, бранчливая женщина’ («во зарубила, как сечёнка» [СРНГ 37: 251]), однако оно образовано, учитывая приведенный контекст, по другой модели мотивации: ср. смол. *сечёнка* ‘крутое тесто, рубленное сечкой’, а также (в других говорах) ‘рубленая солома, мелко нарубленная капуста, дробленая крупа’ [СРНГ 37: 250–251], так что очевидна непосредственная связь с глагольной семантикой физического действия — рубки, сечения. Хотя глаголу *сечься* в русских говорах также известна семантика ‘спорить, ссориться с кем-л.’ [СРНГ 37: 255], примечательна вероятность различных мотивационных моделей для родственных синонимичных слов в кашубском и русском языках.

К кашуб. *skacęc*

В статье, посвященной кашуб. *skacęc* ‘зажечь’, вместе с целой группой родственных глаголов с другими префиксами, в SEK анализируется несколько существующих этимологических версий, предполагающих исходную семантику движения огня или возбуждения этого движения, но все-таки глаголы признаются этимологически неясными вследствие отсутствия соответствий в других славянских языках [SEK IV: 272–273]. Теперь такое соответствие обнаружено в русских говорах: это сев.-двин., арханг. *катить*

‘сжигать лес на месте будущего поля’ [СРНГ 13: 128]. с производным сев.-зап. *катенина*, возводимые к праслав. **katiti* ‘катать’: «...При сжигании на подсеке бревен и крупных сучьев их переворачивали, „катали“ шестами» [Мызников. Атлас: 216] (см. подробно: [Куркина 2011: 86] — без учета кашубских глаголов). Генетическое тождество кашубской глагольной группы с праслав. **katiti* ‘катать’ подтверждают особенно значения кашубских префиксальных глаголов *obskacëc* ‘собрать огонь в одно место, подбросить дров в огонь около посуды, стоящей на очаге’, *woebskacac* ‘обкладывать горячими углями’ [SEK IV: 81]: объектами глагольного действия являются средства поддержания огня, топливо. Типологически обозначение горения глаголом с исходным значением передвижения топлива аналогично развитию семантики слав. **kosterъ* от ‘куча дров’ к ‘огонь’. Кашубско-русское соответствие позволяет реконструировать значение ‘сжигать’ уже для праслав. **katiti*.

О двух случаях вероятного действия народной этимологии в славянской лексике* (на материалах выпусков ОЛА «Домашнее хозяйство» и «Животный мир»)

Нижеследующие наблюдения базируются на материалах выпусков ОЛА «Домашнее хозяйство» и «Животный мир»**.

Название перепелки

Среди лексических материалов к вопросу LSI 66 'перепелка', полученных на территории Украины, наряду с преобладающим *perepél'yc'a*, восходящим к праслав. **pelpelica*, представлено *čereste'lač'a*, *čarastá'lec'* (п. 40). Праслав. **pelpelica* / **perperica* считается отражением подражания крику птицы. Сопоставление *perepél'yc'a* и *čereste'lač'a* наводит на мысль о появлении второй лексемы в результате осмысления *perepél'yc'a* как образования с префиксом *pere-* и последующего народноэтимологического преобразования с замещением *pere-* функционально близким префиксом *čeres-* (< **čerz-*). Появление *t* вместо *p* является следствием того же вторичного структурирования: это собственно замена *-pel-* на *-tel-*, актуальный суффикс действующего лица. Последнее преобразование

* Статья публикуется впервые.

** См.: Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир / Гл. ред Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1988; Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6: Домашнее хозяйство и приготовление пищи / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007.

поддерживается сопоставлением с названием *коростель*, что тем более вероятно, поскольку этих птиц иногда путают и названия смещаются: ср. серб.-хорв. стар. *krastijelj* 'перепел'.

Русск. *скорлуна*, блр. *скарлунка*
и праслав. **skorupa* / **skorlupa* / **skъrlupa*

Генетическая связь вост.-слав. *скорлуна* и семантически близких лексем других славянских языков с корнем **skor-* / **skъr-* и (частично) с корнем **lup-* с глагольными гнездами **sker-* / **skor-* 'резать, драть, скрести' и **lupiti* относится к числу немногих неоспоримых этимологических решений, однако реконструкция праславянской формы и первичной структуры восточнославянского слова неочевидна. Учет родственных форм с суф.-*upa* (серб.-хорв. *скоруп*, ст.-чеш. *skořupina*, польск. *skorupa*) стал обоснованием реконструкции **skorupa* как первичной структуры слова [Фасмер III: 652] с вторичным, народноэтимологическим преобразованием суффикса, при ориентации на *lupiti*, в **skorlupa* [Фасмер II: 652; Snój 1997: 576]. Это толкование словообразовательной структуры русск. *скорлуна* и ее истории, преобладающее в этимологии, восходит к А. И. Соболевскому, который опирался на древность структуры цслав. *скралупа* и др.-русск. (XIV в.) *скоролупа* и объяснил современное *скорлуна* выпадением гласного [Соболевский. Лекции: 98]. Большой лексический материал, объединенный в выпусках ОЛА, может быть основанием для некоторой коррекции этих этимологических решений.

Лексический материал с корнем **(s)ker-*, родственной со **skorupa*, представлен в ОЛА в соответствии с тремя темами (вопросами) L 1146 'скорлуна яйца', L 1174 'кожура, снятая со старой картошки' (выпуск «Домашнее хозяйство») и L 102 'чешуя рыбы' (выпуск «Животный мир»). Обзор материала свидетельствует о широком распространении производных с суффиксом *-upa* от корня с *o*-вокализмом **skor-* (то есть собственно от **skora* 'кожа'): чеш., словац., польск., укр., блр.; с суфф. *-uba* (?) в болгарском и сербском. Это подтверждает праславянскую древность структуры **skorupa*. Параллельно для всех трех значений широко представлены производные от **lup-* (без участия **sker-*), как бессуффиксные **lupъ* / **lupa* (словен., болг., чеш., словац., польск., укр., блр.,

русск.), так и производные с различными суффиксами (чаще с *-ina*). Для всех трех значений зафиксированы также производные от корня **lusk-*. Сложение **skor-* и **lup-* > **skorlupa* (> вост.-слав. *скоролупа*) зафиксировано в русском, украинском и белорусском языках, **korlup-* (*kral'upina*) в сербском (п. 87); есть и сложения **(s)kor-* и **lusk-*: *kral'uš* (п. 69, 70 — сербский) и *kral'ušta* (п. 169 — Румыния). Представляется, что отмеченная многочисленность производных с корнем **lup-* (независимых от **sker-*) и наличие производных с **lusk-* (и независимых от **sker-*, и в сложении со **sker-*) делает необязательной версию народноэтимологического преобразования **skorupa* в **skorlupa* и позволяет допустить независимое образование **skorlupa* (> вост.-слав. *скоролупа*), то есть праславянский диалектный параллелизм этих двух форм: **skorupa* и **skorlupa*.

Корень **(s)ker-* представлен в рассматриваемом материале ОЛА не только с *o*-огласовкой. Формы с *e*-огласовкой **čerupьka* зафиксирована в болгарском (п. 128, 134). В следующих формах отражена огласовка этого корня в ступени редукции **(s)kьr-*: *kъl'u:šь* (п. 61 — Босния и Герцеговина; п. 62, 63 — сербский), *kъl'u:šь* (п. 62, 67, 78 — сербский), *šкърljupa* (п. 72 — Черногория) (все формы со значением 'чешуя рыбы'). Наличие последних (особенно *šкърljupa*) позволяет обратиться к форме русск. *скорлупа*. В ОЛА все многочисленные соответствующие диалектные фиксации (при несравненно меньшей фиксации *скоролупа* с семантикой 'скорлупа яйца', 'кожура картошки' и совершенном отсутствии *скоролупа* с семантикой 'чешуя рыбы') обобщены под формой *skorolup-*, с пометой о выпадении второго *o*, то есть принята точка зрения А. И. Соболевского. Однако следует, кажется, учесть, что структура *скоролупа* в языковом сознании связана не с устаревшим *скоpa*, а с прилагательным *скорый* (ср. *скоролуп* 'тот, кто быстро ест' [Даль² IV: 206], что должно препятствовать фонетическому изменению — выпадению *o*. Реальность участия в образовании слов со значением 'рыбья чешуя' корня **sker-* с огласовкой в ступени редукции **skьr-* позволяет предположить ту же форму корня и для русск. *скорлупа*, укр. диал. *скорлупа*, блр. диал. *скарлупка*, *шкарлупіна*, то есть праслав. **skъrlupa* как еще один словообразовательный вариант к праслав. **skorupa* / **skorlupa*.

Часть V

**Этимологизация
русской лексики**

О происхождении глагола *калякать**

В известной притче Эзопа, назвавшего язык сначала самой полезной вещью, а затем самой вредной, обыгрывается тождество обозначения языка как физического органа речи и самой речи, так что подчеркивается многоаспектность речи человека: она может служить и благим, и злым целям, отсюда ее важность в жизни человека. В сущности, значимость речи как способности человека отмечена и в представлении римских патрициев о рабах: это г о в о р я щ и й с к о т.

Роль речи в жизни человека отражена во множестве пословиц и поговорок русского народа, о ее значительности свидетельствует и многочисленность глаголов, обозначающих речь, причем в различных сферах функционирования русского языка, стилях и с различными коннотациями: *говорить, изрекать, вещать, сказать, болтать, балакать, калякать, лепетать, шептать* и др. Изучение происхождения, способов образования этих слов позволяет судить о древности обозначений речи, исконности или заимствовании и, что очень существенно, о взгляде народа на речь, ее содержание и назначение.

Глагол *калякать* характеризуется в словарях русского литературного языка как просторечный и фамильярный [Ушаков I: 1295 —

* П е р в а я п у б л и к а ц и я : О происхождении глагола *калякать* // Русская речь. М.: Наука, 2016, № 1. С. 13–15.

простореч., фам.; Шведова ТСРЯ: 318 — простореч.] со значением ‘разговаривать’. По данным Национального корпуса русского языка так употреблялся этот глагол в течение всего XIX в. и XX в., первое употребление отмечено в 1790 г. у П. А. Плавильщикова: Да что много пустого *калякать!* (Бобыль). Даль определил значение *калякать* так: ‘гуторить, баять, беседовать, разговаривать приятно, не шумно или о неважном, болтать’ [Даль² II, 80], а соответствующее существительное *каляка* — ‘пустой, неважный разговор, беседа, болтовня’ [Даль² II, 80]. В русских говорах семантика глагола несколько богаче, в основном за счет коннотаций: ‘разговаривать неискренне, кривя душой, преследуя корыстные цели’ (псков., орлов.), ‘лепетать’ (арханг.), ‘о неправильном, неграмотном произношении’ (курск.), ‘рассказывать’ (ряз., оренб.), ‘попросить, клянчить’ (курск., калуж.), ‘врать, привирать’ (тамб.), ‘спорить, ругаться, враждовать’ (брян.), ‘советоваться о чем-либо’ (самар.) [СРНГ 13: 12].

Происхождение глагола *калякать* толковалось по-разному и обычно с известной долей сомнения. Наиболее спорной признавалась гипотеза И. Г. Добродомова о заимствовании слова из протобулгарского языка: ср. чуваш. *kala* ‘говорить’ [Добродомов 1971: 126], до последнего времени большинством исследователей воспринималась как наиболее авторитетная версия родства *калякать* с группой лтш. *kaļiūt* ‘болтать’, д.-в.-нем. *halōn* ‘кричать’, лат. *calō* ‘вызывать, сзывать’, греч. *καλέω* ‘зову’ [Фасмер II: 172; ЭСРЯ МГУ 8: 33; Шведова ТСРЯ: 318].

Принципиально новое решение относительно происхождения *калякать* было предложено В. Э. Орлом: *калякать* истолковано как производное от *каляка* ‘каракуля’, образованного, в свою очередь, с участием префикса *ка-* от *лякать* ‘гнуть, сгибать’ [Orel RED 2: 450]. Представляется, что исходное этимологическое гнездо *лякать* ‘гнуть, сгибать’ определено автором правильно, но вот словообразовательные и семантические связи, предполагаемые в этой версии, требуют уточнения и корректировки. Прежде всего, *каляка* ‘каракуля’ известно лишь детской речи и является, вероятно, образованием от разг. *калять* ‘пачкать’ [Даль² II, 79], так что *каляка* ‘каракуля’ исключается из цепи *калякать* — *лякать*. Но сама эта цепь реальна. Подтверждения ее обнаруживаются в диалектной лексике. Во-первых, зафиксирован глагол *взлякать* ‘рассказать’

[Сл. Южн. Прикамья I: 120]. Сопоставление его структуры с *калякать* (при синонимии глаголов) подтверждает правомерность выделения основы *лякать*, которая соединяется с префиксами *ка-* и *вз-*. Во-вторых, в Рязанской Мещере отмечен глагол *лякать* 'болтать, говорить пустое' [Карт-ка Сл. Ряз. Мещеры].

Остается вопрос о семантической связи ряз. *лякать* 'болтать, говорить пустое' и *лякать* 'гнуть, сгибать'. Рязанский диалектизм включен О. Н. Трубачевым в число рефлексов праслав. **lękati* (*sę*) 'гнуть(ся), сгибать(ся)' [ЭССЯ 15: 60] без уточнения семантических отношений. Возможно, автор счел их достаточно прозрачными. Действительно, следует обратить внимание на частое акцентирование в употреблении глагола *калякать* семантических составляющих 'пустой, неважный, неискренний, неправильный' и непосредственно значение 'врать, привирать', а эти значения часто соседствуют с семантикой искривления, сгибания: ср просторечн. *загнуть* 'сказать (что-л. резкое, необычное, неуместное), соврать' [Шведова ТСРЯ: 244], русск. *врать* восходит к праславянскому глаголу со значением 'поворачивать, загибать, связывать' (откуда русск. *свора*, *завируха* 'метель, склока, неприятности'). Таким образом, производность *калякать* от *лякать* 'гнуть, сгибать' изначально ориентирована на обозначение разговора несерьезного и даже неправдивого.

Русские этимологии на словацко-чешском фоне*

Родство этимологических гнезд, принадлежащих отдельным славянским языкам, но восходящих к праславянским источникам, часто проявляется в истории отдельных славянских языков параллельным семантическим развитием производных образований, которое не может быть приписано собственно праславянскому состоянию, особенно при наличии структурных различий соответствующих производных. Однако внимание к семантике поздних / вторичных производных различных языков позволяет, в случае обнаружения подобного параллелизма или близости, найти или подтвердить предполагаемое объяснение для лексемы одного из языков (представляется, что это наиболее доказательный тип семантических параллелей). Ниже предлагаются два таких толкования.

Русск. диал. *рѳзный* 'болезненный'

В русских архангельских говорах зафиксировано прилагательное *рѳзный* в значении 'болезненный, больной' в контекстах: «От гипса все *рѳзно* было, кожа вся съехала. Добродим до того, что ноги *рѳзны*, красны, все икры разлопаются» [СРНГ 35: 164].

* Первая публикация: Русские этимологии на словацко-чешском фоне // *Jazykovedné štúdie XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie* / Red. P. Žigo. Bratislava: Veda, 2010. S. 79–82.

Более широко (в архангельских, вологодских, олонечских, новгородских, псковских, ярославских и сибирских говорах) известно значение этого прилагательного 'разорванный, дырявый, изношенный (об одежде, обуви)', а в новгородских говорах — еще 'изломанный' [СРНГ 35: 164]. Семантика разрыва, порчи, ломки сохраняется по диалектам в производных от прилагательного *róznýj* глаголах: *róznítʹ* арханг. 'рвать, ломать, небрежно обходиться с чем-либо' («Что *rózníшь* одежду-ту?»), *róznítʹsja* арханг., волог. 'рваться, портиться (об одежде, обуви)' [СРНГ 35: 163]. Очевидна вторичность этой семантики прилагательного по отношению к первичному значению 'отдельный, отличный', определяемому производящим корнем — праслав. **orz-* и известному во всех славянских языках. Развитие производной семантики представляется следующей последовательностью переходов: 'отдельный, отличный' → 'отделенный (часть от целого)' → 'отломанный, оторванный' → 'изломанный, разорванный, дырявый' → 'изношенный'. Значение 'болезненный, больной' можно было бы истолковать как дальнейшее развитие семантики изношенности, но более вероятно его формирование по мотивационной модели «ощущение ломки», хорошо известной в названиях болезненных состояний: ср. русск. *ногу ломит, спину разламывает, голова раскалывается*. Подтверждением регулярности и существенности значения разлома как этапа в развитии вторичной семантики прилагательного **orzъnъjъ* и его производных в славянских языках является словацкий диалектный (Banská Bystrica) глагол *odrúznúť* 'отломить (ветку)' [Kálal: 410], при *rôznu* 'различный' (*odrúznúť* — производное от **odrozniť* < **otъorzъniti* с участием аналогического преобразования). При учете исходной семантики праслав. **orz-*, развитие вторичных значений прилагательного **orzъnъjъ* и его производных примечательно как случай изменения семантики в направлении от абстрактного к конкретному (при все еще преобладающем мнении о закономерности только обратного направления).

Русск. *парень*

Относительно происхождения этого слова существует несколько версий, неоднократно обсуждавшихся в этимологической литературе: принадлежность к этимологическому гнезду праслав.

prěti*/pariti*, производность от **parobъкъ*, заимствование из иранских языков. В последнем по времени исследовании на эту тему А. Ф. Журавлева содержится весьма обстоятельный анализ слабых сторон этих толкований, с которым можно согласиться, и предложена авторская гипотеза о производности от **pora* ‘время, период, срок; сила, мощь’ [Журавлев 2003: 137–151]. Следует признать, что в отношении мотивации это толкование очень убедительно, однако оно уязвимо в отношении объяснения структуры слова: предполагаемое удлинение корневого гласного в суффиксальном имени не согласуется с поздней (XVI в.) фиксацией и, вероятно, поздним образованием слова.

Попробуем возвратиться к хронологически первой версии — о происхождении *парень* из этимологического гнезда праслав. **prěti*/**pariti*, впервые предложенной С. П. Микуцким [Микуцкий 1852]. Исходя из понимания теплоты как основы жизни, автор реконструировал исходную семантику слова как ‘рожденный, сын’ при первичности формы страдательного причастия от **pariti*. Уязвимой стороной здесь является отсутствие употреблений глагола по отношению к рождению детей. П. Я. Черных допускал родство с *парить*, *пареный*, *парной* при реконструкции первичного значения существительного **запарившийся* молодой человек, ухажор’ в ироническом употреблении [Черных² II: 6]. Этому толкованию противоречит функционирование слова как социального термина далеко за пределами сферы добрачного ухаживания. Однако именно на эту сферу ориентировался и В. Э. Орёл, развивший данную версию в реконструкцию **parę*, производного от *пар*, *пара* ‘душа, дух, жизнь, животная теплота’, по модели любовных прозвищ *душка*, *душенька* [Орёл 1997: 67–68]. Как справедливо отметил А. Ф. Журавлев [Журавлев 2003: 140–141], нет серьезных оснований ни для реконструкции *-ęt*-основы, ни для сужения условий возникновения слова до сферы добрачного ухаживания.

И тем не менее, кажется, есть повод возвратиться к версии родства *парень* с гнездом **prěti*/**pariti*, но с уточнением мотивационной модели. Структура существительного *парень*, род. п. *парня* указывает на образование его в результате субстантивации прилагательного с суф. *-ен-*/*-н-* < *-ьн-* — *парный*/*парной*. Из прилагательных с этой структурой следует обратить внимание на диал. олон. *пáрный*, перм., свердл., оренб. *парнóй* ‘сильный, могучий’ как

определения человека: *парный детина*, *парной богатырь* [СРНГ 25: 233]. Прилагательное, очевидно, образовано от *пар* 'дух, жизненное начало', которое действительно изначально «физиологично», по определению А. Ф. Журавлева [Журавлев 2003: 141], но именно потому и может быть мотиватором для обозначения достигшего зрелости, полного жизненной силы юноши, каковое представление и связано со словом *парень*: ср. русск. диал. влад. *выйти в парни* 'повзрослеть (о юноше)' [СРНГ 25: 223]. Развитие значения слова *пар* и его парадигматического варианта *пара* в направлении от 'дыхание, дух' к 'сила' предполагается русскими. адвербиализованными сочетаниями типа диал. смол. *со всей páры* 'изо всех сил' [СРНГ 25: 213], ряз., урал. *с пару сходиться/сойти* 'онеметь, потерять чувствительность (о руках, ногах)' [СРНГ 25: 212]. Ср. близкое развитие семантики русск. *дух*: *собраться с духом*, *хватит духу* 'осмелиться, осилить', диал. костр., моск., влад. *духу/духов не хватает / не хватит / нет* 'о недостатке средств, возможностей' [СРНГ 8: 276], пенз. *духовой* 'храбрый, боевой. смелый' [СРНГ 8: 280]. Закономерность развития семантики силы в продолжениях слав. **parь*/**para* подтверждается словацкими и чешскими диалектизмами: словац. *para* 'сила, энергия' в контекстах: *Má dobru paru*. *Utekač, so mu para stačiča* [Palkovič: 85], *Kebis mieč taku paru, biz ho premoheč* [Sl. sloven. nár. II: 730], чеш. *para* 'сила' в контекстах: *Ten má paru! Ale už také starý Křúpala nem'él téj paru* со ргв [Bartoš: 281; Kazmír: 241]; ср. еще словац. разгов. *nemá paru* 'не в силах, не в состоянии' [SSJ III: 26] и диал. экспр. *parit' sa* 'задаваться': *Ľepar še, Ľepar, bo se od zemi nevidno* [Sl. sloven. nár. II: 736]. В словацких шарийских (восточнословацких!) говорах зафиксировано как экспрессивное слово *pareňak* 'молодой человек' [Buffa: 200], которое, очевидно, является украинизмом, но для предлагаемой семантической мотивации русск. *парень* — «сильный, силач» — примечателен приведенный в этом источнике контекст, характеризующий молодого человека именно по силе. крепости: *Takí pri síle pareňak* [Buffa: 200 — *pareňak*]. Впрочем, в «Словаре словацких говоров» то же слово *pareniak* (с указанием тех же шарийских говоров) толкуется как 'толстый, обычно и ленивый человек' в контекстах: *Teho pareňaka ňeberce ze sebu, bo I tag budze ľem šedzidz a ňidž ňepomože! Takeho pareňaka voľilam bi obl'ikadz jak karmic* [Sl. sloven. nár. II: 734].

Проблема русских названий kozyря и козырька*

Всегда актуальной проблемой, объединяющей сферы интересов синхронной лексикологии/лексикографии и этимологии, является разграничение омонимии и многозначности. Поскольку омонимия на синхронном уровне может быть генетически как гетерогенной, так и гомогенной, даже для синхронной лексикологии необходимы учет и даже ориентация на этимологическую разработку каждого конкретного случая, что осложняется при потенциальном вмешательстве процессов освоения заимствований. Таковой представляется рассматриваемая ниже лексическая ситуация.

К числу нерешенных вопросов этимологии русской и славянской лексики относится вопрос о генетических отношениях русских слов *kozyрь* и *kozyрек*, точнее — производящей основы последнего, *kozyрь*, сохранившейся в русских говорах с тем же значением [СРНГ 24: 77]. В словарях (особенно диалектных, исторических) словоформы с семантикой карточного термина и части головного убора часто объединяются как одна лексема, что в значительной степени зависит от этимологических толкований.

Относительно происхождения слова *kozyрь* (ст.-русс. *kozyрь* 'высокий стоячий воротник; шапка с козырьком; суживающаяся

* Первая публикация: Проблема русских названий козыря и козырька // Человек о языке — язык о человеке. Сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2012. С. 82–85.

кверху спинка саней' — с XVII в., см. [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 228], а также укр. диал. *козир* 'картуз; устройство в санях для защиты от дождя и снега' [ЕСУМ 2: 49]) разработаны две основные версии. Одна, восходящая к А. И. Соболевскому, предполагает производность от *коза*, при первичной мотивации 'длинная полоска кожи' [Фасмер II: 279]. Как аргумент в поддержку этой версии приводится производность славянского названия кожи от названия козы (**koža* < **kozja*), ср. также ст.-русск. *козушка* 'вид кожаного кошелька' в деловых документах XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 228]. Другое толкование принадлежит О. Н. Трубачеву: источник слова *козырь* 'козырек' реконструируется как **ko-zyrь*, «сложение местоименной приставки *ko-* и корня глагола **zyriti* 'смотреть'», с семантическим развитием 'приспособление для защиты зрения' → 'навес, то, что сверху', откуда выводится как последний этап 'старшая карта, покрывающая остальные' [ЭССЯ 12: 28]. Учитывая защитные функции козырька, следует, вероятно, предпочесть для толкования происхождения этого слова последнюю версию. В качестве немаловажного аргумента в ее поддержку можно привести реализацию аналогичной мотивационной модели во франц. *gardevue* 'козырек', букв. 'защищающий зрение' (с середины XVIII в. [NDÉ³: 334]). Гораздо менее вероятной представляется производность от названия козырька как термина карточной игры

Обращаясь к происхождению слова *козырь* как карточного термина, нельзя не учитывать заимствованное происхождение игры в карты в России и соответственно преимущественную роль заимствований в появлении терминологии карточной игры в русском языке. Правда, в отличие от многих других терминов (например, *карта*, *король*, *дама*, *валет*, *ремиз*), выяснение истоков слова *козырь* весьма затруднительно. Близкие к русск. *козырь* лексические соответствия есть, помимо восточнославянских (укр. *козир*, блр. *козыр*), в нескольких славянских языках, но болг. *козир* считается русизмом [БЕР II: 525], чеш. *kozera*, *kozyra* — полонизмы [Sławski III: 28]. Не решенным окончательно остается вопрос о происхождении польск. *kozera*, *kozyra*: сведения о первых фиксациях слова обосновывают версию о заимствованиях из русского [Sławski III: 28], но история изменения значения позволяет предполагать заимствование исходного глагола из французского *causer* через немецкий, с развитием значения от 'азартное поведение (в игре)',

с позднейшим влиянием на семантику со стороны восточнославянских языков [Bańkowski 1: 805], возможность заимствования из польского в русский [Brückner: 262–263] современными польскими исследователями отвергается [Sławski III: 28; Bańkowski 1: 805]. Однако в болгарском языке есть *коз* ‘kozyрь’ — заимствованное тур. *koz* то же [БЕР II: 520]. К этому же турецкому источнику и возводится наиболее убедительно вост.-слав. *kozyрь* [Sławski III: 28–29; ЭСРЯ МГУ 8: 88–89; ЭСБМ 5: 90], хотя при этом не рассматривается вопрос о структурном оформлении турцизма на восточнославянской почве и о соотношении с *kozyрь* ‘kozyрек’.

Представляется, что для выяснения причины суффиксального «добраивания» заимствованного *koz* на восточнославянской почве, породившего омонимию с *kozyрь* ‘kozyрек’, следует, не возвращаясь к вопросу о происхождении последнего (соответственно, независимо от первичной мотивации слова), обратить внимание на дальнейшее развитие употребления слова *kozyрь* ‘kozyрек’. В истории языка (см. выше) и в русских говорах *kozyрь* и производное *kozyрек* представлены (в отличие от литературного языка) с широким набором значений: кроме ‘kozyрек шапки’ и ‘карниз’, также и ‘спинка кровати’ (*kozyрь* свердл.), ‘верхняя часть спинки кровати’ (*kozyрек* арханг., краснояр.), ‘передок саней’ (*kozyрь* смол. перм., *kozyрек* смол., прибалт.), ‘головки у саней’ (*kozyри* яросл.), ‘высокая спинка саней, крылья саней’ (*kozyри* волог., перм., тул. и др.), ‘удлиненная спереди часть голенища валенка, прикрывающая колено’ (*kozyрек* чкал.), ‘задний выступ седла’ (*kozyрек* том., новосиб.) и под. [СРНГ 14: 75–78], ‘отворот сапога’ (*kozyрек* [Сл. русск. гов. Алтая 2: 55]). Близкие значения представлены и в украинском языке, что существенно при версии южного (турецкого) источника карточного термина: *кóзир* ‘приспособление в санях для защиты от снега и дождя’, *кози́ро́к* ‘крыша, навес’, *кози́ро́к* ‘конусообразный железный сосуд для собирания живицы с сосен’ [ЕСУМ 2: 499; 500], *кози́ро́к* ‘название вола с рогами, расходящимися в противоположные стороны почти горизонтально, кончики которых загнуты внутрь’, а также глагол *кози́рити* ‘прясть ушами, насторожить уши (о лошади)’ [Гринченко II, 266]. Очевидно, что *kozyрь*, *kozyрек* используются для обозначения не только защитных приспособлений, но и выступающих, торчащих частей различных предметов, сходных с козырьком по его расположению

на головном уборе — направленности в сторону, образованию выступа. Особенно подчеркнута эта мотивация в глаголе *отkozyрнуть* 'отклонить, откинуть' (в тексте — 'откинуть часть дивана' [Сл. русск. гов. Карелии 4: 299]), ср. выше укр. *козырити* 'прясть ушами, насторожить уши (о лошади)'. В акцентировании именно этой составляющей семантики слова *kozyрь* 'kozyрек' обнаруживается близость его ко всему семантическому комплексу гнезда *коза/козел*, где определенно выделяется внешний признак — торчащие рога, что является мотивацией многочисленных производных названий различных устройств с выступающими, торчащими частями: *кóзлы*, диал. *козел* 'kozyлы для пилки дров; простейшая пристань, мостки на козлах; бревна, поставленные на просушку вертикально; кол, вбиваемый в речное дно для установки рыболовных морд; кол, жердь (обычно с перекладинами) для сушки гороха, сена; укладка снопов' и др. [СРНГ 14: 58]. Ср. далее значения *kozyрять* 'бодать (о корове)' (влад., волог., калин. [СРНГ 14: 78]), *kozyркнуть* 'ударить' (ср.-урал. [СРНГ 14: 77]) и *kozyриться* 'обижаться, сердиться; относиться настороженно, с подозрением; коситься' (пск., твер. [СРНГ 14: 75]) при *kozyрка* рождественское фигурное печенье (в виде козы, коровы и т. д.) [СРНГ 14: 77] и явной производности слов с суф. *-ур-* от *коза*. В добавление к семантической близости словообразовательных гнезд *kozyрь/kozyрек* и *коза/козел* особенно интересно структурное сходство приведенного выше *kozyрка* и *kozyр* 'kozyрек' [Сл. русск. гов. Сибири 2: 84]: оно позволяет предполагать преобразование формы *kozyрь* или, рассматривая *kozyр* как параллельное образование (суффиксальный вариант) с *kozyрь*, возвращаться к версии происхождения слова *kozyрь* от *коза*, но с мотивацией 'выступающее, торчащее, наподобие рога'.

Наряду с составляющей выступающего, торчащего предмета (отчасти, вероятно, и в связи с ней) с производными гнезда *коза/козел* связано представление о бойкости, силе, важничанье, высокомерии (*козел, козиться*, см. [СРНГ 14: 58, 65]). Преобладающая семантическая составляющая слова *kozyрь* 'kozyрек' — 'нечто выступающее, торчащее' в сочетании с общей переносной семантикой паронимического гнезда *коза/козел* могла оказаться близкой к значению заимствованного слова *коз* 'самая сильная карта' и стать импульсом для его преобразования в направлении формального уподобления

исконному *козырь* путем наращенния суфф. *-ырь*. Неизбежно также последующее влияние карточной семантики образованного таким образом омонима — ‘превосходство’ — на исконное слово *козырь* в направлении усиления соответствующей составляющей его значения: ср. *кóзыри́* ‘нарядные, красиво отделанные (часто — расписные) сани’ (ряз., орл. [СРНГ 14: 76]), при очевидно первичном ‘высокая спинка саней, крылья саней’ (см. выше). Как следствие смешения двух омонимов в русском языке можно истолковать значение диал. олон. *козеріть* ‘козырять, отдавать честь’ [СРНГ 14: 63]: структура глагола позволяет предполагать заимствование из польского — *kozera* ‘козырная карта’ [Warsz. II: 511], тогда как значение соответствует русск. *козырь* ‘козырек’ (*козырять* ‘отдавать воинскую честь’).

Таким образом, *козырь* как термин карточной игры и *козырь* как название части головного убора являются гетерогенными омонимами, хотя структура заимствования определена паронимией и близостью в области переносных значений с исконной лексемой.

Об одном «темном» звене среди производных от русского *звено**

Статья посвящена этимологии русск. диал. *взвѣнье* ‘волчье логово’. Предлагаемому далее этимологическому толкованию этого слова как производного от *звено* необходимо предпослать краткие авторские соображения об этимологии и семантике *звено*, изложенные в работе о семантическом анализе в этимологии, см.: [Варбот 1992].

Русск. *звено* имеет точные соответствия в украинском, белорусском и лехитских языках, на основании чего реконструируется праслав. **zveno*. Происхождение этого слова признается неясным. Предложено несколько этимологических версий: метатеза из **zenvo* и далее к и.-е. **ǵenu-* ‘колено, угол, узел’ [Mikkola 1896: 351–352], предполагающее маловероятное структурное преобразование; родство с лит. *žuvìs* ‘рыба’ с реконструкцией для праслав. **zveno* значения ‘кусоч рыбы’ [Vaillant 1938: 246–248], с сопутствующими трудностями в объяснении других значений слов в славянских языках; производность от **zvnĕti* с учетом варианта *zvop* в польском, нижнелужицком, сербскохорватском и македонском [Borys 1981: 70], этот вариант наиболее вероятно является

* Первая публикация: Об одном «темном» звене среди производных от русск. *звено* // Славянское и балканское языкознание. Вып. 21. Палеославистика: лексикология и текстология. К 100-летию Р. М. Цейтлин. Международная коллективная монография. М.: ИСл РАН, 2021. С. 51–55.

результатом народной этимологии [Vaillant 1938: 246]; происхождение из индоевропейского гнезда *ǵhei- ‘кривой’ [Petersson 1916: 9–10], что фонетически неоправданно, по мнению В. Борыся, на это «нет достаточных доказательств» [Bogus 1981: 71].

В моей упомянутой выше работе, посвященной семантической реконструкции в этимологии, при этимологизации праслав. *zveno был сделан акцент на анализе значений лексем-продолжений *zveno в славянских языках, см.: [Варбот 1992]. Они составляют следующий перечень: ‘кольцо (цепи, кольчуги, змеи)’ (польск., русск., укр.), ‘часть обода колеса между двумя спицами, обод’ (в.-луж., н.-луж., полаб., польск., кашуб.-словин, укр., блр.), ‘часть изгороди, колено забора от кола до кола’ (русск.), ‘часть костра, равная длине дров’ (русск. диал.), ‘расстояние между поперечными балками, на которых держится потолок’ (укр. диал.), ‘обрубок, палка, полено’ (русск. диал.), ‘кусоч рыбы, отрезанный поперек’ (русск., серб.-хорв. диал., макед. диал.), ‘позвонок’ (русск. диал.); в производных и родственных образованиях представлены еще значения ‘сустав (пальца руки или ноги человека, лошадиной ноги; кость запястья, игральная бабка’ (русск. диал. *козвонóк, козонóк, козóн*), ‘позвоночник’. Из сопоставления приведенных значений (после элиминирования явно вторичных значений порядка ‘обрубок, палка, полено’) был сделан вывод о повторяемости варьирующегося семантического составляющего ‘одна из скрепленных друг с другом частей’ = ‘часть составного целого между двумя креплениями’ = ‘расстояние между креплениями’, что подвело к выводу о денотате как промежутке, отверстию и его заполнению. При варьирующемся заполнении промежутка была определена, как наиболее этимологически существенная = первичная, семантика ‘промежуток, отверстие’. Семантические составляющие ‘одна из скрепленных друг с другом частей’, ‘часть составного целого между двумя креплениями’, ‘расстояние между креплениями’ ярко выражены в значениях ‘звено, кольцо цепи’ и ‘позвонок’. Ср. даже как будто весьма удаленное русск. диал. *звено* ‘стекло в окне, стекло’ при диал. оренб. *звенышко* ‘слуховое окно на чердаке’, то есть ‘отверстие и его заполнение’ [Варбот 1992: 239].

Изложенная семантическая реконструкция праслав. *zveno позволила выдвинуть гипотезу о происхождении праслав. *zveno из

гнезда и.-е. **ǵhēu-* ‘зять, зевать’, к которому возводятся, в частности, тохар. А *śew-* ‘зять, зевать’ (Duchesne-Guillemin, s. 154 — цит по [Frisk II: 1073 — *χάος*]), греч. *χάος* ‘пустота, пустое пространство’, *χαῖνος* ‘пористый, губчатый; редкий (о ткани)’ [Рокорну I: 449]. Представляется возможным, что праслав. **zveno* восходит к основе II этого гнезда — и.-е. **ǵhau-e-* (при ранней утрате *ъ < ə*) или к краткостному варианту **ǵhu-e-* [Варбот 1992: 240].

Принимая для праслав. **zveno* первичную семантику ‘промежуток, отверстие’, можно истолковать как производное от русск. *звено* южнорусское диалектное *взвѣнье* ‘волчье логово’ [Даль² I: 192; СРНГ 4: 248]. Происхождением этого диалектизма интересовались недавно три исследователя.

Т. В. Горячева связала *взвѣнье* с диал. арханг. *взвѣнить* ‘загнить’: ‘логово’ < ‘гнилое (зловонное) место’, не касаясь происхождения глагола [Горячева 2018: 88]. О. М. Сергеева, отвергая семантическую реконструкцию Горячевой, предложила толкование *взвѣнье* на базе и.-е. **ǵen-(h₁)-* ‘класть’ (при условии допуска последней и.-е. реконструкции и предположении о существовании продолжения этого глагола в праславянском), оставляя открытым вопрос о связи *взвѣнье* с глаголом *взвѣнить* [Сергеева 2019: 294–295]. А. Е. Аникин предположил исходную структуру **взвѣдънье* от **взвестись* ‘расплодиться’, то есть ‘место, где плодятся волки’, ср. ярсл. *взвод* ‘выводок птиц’ [Аникин РЭС 7: 109]. При семантической убедительности этого толкования, вызывает сомнения реконструкция исходной структуры *-ведънье* вместо ожидаемого от глагольного имени *-веденье*, а для последнего упрощение в *-венье* менее вероятно.

Все изложенные версии происхождения слова *взвѣнье* исходят из первичности структуры слова с префиксом *вz-*. Если принять другое морфологическое членение (= словообразовательную структуру) слова, а именно — с префиксом *в-*, то можно ориентироваться на производящую основу *звено*. В отношении вероятности такой словообразовательной структуры ср. русск. диал. *вручье* ‘всякая нужная в домашнем обиходе вещь; оружие’ (псков.) [СРНГ 5: 195], *вполупутье* ‘в полпути’ (волог.) [СРНГ 5: 174]. При учете предложенной выше версии происхождения и первичной семантики праслав. **zveno* как ‘промежуток, отверстие’, словообразовательная связь *взвѣнье* ‘волчье логово’ с *звено* представляется

допустимой' на базе мотивации '(находящееся в) отверстии' > 'логово'.

Остается неопределенным соотношение существительного *взвенье* и глагола *взвенить* 'гнить', если только не допустить вторичность глагола по отношению к *взвенье* (логова животных обычно примечательны отходами и запахами); хотя такое направление словообразовательной связи глагола и имени нетривиально, оно известно русскому словообразованию: ср. *оружие* — диал. новг. *оружить* 'вооружить' [СРНГ 23: 347], *наследие* — русск.-цслав. *наследити* 'наследовать' [Даль² II; 471].

Словообразовательно-этимологические комментарии к словарю «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь». Вып. 1–5*

Общепризнанна ценность диалектных лексических материалов для этимологических исследований и для реконструкции древних состояний лексического фонда русского языка и праславянского языка как сокровищницы образований, корни, основы которых (и они сами) утрачены литературным языком или даже изначально существовали только в диалектных формах бытования национального языка. Но диалекты развиваются, причем их развитие происходит в социально-культурных условиях, отличных от литературного языка (в частности, не имеет ограничений литературной нормы). С другой стороны, очевидно, следует ожидать в диалектных изменениях реализации общенациональных языковых тенденций. Для современной этимологии значительный интерес представляют нерегулярные изменения и вторичные преобразования аналогического происхождения, вызывающие отклонения структуры лексем от исторически закономерной и затрудняющие этимологизацию с опорой на известные закономерности. Поэтому представляется существенным обнаружение и изучение соответствующих явлений в лексике диалектов. В настоящих заметках рассматриваются случаи

* Первая публикация: Словообразовательно-этимологические комментарии к словарю «Селигер. Материалы по русской диалектологии». Вып. 1–5 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология. М.: ИРЯ РАН, 2014. С. 303–307.

нерегулярных преобразований в лексических материалах, вошедших в собрание «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь», см.: [Селигер].

Вы́скодь

Значения этого слова в говорах района Селигера — ‘корень дерева, вывороченного ветром; дерево, вывороченное ветром с корнем; место в лесу, где грозой, ветром повалены деревья, бурелом’ [Селигер 1: 155], в тех же значениях слово зафиксировано во владимирских говорах [СРНГ 6: 21]. В некоторых других, преимущественно северных говорах известны морфонологические варианты *вы́скидь* с теми же значениями (арханг., волог., новг., петерб., урал.) [СРНГ 6: 20] и *вы́кидь* ‘упавшее дерево с вывернутыми корнями’ (олон.) [СРНГ 5: 290]. Эти варианты (особенно последний) позволяют выйти на исходную производящую основу: таковой представляется глагол *выкидывать*: ср. *вы́кид* ‘отходы’ [Селигер 1: 147]. Причиной преобразования структуры **вы́кидь* в *вы́скидь* и *вы́скодь* (последнее с генетически неправильным вокализмом) может быть аналогия с синонимичными лексемами, представляющими ту же вариантность корневого вокализма и префикс *-с-*: *вы́скорь* ‘вывороченное с корнем дерево или деревья, бурелом, ветровал’ (арханг., беломор., вят., волог., новг., горьк., перм., свердл. и др.) [СРНГ 6: 21] и *вы́скирь* то же (новг., олон., арханг., Сев.-Двин., волог., костром., вят., перм., свердл.) [СРНГ 6: 21].

Затёк

В селигерских говорах слово *затёк* имеет значение ‘пропуск при тканье’ [Селигер 2: 150], а В. Даль включил в свой словарь *затёк* ‘место, где открылась течь; синяк, отек’ [Даль² I: 647], есть *затёк* ‘синяк’ и в районе Селигера [Селигер 2: 150]. Последнее принадлежит к гнезду глагола *течь*, но гомогенность этих омонимов со значениями ‘пропуск при тканье’ и ‘место, где открылась течь; синяк, отек’ сомнительна. Семантика относит *затёк* ‘пропуск при тканье’ к числу производных от *ткать*, непосредственно — от *заткать*, так что корневой гласный в существительном оказывается

результатом вторичного восстановления. Ср. другой случай сближения производных гнезд *ткать* и *течь* вследствие вторичного восстановления корневого гласного в *ткать* — диал. новгор., влад. *вытокать* ‘выткать’ [СРНГ 6: 40].

Заму́глить

Этот глагол зафиксирован в контексте «Дождь заму́глил, это маленький, а большой — это ливень», на основании которого значение определено как ‘заморосить (о дожде)’ [Селигер 2: 132]. Слово достаточно надежно толкуется в кругу производных от *мгла*: хотя основное значение последнего — ‘туман’, но к нему весьма близка и семантика ‘изморось, моросить’, ср. словац. *mhlit’* ‘моросить’ [Káral: 332], чеш. диал. *mhlít* ‘моросить’ [Hruška: 53]. Исходной формой русского диалектного отыменного глагола было, таким образом, **zamygliti* > **замглить*, в корне которого произошло восстановление гласного, не соответствующее этимологической структуре **mygla* (ср. лит. *miglà*). Эта реконструкция подтверждается тождественным преобразованием корня исходного существительного *мгла* в говорах, близких к селигерским: ср. *му́гла* ‘мгла, туман’ (Лит. ССР, Латв. ССР, Костром.) [СРНГ 18: 329]. Преобразование паронимически сближает гнездо *мгла* с гнездом *сму́га*.

Дать зно́ю

Этот фразеологизм со значением ‘истребить, уничтожить’ записан в контексте «Птюшки когда доберутся до смороды, тогда дадут зно́ю» [Селигер 2: 166]. Известен он также в Подмосковье: *дать зно́ю* ‘наказать, побить’ [СРНГ 11: 318]. В последнем словаре фразеологизм включен в статью *зно́й* ‘пламя, жар в бане, угар’. Очевидно, предполагается метафорическое развитие значения ‘чрезмерно нагревать’ → ‘бить’, аналогичное случаю *дать жару*. Однако семантика истребления, уничтожения, акцентированная в селигерской записи, заставляет думать, что генезис ее в имени *зно́й* не исчерпывается метафорой: можно предполагать взаимодействие двух этимологических гнезд.

Семантика порчи, исчезновения и истребления характерна для славянского этимологического гнезда **nyti*: ср. чеш. *nýti* ‘изну́рять,

страдать, чахнуть’, польск. диал. *pus* ‘сохнуть, чахнуть, мучиться’, русск. *ныть* ‘болеть’, диал. *ныть* орл. ‘таять’, урал. ‘портиться (об огурцах)’ [ЭССЯ 26: 66–67]. Особенно ярко это выражено в продолжениях префиксального праслав. **jъznyi*: чеш. *znyi* ‘умереть, зачахнуть’, русск. диал. *изныть* костр., урал. ‘разрушиться, разложиться’ [ЭССЯ 9: 54]. Такого же происхождения, очевидно, и русск. диал. смол., зап.-брян. *зныть* (сов. вид!) ‘высохнуть, иссохнуть’ [СРНГ 11: 320] — ср. выше польск. *pus* ‘сохнуть, чахнуть’. Семантическое сближение префиксального (*и*)*зныть* ‘разрушиться, высохнуть’ и *знять*, *знять* ‘гореть, тлеть’ было, вероятно, усилено паронимией, а паронимия слова *зной* (производного от *знять*) ‘жар’ с собственно русской формой настоящего времени от *ныть* — *ною* и производными именами типа *ной*, *нойка* ‘ноющая боль’ [Даль² II: 561] определила развитие семантики *зной* в направлении ‘разрушение, уничтожение’.

{При наличии диал. *зныть* ‘высохнуть, иссохнуть’ (см. выше) нельзя, очевидно, исключить и возможность образования *зной* в анализируемом фразеологизме от собственно русской формы основы настоящего времени *зною* этого глагола *зныть* гнезда **nyti*}*.

Менов́ать

Этот глагол в говоре значит ‘переименовывать’: «Зачем сейчас все *мену́ют*, и города, и улицы» [Селигер 3: 272]. Перед нами яркий случай народноэтимологического преобразования слова (*пере*)*именовать* с изменением мотивации — с ориентацией на глагол *менять* и обусловленной этим утратой начального *и*.

Ми́на

Слово *ми́на* имеет в говоре значение ‘череда, период’: «Через некоторую *ми́ну* годов опять язва у меня заболела» [Селигер 3: 284]. Очевидно обратное образование псевдобессуффиксного имени существительного в результате морфологического переразложения в глаголе *минов́аться* ‘миновать (о времени)’ [Селигер 3: 282].

* В фигурных скобках — дополнение, сделанное в 2022 г.

Пязэнь

Это слово зафиксировано только в выражении *От зэни две пязэни* 'о человеке маленького роста' [Селигер 5: 223]. Эта ограниченность не случайна: именно соединение в словосочетании с *зень* (из **земень* от *земной*) 'поверхность земли, по которой ходят, низ' (арханг., север., новг., пск., перм. и др.) [СРНГ 11: 263] обусловило фонетическое изменение *д* в слове *пядь* в *з* — дистантную ассимиляцию. Поскольку в говорах не отмечена структура *пядень*, появление суфф. *-ен-* можно объяснить также рифмовкой с *зень*.

Рассмотренные случаи предполагаемых нерегулярных фонетических изменений и морфологических преобразований лексем, а также семантического взаимодействия паронимов в истории русской диалектной лексики обнаруживают существенную роль этих изменений в сближении и смешении этимологических гнезд.

Словообразовательно-этимологические заметки к материалам «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г. В. Зотова*

Лексика Крайнего Северо-Востока России, собранная в словаре Г. В. Зотова, см.: [Зотов], интересна своей одновременной фиксацией и связью с одновременными потоками русскоязычного заселения, так что вероятно и сохранение архаизмов, и отражение актуальных в разное время преобразований слов.

Разланный

Прилагательное *разла́нный* 'широкий' [Зотов: 405], зафиксированное как обозначение качества карбаса («Не каждый рыбак владеет *разланным* карбасом-лодкой»), очевидно родственно синонимичному *разлатый* и может быть истолковано как преобразование прилагательного *разлатный* [Сл. русск. гов. Алтая 4: 8], производного от *разлатый*, в результате упрощения группы согласных *тн* (< *тън*). Подобное упрощение сочетания взрывного зубного с *н*, возникшего после падения редуцированных в истории русского языка, широко представлено в русских говорах: ср. *загань* (**загодьнь*) *'заранее' [Сл. русск. гов. Алтая 2: 109], *буня* (**будьяня*)

* Первая публикация: Словообразовательно-этимологические заметки к материалам «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г. В. Зотова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Международной научной конференции. Екатеринбург. 8–10 сентября 2012 г. Ч. I. Екатеринбург: УрГУ, 2012. С. 162–163.

‘одежда (обычно повседневная, рваная, непригодная для носки одежда, тряпье’ [Сл. Русск. Севера I: 217], *бронь* (**бродьнь*) ‘обувь из прочной толстой кожи, в которой бродят по воде’ [Зотов: 76]). Это изменение воспроизводит праславянскую тенденцию к утрате взрывных зубных согласных перед *n*, обнаруживая историческую устойчивость фонетической тенденции. Примечательна возможность другого результата упрощения группы *dn* — утрата *n*: ср. *выдешный* (**выдьньшьный*) ‘будничный, повседневный’ [Сл. Русск. Севера II: 220].

Чувáться

Глагол *чувáться* ‘важничать, чваниться’ представлен контекстом «Не *чванься*, не ломайся, друг сердечный, предо мной. Еще есть у меня друг получше тебя» [Зотов: 520]. Глагол интересен с точки зрения соотношения его корня со структурой прилагательного *чванный*. Для этого прилагательного (первично причастия) праславянского происхождения (**čъvanь*) предполагается образование от утраченного глагола **čъvati*, с дальнейшими связями только на и.-е. уровне [ЭССЯ 4: 178–179]. Есть, однако, и версия родства с **čiti* [Verneker I: 175]. Русск. *чувáться* можно было бы рассматривать как реликт этого родства.

Однако вызывает сомнения корректность словарной формы инфинитива *чувáться*, если она не записана непосредственно, а реконструирована по представленной в тексте форме *чванься*. При основе настоящего времени с суф. *-н-* основа инфинитива может быть как с этим суффиксом, так и без него, но в последнем случае инфинитив имеет корневую основу (ср. *стану* — *стать*, *-дену* — *-деть*). В рассматриваемом случае в соответствии с *чванься* более реален инфинитив **чваниться* — результат преобразования *чваниться* (с эпентезой *y* для разбиения сочетания *чв*).

Муть

Глагол *муть* ‘бить’ представлен в контекстах и собственно инфинитивом, и формой прошедшего времени: «Давай его *муть*! *Мул*, *мул* — насилию живого отпустил» [Зотов: 281]. В СРНГ этот глагол (со ссылкой на словарь Богораза, без контекстов) дан

самостоятельной позицией [СРНГ 19: 35]. Более реально исходить из связи приведенных форм с русск. диал. *му́лѣть*: см. 'тереть, жать' [Даль² II: 358], 'мучить' [Псков. сл. 19: 51] < праслав. **muliti*: ср. с.-хорв. *мулити* 'дробить. крошить', чеш. *mouľiti* 'медленно, с трудом жевать; слегка сердиться' [ЭССЯ 20: 181–183]. Реконструируется следующая история преобразования: прош. вр. *мулил* > (гаплогония) *мул* > (аналогия) инфинитив *мутъ*.

Погѣть

От предыдущего случая фонетико-морфологических преобразований следует, вероятно, отличать ситуацию возникновения словарной позиции *погѣть* 'погибнуть': для этого глагола инфинитив не представлен в контексте, есть только личная форма прошедшего времени в контексте «Старсой сын *погил*, банда убила», но при инфинитиве указаны формы настоящего времени: *-гину*, *-гинешь* [Зотов: 361]. Не исключено, что форма инфинитива является реконструкцией (по прошедшему времени) и не обязательна: скорее должно быть **погинуть*. Интересна форма прошедшего времени *погил*: здесь представлен нетипичный способ упрощения группы *бл* (ср. литер. *погиб*, *греб*, просторечн. *рубь*), если только *погил* — не новообразование от наст. вр. *погину* (с усечением суф. *-н-*).

О некоторых случаях нерегулярных образований и преобразований в диалектной лексике*

В исследовании истории словообразования и этимологии диалектной лексики следует учитывать действие не только регулярных, закономерных фонетических и морфологических изменений, но также и нерегулярных образований и преобразований. Самый факт их реализации и основные типы не отличают диалекты от литературного языка, но условия специфических диалектных фонетических изменений и меньшего нормирования диалектной речи оказываются особенно благоприятными для варьирования этих отклонений. Обнаружение даже достаточно этимологически прозрачных случаев такого рода полезно для учета их типологии при этимологизации «темных» лексем.

Ниже предлагается анализ нескольких диалектных лексем, в которых усматривается упомянутая нерегулярность.

Пíжа

Слово *пíжа* зафиксировано, кажется, только в составе иркутского фразеологизма *ни пíжи ни ё́жи* 'о ленивом человеке, не

* Первая публикация: О некоторых случаях нерегулярных образований и преобразований в диалектной лексике // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М.: Издательство МГУ, 2010. С. 320–322.

способном заработать даже себе на пропитание’ [Алексеенко и др. 2004: 75]. Слово *éжá* широко известно вне этого фразеологизма в значениях ‘еда, кушанье’ (твер., ярсл., волог., костр., новг., пск., калуж., тул., дон. и др.), ‘угощение во время церковного праздника’ (ряз.), ‘принятие пищи’ (костр., нижегор., вят.) и ‘непереваренная животным пища’ (рост.) [СРНГ 8: 325–326]. Исходя из значения фразеологизма — буквально ‘ни питья. ни еды’ — *níжа* может быть истолковано только как производное от *пить*, причем структура этого слова нерегулярна: суффикс *-жа* здесь невозможен. Появление этой структуры обусловлено вхождением в словосочетание, предполагающее рифмовку со словом *éжа* (вероятно, при сопутствующем ложном осмыслении структуры последнего как содержащей суффикс *-жа*), так что единичность фиксации не случайна. Интересно, что в русских диалектах существуют и другие фразеологизмы с участием производных от тех же корней и иногда в другой последовательности, но всегда производное от глагола *есть* имеет регулярную структуру, а от *пить* — нерегулярную, обусловленную требованиями рифмовки. Рассматривая сочетание *níтеры и éдеры* ‘еда и питье’ как типичную рифмованную формулу, Р. Эккерт счел русск. *эдеры* образованием индоевропейской древности, генетически тождественным лит. *édrà* ‘еда, корм, прожорливость’, а структуру *níтеры* — вторичной [Эккерт 1975: 55–56]. Еще ярче вторичность производного от *пить* обнаруживается во фразеологизмах *níдеры да éдеры* и *níдера-íдера* ‘пища и питье’ [СРНГ 27: 21].

Зáйка

Краснояр. *зáйка* имеет значение ‘большая полоса (вдоль леса или между полями) для пастьбы скота’: Пригоню овец на зайку, сама прилягу на солому да и засну [Сл. русск. гов. центр. р-ов Красноярского кр. 2: 70]. Очевидна генетическая связь этого слова с *заимáть / займáть* ‘захватывать, занимать’: ср. *займка* ‘участок земли, занятый под пашню, пастбище, покос’ [Сл. русск. гов. центр. р-ов Красноярского кр. 2: 70], ‘часть поля или леса’ (вят., ср.-урал., енис.), ‘место для выпаса скота в лесу’ (свердл., ср.-урал., новосиб.) [СРНГ 10: 104] и *зáйма* ‘пойма реки’ (краснояр.), ‘занятый, оголоженный участок земли, но еще не используемый под сад или

огород' (дон.), 'вообще участок земли' (ворон.) [СРНГ 10: 106]. В отличие от регулярной структуры *займка* — производного от *заимать*, слово *зайка* содержит усеченный корень: утрачено *м*. Вероятно, следует допустить позднее образование этого слова от *займа* с присоединением суффикса *-к-*, которое привело к упрощению произносительно трудного **займка* путем усечения корня.

Бря́цить, побрѣцить, побря́цить, бря́кать

В просторечии употребляется глагол *обря́цить* 'найти, отыскать', который является производным от основы настоящего времени *обря́цу* (книжн., устар), соответствующей инфинитиву *обрести* (< праслав. **obrěsti*, **obrętiŋo* 'встретить, найти'). В диалектах семантика *обря́цить* шире: помимо 'найти, приобрести, сыскать', также 'стяжать. усвоить себе' (самар., астрах.), 'ударить' (вят.), 'упасть' (вят., костр.), 'уронить' (новг., иркут.), безл. *обря́цило тебя* (куда-либо) 'нашло, охватило, повело' (костр.) [СРНГ 22: 227]. Диалектам известно и *обря́циться* 'найтись, оказаться, явиться' (олон., яросл.), 'нахватать с избытком' (тамб.), 'упасть, свалиться' (перм., твер., иркут., сиб. и др.) [СРНГ 22: 205]. Результатом морфологического переразложения в *обря́цить* — отнесения *б* к корню — и последующей утраты префиксального *о* является диалектный глагол *бря́цить*, для которого фиксируются значения 'жить, поживать; быть здоровым' [Новг. сл. 1: 94] и 'быть в состоянии ходить, держаться на ногах, двигаться (о слабом, больном и т. п. человеке)' (новг., ленингр.) [СРНГ 3: 231], хорошо выводимые из семантики пребывания, нахождения. Дальнейшее словопроизводство и семантическое развитие представляют диал. *побрѣцить* 'подождать, обождать, выждать'. (пск., твер.) [СРНГ 27: 206] и *побря́цить* 'исполнить какие-н. хозяйственные дела' (карел.) [Сл. русск. гов. Карелии 4: 527]. Опираясь на характерную для *обря́цить*, *обря́циться* и *бря́цить* семантику существования, бытования и особенно болезненного состояния человека (см. выше новг., ленингр. *бря́цить*), можно, кажется, предположить, что сиб. *бря́кать* 'жить, существовать' (причем, вероятно, 'плохо, с трудом существовать' — ср. контекст *бря́каю помаленьку*) [Сл. русск. гов. Сибири 1: 96] является следующим этапом нерегулярного образования от *бря́цить* итератива с *а*-основой и ложным восстановлением

корневого согласного: *к* вместо *т*. Очевидно, нельзя исключить и метафорическое употребление звукоизобразительного глагола *брякать* по аналогии со *скрипеть* 'жить кое-как, с трудом поддерживать свое существование', но эта аналогия ослабляется существенным различием обозначаемых звуков: *брякать* относится как правило к громким и грубым звукам, что не соответствует обозначению затрудненного существования.

Пожа́ и *па́жа*

Пожа́ 'сенокосный луг' (сиб.) [Сл. русск. гов. Сибири 3: 333], 'покос, луг' (прииртыш.) [Сл. русск. гов. Средн. Прииртышья 3: 28] представляется результатом морфологического преобразования слова *по́жня*, широко представленного в русских диалектах со значениями 'покос, луг' (волог., арханг., олон., новг., псков., влад., яросл., перм., ворон., ряз., свердл., том., приоб., новосиб. и др.), 'отдельный участок покоса, луга' (арханг., псков., ряз., брян.) [СРНГ 28: 299], или его словообразовательного варианта *по́жна* 'луг, поросший лесом' яросл.), *пожна́* 'приготовленный под пашню участок на месте бывшего леса' (яросл.) [СРНГ 28: 298]. Слова *по́жня* / *по́жна* / *пожна́*, бессуффиксные производные от основы наст. вр. *пожну́* глагола *пожа́ть*, были поняты как субстантивированные прилагательные с суфф. *-н(я/а)*, который и был отброшен при ложном восстановлении производящей основы *пожа́*.

Сложнее объяснить появление слова *па́жа* 'луг или поле, где пасется скот, пастбище' (тамб., ряз., сарат.), 'невспаханное место близ села, выгон' (пенз.), 'покинутое жилое место' (тамб.) [СРНГ 25: 140], 'поле' (алт.) [Сл. русск. гов. Сибири 3: 164]. Судя по семантической и формальной близости к *пожа́*, в *па́жа* можно предполагать его морфонологический вариант, но вторичное удлинение гласного в первом слоге сомнительно. Существенно, что *па́жа* зафиксировано только в акающих говорах и наряду с *па́жа* присутствует синонимичное *пажа́* (тамб.) [СРНГ 25: 140]. Вероятно, возможно отражение в *пажа́* акающего произношения слова *пожа́* с последующей подвижкой ударения, отсюда *па́жа*. Ср. *ма́кресть* 'слякоть', *ма́ст* 'деревянный пол в избе, в доме' (краснояр.) [Сл. русск. гов. центр. р-ов Красноярского кр. 2: 310, 320].

О происхождении русского *сиволапый**

Прилагательное *сиволапый* — одно из тех слов, структура которых как будто совершенно прозрачна и дает очевидные свидетельства о его происхождении: сложение *сивый* ‘серый, серовато-сизый’, простореч. ‘седой, поседевший’ [Ушаков IV: 171], с редким сопутствующим значением в говорах ‘слабый, болезненный (о животном)’ [новгород., СРНГ 37: 276], и *лапа*. Авторы весьма авторитетных этимологических словарей указывают на возможность такого происхождения сложения [Преображенский 2: 283; Фасмер III: 616; Шведова ТСРЯ: 878], однако А. Г. Преображенский отметил трудность в объяснении формирования сложного прилагательного на базе *сивый*.

Сомнения этимологов понятны: затруднительно согласовать значения составляющих сложение слов и самого сложения: *сивый* — почти исключительно цветообозначение (откуда и название масти лошадей). Значение же прилагательного *сиволапый* — ‘неуклюжий, неловкий, грубый’ [Ушаков IV: 171]. Соответственно различаются и определяемые существительные: *сивый* — обычно при названиях животных (ср. особенно *сивый мерин*); *сиволапый* — исключительно о людях, с появлением в говорах производного

* Первая публикация: О происхождении русского *сиволапый* // Славянский сборник: язык, литература, культура. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 35–37.

существительного (субстантивированное прилагательное) *сиволап* (бранное) 'необразованный, грубый, неотесанный человек' [СРНГ 37: 274]. Существенна и проблема сочетаемости значений *сивый* и *лапа*: как характеристика по цвету *сивый* не отмечено при обозначениях конечностей, в отличие, например, от сочетания с *лоб* — диал. *сиволобый* бран. 'седой' [СРНГ 37: 274].

Есть опыт другого этимологического толкования: «возможно, из **псиволапый*» [Orel RED 3: 228] — следовательно, тоже не совсем уверенно, но эта версия представляется весьма вероятной: *псивый* — производное от *пес*, при этом образованный от *псивый* глагол *псиветь* имеет значение 'портиться, паршиветь' [Даль² III: 105], в говорах также 'плесневеть' [Даль² III: 105; СРНГ 33: 99]. Учитывая семантику второй части сложения *сиволапый* — *лапа*, следует для первой части предпочесть семантику *'плохой, паршивый', так что первичная семантика сложения реконструируется как *'с паршивыми лапами, подобными собачьим' (с определяемым названием животного), откуда далее 'с уродливыми ногами (подобными собачьим лапам)' и 'некрасивый, грубый' (о человеке). Для утверждения этой версии происхождения сложного прилагательного недостает свидетельств негативной оценки собачьих лап в русской народной культуре и необходимо допущение нерегулярного фонетического преобразования *пс* > *с* (при сохранении *псовый*, *псина*). Этимология как отрасль исторического языкознания, стремится опираться на фонетические законы — регулярные изменения звуков на разных этапах истории языка. Однако этимологические исследования не могут игнорировать и факты нерегулярных, факультативных изменений, которые широко фиксируются в говорах, см.: [Михайлова 2013], но проникают и в общенародный разговорный язык, а из него — в литературный. Подобные изменения могут быть обусловлены морфологической структурой слова и потому весьма ограничены. Таково и изменение *пс* > *с*, предполагаемое в данной версии.

Не считая вопрос о происхождении прилагательного *сиволапый* решенным, хочу обратить внимание еще на один возможный источник сложения, также с обращением к нерегулярному фонетическому изменению. По данным десятого выпуска «Областного словаря вятских говоров», см.: [Сл. вятск. гов.], в этих говорах возможно упрощение группы согласных *св* > *с* в производном от глагола

свивать: *сивальник* 'лента для пеленания ребенка' (наряду со *свивальник*, см. [Сл. вятск. гов.: 85]), таково же соотношение вят. *сербеть* 'чесаться' [Сл. вятск. гов.: 73] и литер. *свербеть*, а также диалектных вариантов подзывного междометия (подзывного для кур и цыплят) волог. *сви* [СРНГ 36: 274] и вят. *сили* [Сл. вятск. гов.: 89]. Не является ли первая часть сложения *сиво-* результатом подобного же упрощения сочетания *св-* > *с*, то есть *сив-* < **свив-*, так что *сиволапый* восходит к **свиволапый*? Предполагаемое начальное **свив-* сопоставимо с диалектным существительным арханг. *сви́ва* 'приспособление для наматывания, сматывания чего-либо' [СРНГ 36: 274], ср. еще *свивок* 'что-либо свитое, скрученное, ссученное, сплетенное' [Даль² IV: 148], при значении производящего глагола *свиваться* в говорах 'изгибаться, извиваться (от боли и т.п.)' [СРНГ 36: 275]. Если *сиволапый* восходит к **свиволапый*, то возможная первичная семантика сложения, выводимая из составляющих, — *'имеющий скрюченные, кривые лапы' > 'кривоногий'. Примечательно, что в вятских говорах *сиволапый* имеет значение 'неуклюжий, косолапый' [Сл. вятск. гов.: 86]. Предлагаемое толкование происхождения сложения ослабляется малочисленностью фиксаций нерегулярного изменения *св* > *с*, хотя в говорах отмечена тенденция к преобразованию (устранению) сочетания *св* также и другими способами: *сивиль* 'шишковатый нарост на дереве' < *свилъ* [Сл. вятск. гов.: 86], *совиной* 'свиной' [Михайлова 2013: 277].

К этимологии одной группы севернорусских диалектизмов (по следам В. Даля)*

История этимологизации русской лексики свидетельствует о возрастающем объеме вовлекаемых в исследования диалектных материалов, служащих обоснованием реконструкции истории национального языка, материальной и духовной культуры нации. Одновременно происходит непрерывная критическая перегруппировка лексики между реконструируемыми этимологическими гнездами или цепями заимствований (даже не считая неизбежных случаев изъятия из практики этимологизации ненадежных диалектных материалов). Примечательно, что нередко указателем направления этимологического поиска служат краткие лексические и этнографические включения В. Даля в словарные статьи о том или ином русском слове, без определенного этимологического толкования.

Ниже излагается опыт реконструкции исторических связей одной группы вариантных русских диалектных слов с проблематичным этимологическим толкованием путем сопоставления их со столь же этимологически неясными словами, опираясь на лаконичную статью в словаре В. Даля.

Речь идет о группе севернорусских слов: *говѣнник*, *говѣйник*, *говѣльник*, *говѣдник* 'крепление (в передней части саней), с помощью

* Первая публикация: Об этимологии одной группы севернорусских диалектизмов (по следам В. Даля) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. [Вып. 28], № 2. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 353–357.

которого соединяются верхние загнутые концы полозьев саней, в виде поперечной перекладины, прута (обычно черемухового), веревки' (арханг.) [Арханг. сл. 9: 169–170], также (перм., олон.) [СРНГ 6: 252–253], карел. [Сл. русск. гов. Карелии 1: 348], вариант *говённик* обозначает также головную часть саней (арханг., волог., новгор.) [СРНГ 6: 253].

Происхождение этой группы вариантных слов рассматривается А. Е. Аникиным в его «Русском этимологическом словаре», см.: [Аникин РЭС]. Автор опирается на типологию мотивации обозначения передней части саней — как головной, что отражено в диал. *головённик* 'передняя изогнутая часть полозьев саней' (урал.) [СРНГ 6: 303], и предполагает, что приведенная вариантная лексическая группа является результатом фонетических преобразований исходного *головённик*: *-оло-* > *-owo-* с выпадением *w* или гаплогогией [Аникин РЭС 11: 70]. Реконструкция весьма убедительна, однако она не объясняет всех вариантов фонетической структуры, представленных в рассматриваемой лексической группе: см. *говедник*. К тому же, при предполагаемом наличии этимологически прозрачной и этимологически «темных» форм более вероятно обратное направление преобразований: именно «темные» преобразуются по народной этимологии в прозрачные.

Соотношение вариантов *говённик*, *говельник*, *говейник* аналогично фонетическим преобразованиям в цепочке широко известных *братённик* — *брательник* — *брательник*, см. последовательно: [СРНГ 3: 156, 155, 154], при начале цепочки *братний* — *братьень*. Для названия санного крепления очевидна первичность варианта *говённик*. Вне фонетически объясняемых вариантов этого слова остается форма *говёдник*. Именно этот вариант названия крепления санных полозьев включил в свой словарь В. Даль в следующей статье: «говёд(т)ник м. арх. санный вязок? Говетáн, вичевая вервь, для связи козел семажких заборов» [Даль² I: 363]. Можно думать, что расположение рядом двух лексем *говёд(т)ник* и *говетáн* означает авторское предположение об их связи, при этом помещение *t* в скобках вслед за *d* в слове *говёд(т)ник* можно толковать не как вариантность, а как обозначение предположения о вторичности *d*, заменившего первичное *t*, унаследованное от *говетáн*. Действительно, вариант *говётник* не зафиксирован, но, с формальной точки зрения, источником слова *говёдник*,

в соответствии с сопоставлением, предложенным Далем, может быть именно *говётник. Озвончение $t > d$ обусловлено народно-этимологической ассоциацией с *гаведь* 'гадость, пакость' (ассоциация по близости санного вязка к хвосту лошади, см. ниже о *говенник*); и для *говётник, и для *говёдник* возможно фонетическое преобразование в *говённик*, причем фонетическому изменению $dn > nn$ сопутствует ассоциация с *говно* — см. объяснение носителей диалекта, приведенное в словаре: «Это говенник потому, что у лошади у хвоста» [Арханг. сл. 9: 170 — *говённик*, *говённик*]. Таким образом, формально выстраивается цепочка последовательных фонетических вариантов (ср. выше): *говетán* — *говётник* / *говёдник* — *говённик* — *говельник* — *говейник*.

Очевидно, следует обратиться к семантическому соотношению слов *говёдник* и *говетán*. Значения *говёдник*, *говенник* приведены выше. Для *говетán*, помимо указанного выше Далем, существуют следующие описания: 'плетенная из прутьев веревка, которой скрепляют расщепленные концы свай «забора» (перегородки, устанавливаемой поперек реки для ловли семги)' (Даль) — цит. по: [СРНГ 6: 254]; «В расщепе каждой пары противоположных друг другу свай в обоих рядах вкладывают по горизонтальному бревну... а затем края расщепов стягиваются веревкою, называемою: *говетán*. В образумые говетаном петли пропускаются ...бревна...» (арх.) (Подвысоцкий) — цит. по: [СРНГ 6: 254]. Известен также вариант *говитán*, отличающийся от *говетán* по значениям: 'силок, петля для ловли зайцев' (волог.), 'шнурок (тесемка, цепочка. ленточка), на котором носят крест' (волог., сев.-двин.), 'шнурок с разноцветными матерчатыми треугольниками или с нанизанными на него катушками, который хозяин надевает на шею овцы, чтобы отличить свою овцу от остальных овец в стаде' (волог.) [СРНГ 6: 254]. Значение 'тесемка, ленточка, веревочка для нательного креста' зафиксировано в архангельских говорах и для варианта *говетán* [Арханг. сл. 9: 172], а в твер. и яросл. для варианта *гавитán* [СРНГ 6: 84]. Известно также производное *говитáнье* 'шелковый шнурок, которым обшивают сарафаны' (новг.) [СРНГ 6: 254].

Этимологическое толкование А. Е. Аникиным слова *говетан* / *говитан* основывается исключительно на его употреблении как обозначения шнурка для нательного креста и соответственно сводится к генетическому отождествлению с *гайтан* [Аникин РЭС

9: 327]. Это представляется маловероятным, поскольку затруднительно реконструировать путь преобразования структуры *гайтан* в *говетáн*/*говитáн* (что, кстати, автор РЭС и не объяснил). Более вероятно усвоение словами *говетан*/*говитан* значения 'шнурок для нательного креста' вследствие относительной близости его к 'веревка (в санном креплении и в рыболовном заколе), петля' и по созвучию с *гайтан*, тем более, что и *гайтан* известен северным говорам. В таком случае, собственным значением *говетан*/*говитан* является именно 'веревка, петля'. Это позволяет дополнить структурное сопоставление **говетник* с *говетáн* их семантической близостью и принять реконструкцию генетической цепочки *говетáн* — **говéтник* / *говéдник* — *говéнник* — *говéльник* — *говéйник*. Что касается обозначения этими словами крепления в передней части саней, то мотивация по связыванию отражена в следующем толковании информатора: «Последний *вязок* — *говейник*: он огибает стужень и прихватывается на гвоздь под самые головки (полозьев)» [СРНГ 6: 253]; наконец, к предполагаемой мотивация по признаку связанности близка мотивация по согнутости, представленная в другом, более широко распространенном названии этой реалии — *облук*/*облучёк* 'грядки на телегах, повозках, санях', *обллучни* 'верхняя обвязка на простых санях' [Даль² II: 597]: это производные от праслав. **lęk-*/**lǫk-* 'гнуть' [ЭССЯ 28: 26–28].

Остается, однако, вопрос о происхождении *говетáн*/*говитáн*. Намечая возможное направление этимологизации *говетáн*/*говитáн*, приходится опираться на известные характеристики слова: территориальную фиксацию — севернорусские говоры, семантику соединения, связывания (см. выше 'веревка, петля') и отсутствие замеченных связей в исконнорусской и славянской лексике. Представляется возможным заимствование, наиболее вероятно — из какого-то северноевропейского языка. Вероятным источником заимствования может быть германское именное производное от и.-е. **vedh-* 'прикреплять, связывать' > прагерм. **vedan* 'связывать' > гот. *ga-vidan* то же, др.-в.-нем. *wetan* 'связывать; запрягать', ср.-в.-нем. *weten* то же [Pokorný I: 1116; Falk–Торп⁵: 386; Kroonen: 577], ср. восходящее к тому же индоевропейскому этимологическому гнезду ирл. *cobeden* (< *kon-vednā*) 'conjugatio' [Stokes–Bezzenger⁵: 269].

Русские *сбагрить* и *багор* в славянском окружении*

Первым этапом этимологизации какого-либо слова русского языка является выяснение наличия / отсутствия для него формальных (потенциально — и семантических) соответствий в других славянских языках. Объектом исследования в предлагаемой работе является русск. *сбагрить*. Русск. разгов., простор., фам. *сбáгрить* 'удалить, отклонить, сплавить кого-что-н., отделаться от кого-чего-н.' [Ушаков IV: 57] имеет близкое структурно и семантически сближаемое соответствие только в болгарском языке — *сбáгря* 'сделать, приготовить, устроить, упорядочить', *сбáгрям* 'делать, устраивать' [БЕР VI: 527]: представляется возможным толкование удаления, устранения чего-либо (в русском) как устроение, упорядочение (в болгарском). Есть и беспрефиксные структурные соответствия: русск. простор., вульг. *бáгрить* 'красть' [Ушаков I: 76] и болг. диал. *багòря* 'медленно, неуклюже работать' (Банско), непосредственно к которому возводят *сбáгря* [БЕР I: 24]. Сходство этих глаголов до сих пор не привлекало внимания лексикологов, хотя оно, кажется, должно вызвать интерес в отношении определения его природы: является это сходство родством, заимствованием или гетерогенной омонимией.

* Первая публикация: Русск. *сбагрить* и *багор* в славянском окружении // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М.: ИСл РАН. 2021. С. 142–148.

Чтобы ближе подойти к уточнению природы упомянутого русско-болгарского лексического соответствия, следует выяснить степень соответствия других, помимо формы и значений, характеристик русского и болгарского глаголов. Это касается языковых сфер и территорий функционирования глаголов. В болгарском языке только беспрефиксный глагол имеет диалектное распространение (см. выше). Русские глаголы, как префиксальный, так и беспрефиксный, более значительно представлены в русских диалектах: *сбáгрить* 'сделать что-л. невпопад, ошибиться, соврать' (урал.) [СРНГ 36: 162], *сбáгриться* 'оказаться в нехорошем, ложном положении, сбиться с толку' (псков., твер.) [СРНГ 36: 162], *багрíть* 'красть. воровать' (волог.) [СРНГ 2: 35]. Ср. еще функционирование в других сферах русского языка: разгов. *сбáгрить* 'сдать, обычно кое-как (экзамен, зачет); избавиться от кого-л., убедить уйти куда-л.' [Химик БСЭР: 547] и жарг. уол. *багрíть* '(кого) выдавать соучастника' [Мокиенко–Никитина БСРЖ: 43]. При этом существенными характеристиками глаголов являются их территориальные фиксации: болгарский беспрефиксный глагол отмечен как банатский, то есть принадлежащий северо-западным говорам, пограничным с территорией румынского языка; русский глагол известен преимущественно в северных говорах (см. выше). При таком территориальном дистанцировании отношения заимствования для болгарского и русского глаголов представляются маловероятными.

Для болг. *сбáгря* 'сделать, приготовить, устроить, упорядочить' не обнаруживается родственных связей с лексикой других южнославянских языков. Относительно его происхождения есть только версия образования от болг. *багòря* (см. выше), при толковании последнего как производного от заимствованного рум. *băgăre* 'вкладывание, всовывание, размещение' (от *băgá* 'вкладывать, всаживать, помещать, устраивать') [БЕР I: 24]. При учете фиксации в банатских говорах, пограничных с территорией румынского языка, и семантической близости этого глагола с румынским глаголом, данное объяснение происхождения болгарского глагола представляется достаточно убедительной. Что касается румынского глагола *băgá* 'вкладывать, всаживать, помещать, устраивать', то он возводится (по преобладающей версии) к ср.-ром., ср.-лат. *baġ, baġari* [Cioanescu: 56–57] или к ром. **baga* 'рукав, кишка', при неясности более дальнего родства [Meyer-Lübke⁴: 70].

Русск. *сбáгрить* ‘удалить, отклонить, сплавить кого-что-н., отделяться от кого-чего-н.’ появляется в русской лексикографии начиная со словаря Ушакова (см. выше). Происхождением этого глагола заинтересовался лишь Фасмер, предположив, при учете русск. диал. *багрить* ‘красть’, образование *сбáгрить* от *багор* [Фасмер I: 103]. Впрочем, А. Е. Аникин считает более вероятным происхождение *багрить* ‘красть’ от офенск. *багор* ‘вор’, хотя и допускает тождество последнего с названием орудия *багор* [Аникин РЭС 1: 57]. Поскольку *багор* служит, в частности, на лесозаготовках и при лесосплаве для перемещения бревен, равно как для их разделения, так и для сплачивания (см. *бáгрить* ‘**продвигать** сплавляемый лес в нужном направлении, **зацепляя** его багром’ [Арханг. сл. 1: 86], то вполне вероятно появление у слова *багор* значения ‘вор’, а у производного глагола — ‘красть’. Ср. употребление слов *крюк* и *багор* как синонимов в тексте: «Тут народ, не крюк, так багор, мошенник» [Даль² I: 35]. И глагол *сбáгрить* известен как в значении ‘удалить’, так и в значении ‘соединить что-л.’ (перм.) [СНГ 36: 162], а потому достаточно убедительна версия Фасмера о происхождении *сбáгрить* от *багор*.

При учете приведенных толкований происхождения болг. *сбàгря* как производного от румынского заимствования и русск. *сбáгрить* как производного от русск. *багор*, вопрос о возможности родства этих глаголов снимается, остается версия гетерогенной омонимии.

Обратимся к русск. *багор*. Это слово впервые фиксируется как название одного из видов оружия, наряду с рогатинами, копьями и топорами, в Новгородской III летописи под 1570 г., и затем как название орудия при тушении пожаров в сочинении Котошихина 1667 г., см.: [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 63]. Производный глагол *багрить* ‘ловить рыбу багром’ употреблен Забелиным [СлРЯ XI–XVII вв. 1: 63].

Русск. (и вост.-слав.) *багór* не имеет общепризнанного этимологического объяснения. Ситуация осложняется тем, что слово *багор* (*bagor*) известно в славянских языках в двух значениях: ‘шест с крючком’ — в русском и украинском, ‘часть обода колеса’ — в словацком и (как заимствования) в польском и украинском. Многие исследователи разделяют слова с этими двумя значениями как гетерогенные омонимы. Поскольку для рассмотрения русск.

сбагрить имеет значение преимущественно происхождение слова *багор* в значении ‘шест с крючком’, ниже сначала приводятся версии, касающиеся только слова в этом значении или генетически объединяющие оба слова.

Ф. Миклошич предложил реконструкцию **bagъrь* как собственно славянское образование, не указывая родственных связей [Miklosich: 6], версии автохтонности этого слова придерживаются также Э. Бернекер — с реконструкцией **bagrь* и «неясным родством» [Berneker I: 38], В. Махек — с весьма спорным правоевропейским родством [Machek²: 22], М. Фасмер — с указанием возможного родства с русск. диал. *багáй, багáн* ‘железный лом с загнутым концом’ [Фасмер I: 102], которые могут быть поздними преобразованиями слова *багор* [ЭССЯ 1: 133]; Ф. Славский возвел **bagrь* ‘шест с крючком’ к и.-е. **bhāgh-* ‘гнуть, сгибать’ [SP I: 179], так же (для слова в обоих значениях) — украинские этимологи [ЕСУМ 1: 110–111]; Трубачев предложил версию о происхождении слова в обоих значениях от праслав. **bĕgti* < и.-е. **bhĕgʰ-* ‘бежать’ [ЭССЯ 1: 132–133]. Последняя версия сомнительна для обозначения шеста с крючком (хотя бы и используемого для перемещения предметов). Версия происхождения от и.-е. **bhāgh-* ‘гнуть, сгибать’ представляется как будто наиболее убедительной (причем для слова в обоих значениях: ‘шест с крючком’ и ‘часть обода колеса’), но она подвергается сомнению вследствие ненадежности реконструкции этого индоевропейского корня [Аникин РЭС 2: 54–55].

Для генетического разделения русск., укр. *багор* ‘шест с крючком’ и словацкого *bahor* ‘часть обода колеса, верхний мельничный жернов’ весьма существен словацкий диал. вариант *behor* ‘верхний мельничный жернов’ [Kálal: 20], свидетельствующий о связи словацкой лексемы в обоих вариантах с **bĕg-* (ср. и чеш. *behoun* ‘часть обода колеса’), при спорности варианта **bag-* ‘бежать’ для русск., укр. *багор* ‘шест с крючком’ [Аникин РЭС 2: 54–55].

Есть предположения о заимствовании русск. *багор* ‘шест, палка с крючком’ из других (не славянских) языков. Обзор версий с изложением сомнений и критикой версий заимствования см. [Berneker I: 38; Фасмер I: 102; ЭСБМ 1: 266], хотя повторяются предположения о наибольшей вероятности заимствованного происхождения слова [ЭСБМ 1: 226; Аникин РЭС 2: 54–55].

Представляется возможным вернуться к одной из версий о заимствовании русск. *багор* ‘шест с крючком’, а именно — гипотезе Маценауэра о происхождении от заимствованного нем. *Bagger* ‘землечерпалка, драга’ [Matzenauer 1870: 100], восходящего, в свою очередь, к заимствованному голланд. *baggeren* ‘чистить дно от грязи, углублять фарватер’ [Kluge²¹: 44]. Только возможно, кажется, уточнение этой версии: более близким вероятным источником русского заимствования представляется предшествовавшее названию землечерпалки нем. *Baggert* ‘подсобный портовый рабочий’, см.: [Pfeifer²: 87]. При учете контакта населения портовых городов Русского Севера с моряками немецких торговых судов и характера портовых работ (не только расчистка фарватера, но и обеспечение причаливания судов, погрузки и разгрузки), именно *Baggert* ‘портовый рабочий’ могло при заимствовании в русский язык трансформироваться в *багор* как обозначение орудия, широко применяемого в портах при причаливании судов и передвижении грузов. Память о прошлом слова, связанном с расчисткой фарватеров от наносного грунта и под., сохранилась в семантике некоторых архангельских диалектизмов: *ба́грень*, -и ж. р. ‘прорубленное во льду русло для проводки судов’ (арханг.) [СРНГ 2: 35] и *ба́грить* ‘делать земляные валки вокруг растения, окучивать’ [Арханг. сл 1: 86]. (Хотя составители словаря, предлагая сравнить этот последний глагол с синонимичным *бугрить*, вероятно, допускали народноэтимологическое преобразование последнего глагола с ориентацией на *багор*, однако это сомнительно для слова *багрить* с прозрачной этимологической структурой.) Следовательно, предполагается, что русск. *сбагрить* восходит к немецкому заимствованию.

Таким образом, при существующих (и представляющихся достаточно вероятными) толкованиях происхождения русск. *сбагрить* (равно как при индоевропейском, так и при заимствованном происхождении производящего имени *багор*) и болг. *сба́грѣ* их структурное соответствие может объясняться только как межъязыковая гетерогенная омонимия.

Возможный источник слова *кандибобер**

Прежде всего, следует отметить, что слово *кандибóбер* — не литературное, а разговорно-жаргонное, но достаточно известное. Все случаи его фиксации (всего четыре), включенные в Национальный корпус русского языка, относятся к речи персонажей в произведениях художественной литературы, см.: [НКРЯ]; это следующие тексты:

...козлом пробляял архиерей и замахал руками. — По синодскому приказу сейчас начнется *кандибобер*! Он круто повернулся, поправил митру...

В. Я. Шишков. Ватага, 1923

— Уж как ни верти, один *кандибобер* выходит...

Л. М. Леонов. Барсуки, 1924

Гость не ответил, на секунду задумался, по глазам было видно, о чем-то постороннем, и, безо всякой связи, вдруг спросил насчет квартиры покойного Граника: что там за *кандибобер* получается?

А. Львов. Двор, 1981

«Шарман, гран шарман... тудыт твою в *кандибобер*», — умилялся Арсентий, мучительно припоминая, где же он видел мужественных участников телестудийного ристания.

«ГВитязи» (микрорассказ) // Техника молодежи, 1991, № 8, с. 35

* Первая публикация: Возможный источник слова *кандибобер* // В созвездии слов и имен. Сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут. Екатеринбург: УрГУ. 2017. С. 46–51.

Из трех первых представленных текстов можно сделать вывод, что *кандибобер* имеет явно негативную коннотацию и обозначает что-то вроде неразберихи, беспорядка. В последнем тексте коннотация скорее положительная, однако больше ничего определенного о значении сказать нельзя. Но к этому употреблению близка семантика слова, как она определена в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи»: *кандибóбер* шутил. или насмешл. жарг. ‘форс, спесь, провинциальное щегольство’ — Одеваться с *кандибобером*. Не можешь ты, Петрович, без *кандибобера*, говорил бы по-простому, по-нашему. ...Поднятый кверху, торчащий «*кандибобером*» хвост — это полная удовлетворенность жизнью [Химик БСЭР: 248].

К приведенному определению семантики слова в разговорно-жаргонной речи близки значения, зафиксированные в русских диалектах: *кандибóбер* ‘о чем-либо выделяющемся, необычном, замысловатом’; с *кандибóбером*, с *кандибóберами* ‘а) об отличном качестве или необычном виде чего-либо (Пирог с *кандибóбером*. Сапоги с *кандибóбером*. Ворон., Кубан.); ‘б) о странностях, причудах в поведении кого-либо’ (Вечно он с какими-нибудь *кандибóберами* (с фокусами, выкрутасами, выходками. Пенз.); в знач. наречия ‘важно. с форсом’ (Пройтись, идти, ходить и т. п. *кандибóбером*. Ворон., Тул.); в знач. наречия ‘изгибаюсь, рисуясь, ломаясь’ (Котенок *кандибóбером* ходит. Пенз.); с *кандибóбером* в знач. наречия ‘с шумом, с треском выгнать, выставить’ (Ворон.); *кандибóбером* нареч. ‘опрометью. вверх тормашками’ (Тул.) [СРНГ 13: 39]. См. еще русск. диал. селигер. *кандибóбер*: выкидывать (выписывать) *кандибóберы* ‘выделывать разные фигуры в танце, в пляске’ [Селигер 3: 12].

Диалектные употребления, как и приведенные определения употреблений в разговорно-жаргонной речи, свидетельствуют об обозначении словом *кандибобер* вычурного, особенного (с претензией на красоту, изящество) в предметах одежды и в поведении человека, что представляется первичным по отношению к семантике неразберихи, беспорядка.

Представленные в родственных языках укр. *кандибóбером* нареч. ‘вычурно, с выкрутасами; браво, молодецвато, играючи’ и синонимичное блр. *кандзібóберам* толкуются как экспрессивные образования русского языка [ЕСУМ 2: 363].

Относительно происхождения русск. *кандибобер* есть два высказывания. Фасмер счел слово этимологически неясным [Фасмер II, 179], а О. Н. Трубочев в дополнениях к этой статье в третьем издании перевода словаря Фасмера предложил объяснение слова *кандибобер* как сложения тюркского заимствования *kunduz* ‘бобр’ и русск. *бобер*, но без толкования мотивации образования [Фасмер³ III: 829].

На некоторые соображения о возможном пути поисков происхождения слова *кандибобер* наводит следующий текст:

Катков... выставил вперед обутую в лапоть ногу и под музыку стал выделывать ею всякие «па», поворачивать ее и сыпать словечками: — А ножка-то! Как живая! теперь танцевать по-балетному! Теперь по-шансонетному! А цыркулем! С канифасом! С *кандибобером*! С кандифефером!

Л. О. Кармен. На дне Одессы. Одесса, 1904, с. 85

Этот текст подтверждает приведенное выше обозначение словом вычурного, с претензиями на красоту поведения. Примечательно также синонимичное окружение слова *кандибобер* — *канифас* и *кандифефер*. Последнее слово более нигде не зафиксировано и может быть окказиональным экспрессивным преобразованием слова *кандибобер* (не без влияния *канифас* и *фифа*). Вполне вероятно, что танцор, хвастаясь своим искусством, просто нагнетал фонетически выразительные слова. Но предшествующее сравнение с цыркулем не лишено мотивации, а *канифас* — название хлопчатобумажной ткани (преимущественно в полоску), так что нельзя ли предположить для *кандибобера*, следующего за *канифасом*, также «текстильное» значение? Подходящее название ткани в русском языке не обнаружено, но с XVIII в. зафиксировано польск. *kandybura* ‘перкаль с рисунком в крупные цветы’ с производным *kandyburowy: firanki, pokrycie mebli kandyburowe* ‘кандыбуровые гардины, обивка мебели’ [Warsz. II: 231]. Учитывая многочисленность заимствований из польского языка в русский язык, особенно в лексико-семантических полях одежды, моды, придворного обихода (*гарус, замша, бант, шпилька, вензель, карета, коляска, бляха, боты, фавор, фанаберия*), можно предположить заимствование и этого названия *канды(и)бур* (вместе с соответствующей тканью). Поскольку обивочные материалы могли интересовать только

состоятельные сословия, для простого народа они, как и их названия, были признаками причуд, претензий на красоту и особое положение, а народная этимология «приспособила» конец названия к родному *бобер* (кстати, бобровый мех был также характерен для одежды дворянского сословия). Таким представляется возможное происхождение слова *кандибобер*.

Самостоятельной проблемой является происхождение польского слова *kandybura*. Авторы цитированного выше «Словаря польского языка» (см. [Warsz.]) сопроводили это слово вопросительным знаком, что означает отсутствие сведений о его происхождении. Слово не фиксируется в «Старопольском словаре» (см. [Sł. stpol.]), то есть до XVIII в. И этим словом не заинтересовался ни один этимологический словарь польского языка. Возможны лишь некоторые предположения. Известно заимствование способов производства хлопчатобумажных тканей в Польшу из западноевропейских стран, а отсюда и заимствование названий тканей: *perkal*, *kanafas*, *madapolam*, *kalenkor* (все непосредственно из западноевропейских языков, независимо от первичных источников слов). Одним из известных производителей тканей из хлопка является французский город Бур-де-Тизи — *Bourg-de-Thizy* [Petit Larousse²⁵: 1219]. Представляется возможным предположение о связи польского названия хлопчатобумажной ткани *kandybura* с названием этого города — как **-de-Bourg* ‘-из Бурга’ > польск. *-dybura*, хотя остается неясным начальное *kan-* в польском слове *kandybura* (если только, учитывая назначение ткани и ее структуру, это не сокращение франц. *canevas* ‘сетчатая ткань (в частности, для обивки мебели)’ или франц. *canner* ‘плести’ [NDÉ³: 129]).

Приложения

Библиографические сокращения

- Азарх 1977 — *Азарх Ю. С.* Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 226–247.
- Алексеевко и др. 2004 — *Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И.* Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М.: ИТИ Технологии, 2004.
- Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- Аникин 2005 — *Аникин А. Е.* Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск: Наука, 2005.
- Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–16. М.; СПб.: Рукописные памятники Древней Руси (вып. 1–3, 6); Знак (вып. 4–5); ИРЯ РАН (7–9, 13, 16); Нестор-История (вып. 10–12, 14–15), 2007–2022.
- Арханг. сл. — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й. Вып. 1–16-. М.: МГУ, 1980–2015-.
- Архив АН — Архив АН СССР. Ф. 174, № 2.
- Баженова 2006 — *Баженова А.* Славян родные имена. М.: Ладога, 2006.
- Байкоў–Некрашэвіч — *Байкоў М., Некрашэвіч Е.* Беларуска-расійскі слоўнік. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925.
- Белова 2015 — *Белова М. Н.* Птица *патица* в болгарском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 4. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2015. С. 59–69.

- Белорус.-русс. сл. — Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М.: ГИИНС, 1962.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. I–VII. София: БАН, 1962–2010.
- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: АН СССР, 1961.
- БТР — *Андрейчин Л.* и др. Български тълковен речник. София: Наука и изкуство, 1955.
- Бялькевич 1970 — *Бялькевич И. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1970.
- Варбот 1973 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // Этимология 1971. М.: Наука, 1973. С. 3–19.
- Варбот 1974 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II (**sleṇoti*, **ratiti*, **ridati*, **olajь*, **prilyka* и **lykadlo*, **zakъlo* и **nakъlo*, **zaokъ*, **zaromъ*, **děd(ъk)ъ*, **koporuĭa*) // Этимология 1972. М.: Наука, 1974. С. 42–59.
- Варбот 1975a — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III (**ročiti*, **tъrbati*, *(s)*koměti* и *(s)*koměz-*, **lojiti* I и II, **zanoviti* и **zanovetъ*) // Этимология 1973. М.: Наука, 1975. С. 23–33.
- Варбот 1975b — *Варбот Ж. Ж.* Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ // Slawische Wortstudien: Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes Leipzig, 11–13.10.1972. Bautzen: Domowina-Verlag, 1975. С. 148–162.
- Варбот 1976 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV (**tĭpati*, **piščati* II и **piščalb* II, **vъrati* и **varati*, **sokorъ* и **sočiti* III) // Этимология 1974. М.: Наука, 1976. С. 32–43.
- Варбот 1977 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V (**pručiti* и **prōčъ*; **sъrtati*; **ružiti*, **ružь* и **rōžъ*; **sojiti*; *(sъ)*klenь* и *(sъ)*klenъ*) // Этимология 1975. М.: Наука, 1977. С. 29–41.

- Варбот 1979 — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII (**pъrkati* (*se*), **pъrpati* и *(*po*)*parь* / **para*; **ščigati*, **ščьgnoti*, **ščigolь(je)*) // *Этимология* 1977. М.: Наука, 1979. С. 21–32.
- Варбот 1980 — *Варбот Ж. Ж.* *Хорохориться* и *хороший* // *Русская речь*. М.: Наука, 1980, № 1. С. 138–141.
- Варбот 1981a — *Варбот Ж. Ж.* Лехитские этимологии (польск. *wnęka*, *wykorzceć*, кашуб.-словин. *sk^wóbic*, *krąčni*, *óšcąkle*, *pażev*, *gnuza*, *krěvac*, *mřa*) // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1979. М.: Наука, 1981. С. 317–328.
- Варбот 1981б — *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии (**opoka*; **nadovъsь* и **nadovъsьnъ*; **žezelъ*; **kobica*, **zakobень*; **xorošъjь* и **xorxoriti se*) // *Этимология* 1979. М.: Наука, 1981. С. 28–42.
- Варбот 1984a — *Варбот Ж. Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (забайкальские говоры) // *Этимологические исследования*. Вып. 3. Свердловск, 1984. С. 14–20.
- Варбот 1984б — *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984.
- Варбот 1985a — *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI (**lybnoti*, **těr(ʹ)ati*, **tъpati*, **vъrskati*, **męsnoti*) // *Этимология*. 1982. М.: Наука, 1985. С. 24–33.
- Варбот 1985б — *Варбот Ж. Ж.* Чешские этимологии (**mlovina*, *povlovný*, *pasáry*, *rapužiti*) // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1982. М.: Наука, 1985. С. 272–281.
- Варбот 1987 — *Варбот Ж. Ж.* О происхождении русского *проворонить* // Л. А. Булаховский и современное языкознание. К 100-летию со дня рождения. Сб. научных трудов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 234–236.
- Варбот 1988 — *Варбот Ж. Ж.* О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 66–78.
- Варбот 1989 — *Варбот Ж. Ж.* Лехитские этимологии (польск. *krasaki* и *krasić*, кашуб.-словин. *-ščitac*, *sěrbać*) // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1985–1987. М.: Наука, 1989. С. 259–263.

- Варбот 1991 — *Варбот Ж. Ж.* Словообразовательно-этимологические комментарии к некоторым русским диалектизмам (на материале «Словаря русских донских говоров») // Современные русские говоры / Отв. ред. Ю. С. Азарх. М.: Наука, 1991. С. 169–171.
- Варбот 1992 — *Варбот Ж. Ж.* Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 38. Wien: Harrassowitz Verlag, 1992. S. 233–241.
- Варбот 1994 — *Варбот Ж. Ж.* Об этимологии праслав. **pěstovati*, *pěstunъ* // Slavia. Praha. Ročn. 63, seš. 2, 1994. S. 135–139.
- Варбот 1998 — *Варбот Ж. Ж.* К этимологии восточнославянского **brudi* // Число. Язык. Текст. Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск: БГУ, 1998. С. 41–43.
- Варбот 1999 — *Варбот Ж. Ж.* О первичной мотивации праслав. **кърма* 'корма' // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 134–135.
- Варбот 2000 — *Варбот Ж. Ж.* Индоевропейские и праславянские архаизмы в славянских нерегулярных преобразованиях // Studia etymologica Brunensia 1. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 1999 / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Euroslavica, 2000. S. 44–50.
- Варбот 2001a — *Варбот Ж. Ж.* Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 3–8.
- Варбот 2001б — *Варбот Ж. Ж.* Словарь В. Даля и современная этимология // Русский язык в научном освещении. К 200-летию со дня рождения В. И. Даля. М.: Языки славянской культуры, 2001, № 2 (2). С. 7–13.
- Варбот 2003a — *Варбот Ж. Ж.* Дiachронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 343–347.
- Варбот 2003б — *Варбот Ж. Ж.* Кашубские этимологии в свете русских диалектизмов (кашуб. **neobodni*, *břetvic sq*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М.: Наука, 2003. С. 123–126.
- Варбот 2003в — *Варбот Ж. Ж.* Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание.

- XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. Москва: Индрик, 2003. С. 49–62.
- Варбот 2004 — *Варбот Ж. Ж.* Диалектные материалы к русским этимологиям // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Вып. II (VIII). М.: Наука, 2004. С. 438–448.
- Варбот 2008a — *Варбот Ж. Ж.* Факультативная дифтонгизация этимологического у в русских говорах // *Русский язык в научном освещении*. М.: Языки славянской культуры, 2008, № 1 (15). С. 98–105.
- Варбот 2008б — *Варбот Ж. Ж.* Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // *Славянское языкознание*. XIV Международный съезд славистов. 10–16 сентября 2008 г., Охрид. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 84–95.
- Варбот 2010a — *Варбот Ж. Ж.* Нерегулярные изменения в славянских языках и славянская этимология // *Этимология 2006–2008*. М.: Наука, 2010. С. 37–51.
- Варбот 2010б — *Варбот Ж. Ж.* Рус. разгов. *сечь* ‘понимать’ — неологизм или архаизм? // *Исследования по лингвистике и семиотике*. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова, М.: Языки славянских культур, 2010. С. 197–199.
- Варбот 2012 — *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.
- Варбот 2012a — К этимологии некоторых болгарских слов (по поводу статей 7-го тома «Болгарского этимологического словаря») // *Linguistique Balkanique* (= Балканско езиковедение) Vol. 51, iss. 2–3. Sofia: Institute for Bulgarian Language BAS, 2012. P. 115–120.
- Варбот 2012б — *Варбот Ж. Ж.* К этимологии праслав. **strĕla* // *История языка*. Типология. Кавказоведение. Сборник статей, посвященный памяти Г. А. Климова. М.: Наука, 2012. С. 45–49.
- Варбот 2013 — *Варбот Ж. Ж.* Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда // *Славянское языкознание*. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 9–16.
- Варбот 2021 — *Варбот Ж. Ж.* К этимологии слав. **šatriti* / **šetriti* / **šatрати* // *Зборник Матице српске за славистику* (= *Zbornik Matice Srbske za slavistiku*). Књ. 100. Нови Сад, 2021. С. 109–114.

- Вендина 2014. Типология — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Горяев — *Горяев Н.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Тифлис, 1896.
- Горячева 2018 — *Горячева Т. В.* К этимологии некоторых русских диалектизмов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 18. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 85–94.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев: Друкарня акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького, 1907–1909.
- Даль² — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882 (= М., 1955).
- Дилакторский. Волог. сл. — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г. / Изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006.
- Добродомов 1971 — *Добродомов И. Г.* *Калякать* // Русский язык в школе. М.: Просвещение, 1971, № 1. С. 111.
- Елезовић — *Елезовић Гл.* Речник косовско-метохиског дијалекта. Св. 1–2. Београд: Планета, 1932–1935.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови* / Редкол.: О. С. Мельничук, И. К. Білодід, В. Т. Коломієць та ін. Т. 1–6. Київ: Наукова думка, 1982–2012.
- Журавлев 1989 — *Журавлев А. Ф.* Слав. **jьskra*. Рус. *искрометный* // Этимология 1986–1987. М.: Наука, 1989. С. 79–83.
- Журавлев 2003 — *Журавлев А. Ф.* Восточнославянские этимологии (1. Рус. *парень*. 2. Укр. *гарний*, белорус. *гарны*) // *Studia etymologica Brunensia 2. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposium Brno 2002* / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2003. S. 137–151.
- Зализняк 1962 — *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // ВСЯ. Вып. 6, 1962. С. 28–45.
- Зотов — *Зотов Г. В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России. Магадан: СВГУ, 2010.
- Иванов 1990 — *Иванов Вяч. Вс.* Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 5–11.

- Иркут. сл. — Иркутский областной словарь / Ред.-сост. Н. А. Бобряков. Вып. 1–3. Иркутск: [б. и.], 1973–1979.
- Караѿић — *Karaѿiћ В. С.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
- Карт-ка Сл. белозер. гов. — Картотека Словаря белозерских говоров (Череповецкий государственный университет).
- Карт-ка Сл. Ряз. Мещеры — Картотека Словаря Рязанской Мещеры (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва).
- Карт-ка Ст.-чеш. сл. — Картотека Старочешского словаря (*Ústav pro jazyk český AV ČR. Praha*).
- Касьяровіч — *Касьяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы) / Пад рэд. М. Н. Байкова, праф. Б. І. Эпімаха-Шыпылы. Віцебск: Заря Запада, 1927 (стереотип. изд. — Мінск: Інстытут беларускай культуры, 2011).
- Кузнецова 1976 — *Кузнецова О. Д.* Живое слово Севера // Русская речь. М.: Наука, 1976, № 5. С. 100–106.
- Куркина 1977 — *Куркина Л. В.* Славянские этимологии. IV (словен. *škirt*, с.-хорв. *pr̆titi*, слав. **strukъ / *stroкъ*) // Этимология 1975. М.: Наука, 1977. С. 13–28.
- Куркина 1978 — *Куркина Л. В.* Заметки по словенской этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М.: Наука, 1978. С. 278–293.
- Куркина 1980а — *Куркина Л. В.* Заметки по болгарской этимологии // Этимология 1978. М.: Наука, 1980. С. 38–43.
- Куркина 1980б — *Куркина Л. В.* Славянские этимологии // Этимология 1978. М.: Наука, 1980. С. 32–37.
- Куркина 2011 — *Куркина Л. В.* Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Азбуковник, 2011.
- Лаучюте. Сл. балтизм. — *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизм. в славянских языках. Л.: Наука, 1982.
- Лисенко — *Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974.
- Лома 2000 — *Лома А.* Перинтеграција об- > б- као етимолошки проблем // ЈФ. Књ. LVI, св 1/2. Посвећено Павлу Ивићу, 2000. С. 601–623.
- Меркулова 1963 — *Меркулова В. А.* Славянское **-žab-*; праслав. **žarovъjъ* 'высокий, прямой' // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М.: Наука, 1963. С. 72–80.

- Меркулова 1968 — *Меркулова В. А. Торпище* // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 100–102.
- Меркулова 1972 — *Меркулова В. А. Народные названия болезней. II (На материале русского языка)* // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 143–206.
- Меркулова 1977 — *Меркулова В. А. И.-е. *ten-* ‘тянуть, натягивать’, ‘плетсти’ в славянских языках // Этимология 1975, Москва, 1977. С. 52–63.
- Микуцкий 1852 — *Микуцкий С. П. Библиографические записки* // Известия Имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. I. СПб., 1852.
- Михайлова 2013 — *Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, 2013.*
- Младенов ЕПР — *Младенов С. Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София: Христо Г. Данов, 1941.*
- Мокиенко–Никитина БСРЖ — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.*
- Мызников 2021 — *Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия. Опыт комплексного исследования. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.*
- Мызников. Атлас — *Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики в русских говорах Северо-Запада. СПб.: Наука, 2007.*
- Народ. слова — *Народнае слова / Пад рэд. А. Я. Баханькова. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.*
- Нефедова 2001 — *Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: МГУ, 2001.*
- Никончук 1968 — *Никончук М. В. Из лексики полесского села Листвин // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1968. С. 79–92.*
- Никончук 1979 — *Никончук М. В. Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ: Наукова думка, 1979.*
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. (электронный ресурс ruscorpora.ru; дата обращения: 15 января 2016 г.).
- Новг. сл. — *Клевцова А. В., Никитин А. В., Петрова Л. Я., Строгова В. П. Новгородский областной словарь. Вып. 1–13 / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород: НГПИ, 1992–1995 (вып. 1–12); Великий Новгород: НовГУ, 2000 (вып. 13).*

- Носович — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб.: ОРЯС, 1870.
- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.: Наука, 1965–.
- ОЛА 10 — Общеславянский лингвистический атлас. Вып. 10. Народные обычаи. М.; СПб.: Нестор-История, 2015 (серия лексико-словообразовательная).
- ОЛА 13 — Общеславянский лингвистический атлас. Вып. 13. Животный мир (рукопись).
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1852.
- Орёл 1997 — *Орёл В. Э.* Праславянские и восточнославянские этимологии // *Этимология 1994–1996.* М.: Наука, 1997.
- Петлева 1980 — *Петлева И. П.* К этимологии двух древнерусских слов // *Древнерусский язык. Лексикология и лексикография / Ред. Р. И. Аванесов.* М.: Наука, 1980. С. 185–189.
- Петлева 2000 — *Петлева И. П.* Этимологические заметки // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996.* М.: Индрик, 2000. С. 207–209.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: ОРЯС, 1885.
- Преображенский — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А–О) — Т. 2 (П–С). М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910–1914; Выпуск последний (Т–Я) // *Труды ИРЯ.* Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Прокошева 2002 — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: ПГПУ, 2002.
- Псков. сл. — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26 / Редкол.: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глушкина и др. Л.: ЛГУ, 1967–1990 (вып. 1–8); СПб.: СПбГУ, 1994–2016 (вып. 9–26).
- Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск: Наука и техника, 1973.
- Расторгуева–Эдельман ЭСИЯ — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–6–. М.: Восточная литература, 2000–2020–.
- Русская грамматика — *Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова.* Т. I–II. М.: Наука, 1980.

- СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. I–V), И. С. Улукханов (т. VI), В. Б. Крысько (т. VII–XII). Т. I–XII. М.: Русский язык; Азбуковник, 1988–2019.
- Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.
- Седов 1990 — *Седов В. В.* Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 170–182.
- Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 2003–2014.
- Селищев 1951 — *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1951.
- Сергеева 2019 — *Сергеева О. М.* Рус. диал. *взвенье*: возможна ли индоевропейская этимология? // Современное состояние индоевропейского языкознания и санскритологии. Материалы научной конференции, посвященной памяти заслуженного профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Веры Александровны Кочергиной (1924–2018). М.: МЦНМО, 2019. С. 294–296.
- Сергиевский 1952 — *Сергиевский М. В.* Введение в романское языкознание, М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1952.
- Сл. Акад. 1897 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. 2, вып. 1. СПб., 1897.
- Сл. Віцеб. — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны / Рэд. Л. І. Злобін, А. С. Дзядова і інш. Ч. 1–2. Віцебск: ВДУ, 2012–2014.
- Сл. вятск. гов. — Областной словарь вятских говоров / Под ред. З. В. Сметаниной. Вып. 10. Киров: Радуга-Пресс, 2016.
- Сл. донск. гов. — Словарь русских донских говоров. В 3 т. / Авторы-сост. З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др. Т. I–III. Ростов-на-Дону: РГУ, 1975–1976.
- Сл. Калин. обл. — *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.*, Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин: [б. и.], 1972.
- Сл. Кіровоград. — *Громко Т. В., Лучик В. В., Поляруш Т. І.* Словник народних географічних термінів Кіровоградщини. Київ; Кіровоград: РВГІЦ КДПУ, 1999.

- Сл. отфраз. лекс. — *Алексенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И.* Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М.: Азбуковник, 2003.
- Сл. паўночн.-заход. Беларусі — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабярук, Ф. Д. Клімчук і інш. Т. 1–5. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.
- Сл. перм. гов. — Словарь пермских говоров / Сост. Г. В. Бажутина, А. Н. Борисова, И. А. Подюков и др., К. Н. Прокошева, Л. В. Федорова, С. С. Шляхова, Е. К. Мисюра, О. Е. Соловьева. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
- Сл. русск. гов. Алтая — Словарь русских говоров Алтая / Ред. И. А. Воробьева, А. И. Иванова. Т. 1–4. Барнаул: АлтГУ, 1993–1998.
- Сл. русск. гов. Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.
- Сл. русск. гов. Оби. Доп. — Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби (дополнение) / Под ред. О. И. Блиновой и В. В. Палагиной. Ч. I–II. Томск: ТГУ, 1975–1976.
- Сл. русск. гов. Сибири — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. Н. Федорова. Т. 1–3–. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2002–.
- Сл. русск. гов. Средн. Прииртышья — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Ч. 1–3. Томск: Изд-во ТГУ, 1992–1993; Дополнения / Отв. ред. Б. И. Осипов. Вып. 1. Омск: ОмГУ, 1998.
- Сл. русск. гов. Средн. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Т. I–VII. Свердловск: УрГУ, 1964–1988.
- Сл. русск. гов. Средн. Урала. Доп. — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург: УрГУ, 1996.
- Сл. русск. гов. центр. р-ов Красноярского кр. — Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / Под общ. ред. О. В. Фельде, С. П. Васильевой. Т. 1–5. Красноярск: КГПУ, 2003–2010.
- Сл. Русск. Севера — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Т. I–V–. Екатеринбург: РГГУ, 2001–2011–.

- Сл. русск. фраз. — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Сл. укр. мови — Словник української мови. Т. I–XI. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- Сл. Южн. Прикамья — *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. I–III. Пермь: ПГПУ, 2010–2012.
- Слав. древн. — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М.: Международные отношения, 1995–2014.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30 / Гл. ред.: С. Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф. П. Филин (вып. 7–10), Д. И. Шмелев (вып. 11–14), Г. А. Богатова (вып. 15–26), В. Б. Крысько (вып. 27–29), Р. Н. Кривко (вып. 30). М.: Наука (вып. 1–29); М.; СПб.: Нестор-История (вып. 30), 1975–2015.
- Соболевский 1914 — *Соболевский А. И.* Несколько заметок по славянскому вокализму и лексике // Русский филологический вестник. Т. 71. Вып. 2, № 2. Варшава, 1914. С. 431–448.
- Соболевский. Лекции — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка // *А. И. Соболевский.* Труды по истории русского языка. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Соликам. сл. — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. Пермь: ПГПУ, 1973.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912 (стереотип. изд. — М.: ГИИНС, 1958; репринтн. изд. — М.: Книга, 1989).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51– / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–41), С. А. Мызников (вып. 42–51). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019–.
- Ст.-слав. сл. — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, В. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.
- Теуш 2015 — *Теуш О. А.* Севернорусские наименования мест захоронений // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: УрГУ, 2015. С. 268–271.

- Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2002, № 1 (3). С. 112–127.
- Толстая 2011 — *Толстая С. М.* Вокруг *испуга, страха и ужаса* / Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 345–360.
- Толстой 1965 — *Толстой Н. И.* Из географии славянских слов. 3. *правый-левый*; 4. *хорохориться*; 5. *класть* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: Наука, 1965. С. 133–147.
- Топоров 1986 — *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 205–211.
- Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 23–60.
- Топоров 1997 — *Топоров В. Н.* К этимологии др.-инд. *kram-* ‘шагать, ступать’ // Этимология 1994–1996. М.: Наука, 1997. С. 147–165.
- Топоров 2000 — *Топоров В. Н.* Из индоевропейской этимологии VI (1–2) // Этимология 1997–1999. М.: Наука, 2000. С. 172–185.
- Топоров. Прусс. яз. — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. *A–D, E–H, I–K, K–L, L. M.* М.: Наука, 1975–1990.
- Трофимович — *Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь. М.: Русский язык; Бауцен: Домовина, 1974.
- Трубачев 1963 — *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря (проблемы и задачи) // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 159–196.
- Трубачев 1966 — *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М.: Наука, 1966.
- Трубачев 1967 — *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965 (Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам). М.: Наука, 1967. С. 3–81.
- Трубачев 1974 — *Трубачев О. Н.* Наблюдения по этимологии лексических локализмов. (Славянские этимологии 48–52) // Этимология 1972. М.: Наука, 1974. С. 20–41.

- Трубачев 2004 — *Трубачев О. Н.* ‘Молчать’ и ‘таять’. О необходимости семасиологического словаря нового типа // *О. Н. Трубачев. Труды по этимологии. Слово. История. Культура.* Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 311–318.
- Трубачев. Проспект — *Трубачев О. Н.* Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Тупиков — *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных имен. М.: Русский путь, 2004.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973 (= 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV; 3-е изд., стереотип. М.: Азбука-Терра, 1996. Т. I–IV).
- Фурлан 2015 — *Фурлан М.* Праиндоевропейский корень *H₂emǵʰ- ‘вязать’ в славянских языках. К проблеме происхождения в плане относительной хронологии славянского отношения *ǵz- : *(u)ǵz- ‘вязать’ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 4. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2015. С. 333–363.
- Химик БСЭР — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.
- Цыхун 2019 — *Цыхун Г.* Этымалагізацыя гапаксаў у слоўніках славянскіх моў // *Etymologica slavica. Studia etymologiczne poświęcone prof. Francickowi Sławskiemu z okazji setnej rocznicy urodzin* / Red. M. Jakubowicz, S. Pogwizd, B. Raszewska-Żurek. Warszawa: Instytut slawistyki PAN. Fundacja slawistyczna, 2019. S. 357–365.
- Черепанова 1983 — *Черепанова Е. А.* Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья (Опыт семантической классификации) // *Полесский этнолингвистический сборник.* М.: Наука, 1983. С. 173–189.
- Черных² — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд., стереотип. Т. I–II. М.: Русский язык, 1994.
- Шайкевич 2005 — *Шайкевич А. Я.* Русская языковая картина мира в ряду других картинок // *Московский лингвистический журнал.* Т. 8, № 2. М.: РГГУ, 2005. С. 5–21.

- Шведова ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Эдельман 2002 — *Эдельман Д. И.* Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002.
- Эдельман ЭСИЯ — *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 4–6. М.: Восточная литература, 2011–2020.
- Эккерт 1975 — *Эккерт Р.* О значении балтийских языков для славянской этимологии // *Slawische Wortstudien: Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes.* Leipzig, 11–13.10.1972. Bautzen: Domowina, 1975. S. 48–60.
- Элиасов — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.
- ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* Т. 1–14 / Рэд. В. У. Мартынаў (т. 1–8), Г. А. Цыхун (т. 9–14). Мінск: Навука і тэхніка (т. 1–8); Беларуская навука (т. 9–14), 1978–2017–.
- ЭСРЯ МГУ — Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–11 / Под ред. Н. М. Шанского (вып. 1–8), А. Ф. Журавлева (вып. 9–11). М.: МГУ, 1963–2014–.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–42 / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 32–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–42–). М.: Наука, 1974–2021–.
- Юрчанка 1977 — *Юрчанка Г. Ф.* Слова за слова. Устойливыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1977.
- Якушкина. Сербскохорв. лексика — *Якушкина Е. И.* Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география. Дисс. докт. филолог. наук. МГУ. М., 2021 (рукопись).
- Яшкін — *Яшкін І. Я.* Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск: Беларуская навука, 2005.

- Bańkowski — *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1–2. Warszawa: PWN, 2000.
- Bartoš — *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha: Nákladem České Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906.
- Berneker — *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908–1913.
- Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana: SAZU, 1976–2007.
- Boček 2010 — *Boček V.* Studie k nejstarším romanizmům ve slovanských jazycích. Praha: Lidové noviny, 2010.
- Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Boryś 1981 — *Boryś W.* Na tropach słowiańskich reliktyw leksikalnych // RS. T. 42, 1981. S. 25–29.
- Boryś 1996 — *Boryś W.* Słowinske *lqbrac* 'łamac' i pochodne // Collectanea slavica [in honorem Henrici Leeming]. Kraków: Wydawnictwo Oddziału PAN w Krakowie, 1996. S. 191–195.
- Boryś 2007 — *Boryś W.* Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa: SOW, 2007.
- Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927 (стереотип. изд. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1957; 1970).
- Buck — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago: University of Chicago Press, 1949 (репринт. изд. — 1965; 1971).
- Buffa — *Buffa F.* Slovník šarišských nářečí. Prešov: Náuka, 2004.
- Cioranescu — *Cioranescu A.* Diccionario Etimológico Rumano. Fasc. I. Madrid: Universiadal de la Laguna, 1958.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Seš. 1–21. Praha: Academia, 1989–2021.
- Fabián 2009 — *Fabián J.* Slovník nespisovného jazyka valaského. Valašské Meziříčí: Občanské sdružení Valašské Athény, 2009.
- Falk–Torp⁵ — *Falk H., Torp A.* Wortschatz der germanischen Spracheinheit. 5. unveränd. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.
- Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg; Göttingen: C. Winter; Ruprecht, 1955–1965.

- Frisk — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1954–1972.
- Gluhak — *Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: August Cesarec, 1993.
- Havlová 2002 — *Havlová E.* Paluba // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. Roč. 51. A 50, 2002. S. 61–66.
- Hesyh. — *Hesyhius Alexandrinus.* Lexicon. Ed. minor. hgb. M. Schmidt. Jena, 1867.
- Hraste–Šimunović — Čakavisch-deutsches Lexikon / Von M. Hraste und P. Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von R. Olesch. Teil 1–2. Köln; Wien: Böhlau, 1979.
- Hruška — *Hruška J. F.* Dialektický slovník chodský. Praha: České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1907.
- Jungmann — *Jungmann J.* Slovník česko-německý. D. I–V. Praha, 1835–1839.
- Kálal — *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nářečí. Banská Bystrica: Slovenská Grafie, 1924.
- Karłowicz — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1900–1911.
- Karulis — *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Sēj. I–II. Rīga: Avots, 1992.
- Kazmír — *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí. Vsetín: Dalibor Malina, 2001.
- Kluge²¹ — *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21 unveränd. Aufl. Berlin; New York: De Gruyter, 1975.
- Kopečný ESSJ — *Kopečný F.* Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1, 2. Praha: Academia, 1973, 1980.
- Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. I–VII. Praha, 1878–1893.
- Králik — *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015.
- Kroonen — *Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Lausberg 1956 — *Lausberg H.* Romanische Sprachwissenschaft. B. I. Einleitung. Vokalismus. Berlin: Gruyter & Co, 1956.
- Machek¹ — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Academia, 1957.
- Machek² — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha: Academia, 1968 (3-e стереотип).

- изд. — Praha: Academia, 1971; репринт. изд. — Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1997).
- Malina — *Malina I.* Slovník nářečí mistříckého. Praha: ČAVU, 1946.
- Malkiel 1962 — *Malkiel Y.* Etymology and General Linguistics // Word: Linguistic Essays. On the Occasion of the Ninth International Congress of Linguists. Vol. 18, n. 1–2. Cambridge, Massachusetts, 1962. P. 198–219.
- Matejčík 1975 — *Matejčík J.* Lexika Novohradu. Vecný slovník. Martin: Osveta, 1975.
- Matzenauer 1870 — *Matzenauer A.* Cizí slova ve slovanských řečech, Brno: Matice moravská, 1870.
- Matzenauer 1881 — *Matzenauer A.* Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. Roč. 8. Praha: Tiskem dra. Edvarda Grégra, 1881. S. 1–48, 161–208.
- Mažiulis — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. B. 1–4. Vilnius: Mokslas, 1988–1997.
- Meillet 1898 — *Meillet A.* Étymologies arméniennes // MSL. T. 10, fasc. 2, 1898. P. 274–282.
- Meyer-Lübke⁴ — *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. 4. Aufl. Heidelberg: C. Winter, 1968.
- Mikkola 1896 — *Mikkola J. J.* Slavica // IF. Bd. 6. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde, 1896. S. 349–352.
- Miklosich — *Miklosich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886.
- Miklosich. Lexicon — *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. Vindobonae: Guilelmus Braumueller, 1862–1865.
- MStčSl — *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha: SPN, 1978.
- NDÉ³ — *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. 3-e éd. Paris: Larousse, 1964.
- Orel RED — *Orel V.* Russian etymological dictionary. Vol. 1–2. Calgary: Octavia & Co. Press., 2007; Vol. 3–4. Calgary: Theophania Publishing, 2011.
- Orlovský — *Orlovský J.* Gemerský nářečový slovník. Martin: Osveta, 1982.
- Palkovič — *Palkovič K.* Záhorácky slovník. Bratislava: HEVI, 1997.
- Petersson 1913 — *Petersson H.* Slavische Etymologien // AfslPh, 1913. Bd. 34. S. 370–384.
- Petersson 1916 — *Petersson H.* Baltisches und Slavisches. Lund: Gleerup, 1916.

- Petit Larousse²⁵ — *Larousse P.* Petit Larousse. Dictionnaire encyclopédique pour tous. 25-e tirage. Paris: Libr. Larousse, 1966.
- Pfeifer² — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Erarbeitet im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin, unter der Leitung von W. Pfeifer.* 2. Aufl. Berlin, 1993.
- Pfuhl — *Pfuhl Dr.* Łużiski-serbski słownik. Budyšin: Bautzen, 1866.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana, 1894–1895 (стереотип. изд. — Ljubljana: Cankarjeva založba, 1974).
- Podgórcy 2008 — *Podgórcy B., Podgórcy A.* Słownik gwar śląskich. Godomy po naszymu, czyli po śląsku. Katowice: KOS, 2008.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern: Francke, 1959–1969.
- Popowska-Taborska 1993 — *Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wyd. 2., fotogr. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. 1993.
- Profous — *Profous A.* Místní jména v Čechách. D. I–V. Praha: ČSAV, 1947–1960.
- Rejzek — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2001.
- RJA — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* D. I–XXIII, sv. 97. Zagreb: U knjižarnici L. Hartmana; SAZU, 1880–1976.
- Rozwadowski 1912 — *Rozwadowski J.* O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich // RS. T. 5, 1912. S. 1–36.
- Sabaliauskas 1990 — *Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos leksika. Vilnius: Mokslas, 1990.
- Safarewicz 1963 — *Safarewicz J.* Ze związków słownikowych słowiańsko-italskich czasowników // *Studia linguistica in honorem Thadaei Lehr-Spławińskiego.* Warszawa: PWN, 1963.
- Scheftelowitz 1905 — *Scheftelowitz J.* Zur altarmenischen Lautgeschichte // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen.* Bd. 29. Göttingen, 1905. S. 13–71.
- Schuster-Šewc 1–24 — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. Heft 1–24. [Bd. I–IV]. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989.
- SEK — *Boryś W., Popowska-Taborska H.* Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I–V. Warszawa: SOW, 1994–2006.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. J. Kurz.* Sv. 1–4. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1958–1997.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb: JAZU, 1971–1974.

- Sl. sloven. nár. — Slovník slovenských nářečí / Ved. red. I. Ripka. I–II–. Bratislava: Veda, 1994–2006–.
- Sl. stpol. — Słownik staropolski / Nacz. red. S. Urbańczyk. T. I–XI. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1953–2002.
- Sławski — *Sławski Fr.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1983.
- Sławski 1980 — *Sławski Fr.* Praojczyzna Słowian w świetle etymologii // Etnogeneza i topogeneza Słowian. Warszawa; Poznań: PWN, 1980. S. 23–28.
- Sławski. Zarys słowotwór. — *Sławski Fr.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. I–III. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1974–1979.
- Snoj 1997 — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1997.
- Snoj² — *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Druga, pregledana in dopolnjena izdaja. Ljubljana: Modrijan, 2003.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. Fr. Sławskiego. T. I–VIII–. Wrocław; Warszawa; Kraków: PAN, 1974–2001–.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar. D. I–VI. Bratislava: SAV, 1959–1968.
- StčSl — Staročeský slovník / Hl. red. B. Havránek. Sv. 1–26. Praha: ČSAV, 1968–2008.
- Stokes–Bezenberger⁵ — *Stokes W., Bezenberger A.* Wortschatz der keltischen Sprachenheit. 5. unveränd. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.
- Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VII. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976.
- Šašel–Ramovš — *Šašel J., Ramovš F.* Narodno blago iz Roža // Archiv za zgodovino in narodopisje. I–II. Maribor, 1936–1937.
- Šatović–Kalinski 2012 — *Šatović F., Kalinski I.* Riečnik Cerja zagrebeckoga. Zagreb: Pučko otvoreno učilište Sv. Ivan Zelina, 2012.
- Tonnies Fenne's Manual — Tonnies Fenne's Low German Manual of spoken Russian. Pskov 1607. Vol. I. Facsimile copy / Eds. L. L. Hammerich, R. Jakobson; Pref. R. Jakobson, E. van Schooneveld. Copenhagen: Munksgaard, 1961 (The Royal Danish Academy of Sciences and Letters).
- Trautmann — *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. 2-te Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1923.
- Trávníček⁴ — *Trávníček Fr.* Slovník jazyka českého. 4 vyd. Praha: Slovanské nakladatelství, 1952.

- Vaillant. Gram. compar. — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. I–V. Paris; Lyon, 1950–1977.
- Vaillant 1938 — *Vaillant A.* L'ancien nom slave du poisson // *Revue des études slaves.* Paris, 1938. T. 18. P. 3–4.
- Warsz. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa: Nakładem prenumeratorów, 1900–1927 (= Warszawa: PIW, 1952–1953).
- Zaorálek⁴ — *Zaorálek J.* Lidová rčení. 4 vyd. Český Těšín: Academia, 2000.

Список научных трудов Жанны Жановны Варбот

Монографии

1. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М.: Наука, 1969. 232 с.
2. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984. 256 с.
3. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 648 с.

Коллективный многотомный словарь

- 1–13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубочева. М.: Наука, 1974–1987. Вып. 1–13 — отбор и систематизация материалов чешского и словацкого языков.
- 14–42. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубочева (вып. 14–32); А. Ф. Журавлева (вып. 32–39); А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40); Ж. Ж. Варбот (вып. 41–42–). М.: Наука, 1987–2021–. Вып. 14–42 — материалы чешского и словацкого языков; авторский текст — 95,0 п. л.

Статьи, тезисы докладов, доклады

1962

1. Индоевропейское **k̑leu-* // Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1962. Вып. 2. С. 58–70.

1963

2. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Этимология. М.: 1963, Наука. С. 194–212.
3. Слав. **vad-* ‘приучить, привычка, приучение’ // Этимология. М.: Наука, 1963. С. 213–216.

1965

4. Заметки по славянской этимологии (слав. **nagľъjъ*, **naprasъnъjъ*, **pakostъ*, **lězo*, **lězivo*) // Этимология 1964. М.: Наука, 1965. С. 27–43.

1966

5. О словообразовательной структуре этимологических гнезд // Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Международный симпозиум. 24–31 января 1967 г. Тезисы докладов. М.: Наука, 1966. С. 22.

1967

6. О словообразовательной структуре этимологических гнезд // ВЯ, 1967, № 4. С. 67–74.
7. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка) // Этимология 1965. М.: Наука, 1967. С. 82–122.
8. Морфонологический анализ древнерусских корневых имен существительных, соотносительных с глаголами // Этимология 1965. М.: Наука, 1967. С. 123–13

1968

9. Заметки по славянской этимологии (чеш. *perša*, *tropiti*) // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 103–104.
10. Этимология // Русская речь. М.: Наука, 1968, № 4. С. 86–96.

1970

11. Заметки по славянской этимологии (укр. *кочубей*, русск. *настырный*, *измываться*) // Этимология 1968. М.: Наука, 1970, С. 68–78.

1972

12. Заметки по славянской этимологии (слав. **koristъ*, русск. *скряга*, *намокнуть* ‘научиться’, *дроля*, *-начить*) // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 65–84.
13. К реконструкции количественных чередований в некоторых славянских этимологических гнездах // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 55–64.

1973

14. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // Этимология 1971. М.: Наука, 1973. С. 3–19.
15. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах // VII Międzynarodowy Kongres Slawistów. Warszawa, 21–27. VIII. 1973 r. Tezy referatów. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973.
16. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 91–117.

1974

17. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II (**slęŋoti*, **ratiti*, **ridati*, **qlajb*, **prilyka* и **lykadlo*, **zakъlo* и **nakъlo*, **zaqъkъ*, **zaromъ*, **děd(ъk)ъ*, **koropul'a*) // Этимология 1972. М.: Наука, 1974. С. 42–59.
18. Чешские и словацкие этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М.: Наука, 1974. С. 224–232.
19. Этимологические заметки // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1974. С. 37–48.
20. *Лайка* — сорт мягкой кожи // Русская речь. М.: Наука, 1974, № 2. С. 100–102.
21. Какого происхождения слово *орава* // Русская речь. М.: Наука, 1974, № 3. С. 100–103.

1975

22. Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ // Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 1972. Bautzen: Domowina-Verlag, 1975. S. 148–162
23. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III (**ročiti*, **trbati*, *(*s*)*koměti* и *(*s*)*koměz-*, **lojiti* I и II, **zanoviti* и **zanovetъ*) // Этимология 1973. М.: Наука, 1975. С. 23–33.
24. К этимологии русск. диал. *пазгать* (о славянских глаголах с префиксом *pa-*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М.: Наука, 1975. С. 58–64.

25. *Жухнуть* // Русская речь. М.: Наука, 1975, № 3. С. 101–104.
26. Определение значений и этимологизация «темных» редких слов из памятников письменности // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. Вып. 2. М.: [б. и.], 1975. С. 6–10.

1976

27. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IV (**tipati*, **piščati* II и **piščalь* II, **vьrati* и **varati*, **sokorь* и **sočiti* III) // Этимология 1974. М.: Наука, 1976. С. 32–43.
28. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М.: Наука, 1976. С. 114–124.
29. *Подгарок* // Русская речь. М.: Наука, 1976, № 5. С. 157–160.
30. *Трунить* // Русская речь. М.: Наука, 1976, № 6. С. 71–75.
31. Вариантность суффиксальной структуры в однокоренных славянских именах и реконструкция праславянского лексического фонда // ВЯ, 1976, № 6. С. 33–49.

1977

32. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино) // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 255–263.
33. Славянские этимологии (**osetь*; происхождение гнезда слав. **ners-* и некоторые продолжения его в славянских языках; некоторые продолжения слав. **(s)kelb-* / **(s)kolb-*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М.: Наука, 1977. С. 129–140.
34. *Детинец* // Русская речь. М.: Наука, 1977, № 1. С. 80–85.
35. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V (**pručiti* и **prǫčь*; **sьrtati*, **ružiti*, **ružь* и **rǫžь*; **sojiti*; **(sь)klenь* и **(sь)klenь*) // Этимология 1975. М.: Наука, 1977. С. 29–41.

1978

36. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI (**vьrkočь*, **vьrčati*, **vьrkati* / **vьrkati* и **vьrka* / **vьrca*; **piskь* / **piska*; **ščeka*, **gološčekь* / **gološčeka* и **čekati*, **čeka*) // Этимология 1976. М.: Наука, 1978. С. 31–42.
37. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (*жгуль*, *нача*) // Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов. Свердловск: УрГУ, 1978. С. 4–12.

38. Славянские этимологии (**snica*; **vertъje* и **vertěja* 'возвышенность'; **plyтъкъjъ*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М.: Наука, 1978. С. 263–277.
39. К соотношению славянской этимологии и праславянской морфологии (в истолковании сложных имен) // VIII Međunarodni slavistički kongres. Zagreb–Ljubljana. 3–9. IX. 1978. Tezi saopšteni. Zagreb: Međunarodni slavistički centar SR Hrvatske, 1978.
40. К соотношению славянской этимологии и праславянской морфологии (в истолковании сложных имен) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб–Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 105–119.
41. *Бейка* // Русская речь. М.: Наука, 1978, № 2. С. 118–120.

1979

42. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII (**рърkati* (*se*), **рърpati* и *(*po*)*parъ* / **para*; **ščigati*, **ščьgnoti*, **ščigolъ(je)*) // Этимология 1977. М.: Наука, 1979. С. 21–32.
43. Индивидуальность заимствованного слова и системность этимологического изучения заимствований // ZfSl. Bd. 24. L. 1, 1979. S. 150–155.
44. Кашубские этимологии (**рма*; **mězglati* и **měza*; **měkcęc sq*; **káuděr*; **plěša*, **pel*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М.: Наука, 1979. С. 276–284.
45. Русские этимологии // Древнерусский язык. Лексикология и лексикография М.: Наука, 1980. С. 160–167.
46. *Хорохориться* и *хороший* // Русская речь. М.: Наука, 1980, № 1. С. 138–141.
47. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII (**върcati*, **sečati*, **plegti*, **kužati* и **kuža*, **търх-* / **търх-* и **турěti*, **plixati*) // Этимология. 1978. М.: Наука, 1980. С. 19–31.

1981

48. Морфонологическая проблематика в «Этимологическом словаре славянских языков» // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X. М.: Наука, 1981. С. 188–199.
49. О некоторых потенциальных лехитских заимствованиях в русском языке // Этимологические исследования. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 87–91.

50. Еще один тип вторичного аблаута в славянских языках // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М.: Наука, 1981. С. 52–60.
51. Славянские этимологии. (**opoka*; **nadovъсь* и **nadovъсьнь*; **žęžl'ь*; **kobica*, **zakobень* и др.; **xorošъjь* и **xorxoriti se*) // Этимология 1979. М.: Наука, 1981. С. 28–42.
52. Лехитские этимологии (польск. *wnęka*, *wykoprzeć*, кашуб.-словин. *sk^hóbic*, *krąčni*, *óščąkłe*, *pažev*, *gnuza*, *krěvac*, *mířa*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М.: Наука, 1981. С. 317–328.

1982

53. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IX (**zoriti* / **zariti* II; **obsogъ* и **obsožití*; **syknoti*; **rъvънь* и **ruja*; **guzlo*) // Этимология 1980. М.: Наука, 1982. С. 30–36.
54. *Заваруха, завороха и завируха* // Русская речь. М.: Наука, 1982, № 2. С. 151–156.

1983

55. La place des thèmes du present dans la système de la dérivation déverbativе du slave commun // IX Международный съезд славистов. Резюме докладов. М.: Наука, 1983. С. 30–31.
56. Место основ настоящего времени в системе отглагольного словообразования праславянского языка // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, 1983. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 60–76.
57. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. X (**(s)kripati*, **skripъ* и др.; **sōdoma* и **sōdomiti*; **žьrхъ*) // Этимология. 1981. М.: Наука, 1983. С. 16–23.
58. *О'кэй* // Русская речь. М.: Наука, 1983, № 5. С. 145–147.
59. *Ни зги* // Наука и жизнь. М.: Наука, 1983, № 5. С. 118–119.
60. *Пряник* // Голос Родины, 1983, № 29.
61. Об одной фонетической аномалии в славянских языках // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов второй балто-славянской конференции. М.: Наука, 1983. С. 6–7.

1984

62. Чешские этимологии (**nažit vodú*; *věruča* и *závěruča*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М.: Наука, 1984. С. 277–282.

63. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (забайкальские говоры) // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 14–20.
64. Славянские этимологии (чеш. *omat'*; кашуб.-словин. *k^hurtac(sq)* и русск. диал. *к^уртаться*; русск. *курчавый*) // Балто-славянские исследования. 1983. М.: Наука, 1984. С. 102–106.
65. *Ни зги не видно* // Наука и жизнь. М.: Правда, 1984, № 5. С. 140.
66. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21–26 мая 1984 г. Тезисы докладов. М., 1984. С. 5

1985

67. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (*обмои, муторь*) // Диалектография русского языка. М.: Наука, 1985. С. 182–184.
68. Чешские этимологии (**mlovina, povlovny^u, pasáry, papužiti*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М.: Наука, 1985. С. 272–280.
69. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI (**lybŋoti, *těr(ʹ)ati, *tьpati, *vьrskati, *męsnŋoti*) // Этимология. 1982. М.: Наука, 1985. С. 24–33.
70. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XII (**(s)kьrbati* и **kьrban'ь, *kьrbač'ь; *rьlkati; *plęsti* и **priplęty; *sujь; *tružititi*) // Этимология. 1983. М.: Наука, 1985. С. 31–41.

1986

71. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. М.: Наука, 1986. С. 33–40.
72. *Задать лататы* // Русская речь. М.: Наука, 1986, № 1. С. 140–142.

1987

73. Славянские этимологии (слав. **rьvati* и ст.-рус. *повоно*; ст.-слав., др.-рус. (*и)спьнѣти*; ст.-слав. *лѣподръвъъ*) // Slawistyczne studia językoznawcze. Profesorowi Doktorowi F. Sławskiemu w 70. rocznicę urodzin. Wrocław etc., Wyd. PAN, 1987. S. 439–443.
74. *Паскаль, дызнуть, водопеть* // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 201–204.
75. О происхождении русск. *проворонить* // Л. А. Булаховский и современное языкознание. К 100-летию со дня рождения. Киев: Наукова думка, 1987. С. 234–236.

76. Об одном балто-славянском соответствии // Балто-славянские исследования. 1985. М.: Наука, 1987. С. 147–149.

77. *Кавычки* // Русская речь. М.: Наука, 1987, № 5. С. 137–141.

1988

78. Лехитские этимологии (кашуб.-словин. *pátaråk, p^hóstolok*, польск. *przelaj, uszczaby*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М.: Наука, 1988. С. 291–297.

79. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (*создом, мильгамь и мельзуть*) // Этимологические исследования. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 62–65.

80. Кашубские этимологии (*takas, cãšk, ópeplěně*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984. М.: Наука, 1988. С. 266–272.

81. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XIII (**bariti sę* и **baruxati, *barušiti; *kŷrkati; *str^(ʰ)apa* и **str^ʰapiti, *str^ʰapati*) // Этимология. 1985. М.: Наука, 1988. С. 21–27.

82. О семантике и этимологии звукоподражательных глаголов в праславянском языке // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988. С. 66–78.

1989

83. Лехитские этимологии (польск. *krasaki*, кашуб.-словин. *-ščitac, sěrbač*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985–1987. М.: Наука, 1989. С. 259–263.

84. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XIV (**čьlxati* и **kьlpati, *kьltati; *(x)rapati, *(x)rapnōti* и **(x)rapь; *ruta* и **rutina; *pist(v)ati (sę), -iti(sę); *posьkaľь; *piskati* II; **plojьma (/ьba)*) // Этимология 1986–1987. М.: Наука, 1989. С. 55–63.

1990

85. Этимология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 596–597.

86. «Ты солнце в выси мне застишь» // Русская речь. М.: Наука, 1990, № 4. С. 115–117.

87. *Копчик* // Русская речь. М.: Наука, 1990, № 6. С. 101–103.

88. Словник праславянского словаря в диахроническом аспекте // Budalex'88. Proceedings. Papers from the Euralex Third International Congress. Budapest: Akadémiai kiadó, 1990. S. 517–525.

1991

89. О соотношении структурного и семантического аспектов в этимологии // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо». Тезисы докладов. М., 1991. С. 181–186.
90. Словообразовательно-этимологические комментарии к некоторым русским диалектизмам (на материале «Словаря русских донских говоров») // Современные русские говоры / Отв. ред. Ю. С. Азарх. М.: Наука, 1991. С. 169–171.
91. О специфике диалектной этимологии // Русская диалектная этимология. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Свердловск: УрГУ, 1991.

1992

92. К этимологии некоторых славянских прилагательных со значением 'быстрый' I. (праслав. **skorъjъ*, **porъkъjъ*) // Этимология 1988–1990. М.: Наука, 1992. С. 44–49.
93. Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. 38. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1992. S. 234–241.

1993

94. Чешские и словацкие этимологии (*pahýl, turnít*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990. М.: Наука, 1993. С. 166–170.
95. История славянского этимологического гнезда в праславянском словаре // XI Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava: Slovák academic press, 1993. S. 92–93.
96. История славянского этимологического гнезда в праславянском словаре // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Bratislava, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 23–35.
97. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Принципы составления этимологических и исторических словарей различных систем. Тезисы докладов научной конференции. М.: Наука, 1993. С. 4–6.

1994

98. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. II. (прилагательные с корнем **vъ / yrk-*; рус. *сверкать*) // Этимология 1991–1993. М.: Наука, 1994. С. 53–57.

99. К этимологии чеш. *nahraditi* // Wiener slavistisches Jahrbuch. Bd. 40. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1994. S. 141–146.
100. Об этимологии праслав. **pěstovati, pěstunъ* // Slavia. Praha. Ročn. 63, seš. 2, 1994. S. 135–139.
101. *Ряженка* // Русская речь. М.: Наука, 1994, № 4. С. 117–119.

1995

102. Об этимологии глагола *стараться* // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М.: Наука, 1995. С. 77–82.
103. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия Российской академии наук. Серия Отделения литературы и языка. М.: Наука, 1995. Т. 54, № 4. С. 60–65.
104. Праславянские вариантные глагольные основы с корнем **ny-* // Dialectologia slavica. Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна. М.: Индрик, 1995. С. 54–58.

1996

105. К реконструкции и этимологии праслав. **rodьlъ(jь)* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. М.: Наука, 1996. С. 283–287.
106. О загадке красоты грозы // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М.: Индрик, 1996. С. 744–748.
107. О происхождении слова *пентюх* // Словарь. Грамматика. Текст. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 58–61.
108. *Настропалить* // Русская речь. М.: Наука, 1996, № 5. С. 106–108.
109. Славянские этимологии в свете русских диалектизмов // Русская диалектная этимология. Тезисы докладов Второго научного совещания. 7–19 апреля 1996 г. Екатеринбург: УрГУ, 1996. С. 5–6.
110. О специфике диалектной этимологии // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург: УрГУ, 1996. С. 7–17.

1997

111. К этимологии славянских прилагательных со значением ‘быстрый’. III. Типы первичной мотивации // Этимология 1994–1996. М.: Наука, 1997. С. 35–46.
112. К этимологии древнейшего славянского названия бересклета // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Сборник памяти профессора М. Н. Петерсона. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 84–88.

1998

113. О погнзедовой ориентации при реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда // *Prasłowiańszczyzna i jej gozpad*. [Warszawa]: Energeia, 1998. S. 223–229.
114. К славянским обозначениям изобилия и тучности // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. Т. I. М.: Индрик, 1998. С. 34–38.
115. К реконструкции славянской картины мира. Славянские представления о скорости в свете этимологии // XII Międzynarodowy Kongres Słowistów. Kraków, 27. VIII. — 2. X. 1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa: Energeia, 1998. S. 219.
116. Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 115–129.
117. Вост.-слав. **žuxnŋti* ‘блекнуть, сохнуть’ // Полѹтропов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 222–225.
118. Об одном типе народноэтимологического преобразования лексем в русском языке // Международная конференция «Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф. Ф. Фортунатова». Тезисы докладов. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 18–19.
119. К этимологии вост.-слав. **brudi* // Число. Язык. Текст. Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. Минск: БГУ, 1998. С. 41–43.

1999

120. О первичной мотивации праслав. **kъrma* ‘корма’ // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 134–135.
121. Вокруг славянского гумна // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 614–618.
122. Перспективы изучения явления народной этимологии в русской диалектной лексике // Русская диалектная этимология. Третье научное совещание. 21–23 октября 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург: УрГУ, 1999. С. 9–10.

2000

123. К этимологии праслав. **laskati* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. М.: Наука, 2000, С. 194–196.

124. Слав. **pilyнь(jь)* // Балто-славянские исследования. 1998–1999. Т. XIV. М.: Индрик, 2000. С. 24–26.
125. Индоевропейские и праславянские архаизмы в славянских нерегулярных преобразованиях // *Studia etymologica Brunensia 1. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 1999* / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Euroslavica, 2000. S. 45–50.
126. К этимологии праславянского названия инея // *Этимология 1997–1999*. М.: Наука, 2000. С. 12–16.
127. О славянском родстве праславянского глагола **skočiti* // *Славяноведение*. М.: Наука, 2000, № 4. С. 22–24.
128. Дунай в русской народноэтимологической реинтерпретации // *Folia slavistica*. Пале Михайловне Цейтлин. М.: ИСл РАН, 2000. С. 5–9.
129. Этимологические заметки (праслав. **torkati* / **tǫrkati*, **čerbti*, **pǫlkati*) // *ЖФ. Књ. LVI*, св. 1/2. Посвящено Павлу Ивићу, 2000. С. 171–175.

2001

130. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // *Этимологические исследования*. Вып. 7. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 3–8.
131. Из истории Отдела этимологии и ономастики // *Русский язык в научном освещении*. М.: Языки славянской культуры, 2001, № 1 (1). С. 261–264.
132. Словарь В. Даля и современная этимология // *Русский язык в научном освещении*. К 200-летию со дня рождения В. И. Даля. М.: Языки славянской культуры, 2001, № 2 (2). С. 7–13.
133. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. Международный конгресс русистов-исследователей. Москва, МГУ, 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 40.
134. Рассматривая згу... // *Известия Уральского государственного университета*. Серия гуманитарных наук. Т. 20. Вып. 4. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 106–109.
135. Русские диалектизмы в славянской этимологии // *Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания*. Информационные материалы и тезисы докладов Международной конференции (Москва, 30–31 октября 2001 г.). М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 19–20.

2002

136. К этимологии праслав. **sadlo* > рус. *сало* // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 306–307.
137. Алтайские диалектизмы на фоне славянской этимологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. 1 (VII). К 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 314–318.
138. К этимологии некоторых русских диалектизмов (волог. *васко*, ср.-ур. *выспеться*, прииртыш. *забершитъ*, карел. *перепина*, яросл. *бизой*) // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 233–236.
139. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям // *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci Profesora Franciszka Sławskiego*. [Kraków]: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, [2002]. S. 205–208.
140. Из семантического опыта этимологии // Белорусский и другие славянские языки: семантика и прагматика. Материалы Международной научной конференции «Вторые Супруновские чтения». Минск, 28–29 сентября 2001 г. Минск: БГУ, 2002. С. 14–22.
141. К этимологии русск. *кумекать* // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 9–10.
142. Диалектный комментарий к проблеме слияния этимологических гнезд // Аванесовские чтения. Международная научная конференция. 14–15 февраля 2002 г. Тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 49–50.
143. Русские диалектизмы в праславянских реконструкциях // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции. 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 6–7.

2003

144. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. II // RS. Т. 53, 2003. S. 21–25.
145. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. III // Этимологические исследования. Вып. 8. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 3–6.
146. Кашубские этимологии в свете русских диалектизмов (кашуб. **ńeobodni, břętvic sq*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1997–2000. М.: Наука, 2003. С. 123–126.

147. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 343–347.
 148. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. 15–21 августа 2003 г. Люблина. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 49–62.
 149. К типологии взаимодействия этимологических гнезд // *Studia etymologica Brunensia 2. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2002 / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková.* Praha: Lidové noviny, 2003. S. 57–62.
 150. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XV (**ręg(a)ti sę; *pъrgati; *galiti* и **-želъ, **želti; *piskati*) // Этимология 2002–2002. М.: Наука, 2003. С. 23–28.
 151. О возможности реконструкции славянского этимологического гнезда с корнем **gud-* ‘сгибать, хватать, сжимать’ // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы. Информационные материалы и тезисы докладов Международной научной конференции. 21–22 октября 2003 г. М.: МГУ, 2003. С. 62–63.
- 2004**
152. Этимология и нерегулярные изменения в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 14.
 153. Диалектные материалы к русским этимологиям // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М.: Наука, 2004. С. 438–448.
 154. Об одном случае взаимовлияния гетерогенных омонимов // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2000–2002. М.: Наука, 2004. С. 300–301.
 155. О двух сербско-русских лексических соответствиях // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В. П. Гудкова. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 50–52.
 156. К этимологии праслав. **žerti, žьrǫ* ‘жертвовать’ // Сравнительно-историческое и общее языкознание. Сборник статей в честь 80-летия В. А. Кочергиной. М.: Добросвет, 2004. С. 80–83.

157. Об одной словообразовательной модели в гнезде русск. *стать* // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. К 70-летию Федора Павловича Сороколетова. СПб.: Наука, 2004. С. 147–149.

2005

158. Чешские этимологии на фоне русской диалектной лексики // *Verba et historia. Igoru Němcovi k 80. narozeninám*. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2005. S. 381–384.
159. Нерегулярные изменения в языке и этимология (к этимологии праслав. **draziti*) // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. Международная конференция. III Чтения памяти академика О. Н. Трубачева. Тезисы докладов и выступлений. М.: ИРЯ РАН, 2005. С. 26–27.

2006

160. К соотношению формальной и семантической реконструкции в этимологии // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте. V Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. Москва, МГУ, 31 января — 3 февраля 2006 г. Тезисы докладов. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 10–11.
161. О реальности факультативной «дифтонгизации» звука *у* в русских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 23–25 октября 2006 г. М.: ИРЯ РАН, 2006. С. 24–26.
162. Морфологические преобразования в гнезде слав. *stati* и их лексические последствия // *Studia etymologica Brunensia 3. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2005* / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2006. S. 407–412.
163. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. IV // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2003–2005*. М.: Наука, 2006. С. 218–221.

2007

164. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля // Русский язык: исторические судьбы и современность. // III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20 — 23 марта 2007 г. Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 45–46.
165. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XVI // *Этимология 2003–2005*. М.: Наука, 2007. С. 22–25.

166. Этимология и диалектная фонетика // А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения ученого). Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 8–11 июня 2007 г.). М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 11.
167. Программа спецкурса/специсеминара «Введение в этимологию» (для студентов II–III курсов филологических факультетов). URL: https://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_course_II-III.pdf (дата обращения: 11.11.2022).
168. Программа спецкурса/специсеминара // Электронная публикация: «Этимология» (для студентов III–IV курсов филологических факультетов). URL: https://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_course_III-IV.pdf (дата обращения: 11.11.2022).
169. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [в соавторстве с А. Ф. Журавлевым]. URL: https://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 11.11.2022).
170. К этимологии праслав. **město* // Словенска етимологија данас. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 57–65.

2008

171. Русск. диал. и жарг. *стрелка* и русск. *пострел* // Материалы и исследования по русской диалектологии. 3 (IX). М.: Наука, 2008. С. 348–352.
172. К этимологии др.-русск.-цслав. *вазнь* // *Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80. narozeninám Radoslava Večěrky*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. S. 221–224.
173. Факультативная дифтонгизация этимологического *у* в русских говорах // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2008, № 1 (15). С. 98–105.
174. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. 10–16 сентября 2008 г., Охрид. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 84–95.
175. Этимологические заметки к материалам «Общеславянского лингвистического атласа» // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 2006–2008. М.: ИРЯ РАН, 2008. С. 159–162.
176. Рус. диал. *жаровый* ‘высокий, стройный’ (к проблеме смешения этимологических гнезд) // *Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика*. У част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, 2008. С. 109–115.

2009

177. О возможности альтернативного истолкования одного гидронимического гнезда // Балто-славянские исследования. Т. XVIII. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 250–253.
178. Этимология и реконструкция народной духовной культуры // Славянские языки и культуры в современном мире. Труды и материалы. Москва, МГУ, 24–26 марта 2009 г. М.: МАКС Пресс, 2009, С. 147.
179. Из опыта диалектной этимологии // Этнолингвистика. Этимология. Ономастика. Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. Екатеринбург: УрГУ, 2009. С. 41.

2010

180. К проблеме обратимости направления семантических изменений // *Studia etymologica Brunensia 9* / Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2010. S. 361–367.
181. Ситуация не может и не должна усугубляться // Учительская газета, № 7 (10296), 23 февраля 2010 г. С. 11.
182. Чешские этимологии // *Slavia. Ročn. 79, seš. 1.* Praha, 2010. S. 142–146.
183. О некоторых случаях нерегулярных образований и преобразований в диалектной лексике // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее и будущее. К 50-летию научной деятельности С.К. Пожарицкой. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 320–322.
184. Рус. разгов. *сечь* ‘понимать’ — неологизм или архаизм? // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 197–199.
185. Нерегулярные изменения в славянских языках и этимология // Этимология 2006–2008. М.: Наука, 2010. С. 37–51.
186. Русские этимологии на словацко-чешском фоне // *Jazykovedné štúdie. XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie* / Red. P. Žigo. Bratislava: Veda, 2010. S. 79–82.
187. Болгарские этимологии // *Linguistique balkanique* (= Балканско езикознание). Vol. 49, iss. 1–2. Sofia: Institute for Bulgarian Language BAS, 2010. P. 43–47.
188. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. V // *W stulecie Rocznika slawistycznego*. Kraków: Polska akademia umiejętności, 2010. S. 247–253.

2011

189. Функциональные преобразования аффиксов в истории языка // Современная славистика и научное наследие Самуила Борисовича Бернштейна. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г., г. Москва, МГУ. М.: ИСл РАН, С. 202–203.
190. И все-таки др.-русск. *слянуги* реально (к проблеме гапаксов) // Словарь. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 82–84.
191. Функциональные преобразования словообразовательных моделей в истории языка // Общеславянский лингвистический атлас. 2009–2011. М.: ИРЯ РАН, 2011.

2012

192. Еще одна попытка преодолеть страх // Язык и прошлое народа. Сборник научных статей памяти профессора А. К. Матвеева Екатеринбург: УрГУ, 2012. С. 261–266.
193. Словообразовательно-этимологические заметки к материалам «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г. В. Зотова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Международной научной конференции. Екатеринбург. 8–10 сентября 2012 г. Ч. I. Екатеринбург: УрГУ, 2012. С. 162–163.
194. О диалектных дополнениях к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям (к этимологии праславянского **stroǫkъ*) // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М.: ИСл РАН, 2012. С. 296–300.
195. К этимологии ст.-чеш. *trpočiti* // Cesty slov / Ed. P. Nejedlý, M. Vajdlová. Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 2012. S. 260–262.
196. Значение определения производящих основ праславянских лексем для суждения о диалектном состоянии праславянского языка // Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2012. S. 281–290.
197. О возможных дополнениях и коррективах к некоторым праславянским реконструкциям и этимологиям на базе русской диалектной лексики // Theory and Empiricism in Slawonic Diachronic Linguistics. Praha: Lidové noviny, 2012. S. 97–102.
198. Славянские дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям (в.-луж. *čowpać*, кашуб. *zědřec sq*, *zejac*, чеш. *pachorit' sa*,

- словац. *pachoric še*, рус. *хотцы*) // Этимология 2009–2011. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2012, с. 40–44.
199. Проблема русских названий козыря и козырька // Человек о языке — язык о человеке. Сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2012. С. 82–85.
200. К этимологии некоторых болгарских слов (по поводу статей 7-го тома «Болгарского этимологического словаря») // *Linguistique Balkanique* (= Балканско езикознание). Vol. 51, iss. 2–3. Sofia: Institute for Bulgarian Language BAS, 2012. P. 115–120.
201. К этимологии праслав. **strěla* // История языка. Типология. Кавказоведение. Сборник статей, посвященный памяти Г. А. Климова. М.: Наука, 2012. С. 45–49.
202. Русск. диал. *стювать* — праслав. **ščьvati?* // Акцентология. Етимология. Семантика. До 75-річчя академика НАН України В. Г. Склярєнка. Київ: Наукова думка, 2012. С. 177–179.

2013

203. Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 9–16.
204. Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по этимологии // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии. Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 53–56.
205. О смысле славянского молчания // *Slavica Svetlanica*. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 76–79.
206. Об этимологии слав. *ozd / ozda, ozditi* // *Miklosichiana bicentennialia*. Сборник у част двестото годишњице рођења Франца Миклошича. Београд: САНУ, 2013. С. 129–134.
207. О двух потенциальных полонизмах в русском языке // Лингвистический беспредел — 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 282–285.

2014

208. О возможности реконструкции праслав. **prědъkjъ* ‘подвижный, быстрый’ (возвращаясь к Миклошичу) // *Sophia Slavica. Sborník prací věnovaných PhDr. Žofii Šarapatkové k osmdesátým narozeninám*. Brno: Tribun EU, 2014. S. 57–58.

209. Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по этимологии // Stephanos. Мультиязычный научный журнал. М.: МГУ, 2014, № 4 (6). С. 93–99. Сетевое издание. URL: http://stephanos.ru/izd/2014/2014_6_5.pdf (дата обращения: 11.11.2022).
210. Некоторые производные от праслав. **lubъ* // Studia Borysiana etymologica — diachronica — slavica / Pod red. M. Jakubowicz, B. Raszewskiej-Żurek. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN, 2014. S. 43–47.
211. Блр. *збрэзь* в составе вост.-слав. лексико-семантической группы со значением наполненности // Polono-slavica in honorem Maria Wojtyła-Świerzowska / Pod red. L. Bednarczuk, H. Chodurska, A. Mażulis-Frydel. Krakowskie Studia slawistyczne II. Wyd. Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej. Kraków: Impuls, 2014. S. 353–356.
212. Словообразовательно-этимологические комментарии к словарю «Селигер. Материалы по русской диалектологии». Вып. 1–5 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология. М.: ИРЯ РАН, 2014. С. 303–307.

2015

213. Снова о слав. **naprasъnъ(jъ)* // Etymological research into Old Church Slavonic. Proceedings of the Etymological Symposia Brno, 9–11 September 2014, Brno / Ed. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Lidové noviny, 2015. S. 415–420.
214. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. VI // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 4. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2015. С. 126–137.
215. Уже не гапаксы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы III Международной научной конференции. Екатеринбург. 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург: УрГУ. С. 48–51.
216. К этимологии зап.-слав. *toparka* // Jazykovedné štúdie. XXXII. Prirodzený vyvin jazyka a jazykové kontakty / Ed. K. Balleková, L. Králik, G. Muscková. Bratislava: Veda, 2015. S. 2–8.
217. Некоторые русские лексические дополнения и комментарии к статьям «Słownika etymologicznego kaszubszczyzny» // Zeszyty łużyckie. 49. Sorabistyka w kręgu zainteresowań slawistyki. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. S. 1–5.

2016

218. Словообразовательные и семантические комментарии к реконструкции и этимологии некоторых праславянских лексем // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 8. Общесла-

вянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2012–2014. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 136–142.

219. О происхождении глагола *калякать* // Русская речь. М.: Наука, 2016, № 1. С. 13–15.
220. «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд». Проект, реализация, проблемы (к 85-летию со дня рождения академика О. Н. Трубачева) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 75, № 3. М.: Наука, 2016. С. 51–55.

2017

221. Возможный источник слова *кандибобер* / В созвездии слов и имен. Сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут. Екатеринбург: УрГУ. 2017. С. 46–51.
222. Об этимологии словен. *strniti (se)* // Jezikoslovni zapiski. Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine. Т. 23, № 2. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2017. S. 343–345.
223. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. VII // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М.: ИРЯ РАН, 2017. С. 333–337.
224. Об одном чешском производном от *dno* // Etymological Research into Czech. Proceedings of the Etymological Symposium Brno, 12–14 September 2017, Brno. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2017. S. 417–418.

2018

225. Производные от глагола **velkti* в терминологии славянского погребального обряда // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 15. Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2015–2017. М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 162–166.
226. Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград., 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: ИСЛ РАН, 2018. С. 35–40.
227. О специфике семантического взаимодействия продолжений праслав. глаголов **vezti / voziti* и **vęzti* в белорусском и русском языках // In honorem. Сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна. Минск: РИВШ, 2018. С. 48–50.
228. Чешские этимологии // Славянский мир: язык, литература, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной

- 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. 28–29 ноября 2018 г., Москва. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 54–55.
229. Семантика диалектизмов и этимология // Актуальные проблемы русской диалектологии. Материалы Международной конференции 26–28 октября 2018 г. М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 54–55.
230. Вариантность диалектной лексики и этимология // Исследования по славянской диалектологии. 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: ИСл РАН, 2018. С. 130–134.
231. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. VIII // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 18. Этимология. М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 73–79.
- 2019**
232. О происхождении русского *сиволаный* // Славянский сборник: язык, литература, культура. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 35–37.
233. Еще о «съевшем собаку» и зге (семантическое развитие фразеологизмов и лексем, входящих в их состав) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы IV Международной научной конференции. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург: УрГУ, 2019. С. 60–61.
234. О возможных составляющих славянского этимологического гнезда **verb-/*vrb-* // *Etymologica Slavica. Studia etymologiczne poświęcone prof. Franciezkowi Sławskiemu z okazji setnej rocznicy urodzin / Red. M. Jakubowicz, S. Pogwizd, B. Raszewska-Żurek. Warszawa: Instytut slawistyki PAN. Fundacja slawistyczna, 2019. S. 101–104.*
235. О происхождении и семантике праслав. глагола **rekti* и его производного **otъrokъ* // Современное состояние индоевропейского языкознания и санскритологии. Материалы научной конференции, посвященной памяти заслуженного профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Веры Александровны Кочергиной (1924–2018). М.: МЦНМО, 2019. С. 164–166.
236. Об этимологии и семантической истории слав. **kras-* // Славянское и балканское языкознание. Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова. М.: ИСл РАН, 2019. С. 60–64.

2020

237. О некоторой специфике значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах (к теме социально-исторической обусловленности изменения значений) // Русская речь. М.: Наука, 2020, № 3. С. 47–53.
238. Об этимологии праслав. **kastь* // Русский язык в научном освещении. М.: ИРЯ РАН, 2020, № 2 (40). С. 218–221.
239. Заметки по болгарской этимологии (к статьям «Болгарского этимологического словаря») // *Linguistique balkanique* (= Балканско езикознание). Vol. 59, iss. 1. Sofia: Institute for Bulgarian Language BAS, 2020. P. 76–79.

2021

240. К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением 'пахать, копать' на базе русских диалектизмов // Слова, конструкции тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. СПб.; М.: Нестор-История, 2021. С. 149–152.
241. Об одном славяно-иранском лексическом соответствии // Родной язык. Лингвистический журнал. Специальный выпуск, посвященный 90-летию юбилею Джой Иосифовны Эдельман. Исследования коллег, друзей, учеников. М.: Институт перевода Библии, 2021, № 1. С. 231–236.
242. Русские диалектные дополнения к реконструкции чередования гласных в некоторых праславянских глагольных корнях // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской. Материалы Международной конференции 29–31 октября 2021 г. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 41–44.
243. Об одном «темном» звене среди производных от русск. *звено* // Славянское и балканское языкознание. Вып. 21. Палеославистика: лексикология и текстология. К 100-летию Р. М. Цейтлин. Международная коллективная монография. М.: ИСл РАН, 2021. С. 51–55.
244. Об этимологии одной группы севернорусских диалектизмов (по следам В. Даля) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. [Вып. 28], № 2. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 353–357.
245. К семантике и генетическим связям праслав. **tem-/tom-* (на материале восточнославянской лексики) // Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна). Материалы Международной научной конференции, Москва, 12–14 октября 2021 г. М.: [ИСл РАН], 2021. С. 90–94.

246. К вопросу о происхождении праслав. **rǫka* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. [Вып. 30], № 4. М.: ИРЯ РАН, 2021. С. 45–48.
247. Русск. *сбагрить* и *багор* в славянском окружении // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М.: ИСЛ РАН. 2021. С. 142–148.
248. К этимологии слав. **šatriti* / **šetriti* / **šatрати* // Зборник Матице српске за славистику (= Zbornik Matice Srbske za slavistiku). Књ. 100. Нови Сад, 2021. С. 109–114.
249. О болг. *ждрелò* / *жерелò* и его возможных производных (к проблеме нерегулярного словообразования) // **СѢЛAW**. Е-списание в областта на хуманитаристиката за българистични изследвания в периода Х–XXI век. Год. IX. Брой 21. София: Институт за български език, 2021. URL: https://www.abcdar.com/magazine/XXI/Dzl_2021_br21_04_Zhanna_Zh_Varbot-Bg_Jdrelo.pdf (дата обращения: 12.11.2022).

2022

250. Заметки по сербскохорватской этимологии // Славянский мир в настоящем и прошлом. Памяти Владимира Петровича Гудкова. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 47–50.
251. К этимологии праслав. **rana* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы V Международной научной конференции. Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г. Екатеринбург: УрГУ, 2022. С. 51–55.
252. Об этимологии русск. диал. *отроколь* и родственных (к проблеме праславянских диалектизмов) // Лингвистические разыскания. Сборник докладов I и II Международных научно-практических конференций «Добродомовские чтения: язык — история — культура». Москва, 14–15 ноября 2019 г.; Москва, 19 ноября 2020 г. М.: МГПУ, 2022. С. 36–41 (электронное издание сетевого распространения).
253. Славянские диалектизмы как отражение праславянских диалектизмов индоевропейского происхождения // *Jazykovedné štúdie*. XXXVIII. *Slovanské nárečia v čase a priestore*. Bratislava: Veda, 2022. S. 195–197.
254. Об этимологии праслав. **remy, -ene* (К проблеме семантической реконструкции в этимологии) // Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868). Материалы XI Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию. МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–25 ноября 2021 г.

М.: МГУ, 2022. С. 22–24 (электронное издание сетевого распространения; дата обращения: 22.12.2022).

255. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. IX // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб: ИЛИ РАН, 2022. С. 67–71.
256. О семантике славянских существительных с префиксом **na-* (к проблеме влияния отглагольного именного словообразования на отыменное) // Родной язык. Лингвистический журнал. М.: Институт перевода Библии, 2022, № 2. С. 11–16.

Рецензии

1969

1. Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. ČSAV. Ústav jazyků a literatur. Brno, 1966 // Этимология 1967. М.: Наука, 1969. С. 317–318.

1972

2. *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968 // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 374–381.

1975

3. *С. Б. Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974 // Советское славяноведение. М.: Наука, 1975, № 6. С. 118–124.

1978

4. *A. Erchart, R. Večerka*. Úvod do etymologie (Pro bohemisty i ostatní lingvisty). Brno, 1975 // Этимология 1977. М.: Наука, 1978. С. 174–177.

1980

5. Etymologie. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt (Wege der Forschung. Bd. CCCLXXIII). Darmstadt, 1977 // Этимология 1978. М.: Наука, 1980. С. 185–193 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

1981

6. Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy. Praha, 1978 // Этимология 1979. М.: Наука, 1981. С. 179–182 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

1982

7. *R. Eckert. Untersuchungen zur historischen Phrazeologie und Lexikologie des Slawischen und Baltischen. Berlin, 1981 // ВЯ, 1982, № 2. С. 148–151.*

1992

8. *Кари Лиукконен. Восточнославянские отглагольные существительные на -т-. I. Существительные на *-ть / *-та / *-то. Хельсинки, 1987 (= Slavica Helsingiensia, 5) // Этимология 1988–1990. М.: Наука, 1992. С. 193–197.*

1997

9. *W. Boryś, H. Popowska-Taborska. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I. Warszawa, 1994 // Этимология 1994–1996, М.: Наука, 1997. С. 189–194.*

1999

10. *W. Boryś, H. Popowska-Taborska. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. II. Warszawa, 1997 // ВЯ, 1999, № 5, С. 151–157.*

2002

11. *Е. Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000 // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2002, № 2 (4). С. 249–253.*

2010

12. *W. Boryś, H. Popowska-Taborska. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. I–V // RS. T. 60, 2010. S. 189–195.*
13. *Radoslav Večerka a kolektiv: Adolf Erhart, Eva Havlová, Ilona Janyšková, Helena Karliková. Uvedení do etymologie. K pramenům slov. Nakladatelství Lidové Noviny, 2006 // Этимология 2006–2008. М.: Наука, 2010. С. 298–305.*
14. *Л. П. Дронова. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Изд. Томского университета, 2006 // Этимология 2006–2008. М.: Наука, 2010. С. 305–312.*

2015

15. *Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, 2013. 349 с. // Русский язык в научном освещении. М.: ИРЯ РАН, 2015, № 1 (29). С. 283–286.*

16. *Ranko Matasović*. Slavic Nominal Word-Formation. Proto-Indo-European Origins and Historical Development. 2014 // Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. М.: РГГУ, 2015, № 13, ч. 3–4. С. 390–393.

2017

17. *L. Králik*. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015, 700 с. // Словѣне (= Slovĕne). Международный славистический журнал. М.: МПГУ, 2017, Т. 6, № 1. С. 561–564.

2021

18. О роли этимологии в диалектной лексикографии // RS. Т. 70, 2021. С. 251–257. — Рец. на кн.: *L. Králik*. Etymologia a nárečová lexikografia (na materiáli Slovníka slovenských nářečí). Bratislava: Veda, 2021. 175 s.

Предисловие

1. *П. Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М.: Русский язык, 1993. С. 4–7.

Статьи в энциклопедиях

1. Табу // Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 345–346
2. Табу // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 552–553.
3. *Этимологический словарь* // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 641–643.
4. *Этимология* // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 643–647.
5. *Народная этимология* // Русский язык. Энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 377–378.
6. Табу // Русский язык. Энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 762–763.
7. *Этимологический словарь* // Русский язык. Энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 869–872.
8. *Этимология* // Русский язык. Энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 872–875.

Выступления в дискуссиях**1975**

1. Diskussionsbeitrag zum Probeheft «Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache» von H. Schuster-Šewc // Slawische Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen: Domowina-Verlag, 1975. S. 181–183.

1986

2. [Секция языкознание. Подсекция 1. Праславянский язык в кругу других языков. Обсуждение докладов] // IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983 г. Материалы дискуссии. Языкознание. Киев: Наукова думка, 1986. С. 31–32 [вечернее заседание 9 сентября]; 50–51 [дневное заседание 12 сентября].

1988

3. XI. medzinárodný zjazd slavistov. Bratislava, 30. augusta — 8. septembra 1993. Záznamy z diskusie k predneseným referatom. Bratislava: SAV, 1998. S. 85–87; 155–156; 422–424.

2014

4. XV Международный съезд славистов. Заметки и впечатления участников съезда. Ж. Ж. Варбот // Славяноведение. М.: Наука, 2014, № 4. С. 73–74.

Хроникальные обзоры**1967**

1. [Научная жизнь.] Международный симпозиум по проблемам славянских этимологических исследований // Советское славяноведение. М.: Наука, 1967, № 6. С. 104–107.

1979

2. [Научная жизнь. Хроникальные заметки: Международный симпозиум по историческому и этимологическому исследованию славянской лексики (Лейпциг, 14–16 декабря 1977 г.)] // ВЯ, 1979, № 1. С. 154–156 [в соавторстве с В. А. Меркуловой].

2000

3. [Научная жизнь. Хроникальные заметки. Международный этимологический симпозиум «Славянская этимология в индоевропейском контексте» (Брно, 7–9 сентября 1999 г.)] // ВЯ, 2000, № 2. С. 156–159 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

2003

4. [Научная жизнь. Хроникальные заметки. Этимологический симпозиум (Брно, 10–12 сентября 2002 г.)] // ВЯ, 2003, № 2. С. 153–158 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

2006

5. [Научная жизнь. Хроникальные заметки.] Международный этимологический симпозиум [Брно, 6–8 сентября 2005 г.] // ВЯ, 2006, № 2. С. 151–154 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

2007

6. [Научная жизнь. Хроникальные заметки.] Международный научный симпозиум «Славянская этимология сегодня» [Белград, 5–7 сентября 2006 г.] // ВЯ, 2007, № 3. С. 149–153 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

2008

7. [Научная жизнь. Хроникальные заметки.] Международный этимологический симпозиум в Брно [25–28 мая 2008 г.] // ВЯ, 2008, № 6. С. 152–154 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

2011

8. [Научная жизнь. Хроникальные заметки.] Международный симпозиум «Диалектное членение праславянского языка в свете этимологических исследований» [Любляна, 16–18 сентября 2010 г.] // ВЯ, 2011, № 3. С. 148–149 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

2012

9. [Научная жизнь.] Международный этимологический симпозиум «Теория и практика в славянском диахроническом языкознании» [Брно, 6–8 сентября 2011 г.] // ВЯ, 2012, № 3. С. 150–152 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

2015

10. [Научная жизнь.] Этимологический симпозиум «Этимологическое исследование старославянского языка в славянской, индоевропейской и общелингвистической перспективе» [Брно, 9–11 сентября 2014 г.] // ВЯ, 2015, № 3. С. 146–149 [в соавторстве с Л. В. Куркиной].

Юбилейное

1. Дружеские встречи в «полях» и «гнездах» // Об ученом и личном. Юбилейные приношения Светлане Михайловне Толстой. М.: Индрик, 2008. С. 38–39.

Выступления на радио и телевидении

1. Макс Фасмер и этимология (к 60-летию создания «Этимологического словаря русского языка» Фасмера) / Эхо Москвы. Передача «Говорим по-русски». 29 апреля 2018 г. URL: <https://soundstream.media/clip/maks-fasmer-i-etimologiya-k-60-letiyu-sozdaniya-etimologicheskogo-slovarya-russkogo-yazyka-fasmera?ysclid=lag62hkjac844465028> (дата обращения: 14.11.2022).
2. О слове *пошлость* / Настроение. Информационно-познавательный канал на ТВ Центр. Рубрика «Это интересно». 24 июня 2019 г. URL: <https://nastroenie.tv/episode/147443> (дата обращения: 14.11.2022).

Принятые сокращения

Периодические и серийные издания

ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1963.

ВЯ — Вопросы языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1963; М.: Наука, 1964–.

ЈФ — Јужнословенски филолог (= Južnoslovenski filolog). Београд: САНУ; ИСЈ САНУ, 1913–.

РФВ — Русский филологический вестник. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1879–1917.

AfslPh — Archiv für slavische Philologie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1875–1929.

IF — Indogermanische Forschungen. Strassburg: Karl J. Trübner, 1892–1917; Berlin: Walter de Gruyter, 1920–.

MSL — Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Paris: E. Bouillon, 1868–1935; 1990–.

RS — Rocznik slawistyczny. Kraków; Wrocław: G. Gebenther i Spółka, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1908–.

ZfSl — Zeitschrift für Slawistik. Berlin: Akademie-Verlag; Walter de Gruyter, 1956–.

Учреждения и организации

АлтГУ — Алтайский государственный университет

АН СССР — Академия наук СССР

БАН — Българска академия на науките

- БГУ — Белорусский государственный университет
ВГПИ — Вологодский государственный педагогический институт
ВГУ — Воронежский государственный университет
ВДУ — Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
ГИИНС — Государственное издательство иностранных и национальных словарей
ИГУ — Иркутский государственный университет
ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований РАН
ИРЯ РАН — Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
ИСЈ САНУ — Институт за српски језик САНУ
ИСл РАН — Институт славяноведения РАН
КГПА — Карельская государственная педагогическая академия
КГПУ — Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева (с 1993 г.)
КГУ — Красноярский государственный университет (1969–2006)
КДПУ — Криворізький державний педагогічний університет
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
им. А. И. Герцена
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МПГУ — Московский педагогический государственный университет
МЦНМО — Московский центр непрерывного математического образования
НГПИ — Новгородский государственный педагогический институт
НовГУ — Новгородский государственный университет
ОмГУ — Омский государственный университет имени
Ф. М. Достоевского
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Императорской
Академии наук
ПППУ — Пермский государственный педагогический университет
РАН — Российская академия наук
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РГУ — Ростовский государственный университет
САНУ — Српска академија наука и уметности
СВГУ — Северо-Восточный государственный университет
СмолГУ — Смоленский государственный университет
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ — Томский государственный университет
ТюмГУ — Тюменский государственный университет

УрГПУ — Уральский государственный педагогический университет

УрГУ — Уральский государственный университет

ЯГПИИ — Ярославский государственный педагогический институт
им. К. Д. Ушинского

JAZU — Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti

ČAVU — Česká akademie věd a umění

ČSAV — Československá akademie věd

PAN — Polska Akademia Nauk

PIW — Państwowy Instytut Wydawniczy

PWN — Państwowe Wydawnictwo Naukowe

SAV — Slovenská akademie vied

SOW — Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy

SAZU — Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti

SPN — Státní pedagogické nakladatelství

Указатель слов

Праславянский язык

- **blǫgъ* 187
- **blǫkati* 186
- **bojiti* 129
- **bolna* 84, 85, 203
- **bordavica* 83
- **brętviti* 82
- **brukati*/**bruxati* 83
- **bugati* 107
- **bьrlookъjь* 83
- **čerbati* 101, 102
- **čьlpti* 177
- **čьrxati* 188, 189
- **čьrstvъjь* 188, 189
- **dereza* 32
- **dějati* 179
- **draziti* 86
- **dьrzъjь* 31
- **xoriti* 180
- **xorošъjь* 204
- **xotěti* 181
- **jьskra* 191
- **kastъ* 113, 114
- **katiti* 249
- **kazati* 200
- **kaziti* 200
- **kaznъ* 200
- **kl'udъ* 176
- **klepati*/**klopiti* 130
- **klon'a* 130
- **kolmolъ* 162
- **kolmъ*/**kolma* 163
- **kororiti* 103
- **korъbъ* 28
- **korbati*/**korbiti* 101, 102
- **korębati* 193, 194
- **korsta* 165, 166
- **krasa* 110
- **kręčiti*¹ 153
- **kręčiti*² 153
- **кълakъ* 199
- **кърčiti*¹ 154
- **кърčiti*² 154
- **къркъ* 155, 156
- **кърmъ* 200
- **кърtati*/**кърtěti*/**кърtiti* 194, 199
- **къръbъ* 194, 195
- **кълjъ* 186
- **motrošiti*/**motrositi* (*se*) 183, 184
- **mьlčati* 33
- **nabojiti* 129
- **naprasъnъ(jь)* 207, 208
- **naziti* 198
- **obrętviti* 82
- **obritъ* 83
- **o(b)zъdati* 123
- **o(b)zъdъ/a* 123
- **o(b)zъditi* 123
- **osovъjъ* 152
- **otъrokъ* 38
- **rajęzъ* 90
- **pa(je)zъ* 90

*parъ 204
 *pataľ 92
 *patať 92
 *paveža 90
 *pa(v)ozъ 90
 *pěstati/-iti 78
 *plutъ 72
 *plъtъ 72
 *plytъ 72
 *předъkъjъ 157, 158
 *pъxatı 104
 *pъtati 183
 *rana 124–127
 *rektı 37
 *remy, -ene 28
 *rezgati 172
 *rokolъ 170
 *rozga 171–173
 *roka 137–139
 *rukati 175
 *ruxľjъ 190
 *sekti 108
 *skarati 160
 *skorľupa 252
 *skъrlupa 252
 *soga 232
 *sqjezъ 75
 *sq̄tara 227
 *stoliti 197
 *strĕla 188
 *strokъ 117–119
 *stъgna 189
 *stъvati/*šćıjъ 141
 *stъklenъ/ъ 81, 223
 *stъmoniti 133
 *synъti 131
 *šat(ъ)rati/*šat(ъ)riti 143–147
 *šet(ъ)riti 144–147
 *tęti/*tъmq 149, 150
 *tomiti 149
 *tina 105, 106
 *tvorog/*ivarogъ 187
 *vernъ/a 175
 *volkъ 41, 42, 196
 *volna 203
 *vorniti 204
 *vълkъ 42
 *vълovъ(jъ) 185

*vъrbati/-ęti/-iti 135
 *vъrblo 135/136
 *vъrbъca 136
 *vъrlookъjъ 83
 *zакъ 202
 *zudręti 178, 179

Белорусский язык

абалона 84
 вёрбаць 135
 дзіробой 98
 збрэзь 222, 223
 кажан 21
 кáсціць 113
 прыцёміць 150
 скартупка 252
 тўмкаць 233
 цяміць 150

Болгарский

багоря 290, 291
 ждрилі се 236, 237
 ждрія 236
 запършен 204
 луба 215
 пилея 231
 пълюшка 231
 рокол 169, 170
 сбáгря 290–292, 294
 смине са 227, 228
 снўвам (се) 226, 232, 233
 сора/ссóp/a 228, 229
 срѣтам 229, 230
 стрѣка 118
 сўтара 227
 сьгаľ 232
 тўмкам 233

Кашубско-словинский язык

břotv'ic (sq) 82
 lqb'ic 214
 lubic 215
 pob'egli 247
 pob'egnъc 247
 pьvãlk'i 246, 247
 przondki/przonki 157, 157
 sek/seka 248

(*ob*)*skacęc* 248, 249
ęercblo 135, 136
zędęc sę 178
zęjac 179

Лужицкие языки

ęowrac (в.-луж.) 178

Польский язык

brzętwię się 82
kandybura 298
krasaki 111
krasię 111
oblona 84
ozd 123
pataę 91
szatraę / szatrzyę 143, 144
szetrzyę (się) 144
taporka / toporka 238–240
velk 42
wierępa 136
wirzba 136
zęjac 179

Русский язык

багóр 292–294
бáгрень 294
бáгрить 290, 291, 294
бескару́жность 160
блин 192, 193
блуг 186
блúга 186
брит 83
брукáть / брукáть 83
брушítь 83
брякáть 282
бря́цить 82, 282
бугáть 107
вару́ля 204
взвёнить 269, 270
взвёнье 269, 270
вóзды 123
волóвый 184
вóлок 41
воноlá 203
втёмить 150
выпорхáть 104

выскодь 272
выстрелить 188
вытворáживать 187
вычерхнуть 189
говёдник 286–289
говённый 286–289
говетáн 287–289
дёркой 32
жсарóвый 44
забля́кнуть 186
зáйка 280, 281
замúглить 273
затёк 272, 273
заýк 202
зверобóй 98
згáть 55
знóю (дáть) 273, 274
ýскопýть 30
калякáть 255–257
кандиобóбер 295–298
карáбатъ 102
каракóль 97, 98
карáкуля 97, 98
каркаля́стый 98
картítь 199
касть 113
клакí 199
коёк 185, 186
козур 265
козырёк 262–266
козырь 262, 265–266
кой 185, 186
клаки 199
клóпать 130
клóдать(ся) 176
кóлом 163
коломá 163
коломёц 163
коломовье 163
Копорье 103
копотнóй 30
корокóль 97
корть 194
кошёлъ 66
лунуть 66
лякáть 257
меновáть 274

- мина 274
 муть 277, 278
 набенный 129
 на́зить 198
 (на)соба́читься 55
 насто́лить 197
 ная́мить 66
 Ноздрёв 52
 оби́статься 66
 озда́ 123
 око́ломиться 163
 омлён 192
 опоро́кнуть (ст.-русск.) 38
 о́скаряться 193
 о́скарка 191
 осте́гноваться 189
 остере́ять 195
 осу́ржать 175
 отро́каль 168
 отро́коль 168
 па́жа 282
 па́рень 259–261
 па́язь 161
 пи́деры 280
 побежа́лый 247
 погитъ 278
 подсека́ть 108
 подсе́кнуться 108
 подто́мить 150
 пожа́ 282
 покре́мнуть 66
 поо́колмиться 163
 по́рхать 104
 поря́кнуть 138
 потроси́ть 184
 прика́знить 200
 пристру́к 118
 присту́рчить 119
 прити́м 150
 притимиться 150
 прито́м 149
 проворо́нить 204
 проп(о)та́ться 183
 прора́н 125, 126
 прорыше́литься 190
 прядко́й 158
 пязе́нь 275
 разла́нный 276, 277
 ре́згать 172, 173
 реме́нница 29
 розг 172, 173
 ро́знить(ся) 259
 ро́зный 258
 ро́кля 169
 роко́ль 169
 сбáгрить 290, 292
 сдери́хон 66
 сивола́ный 283–285
 скопо́титься 30
 скорлупа́ 251, 252
 смóмнить 133
 смóниться 133
 смону́ть 132, 133
 соба́ку съестъ 54
 сознóб 66
 спора́ть 204
 сто́лить 197
 стюва́ть 141, 142
 стюну́ть 141
 сутя́га 42
 сы́ннуть 131
 теря́ть 195
 тетё́ря 198
 треко́лье 168
 трокóль 168
 ту́мкать 233
 указа́ть 200
 уклóжины 176
 укопорить 103
 укопо́тить 30
 укрятный 201
 укрятчи́вать 201
 упáрить 204
 упрятну́ть 138
 уркі 130
 уркну́ть 130
 ускормо́лить 200
 усто́литься 197
 усы́нок 131
 усы́ннуть 131
 утёмить 150
 утетё́рить 198
 ути́мить 150
 ўхарь 51, 53

ухорѣз 52
 у́хорец 53
 хотѣѣ 180–181
 черкѣть 102
 чувѣться 277
 чърсти, чърху (др.-русск.) 102, 166

Сербскохорватский язык

náprasan / náprasis 208–211
osovan 151, 152
osòvina 151, 152
osòviti 151, 152
pokrečiti 152, 154
šatrâti / šatriti 143
šetrica 219
ulúbiti (se) 213, 214
ušnuti 218, 219
vròem se 135

Словацкий язык

bahor / behor 293
čulpat'sa 177
náchor 180
odrúznut' 259
pachoric še 179, 180
parit'sa 261
šatrit' 143
topárka 238–240

Словенский язык

ozditi 120
strniti (se) 216, 217
šatрати / šatritи 143

Старославянский язык

напраснь 207, 208

Украинский язык

вѣрен 174, 175
вѣрина 174, 175
дїробїи 98

кожѣн 21
оболѣна 84
озпуѣа 121
скорпуна 252
čereste'laca 250
човнтїи 177

Чешский язык

hlčák 245
hlok 245
kolubiti se 214
nácek 244
oblana 84
ozd 123
ozditi 123
pachorit'sa 179, 180
rána 126
skolubiti 214
stolina 197
šatрати / šatritи se 142, 144, 146, 219, 220
topárka 238–240
trpočiti se 241–243
vraniti 204
(vy)kolytat' 244
zhlaň 245

Праиндоевропейский

**er(e)k- / rek- / rok-* 170
 **g^heru-* 49
 **krōs-* 112
 **rezg-* 173
 **stem-* 150
 **steu-* 142
 **tem-* 150
 **trenk-* 118, 119
 **uer-(e)nā* 175

Иранские языки

**karasta* (др.-иран.) 165, 166

Научное издание

Ж. Ж. Варбот

Память славян в словах
Этимологические этюды

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура: «Times». Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 22,5

Тираж 300 экз. Заказ №